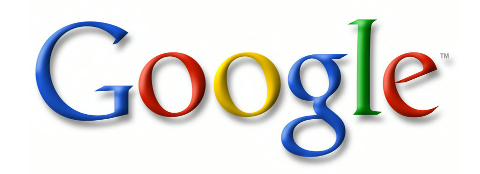
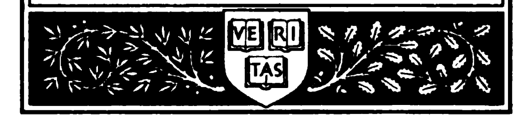
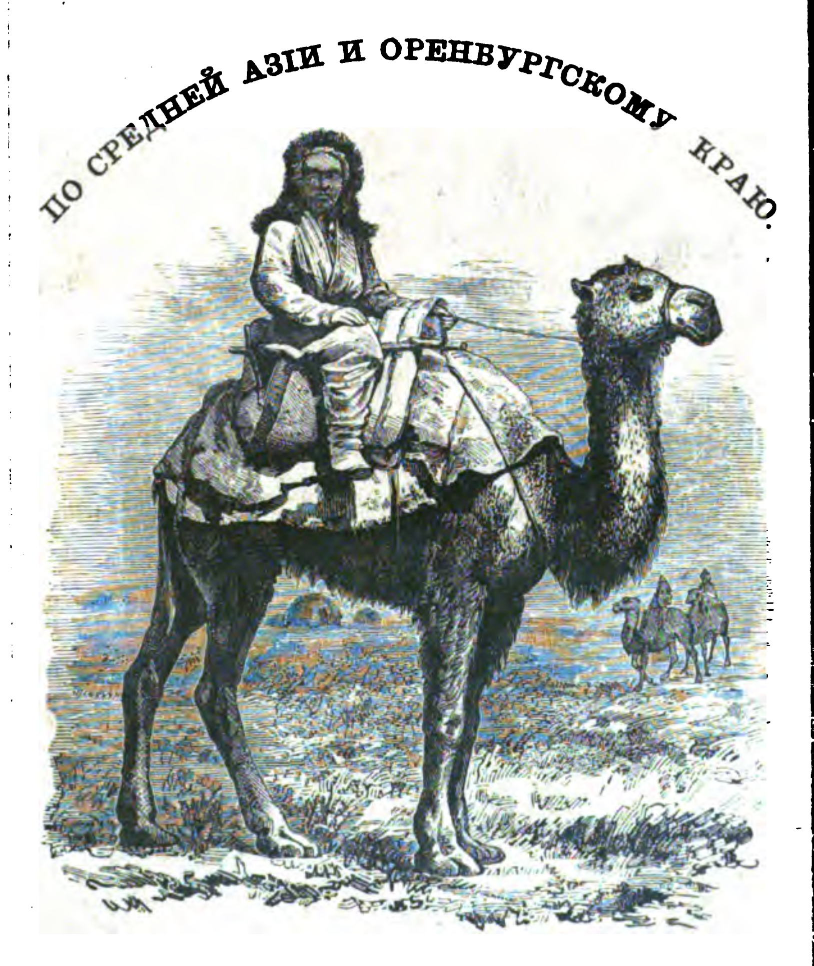



VE RI TAS

М. Н. ГАЛКИНА.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ И ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ

МАТЕРІАЛЫ

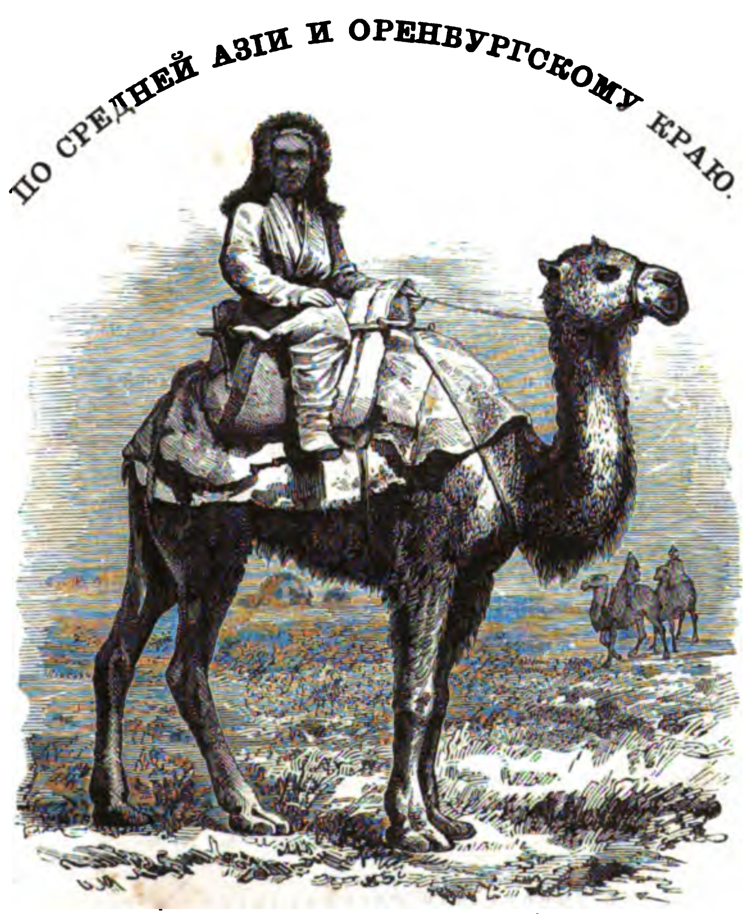
ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ

И ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ.

М. Н. ГАЛКИНА.

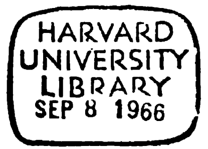
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ И ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЮ.



ИЗДАНІЕ Я. А. ИСАКОВА,
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Іюня 1868 г.



ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И Ко
(Вас. Остр., 3 л., № 44).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

РИСУНКИ:

ПЛАНЫ:

КАРТА:

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Возрастающее для насъ съ каждымъ днемъ значеніе Средне-Азіятскихъ владѣній побуждаетъ насъ, съ согласія автора, издать настоящіе матеріалы, касающіеся сихъ владѣній и сопредѣльныхъ съ ними Киргизскихъ степей Оренбургскаго края.

Разбросанныя до сего по разнымъ повременнымъ, а также ученымъ изданіямъ какъ нашего, такъ и Парижскаго географическихъ обществъ, означенные матеріалы издаются нынѣ съ нѣкоторыми дополненіями, въ общей связи и къ нимъ присоединяются свѣдѣнія, относящіяся до Хивинскаго ханства, а равно нѣсколько видовъ, плановъ и карта.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ продолженіе нашей службы въ Оренбургскомъ краѣ, объѣхавъ значительную часть Киргизскихъ степей, на пространствѣ отъ Урала до Тобола и до средняго теченія Сыръ-Дарьи, находясь при миссіи, слѣдовавшей въ Хиву въ 1858 году и участвовавъ въ экспедиціи, снаряженной въ 1859 году, для обозрѣнія Туркменскихъ степей вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря, мы имѣли возможность ознакомиться съ посѣщенными нами мѣстностями и собрать свѣдѣнія о прилежащихъ къ нимъ странахъ, — согласно чему и составлена нами бо́льшая часть помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ статей; остальныя-же извлечены нами изъ архивныхъ дѣлъ и другихъ переписокъ Оренбургскаго края.

М. Галкинъ.

С.-Петербургъ, Іюнь 1868 г.

О ТУРКМЕНАХЪ

восточнаго прибрежья Каспiйскаго моря [1]).

Предлагаемыя свѣдѣнiя основаны на личномъ обозрѣнiи лѣтомъ 1859 г. нѣкоторыхъ мѣстностей, занимаемыхъ Туркменами, и также на распросахъ туземцевъ.

Руководствомъ, при подобныхъ распросахъ, служили какъ прежде извѣстныя о Туркменахъ свѣдѣнiя по печатнымъ сочиненiямъ, такъ и извлеченныя изъ переписокъ и архивныхъ дѣлъ Оренбургскаго края.

Эти-же свѣдѣнiя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми данными, полученными въ Астрабадскомъ нашемъ консульствѣ, послужили къ составленiю историческаго обозрѣнiя отношенiй Туркменъ къ сосѣднимъ народамъ.

Настоящiя свѣдѣнiя изложены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Очертанiе земель, занимаемыхъ Туркменами; 2) Общая характеристика послѣднихъ, происхожденiе ихъ и дѣленiе на роды; 3) Расположенiе Туркменскихъ кочевокъ и численность народа; 4) Взаимныя отношенiя Туркменъ и отношенiя ихъ къ сосѣднимъ государствамъ: Россiи, Хивѣ и Персiи и 5) Мѣстное управленiе, занятiя и торговля.

Топографическiя данныя, основанныя на съемкахъ и распросахъ, не имѣютъ здѣсь мѣста. Вообще, при состав-

---

[1]) Статья эта удостоена И. Русск. Геогр. Общ. награжд. сер. медалью; въ извлеченiи была сообщена авторомъ Парижскому Географическому Обществу, въ засѣданiи 20 Ноября 1863 года.

ленія предлагаемаго обзора, имѣлись преимущественно въ виду историческія, этнографическія и статистическія свѣдѣнія, на сколько доступны и возможны они въ отношеніи Туркменъ.

Топографія страны, какъ было сказано, не составляетъ предмета этой статьи. Тѣмъ не менѣе, говоря о народѣ, трудно обойти совершеннымъ молчаніемъ земли, занимаемыя имъ. Почему и здѣсь, прежде всего, предстоитъ сообщить, хотя въ общихъ чертахъ, обозрѣніе Туркменскихъ степей, идущихъ далеко на востокъ отъ Каспійскаго моря.

Это послѣднее служитъ единственной, опредѣлительной границей Туркменскихъ владѣній. Будучи народомъ кочевымъ, переходя съ мѣста на мѣсто, соприкасаясь съ народами, одинаково кочевыми, и перемѣшиваясь съ ихъ кочевьями, — Туркмены обусловливаютъ, согласно тому, предѣлы своихъ земель лишь крайними своими кочевьями. Такимъ образомъ, точное указаніе границъ съ остальныхъ 3-хъ сторонъ, особенно съ сѣверной и юго-восточной, весьма затруднительно. Вообще-же принято считать за границы: съ сѣвера полуостровъ Мангышлакъ, съ прилегающими къ нему степями Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, съ востока Аму-Дарью, съ Хивинскими и Бухарскими владѣніями, и съ юга Альбурзскія горы, съ Черною рѣчкою, впадающею въ Каспійское море и отдѣляющею Туркменію отъ Астрабадской области Персіи.

Таковы границы. Что-же сказать о пространствѣ, окаймляемомъ ими? Если судить по личному впечатлѣнію, то оно было одинаково безотрадно вдоль всего Туркменскаго прибрежья. Сначала отъ Тюкъ-Карагана идутъ не высокія, голыя, обрывистыя скалы, теряющіяся въ пустынныхъ пескахъ у Кара-Бугаза. Потомъ возникаютъ подобныя-же горы у Красноводскаго залива. Это послѣдніе отроги горъ Балханскихъ. Они идутъ отъ нихъ изъ глуби степи и то-

нутъ въ водахъ залива. По формѣ своей они нѣсколько разнообразнѣе Тюкъ-Караганскихъ возвышенностей, но столь-же голы и безплодны. Ихъ смѣняетъ низкій, отлогій, совершенно ровный берегъ, неизмѣнно тянущійся до Персидскихъ границъ. Встрѣчные бугры: Зеленый, Бѣлый и Серебряный слишкомъ незначительны и не измѣняютъ общаго однообразія. На всемъ этомъ пространствѣ природа производитъ только гребенщикъ, нѣкоторыя травы, употребляемыя верблюдами и рѣдко гдѣ аксяляу (родъ оржаника). Воздѣланная почва даетъ одни арбузы, дыни и кое-какіе коренья. Хлѣбопашество возможно лишь по берегамъ Атрека и Гюргени, благодаря искусственному орошенію почвы; вообще-же оно весьма незначительно, и такъ какъ начинается на довольно большомъ разстояніи отъ устьевъ, то и здѣсь встрѣчаешь вдоль берега одинаковую дикость природы; къ тому-же камышъ почти запружаетъ устья рѣкъ, и внизъ отъ нихъ, почти сплошь, окаймляетъ берегъ до самой Персидской границы. Но за то какую противоположность представляетъ послѣдняя, богатствомъ природы своей, со столь непривольными Туркменскими степями! Одинъ ужъ Альбурзскій хребетъ, съ вѣчною зеленью лѣсовъ, и эти обильныя пажити и пашни, которыя находишь въ Астрабадской области, поражаютъ путника, лишь переступитъ онъ черезъ пограничную Черную рѣчку. Но не такъ думаютъ Туркмены. Не разъ и ни отъ одного слышалъ я, какъ восхваляли они преимущества своей голой степи передъ лѣсами и горами Астрабадскими. Имъ и дышется привольнѣе въ степи, и манитъ она ихъ своей безпредѣльностью, отсутствіемъ всякихъ преградъ: бѣги, скачи куда хочешь, ничто не остановитъ быстраго бѣга коней. Таковъ взглядъ Туркменъ на свою отчизну и таковы вообще мѣста вдоль восточнаго Каспійскаго прибрежья.

Чѣмъ далѣе въ глубь, тѣмъ еще безплоднѣе становится степь, и по серединѣ ея, согласно показанію Туркменъ, не представляется даже возможности къ лѣтнему кочеванію;

только нѣкоторыя бѣдныя семейства перекочевываютъ туда, съ наступленіемъ холодовъ, но на самое короткое время, для пастьбы немногочисленныхъ своихъ стадъ; вообще-же Туркмены сосредоточиваются на границахъ, по окраинѣ, такъ-сказать, своей степи. Въ этомъ случаѣ только старое ложе Аму-Дарьи служитъ исключеніемъ: вдоль него кочуютъ и лѣтомъ и зимой нѣкоторые аулы. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, по поводу извѣстныхъ предположеній о прежнемъ теченіи Аму въ Каспій, что, по показаніямъ Туркменъ, по всему предполагаемому старому руслу рѣки отъ Балханскаго залива до плотины, устроенной у Хивинскаго города Куня-Ургенча, есть вездѣ, на разстояніи переходовъ, прѣсная вода и что въ половодье Аму, или когда прорывается означенная плотина, воды ея протекаютъ по означенному руслу, на разстояніи верстъ 150, до озера Сары-Камышъ, представляющаго видъ обширнаго разлива.

Туркменскій народъ, населяющій указанныя мѣста, чуждъ всякаго образованія и нераздѣльныхъ съ нимъ понятій о чести, благородствѣ и уваженіи къ праву и посторонней собственности: онъ основываетъ все на удальствѣ и грабежѣ, къ чему побуждается еще крайнею бѣдностью большинства. Наиболѣе отважный изъ Туркменъ пользуется и уваженіемъ и вліяніемъ; власти-же вообще Туркмены не признаютъ и не по принципу, конечно, но по невозможности ея при совершенномъ отсутствіи единодушія и томъ разъединеціи, которыя вкоренились между Туркменскими племенами. Чтобы возбудить первое и уничтожить послѣднее, необходима благоразумная, твердая воля, дѣйствующая съ извѣстной, опредѣленной цѣлью, а этого нельзя ожидать ни отъ одного самаго умнаго и хитраго Туркменина.

Все образованіе Туркменъ ограничивается начальными правилами религіи. Объ исторіи своей они и не думаютъ, и всѣ сказанія древности и разныя преданія, общія всѣмъ народамъ, для нихъ какъ-будто и не существуютъ. А потому излишне было-бы ожидать, чтобы они могли попол-

нить и разъяснить сохранившіяся о нихъ въ исторіи данныя. Все еще, что можно отъ нихъ требовать, на ряду подобныхъ познаній, это перечень различныхъ Туркменскихъ поколѣній, съ ихъ подраздѣленіями; но и перечень эту, служащую за генеалогическую таблицу, не возводятъ Туркмены выше основателей существующихъ главнѣйшихъ Туркменскихъ родовъ, да и по поводу сихъ лицъ теряются они въ различныхъ показаніяхъ: такъ подраздѣляя себя на 13 поколѣній: 1) Ессенъ-Или, 2) Гокланъ, 3) Теке, 4) Ямудъ 5) Ерсары, 6) Салоръ, 7) Саррыкъ, 8) Сакаръ, 9) Уи, 10) Аймакъ, 11) Кара-Дашли, 12) Алъ-Или и 13) Амръ-Или, — нѣкоторые изъ наиболѣе свѣдущихъ Туркменъ показывали, что основателемъ всѣхъ этихъ поколѣній былъ нѣкто Сеюнъ-ханъ, имѣвшій 13 сыновей, давшихъ имена означеннымъ родамъ и что имя этого хана служитъ и до сихъ поръ военнымъ крикомъ «ураномъ» — въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ роды соединяются, для отраженія чужеземнаго, общаго имъ всѣмъ непріятеля, также какъ при междоусобныхъ браняхъ служатъ ураномъ названія самыхъ поколѣній и даже ихъ мельчайшихъ подраздѣленій. Другіе, напротивъ, говорили, что Туркмены происходятъ отъ Узъ-хана, имѣвшаго двухъ означенныхъ сыновей, Ессеня и Сеюнъ- хана, что отъ перваго изъ нихъ произошли Гокланы, вмѣстѣ съ другими Ессеневскими подотдѣленіями, о которыхъ будетъ говорено ниже; а отъ втораго всѣ остальныя 11 поколѣній. Изъ послѣдняго показанія выходитъ, что Гокланы и нѣкоторыя еще Ессеневскія дѣленія получили свои названія отъ родныхъ братьевъ, дѣтей Ессеня; между-тѣмъ были показанія, которыя, напротивъ, утверждали, что Гокланы не происходятъ отъ Ессеня и находятся съ нимъ въ двоюродномъ родствѣ, со всѣми-же другими — въ болѣе отдаленномъ. Таковы различныя показанія, одинаково распространенныя между Туркменами.

Что касается до послѣдующаго родословія означенныхъ 13-ти родовъ, то, по тому-же встрѣченному мною затруд-

ненію въ соглашеніи разнородныхъ показаній, я не рѣшаюсь привести здѣсь родословія всѣхъ 13-ти родовъ, а ограничусь лишь свѣдѣніями, болѣе провѣренными, о родословіи 6-ти изъ нихъ.

А) Ессенъ-Или имѣлъ двухъ сыновей Игдыра и Чаудура и трехъ пріемныхъ: Абдаллу, Бурунчука и Бузачи. Всѣ они дали начало отдѣльнымъ родамъ, носящимъ ихъ названія и подраздѣляющимся, въ свою очередь, на другія подраздѣленія:

а) Игдыръ имѣетъ таковыхъ 2: Кумлы и Кулъ-Даглы. Послѣднее дѣлится опять на 2: Кара и Сары. Отъ Сары произошли: Бектемиръ, Удомишъ, Гечи-Кюсь, Чака и Акъ-Билекъ. Бектемиръ далъ начало Адаку, Ярыму, Тархану и Абдуллѣ. Отъ Адака пошли, Удöкъ и Чаканъ, а отъ Ярыма: Акъ-Ярымъ и Кара-Ярымъ. Къ Удöку и Чакану присоединились, по малочисленности, изъ означенныхъ Бектемировыхъ — къ первому Абдулла, а ко второму Тарханъ. Отъ Чакана идутъ Марка-Чаканъ и Курфе-Чаканъ. Дальнѣйшее-же родословіе Удöка слѣдующее: Анна-Сеидъ, Миришъ, Сары и Куся. У Анна-Сеида было три сына: Багъ-Бекъ, Кушъ-Ніязъ и Удо-Ніязъ. Отъ втораго изъ нихъ произошелъ Ханъ-Кулы и отъ него нынѣшній старшина Удöковцевъ — Мамедъ-Сафа. Наконецъ семья Мириша раздѣлилась на: Дейрикъ, Ходжа-Кулы и Халлага.

б) Чаудуръ дѣлится на Калымъ и Учакъ-Онъ. Первый подраздѣляется на Хамай, Миреке, Милешъ, Хадыръ-Казакъ, Джучуль-Дукъ и Аладжа-Башъ; а 2-й на Дашкы, Егренни, Сараръ, Сефи, Сеидъ, Сукы и Хэмъ.

в) Абдалла имѣетъ 4 подраздѣленія: Дэли, Курбанъ, Угры и Менглы-Ходжа. Всѣ онѣ дѣлятся въ свою очередь: Дэли на Гоктей, Карлаукъ и Исламъ; Курбанъ на Оганышъ, Кызляръ-Генекъ, Чекаръ-Бай и Чалбаръ; Угры на Кутушъ, Мурадекъ, Алынъ и Дуйлатъ;

Менглы-Ходжа на Токмакъ, Акъ-Дуглатъ, Каринчикъ и Юсупъ.

Б. Гокланы. Всѣ распросы объ этомъ племени, въ отношеніи дальнѣйшихъ подраздѣленій его, привели къ двумъ показаніямъ, нѣсколько разнствующимъ между собою. Въ 1-хъ, что оно дѣлится на 7 родовъ: Кой, Баятъ, Кыррыкъ, Кара-Балканъ, Боендиръ, Янгакъ и Сенгрикъ, во 2-хъ на 8-мъ: Бокгача, Кыррыкъ, Кара-Балканъ, Кета, Сенгрикъ, Кызылъ, Янгакъ и Боендиръ. Въ первомъ показаніи есть Кой и Баятъ, взамѣнъ которыхъ во второмъ приведены Бокгача, Кета и Кызылъ. Оба эти показанія отличаются также отъ сообщаемаго барономъ Боде въ его очеркахъ Туркменской земли и юго-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря [1]). Онъ дѣлитъ Гоклановъ на 9 тире (отдѣленій), въ числѣ которыхъ находятся изъ вышеупомянутыхъ Кой, Кыррыкъ (Керрихъ), Кара-Балканъ, Боендиръ (Боиндеръ), Янгакъ и Сенгрикъ (Санкрикъ), и сверхъ того три не встрѣчаемыхъ въ вышеприденныхъ показаніяхъ, именно: Чекеръ-Бегдели, Аркекли и Ай-Дервишъ. Этимъ послѣднимъ свѣдѣніямъ остается, безъ сомнѣнія, дать бóльшее вѣроятіе, такъ какъ баронъ Боде провелъ нѣкоторое время между Гокланами и имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія и повѣрить ихъ на мѣстѣ, тогда какъ я, не встрѣтивъ ни одного Гоклана, долженъ былъ ограничиться распросами объ этомъ родѣ у Туркменъ другихъ родовъ, именно: Ессенъ-Или, Ямудъ, Теке и Ерсары.

Изъ мельчайшихъ подраздѣлій Гокланова рода извѣстны мнѣ таковыя Янгака и Сенгрика. 1-е дѣлится на собственно Янгакъ и Кюты; а 2-е на Ахъ-Шуръ, Кара-Шуръ, и Кушчей.

В. Теке дѣлится на два главныхъ отдѣленія: Утомишъ и Токтамышъ. Первое Утомишъ подраздѣ-

---

[1]) Стр. 92.

ляется, въ свою очередь, на Сычмазъ и Дашъ-Аякъ. Отъ Сычмаза происходятъ: 1) Акъ-Суфи, 2) Ходжа-Суфи, 3) Арабъ, 4) Кызылъ-Гюзъ, 5) Кыръ, 6) Богаджа, 7) Церренъ, 8) Кара-Ахматъ, 9) Букуръ-Дагъ, 10) Кышакъ, 11) Асыкъ, 12) Шефиль, 13) Тюмень, 14) Аладжа, 15) Кюрь, 16) Сагры, 17) Кель, 18) Мюлькаманъ, 19) Берляръ, 20) Кюмси и 21) Серкеляръ, Отъ Дашъ-Аяка: 1) Багшы, 2) Салахлы, 3) Миришъ, 4) Челтекъ, 5) Шу, 6) Кариндчикъ, 7) Минча, 8) Метерь, 9) Курджи, 10) Буркагъ, 11) Султанъ-Азисъ, 12) Туфазъ, 13) Акташъ-Аякъ, 14) Карадашъ-Аякъ и 15) Япланъ. Затѣмъ второе отдѣленіе Теке-Токтамышъ раздробляется на 64 части: 1) Бекъ, 2) Векилъ, 3) Алаша, 4) Кюкча, 5) Харъ, 6) Кунгуръ, 7) Акъ-Кунгуръ, 8) Кара-Кунгуръ, 9) Акъ-Кюкча, 10) Кара-Кюкча, 11) Еръ-Кюкча, 12) Угланларъ, 13) Шейхларъ, 14) Канджыкъ, 15) Юсупъ, 16) Кагшалъ, 17) Бюкри, 18) Кара, 19) Халиль, 20) Харинъ, 21) Ярыкъ, 22) Караджа, 23) Акъ-Юсупъ, 24) Кара-Юсупъ, 25) Тельки, 26) Кара-Юрьме, 27) Дэли. 28) Кефель, 29) Кюръ, 30) Тенгъ, 31) Туклы, 32) Фаръ, 33) Кара-Дамакъ, 34) Чалъ, 35) Асакъ, 36) Уразъ-Мамедъ, 37) Катыларъ, 38) Келясенъ, 39) Аимъ. 40) Багшы, 41) Дукча-Ага, 42) Чалтазъ, 43) Кюфекляръ, 44) Керляръ, 45) Чарыкляръ, 46) Кюселяръ, 47) Мергекляръ, 48) Байсуфи, 49) Гяръ-Учмекъ, 50) Бегляръ, 51) Даналаръ, 52) Ходжикъ, 53) Тершеляръ, 54) Уфакъ, 55) Дюлхляръ, 56) Тугалакъ, 57) Чапланъ, 58) Джугулдукъ, 59) Девляръ, 60) Арлангларъ, 61) Тюраларъ, 62) Мукарребъ, 63) Чубяляръ и 64) Чалфарляръ.

Г. Ямудъ дѣлится на четыре главныхъ отдѣла: Чуни, Шеребъ, Кучакъ-Татаръ и Байрамъ-Шали, которые, въ свою очередь, подраздѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) Чуни:
1) Акъ.
2) Атабай.
3) Дазъ.
4) Батракъ.
5) Машрыкъ.
6) Канъ-Іокмазъ.
7) Икдиръ.
8) Кучакъ.
9) Эймиръ.
10) Кенгирме.

б) Кучакъ-Татаръ:
1) Данрыкъ.
2) Хейведи.
3) Кяке.
4) Керрыкъ.
5) Акъ-Кыррынъ.
6) Кызылъ.
7) Куруме.
8) Мегреме.

в) Шеребъ:
1) Джафарбай.
2) Бага.
3) Елгай.
4) Дюяджи.
5) Каррауй.

г) Байрамъ-Шали:
1) Салокъ.
2) Ушакъ.
3) Укузъ.
4) Урусъ-Кушчы.
5) Кара-Ходжа.
6) Джю-Неидъ.

Изъ отдѣленій Чуни и Шереба, нѣкоторыя имѣютъ еще и свои подраздѣленія, именно: Акъ дѣлится на Саръ-Джали и Гокъ-Джали; Атабай на Дюнчи, Сагне, Сови и Тана̀; Каррауй на Беглеке, Кулакъ, Ельма и Япапъ; наконецъ Джафарбай дѣлится, въ свою очередь, на 2 главныхъ отдѣленія: Яръ-Али и Нуръ-Али, и каждое изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ по 5 дѣленій, называемыхъ Онлуками, именно:

а) Яръ-Али:
1) Ири-Тумаджъ.
2) Уничъ-Тумаджъ.
3) Кызылъ и Саккалы.
4) Арыкъ, Кусели и Кель.
5) Чуккянъ и Burказъ.

б) Нуръ-Али:
1) Ессепъ-Кулы-Кюръ и Кюртъ.
2) Кызылы-Кюрь (Турашлы-Кюрь).
3) Кельте и Караджа.
4) Кариндживъ.
5) Пангъ и Кютекъ.

Изъ этихъ дѣленій Ессенъ-Кули-Кюрь и Кызылы-Кюрь подраздѣляются еще на мельчайшія: 1-е на восемь, а 2-е на четыре.

Къ Джафарбаевскимъ дѣленіямъ сопричисляется еще особый родъ Огурджалы, который, подраздѣляясь на 4 вѣтви, составляетъ 2 Онлука: 1) Герый и Недимъ; 2) Терекме и Семядинъ.

Ямуды считаютъ Огурджалинцевъ пришельцами; дальнѣйшія-же сказанія объ ихъ происхожденіи и откуда взяли они настоящее свое названіе, крайне сбивчивы.

Приведенное названіе «онлукъ» значитъ собственно десятокъ; но, по отношенію этого названія къ роду Джафарбай и присвоенію его каждому изъ 10-ти родовыхъ подотдѣленій, не подраздѣляющихся на 10-ть мельчайшихъ,— слѣдуетъ, кажется, понимать слово «онлукъ» въ смыслѣ 1/10, т. е. десятой части рода Джафарбай. Дѣленіе-же на онлуки Огурджалинцевъ, не объясняемое смысломъ названія, произошло, вѣроятно, безсознательно, по одному лишь примѣру подобнаго дѣленія Джафарбаевъ, къ которымъ они сопричисляются; а подраздѣленіе ихъ на два онлука имѣетъ, безъ сомнѣнія, въ основаніи или сравнительно равную численность съ Джафарбаевскими онлуками, или то, что Герый и Недимъ состоятъ въ родствѣ, а Терекме и Семядинъ считаются, въ отношеніи къ первымъ, пріемными, набранными.

Пріемными-же, или добавочными собственно, какъ называютъ Туркмены,— что указываетъ, какъ-будто на уравненіе онлуковъ,—считаются, въ свою очередь, въ онлукахъ Яръ-Али: Саккалы, Кюсели, Кель и Бурказъ; а въ Нуръ-Алинскихъ: Кюртъ, Кураджа и Кютекъ.

Сами Туркмены не объясняютъ ни собственнаго значенія названія «онлукъ», ни понятія, сопряженнаго съ раздѣленіемъ на онлуки Джафарбаевъ, у которыхъ оно существуетъ.

Не произошло-ли оно отъ обложенія Джафарбаевъ въ прежнія времена податью, подобно тому, какъ теперь со-

бираютъ Персіяне пошлину съ Гоклановъ, не по кибиточно и не со скота, а по отдѣленіямъ, съ каждаго по опредѣленной суммѣ, что предупреждаетъ уменьшеніе сбора, вслѣдствіе откочевокъ?

Д. Ерсары имѣетъ 4 вѣтви: Укъ, Алачъ, Кара и Букеуль. Отъ Ука происходитъ: 1) Инеръ-Башъ, 2) Агыръ-Башъ, 3) Акъ, 4) Агыръ, 5) Девлетша-Кукюмъ, 6) Сагыръ, 7) Куюпли, 8) Кызылъ-Аякъ, 9) Дэнъ-Аджи, 10) Качиръ и 11) Бакыръ. Отъ остальныхъ-же трехъ происходятъ, между прочимъ, отъ Алача: 1) Кара-Тюпе и 2) Чекикъ; отъ Кара: 1) Эрекъ и 2) Чупъ-Башъ; отъ Букеуль: 1) Кыръ и 2) Гяръ.

Е. Саррыкъ дѣлится на: 1) Биръ-Ашъ, 2) Баданенъ, 3) Алача, 4) Барзаки, 5) Кызылъ-Маратъ, 6) Доячи, 7) Кача-Али, 8) Сахты и 9) Канли-Башъ.

Среди всѣхъ означенныхъ Туркменскихъ родовъ, съ ихъ подотдѣленіями, разсѣяны еще четыре совершенно отдѣльные отъ нихъ, производящіе себя отъ первыхъ четырехъ калифовъ: Ходжа, Ата, Шейхъ (Шихъ) и Махтумъ.

Всѣ означенные Туркменскіе роды живутъ преимущественно отдѣльно другъ отъ друга, занимая опредѣленныя зимнія и лѣтнія кочевья. Такъ Ямуды, отдѣленій Кучакъ-Татаръ и Байрамъ-Шали, кочуютъ по восточной границѣ степи, у южныхъ предѣловъ Айбугира, въ окрестностяхъ Хивинскаго г. Куня-Ургенча и вообще по всему протяженію рукава Лаудана. Въ окрестностяхъ Хивинскихъ-же городовъ Ильяды, Ташауса, Порсу и Казавата и также на самой Аму-Дарьѣ, у городовъ Ходжейли и Кипчака, располагаются большинство Игдырцевъ, Чаудурцевъ и Абдальцевъ, всѣ принадлежащіе къ остальнымъ отдѣленіямъ Ессенъ-Или къ Бузачи и Бурунчуку и, въ незначительномъ числѣ, Гокланы, Ерсары и Кара-Дашли. Здѣсь Туркменскія владѣнія имѣютъ видъ черезполоснаго пользованія совмѣстно съ Сартами, Узбеками и другими осѣдлыми и кочевыми племенами Хивинскаго ханства.

Подвигаясь на югъ, встрѣчаешь первоначально Ерсарынцевъ и Сахарцевъ, располагающихся по обоимъ берегамъ Аму; затѣмъ въ направленіи къ Мерву, по верховьямъ р. Мургаба, находишь Сарыковцевъ. Южнѣе-же Мерва, въ Серахсѣ и окрестностяхъ располагаются Салорцы, и тутъ-же, нѣсколько восточнѣе, находишь Туркменъ родовъ Ун, Аймака, Кара-Дашли, Аль-Или и Амръ-Или. Всѣ эти кочевья довольно значительны, но за то и разбросаны они на большомъ разстояніи. Только въ болѣе опредѣленныхъ предѣлахъ Туркменскихъ степей, по сѣвернымъ покатостямъ Альбурзскихъ отроговъ, заселенія Туркменъ представляютъ характеръ болѣе учащенный, имѣющій даже видъ цѣлой укрѣпленной линіи. Я разумѣю многочисленныя кочевья Туркменъ-Теке. Каждый ручей или горная рѣчка, низпадающая съ Альбурзскихъ горъ, служатъ притономъ для ихъ ауловъ, которые, сверхъ того, на случай защиты, имѣютъ еще по крѣпостцѣ. Такихъ крѣпостицъ насчитывается до 47-ми. Названія ихъ слѣдующія: 1) Казылъ - Арбадъ, 2) Кучъ - Ата, 3) Зау, 4) Дженги, 5) Башн, 6) Бюрме, 7) Арчманъ, 8) Сюнча, 9) Мурджа, 10) Вегрезень, 11) Дуранъ, 12) Караганъ, 13) Акъ-Тюпе, 14) Мегинъ, 15) Яраджи, 16) Кяризь, 17) Келеть, 18) Яны - Кала, 19) Акъ - Кала, 20) Гюкъ - Тюпе, 21) Урта - Яйла, 22) Кюмятъ - Яйла, 23) Эзгантъ, 24) Хурмендъ, 25) Шуръ - Кала, 26) Келячара, 27) Баба - Арабъ, 28) Акташъ-Аякъ, 29) Карадашъ-Аякъ, 30) Салаклы, 31) Багшы, 32) Келекъ, 33) Гюрекъ, 34) Кипчакъ, 35) Кюгча, 36) Багыръ, 37) Куши, 38) Ишкабадъ, 39) Каджакъ, 40) Ану, 41) Гевярдъ, 42) Нухуръ, 43) Багла, 44) Нуси, 45) Мерве, 46) Неве и 47) Фарисъ.

На юго - западъ отъ Теке, отъ самыхъ верховьевъ Гюргени до средняго примѣрно теченія ея,—до минарета Гумбедикауса, — живутъ Гокланы; а еще западнѣе этой башни, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, начинаются кочевья Ямудовъ, какъ по правую и лѣвую сторонамъ Гюргени, до бе-

реговъ Кара-Су, такъ и параллельно по р. Атреку, и затѣмъ, вдоль всего морскаго прибрежья до Кара-Бугазскаго пролива, — откуда, далѣе на сѣверъ, идутъ незначительныя кочевья Чаудуровъ, Игдыровъ и Абдалловъ. По Гюргени располагаются сначала Ямуды отдѣленія Кучакъ-Татаръ, потомъ идутъ Байрамъ-Шалинцы и наконецъ разныя подотдѣленія Чуни и Шереба, безъ всякой послѣдовательности, оканчиваясь къ морю кочевьями Джафарбаевъ, которые и занимаютъ преимущественно все указанное пространство, вдоль морскаго берега. Главнѣйшіе аулы ихъ на этомъ протяженіи суть слѣдующіе:

1) Кара-Сингерскій лежитъ почти насупротивъ занятаго нами остр. Ашуръ-Аде (у входа въ Астрабадскій заливъ), въ 4-хъ верстахъ отъ берега; въ немъ до 300 кибитокъ.

2) Серебряно-бугорскій или Гюмишъ-Тюпе, расположенъ при устьѣ Гюргени, въ немъ собирается до 500 кибитокъ, которыя, на время лѣтнихъ жаровъ и бывающихъ въ это время лихорадокъ откочевываютъ въ лежащіе сѣвернѣе — Гассанъ-Кулинскій и всего чаще въ Чикишлярскій аулы, гдѣ климатъ здоровѣе; а осенью, къ зимѣ, и изъ этихъ ауловъ уходятъ болѣе зажиточные Туркмены гораздо сѣвернѣе, ближе къ Балханамъ.

3) Гассанъ-Кулинскій лежитъ на берегу образуемаго р. Атрекомъ залива Гассанъ-Кули. Кибитокъ здѣсь до 300.

4) Атрекскій расположенъ выше устья рѣки, но по берегамъ-же ея, верстахъ въ 20-ти отъ устья, имѣетъ болѣе 300 кибитокъ.

5) Чикишлярскій [1]) расположенъ у самаго моря верстахъ въ 15-ти сѣвернѣе отъ предъидущаго. Имѣетъ слишкомъ 200 кибитокъ постоянныхъ жителей.

---

[1]) Всѣ поименованные аулы получили названія отъ мѣстностей, ими занимаемыхъ. По нимъ, обыкновенно, даются названія auламъ. Только когда сойдутся на одномъ мѣстѣ два аула, то другой носитъ названіе или племени своего, или старѣйшины въ аулѣ — аксакала.

Далѣе, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ незначительнѣе становятся прибрежные аулы. Такъ у Зеленаго бугра было насчитано всего 30 кибитокъ, на Красноводской косѣ, на всемъ ея протяженіи, найдено ихъ 59, а на берегу Красноводскаго залива, у прѣснаго колодца Балкую, всего 12 кибитокъ, которыя перешли потомъ на полуостровъ Дарджу. За то въ лежащихъ отсюда на востокъ Балканскихъ горахъ сосредоточивается до 1,000 кибитокъ и еще на прибрежныхъ островахъ, Челекени и Огурчинскомъ, находится ихъ до 300. Такимъ образомъ всѣхъ кибитокъ на указанномъ пространствѣ не болѣе 3,000. Изъ нихъ 400 принадлежатъ обоимъ онкуламъ Огурджалинскимъ, кибитокъ со 100 Шейхамъ и Махтумамъ, 30 Ерсаринцамъ (20 кочуютъ на Огурчинскомъ, а 10 у Гассанъ-Кали и у Серебрянаго бугра), 20 Игдырамъ располагающимся въ числѣ 15-ти кибитокъ на Челекени и 5-ти по южную сторону Кара-Бугазскаго пролива. Наконецъ всѣ остальныя принадлежатъ собственно Джафарбаямъ и изъ нихъ Яръ-Али располагаются южнѣе Гюргени, а Нуръ-Али, и преимущественно принадлежащія къ подотдѣленію Ессенъ-Кули-Кюрь занимаютъ все пространство сѣвернѣе. Кочевья-же 3-хъ племенъ Ессенъ-Или, располагающіяся по сѣверную сторону Кара-Бугазскаго пролива до Мангышлака включительно, простираются всего до 180 кибитокъ: Игдыровъ отдѣленія Кулъ-Даглы, подотдѣленій Удöкъ и Чаканъ 150, Чаудуровъ одна семья Сары-Ишана, въ числѣ 10 кибитокъ, и Абдалловъ отдѣленій Угры и Менглы-Ходжа 20 кибитокъ. Изъ нихъ Игдыры кочуютъ у Александровскаго форта и при заливахъ Александръ-Байскомъ и Киндерлинскомъ и отъ послѣдняго до Кара-Бугаза въ 4-хъ пунктахъ. На этомъ послѣднемъ пространствѣ сосредоточивается ихъ до 100 кибитокъ. Чаудоры кочуютъ у Александръ-Байскаго залива, а Абдаллы у Александровскаго форта, въ 6—7 верстахъ. У форта же и у Александръ-Баякочуютъ еще Ходжи, въ числѣ 80 кибитокъ. Они живутъ здѣсь съ давнихъ временъ и о нихъ ходитъ слѣдующая легенда: двое братьевъ

выѣхали изъ Мекки въ Хиву, обсемьянились и стали извѣстны за ходжей, и одинъ изъ нихъ, искавъ богатствъ въ торговлѣ, зашелъ на Мангышлакъ; богатства ему не дались, но взамѣнъ нашелъ онъ молодую красивую Киргизску, которая научила его цѣнить и беззаботность жизни, и безпредѣльность здѣшнихъ степей. Отъ нихъ-то и пошли Мангышлакскіе ходжи. Но каково-бы ни было ихъ происхожденіе, они, какъ видно, расплодились очень мало; да и вообще всѣ мѣста сѣвернѣе Кара-Бугаза такъ рѣдко заселены, что на всемъ этомъ пространствѣ не насчитывается и 300 кибитокъ. Между-тѣмъ встрѣчаемые здѣсь и вокругъ Кара-Бугазскаго залива во многихъ мѣстахъ и въ значительномъ числѣ колодцы, обложенные крупнымъ камнемъ и при нихъ, высѣченныя изъ камня-же, корыта для пойла скота, свидѣтельствуютъ о значительности и о довольствѣ бывшихъ тутъ кочевокъ. Число такихъ колодцевъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 50 до 60. Это настоящее царство колодцевъ (Даулети-Чокъ), какъ справедливо прозвали Туркмены.

Откладывая до послѣдующаго изложенія объясненіе причинъ настоящаго опустѣнія здѣшнихъ мѣстъ, обращусь собственно къ вопросу о числительности Туркменъ.

Приведенная выше цифра Джафарбаевскихъ кибитокъ доходитъ приблизительно до 2,500. Округляя ее до 3,000 и даже до 4,000, какъ потому, что нѣкоторые незначительные аулы не вошли въ исчисленіе, такъ еще и въ томъ предположеніи, что нѣсколько Джафарбаевскихъ кибитокъ, хотя въ видѣ исключенія, могли примѣшаться къ другимъ Ямудовскимъ дѣленіямъ, — всетаки, и при такой надбавкѣ, слишкомъ достаточной, далеко не получится еще цифра 12,000 кибитокъ, до которой возводятъ себя Джафарбаи. Между-тѣмъ, по показанію-же ихъ самихъ, они нигдѣ болѣе, кромѣ указанныхъ пространства и мѣстъ, не кочуютъ. Столь явное преувеличеніе числа Джафарбаевъ на двѣ по-крайней-мѣрѣ трети, невольно наводитъ на мысль и о соразмѣрномъ

увеличеніи и даже о произвольномъ показаніи численности всѣхъ остальныхъ туркменскихъ родовъ. Замѣчательно, что Туркмены не измѣняютъ въ настоящемъ случаѣ своихъ показаній: тѣ-же, которыя сообщили въ 1819 году Н. Н. Муравьеву, дали они и въ 1836 году и наконецъ въ 1859 г. Такимъ образомъ не остается-ли воспользоваться мыслію Артюра Конолли, что неопрятная жизнь Туркменъ, крайности въ климатѣ, отсутствіе медицинскихъ пособій и проч.— содѣйствуютъ тому, что народонаселеніе ихъ не умножается [1]); принявъ-же во вниманіе приведенный примѣръ несравненно меньшаго въ дѣйствительности числа Джафарбаевъ, останется провести эту мысль до того крайняго предѣла, что народонаселеніе ихъ постепенно и значительно уменьшается. Съ своей стороны, я не менѣе того убѣжденъ, что Туркмены постоянно преувеличивали свои показанія, какъ по сродному Азіятцамъ хвастовству, такъ и по отсутствію яснаго понятія о самой численности, трудно примѣняемой къ кочевымъ народамъ, — почему и склоняюсь охотно на сторону свѣдѣній, сокращающихъ туркменскія цифры.

Достаточно сослаться на А. Борнса [2]) и г. Ферье, который въ описаніи своего странствія [3]) чрезъ Персію въ Гератъ упоминаетъ также о численности нѣкоторыхъ туркменскихъ родовъ. Оба они значительно сокращаютъ туркменскія показанія, именно:

	Согласно показанію Туркменъ,	Ферье,	Борнса:
Гокланъ . . .	40,000.	12,000.	9,000.
Теке	50,000.	35,000.	40,000.
Ямудъ. . . .	40,000.	25,000.	20,000.

---

[1]) Conolly: Journey to the north of India, overland from England, through Russia, Persia and Affghaunistaun. Vol. I. p. 162. Second edition. 1838.

[2]) Путешествіе въ Бухару и пр. въ 1831, 32 и 33 гг.

[3]) Англійское изданіе Дэнби-Сеймура.

Соразмѣрное сокращеніе слѣдуетъ распространить и на всѣ остальные туркменскіе роды. Въ общемъ-же числѣ народонаселеніе свое возводятъ Туркмены до 350,000 кибитокъ или до 1.750,000 душъ обоего пола, такъ какъ на каждую кибитку принято обыкновенно считать по пяти душъ обоего пола.

Я имѣлъ уже случай говорить выше о расположеніи туркменскихъ кочевокъ, разбросанныхъ по границамъ степи. Этимъ самымъ обусловливается и неизбѣжность, и близость отношеній ихъ къ сосѣднимъ государствамъ. Многіе туркменскіе роды живутъ гораздо отдаленнѣе другъ отъ друга. Эти послѣдніе только и дружны между собою; всѣ-же остальные, соприкасающіеся въ своихъ кочевкахъ, находятся въ постоянной враждѣ. Такъ мнѣ указывали на пріязнь Ессеневцевъ и Гоклановъ и на постоянную междоусобицу послѣднихъ съ ихъ сосѣдями Теке и Ямудами. Туркменинъ завистливъ: увидитъ гдѣ-нибудь, по близости своихъ мѣстъ, красивую лошадь, хорошихъ верблюдовъ, стадо овецъ или другаго скота, и ему не терпится, онъ только и думаетъ, какъ-бы забрать скорѣе то и другое въ свои руки. Тутъ выходятъ на сцену всѣ удальцы, имъ помогаетъ цѣлый аулъ, на него возстаетъ другой; наконецъ за аулами слѣдуютъ роды, и такъ идетъ нескончаемая вражда, лишающая народъ всякой правильной жизни. Въ настоящее время Теке воюютъ съ Саррыковцами. Не надѣясь на успѣхъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ Текинскихъ хановъ, кочующій у Кызылъ-Арбата, близъ границъ Персидскихъ, Нуръ-Берды, обращался къ прикаспійскимъ Ямудамъ, съ предложеніемъ мира и просьбой о помощи. Не получивъ-же ея, не оставитъ, конечно, отмстить ближайшимъ Ямудовскимъ ауламъ. Такимъ образомъ и не перестаютъ разноситься по степи тѣ обычные военные крики Туркменъ, которыми сзываютъ они своихъ родовичей и одноаульцевъ, для отраженія общаго имъ непріятеля. И эти крики, именуемыеураномъ, доходя до са-

ныхъ отдаленныхъ ауловъ, возбуждаютъ и въ нихъ желаніе подобной отваги.

Таковы въ общихъ чертахъ отношенія Туркменскихъ родовъ между собою.

Несравненно сложнѣе отношенія ихъ къ сосѣднимъ государствамъ.

Въ началѣ минувшаго столѣтія, когда собственно начались прямыя и постоянныя сношенія Туркменъ съ Россіей, кочевавшіе на Мангышлакѣ и по сю строну Кара-Бугаза Туркмены находились съ сѣвера въ сосѣдствѣ съ Калмыками, значеніе которыхъ при управлявшемъ тогда ими ханѣ Аюкѣ постепенно усиливалось.

При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ отношенія Туркменскихъ родовъ между собою оказываются далекими всякой пріязни, трудно предположить совершенно мирныя отношенія ихъ къ народамъ иного происхожденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, можетъ имѣть преимущество одна сила. Калмыки оказались сильнѣе Туркменъ, и послѣдніе должны были смириться передъ ханомъ Аюкою, принявшимъ передъ тѣмъ подданство Россіи. Къ тому удачное ограбленіе Калмыками двухъ, трехъ Туркменскихъ каравановъ, шедшихъ изъ Хивы съ хлѣбомъ, заставило Туркменъ искать и непосредственно, помимо Аюки-хана, покровительства нашего отечества, съ цѣлію получать изъ Астрахани хлѣбъ для продовольствія. Въ этихъ, по-крайней-мѣрѣ, видахъ посылали они, въ царствованіе Петра Великаго, въ Астрахань ходжу Нефеса. Онъ-же, какъ извѣстно, предлагалъ завоевать Хиву, съ помощію Туркменъ, и распространялъ толки о золотомъ пескѣ по Аму-Дарьѣ и о возможности направить воды ея, по-прежнему, въ Каспійское море. Хивинскій посланецъ, въ свою очередь, предлагалъ въ это время устроить укрѣпленіе у стараго устья Аму.

«Всѣ сіи объявленія — говоритъ Голиковъ — казались попечительному о благѣ отечества Государю весьма важными. Проницаніе Его видѣло, что если и не найдется искомое зо-

лото, то по-крайней-мѣрѣ, найденъ будетъ способъ къ полученію онаго, посредствомъ торговли, чрезъ тѣ страны, съ самою Индіею.» Такимъ образомъ и были снаряжены отъ насъ 2 экспедиціи на восточный берегъ Каспійскаго моря, одна за другой, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго. Во все продолженіе ихъ Туркмены вели себя съ возможной предупредительностью: доставляли необходимыя перевозочныя средства, содѣйствовали возведенію нами па берегу двухъ укрѣпленій, участвовали въ розысканіи стараго русла Аму и проч. Самъ-же Аюка-ханъ, во время поѣздки Бековича съ восточнаго прибрежья въ Хиву, услышавъ о неблаговидныхъ замыслахъ тамошняго правительства противъ Россіи, не разъ предупреждалъ объ этомъ, прося довести до свѣдѣнія Государя и говоря «какъ-бы худа какого не было» [1]); когда-же «худо» это постигло Бековича, то Туркмены не могли устоять отъ искушенія и хотѣли было взять возведенную нами въ Красноводскѣ крѣпостцу, сдѣлавъ нападеніе на нее и съ суши, и съ моря [2]). Тогда ужъ стало ослабѣвать вліяніе Аюки-хана, тѣснимаго въ свою очередь, съ востока Киргизами Малой-Орды, которые наконецъ и заняли кочевья Калмыковъ, перешедшихъ въ Астраханскую губернію, а также мѣста тѣхъ нѣсколькихъ сотенъ кибитокъ Туркменскихъ родовъ Игдыръ и Чаудуръ, которые, перебравшись на западный берегъ Каспія, поселены были на Кавказско-Астраханскихъ степяхъ. Новые кочевники эти — подкочевавшіе Киргизы — наслѣдовали, своимъ предшественникамъ, Калмыкамъ, въ преобладающей силѣ надъ Туркменами. Сохранившіяся извѣстія указываютъ, по-крайней-мѣрѣ, на опредѣленіе нашимъ правительствомъ въ ханы Туркменъ, по просьбѣ послѣднихъ, одного Кир-

---

[1]) Попова: сношенія Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ, стр. 1—22.

[2]) Дѣло Московскаго Сенатскаго архива объ отправленіи князя Бековича-Черкасскаго на Каспійское море и въ Хиву.

гизскаго султана Пиръ-Гали Нураліева [1]) и на то, что Туркмены держались въ то время вообще въ отношеніи хановъ Малой Орды въ нѣкоторомъ, какъ-будто, подчиненіи, напр., поздравляя султана Нурали со вступленіемъ на ханство, по смерти Абулъ-Хаира, обѣщались быть ему послушными и вѣрными Ея Императорскому Величеству [2]).

Обстоятельство это относится къ 40-мъ годамъ минувшаго столѣтія, и съ этихъ поръ начинается цѣлый рядъ постоянныхъ и дѣятельныхъ сношеній Туркменъ съ нашимъ правительствомъ.

Не стану пересчитывать здѣсь всѣхъ бывшихъ Туркменскихъ депутацій съ изъявленіемъ подданства Россіи и ходатайствомъ объ устройствѣ укрѣпленій, доставленіи хлѣба, вообще о заведеніи торговли и проч. [3]) Не буду говорить и о мѣрахъ, принимавшихся съ нашей стороны втеченіи цѣлаго почти столѣтія: всѣ онѣ имѣли болѣе или менѣе общій характеръ изслѣдованія разныхъ береговыхъ мѣстностей. Упомяну только о двукратной командировкѣ въ край въ 1819 и 1821 гг. Н. Н. Муравьева (Карскаго), издавшаго замѣчательное описаніе перваго своего путешествія. Затѣмъ, въ 1833 году, было возведено нами укрѣпленіе въ заливѣ Мертвомъ-Култукѣ, которое впослѣдствіи, въ 1855 году, было переведено на Мангышлакскій полуостровъ. Изслѣдованія-же остальнаго восточнаго Каспійскаго

---

[1]) Дѣло пограничнаго отдѣленія канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора по просьбѣ Туркменъ о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи (1833 г.).

[2]) Вельяминова-Зернова: Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ Томъ 1, стр. 6.

[3]) Подробныя объ этомъ свѣдѣнія находятся у г. Бларамберга въ запискѣ о Туркменскихъ поколѣніяхъ со времени вступленія ихъ въ сношеніе съ Русскимъ правительствомъ (записки И. Р. Географ. Общества, кн. IV. стр. 96—103) Дополненіемъ къ ней могутъ еще служить стр. 27, 28 и 29 1 й части путешествія по востоку г. Березина.

прибрежья заключились экспедиціею 1859 года, въ которой я имѣлъ честь участвовать.

Между-тѣмъ, впродолженіи столь долгаго времени, произошли значительныя перемѣны въ судьбѣ Мангышлакскихъ и ближайшихъ къ Кара-Бугазу Туркменъ.

Въ ожиданіи какихъ-либо рѣшительныхъ съ нашей стороны мѣръ, междоусобицы сосѣднихъ Киргизъ и Туркменъ, выражающіяся барантами и уводомъ людей въ неволю, продолжались съ одинаковымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ. Когда ослабѣвала одна сторона, этимъ постоянно пользовалась другая и на оборотъ. Наконецъ Туркмены признали за лучшее удалиться къ хивинскимъ предѣламъ. Затруднительность-ли доставать оттуда хлѣбъ, при объясненномъ положеніи дѣлъ, отсутствіе-ли возможности отдаленнѣйшимъ отъ форта нашего на Мангышлакѣ продовольствоваться изъ Астрахани, или вообще сознаніе въ безсиліи своемъ передъ Киргизами побудили къ этому Туркменъ — нельзя сказать утвердительно; но дѣло въ томъ, что всѣ мѣста до Кара-Бугаза и вокругъ его опустѣли почти совершенно и только у самаго форта и отъ него вдоль берега до Кара-Бугаза осталось до 260 Туркменскихъ кибитокъ. Впрочемъ послѣ принятыхъ въ 1858 г. мѣръ къ примиренію Киргизъ-Адаевцевъ и Чумичлы-Табынцевъ съ Туркменами, есть надежда, какъ сказывали мнѣ оставшіеся на означенныхъ мѣстахъ Туркмены, что значительная часть изъ кочевавшихъ тутъ возвратится на свои прежнія родныя мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ уже присылали развѣдать отъ соплеменниковъ о возможности вернуться на родину.

Вслѣдствіе этихъ-же мѣръ, ханъ Туркменъ, кочующихъ на хивинской границѣ, Ата-Муратъ, мехтеръ его и 32 человѣка почетнѣйшихъ лицъ присылали лѣтомъ 1858 года письма къ султану-правителю западной части Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, съ изъявленіемъ съ своей стороны желанія прекратить вражду и съ предложеніемъ возвратиться въ совершенное подданство Россіи, съ тѣмъ, чтобы

имъ были отведены мѣста поотдаленнѣе отъ Хивы, по берегу Каспійскаго моря, такъ какъ, убивъ трехъ хивинскихъ хановъ, они не надѣялись жить въ хорошихъ отношеніяхъ съ Хивою [1]).

Тоже самое подтвердили и посланные отъ Ата-Мурата, представлявшіеся главному начальнику края, Александру Андреевичу Катенину, лѣтомъ того-же 1858 года, на р. Эмбѣ.

Впослѣдствіи, весной 1859 года, предлагалъ Ата-Муратъ, совмѣстно съ отложившимся отъ Хивы Узбекомъ Мухаммедъ-Фаною занятый имъ хивинскій городъ Кунградъ и устья Аму во власть нашего отечества.

Дальнѣйшія подробности, какъ по этому обстоятельству, такъ и по объясненному убійству 3-хъ хивинскихъ хановъ, найдутъ себѣ мѣсто при обозрѣніи отношеній Туркменъ къ Хивѣ.

Что-же касается собственно до Туркменъ, кочующихъ нынѣ на пространствѣ отъ нашего Александровскаго форта до Кара-Бугаза, то они считаютъ себя Русскими подданными и довольно покорно повинуются коменданту форта.

Занимаясь почти исключительно рыболовствомъ и не имѣя своего хлѣба, они получаютъ его и нѣкоторыя другія домашнія надобности, въ обмѣнъ на рыбу, отъ Армянъ Александровскаго форта. Рыбу эту Туркмены никуда, кромѣ Россіи, сбывать не могутъ, другихъ-же прибыльныхъ занятій не имѣютъ, и одно уже это обстоятельство, при ихъ всеобщей бѣдности, служило и служитъ достаточнымъ ручательствомъ покорности ихъ намъ. Какъ ни злоупотребляютъ въ торговлѣ съ ними означенные Армяне, Туркмены принуждены брать хлѣбъ по какой-бы то ни было цѣнѣ, отдавая взамѣнъ рыбу по самой дешевой.

Кочующіе южнѣе Кара-Бугаза, Туркмены-Ямуды не по-

---

[1]) Дѣло канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго Генералъ-Губернатора о примиреніи Киргизъ съ Туркменами.

ставлены въ эту необходимость, имѣя своими житницами Атрекъ и Гюргенъ и возможность добыть всегда хлѣбъ изъ Персіи и даже изъ Хивы, по кратчайшему съ ней изъ Красноводска сообщенію, не опасаясь въ этомъ случаѣ столкновенія съ Киргизами, такъ далеко не заходящими. Настоящее обстоятельство ставитъ этихъ Туркменъ въ независимое положеніе, и торговля съ нами не составляетъ насущной для нихъ потребности. Между-тѣмъ наши торговцы сознавая какъ выгодно закупать у нихъ рыбу, по отличному ея качеству и изобилію, а равно и разныя мѣстныя произведенія, рѣшались не разъ заводить съ ними торговлю. Я не буду говорить о безуспѣшныхъ стараніяхъ Дженкинсона, бывшаго на восточномъ берегу Каспія и ходившаго оттуда въ Бухару въ 1855—61 годахъ, ни о Высочайше разрѣшенной въ 1759 году [1]) компаніи графа Воронцова, для торговли на восточномъ берегу Каспійскаго моря и съ Хивой, и Бухарой, послѣдствія которой мнѣ неизвѣстны, а перейду къ ближайшимъ временамъ. Въ настоящемъ столѣтіи, наши торговцы открыли было торговлю сначала въ Красноводскомъ заливѣ, откуда надѣялись торговать съ Хивою; потомъ пытались въ Астрабадскомъ заливѣ, гдѣ кромѣ Туркменъ, сбытъ нашъ могли пріобрѣтать и Персіяне; но всѣ эти попытки нашихъ купцовъ завести выгодную торговлю, безъ содѣйствія нашего правительства, были безуспѣшны: не нуждаясь въ насущномъ, мѣстные жители не дѣлали запасовъ ни рыбы, ни своихъ произведеній, а только имѣли въ виду, какъ-бы ограбить нашихъ купцовъ и овладѣть всѣмъ имуществомъ ихъ даромъ, что и удавалось имъ нерѣдко. Только втеченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ [2]), со времени устройства на островѣ Ашуръ-Адѣ, въ Астрабадскомъ заливѣ, нашей морской станціи, а также консульства въ Астрабадѣ

[1]) Полное Собраніе Законовъ, Т. XV, № 11,046.
[2]) Писано въ 1859 г.

торговыя сношенія наши стали нѣсколько устраиваться: въ нѣкоторыхъ Туркменахъ явилась потребность обмѣнивать свои произведенія на русскія, они привыкли видѣть и наши суда въ прибрежныхъ заливахъ, освоились и съ посредничествомъ нашимъ при разборѣ возникающихъ недоразумѣній между ними и русскими торговцами, но при томъ, къ сожалѣнію, свыклись они и съ военными силами станціи, такъ что ближайшіе только и покорны ей болѣе или менѣе, а располагающіеся нѣсколько отдаленнѣе отъ нея и отъ берега, извѣстные подъ названіемъ степныхъ, сдѣлались еще болѣе дерзкими и предпріимчивыми. Въ подтвержденіе этихъ словъ, я могъ-бы привести нѣсколько примѣровъ нападеній ихъ на берегу и въ открытомъ морѣ, но всѣ они имѣютъ оффиціальную извѣстность и къ бо́льшему уясненію дѣла не ведутъ. Также умолчу о всѣхъ предположеніяхъ на счетъ возможности усиленія настоящей дерзости и предпріимчивости Туркменъ, о постороннемъ, замѣчаемомъ вліяніи на нихъ и наконецъ о возможныхъ послѣдствіяхъ такого порядка для нашего исключительнаго пользованія Каспіемъ.

Между-тѣмъ восточный берегъ Каспійскаго моря обращаетъ на себя тѣмъ бо́льшее вниманіе, что удобные, совершенно закрытые заливы его, тихіе обыкновенно вѣтра, дующіе вдоль берега, даютъ ему огромное преимущество передъ западнымъ, почему наши морскія суда, казенныя и торговыя, слѣдуя на Ашуръ-Адѐ и обратно, избираютъ обыкновенно этотъ путь. При сильной-же непогодѣ, какомъ-либо несчастіи, или при необходимости налиться водою, суда эти нигдѣ между Тюкъ-Караганскимъ и Астрабадскимъ заливами не могутъ найти безопаснаго пристанища. Для паровыхъ судовъ, по одинаковой причинѣ, не можетъ быть сдѣлано склада нужнаго топлива на всемъ этомъ пространствѣ. Наконецъ остается припомнить, что сюда-же выходитъ старое ложе Аму, а вдоль него, какъ сказано выше, имѣются вездѣ на разстояніи переходовъ, прѣсные колодцы, да и вообще сообщеніе отсюда съ Хивою самое кратчайшее и мо-

жетъ имѣть со временемъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, несомнѣнное значеніе не только для сношеній собственно съ Хивою, но и для всего нашего При-Сыръ-Дарьинскаго края.

Обращаясь собственно къ сношеніямъ съ Туркменами, я долженъ еще сказать, что прежде, какъ извѣстно, встрѣчались между прибрежными Ямудами нѣкоторыя лица, имѣвшія вліяніе на своихъ соплеменниковъ и дѣйствительно искавшія, хотя болѣе изъ личныхъ интересовъ, дружественныхъ сношеній съ Россіей; но въ настоящее время нѣтъ изъ такихъ ни одного. Кіатъ-бекъ, или Кіатъ-ханъ, какъ называлъ онъ себя, столь извѣстный по двумъ поѣздкамъ въ Туркменію Николая Николаевича Муравьева, умеръ, а семейные его и старшій сынъ Кадыръ-ханъ не наслѣдовали отцовскаго значенія. Впрочемъ, по поводу преданности тѣхъ или другихъ Туркменъ-Ямудовъ, о которой нерѣдко слышалъ я, позволю себѣ замѣтить, что всякій изъ такъ называемыхъ вполнѣ намъ преданныхъ Туркменъ, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ среди двухъ искушеній: боязни своихъ родичей и желанія служить намъ. Какъ ни преступно подобное поведеніе, нельзя, однако, винить за него Туркменъ въ той мѣрѣ, какъ-бы слѣдовало: все покровительство наше въ отношеніи преданныхъ и искавшихъ подданства Туркменъ, ограничивалось постоянно одними подарками, бо́льшею частію весьма незначительными, которые возбуждали только тщеславіе, тогда какъ жизнь и имущество этихъ Туркменъ оставались въ рукахъ ихъ соплеменниковъ безъ всякой нашей защиты. Поэтому, пока не будетъ здѣсь прочнаго заселенія нашего, которое могло-бы держать въ страхѣ мѣстныхъ обитателей, врядъ-ли возможно расчитывать на безкорыстную преданность Русскимъ кого-бы то ни было изъ нихъ.

Приведенныя выше обстоятельства переселенія Мангышлакскихъ и Кара-Бугазскихъ Туркменъ на хивинскую границу объясняютъ уже отчасти отношенія въ которыя были они поставлены къ Хивѣ. Между-тѣмъ Мухаметъ-Рахимъ-ханъ

властвовавшій тамъ въ началѣ настоящаго столѣтія и отличавшійся энергіей и способностями, желая упрочить свою власть надъ Туркменамъ, началъ съ того, что ближайшихъ изъ нихъ поселилъ между разными городами ханства, обложилъ податью, поставилъ надъ ними отдѣльныхъ начальниковъ, а отдаленнѣйшихъ держалъ въ страхѣ походами, предпринимавшимися противъ нихъ, отъ времени до времени. Кочующіе у Мерва и Серакса были ему покорны и только прикаспійскіе Ямуды избѣгали еще нѣсколько его вліянія, но и они, если не видѣли въ Хивѣ исключительнаго для нихъ хлѣбнаго рынка, то находили для себя выгоднымъ сбывать туда Персидскихъ плѣнныхъ, а, бывая въ Хивѣ и не дѣлая подарковъ Хану, они рисковали остаться въ качествѣ аманатовъ.

Такъ продолжалось и послѣ Мухаметъ-Рахимъ-хана, при сынѣ его, державшемся той-же системы поселенія Туркменъ среди хивинскихъ городовъ въ отношеніи тѣхъ изъ означенныхъ Мангышлакскихъ Туркменъ, которые постепенно перекочевывали при немъ въ Хиву.

Наслѣдовавшій ему Мухаметь-Аминъ не умѣлъ сохранить пріобрѣтеннаго вліянія на этотъ народъ: Мервскіе и Серахскіе Туркмены начали ему сопротивляться. Нѣсколько походовъ, одинъ за другимъ, предпринималъ ханъ противъ нихъ, но все безуспѣшно, а послѣдній, въ 1855 году, кончился убійствомъ его самого и конечнымъ почти истребленіемъ хивинскаго войска.

Лишь только вернулись остатки послѣдняго въ Хиву, какъ провозгласилъ себя ханомъ двоюродный братъ покойнаго, Абдулла; но соперничествовавшіе съ нимъ родственники его начали подкупать противъ новаго хана кочевавшихъ въ окрестностяхъ города Хивы Ямудовъ. Послѣдніе, избравъ для себя предлогомъ, будто Туркмены-Теке ограбили принадлежавшій имъ караванъ и захватили ихъ имущество и людей, напали на одну хивинскую крѣпостцу, въ которой обитало до 1,000 семействъ Текинцевъ. Абдулла-ханъ, узнавъ между-тѣмъ, что

виновниками этого возстанія были его двоюродные братья, схватилъ ихъ и казнилъ; а къ Ямудамъ написалъ, что если они дѣйствительно имѣютъ справедливыя жалобы на Текинцевъ, то явились-бы къ нему для разбирательства. Ямуды, какъ и надо было ожидать, разорвали ханское посланіе и пришли еще въ бо́льшее движеніе: раззорили въ Хивѣ базаръ и завязали новое дѣло съ Текинцами. Тогда вышелъ съ войскомъ Абдулла-ханъ. Три раза начиналась борьба, и наконецъ Ямуды, съ помощью другихъ еще Туркменскихъ родовъ, взяли верхъ и убили хана. Послѣ сего они избрали себѣ въ ханы Ата-Мурата, который еще болѣе возбудилъ ихъ противъ Теке и Хивинцевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, лишились двухъ еще хановъ, убитыхъ Ямудами. Не довольствуясь этимъ и желая овладѣть хивинскимъ ханствомъ, домогался Ата-Муратъ получить отъ насъ свинецъ и порохъ [1]). Не получивъ-же ни того, ни другаго, успѣлъ самъ овладѣть всей почти сѣверной частію ханства; но и тутъ, какъ было сказано, не надѣясь удержать Кунградъ въ своихъ рукахъ, предлагалъ его во власть Россіи.

Кунградъ дѣйствительно возвратили себѣ Хивинцы, но тѣмъ не менѣе Туркмены держатъ и до-сихъ-поръ всѣ сѣверные города ханства въ постоянной осадѣ.

Какъ исключеніе изъ столь тревожнаго состоянія Хивы можетъ быть приведено лѣто 1858 года, время, проведенное тамъ нашею миссіею. Несомнѣнно причиною тому были внушенія, полученныя Туркменами изъ Оренбурга, что если они дѣйствительно ищутъ покровительства Россіи то доказали-бы искренность своихъ намѣреній, какъ отстраненіемъ всякихъ недоразумѣній съ Хивинцами, при встрѣчѣ и сопровожденіи послѣдними миссіи, такъ и содѣйствіемъ къ спокойному пребыванію ея тамъ. Могли быть и другія, неизвѣст-

---

[1]) Дѣло канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго Генералъ Губернатора о слухахъ и событіяхъ въ областяхъ средней Азіи за 1856 г.

ныя мнѣ причины, но дѣло въ томъ, что въ это время не было въ Хивѣ никакихъ междоусобицъ, и Туркмены не заводили съ Хивинцами обычныхъ своихъ ссоръ. Доказательствомъ можетъ отчасти служить командированіе меня начальникомъ миссіи изъ г. Хивы въ Кунградъ, и оттуда въ устье Аму, съ однимъ только урядникомъ-толмачемъ, въ сопровожденіи 2-хъ хивинскихъ чиновниковъ и одного бывшаго со мною человѣка для прислуги.

Объясненныя обстоятельства касаются собственно ближайшихъ къ Хивѣ Туркменъ. Кочующіе-же у Мерва и Серахса, начавъ еще сопротивляться при Мухаметъ-Аминѣ, совсѣмъ отложились отъ Хивы со смертію его. Прикаспійскіе-же Туркмены-ямуды, располагающіеся южнѣе Кара-Бугаза, и всегда мало подчинялись Хивѣ, а теперь, сбывая туда персидскихъ плѣнныхъ и забирая тамъ нѣкоторыя домашнія надобности, не боятся, какъ прежде, быть задержанными ханомъ: до того ослабло вліяніе послѣдняго на туркменскіе роды.

Хива такимъ образомъ имѣла, но утратила вліяніе на Туркменъ; Персія-же никогда собственно и не имѣла на нихъ прочнаго вліянія. Владѣніе Гюргенской долиной Надиръ-Шахомъ было непродолжительно и окончилось съ его смертію; [1]) послѣ-же Туркмены никогда не оставляли безпокоить Персію набѣгами, грабежами и уводомъ людей въ неволю, чему содѣйствуютъ, конечно, и ничѣмъ не защищенные берега астрабадскаго залива. Также не мѣшаетъ сему и возрастающая необходимость взаимныхъ торговыхъ сношеній этихъ народовъ: торговля и грабежи продолжаютъ идти рука объ руку.

Туркмены рѣшительно одолѣваютъ Персію и съ суши, и съ моря. Не имѣя своихъ судовъ на Каспійскомъ морѣ для

---

[1]) Барона Боде: Очерки туркменской земли и юго-восточнаго прибрежья Каспійскаго моря, стр. 77.

наказанія, при случаѣ, Туркменъ, персидское правительство обращалось къ русскому, съ просьбою о содѣйствіи, и капитанъ Путятинъ (нынѣ графъ Путятинъ) ходилъ въ 1842 году, для наказанія Туркменъ, къ юго-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, на пароходѣ «Кама», былъ въ Гассанъ-Кули и сжегъ тамъ нѣсколько десятковъ туркменскихъ лодокъ. Съ моря ограждаетъ теперь Персію наша Ашуръ-Адинская морская станція; но, для бóльшаго успѣха ея дѣйствій, недостаетъ ей, между прочимъ, доброй воли со стороны самой-же Персіи: всѣ берега Астрабадскаго залива и юго-восточнаго прибрежья покрыты густымъ, высокимъ камышемъ, растущимъ въ водѣ; въ немъ-то укрываются Туркмены въ своихъ легкихъ куласахъ (родъ нашихъ бударъ) и, за прикрытіемъ его, выходятъ на берегъ и опустошаютъ персидскія деревни. Какъ ни казалось-бы необходимымъ уничтожить камышъ, которымъ вообще ни для чего не пользуются Персіяне, но всѣ доводы начальника станціи остаются безуспѣшными: и камышъ продолжаетъ существовать, и, по-прежнему, продаютъ Персіяне Туркменамъ тѣ куласы, на которыхъ подбираются они къ ихъ берегамъ.

Вообще персидское правительство поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно своеобразно: въ Мазандеранской, напр., области, гдѣ представляется болѣе удобствъ къ огражденію ея, мѣстныя персидскія власти пользуются этимъ и постоянно притѣсняютъ Туркменъ, приходящихъ туда единственно для торговли, и несправедливыми, незаслуженными оскорбленіями усиливаютъ ненависть ихъ къ Персіянамъ и желаніе отмстить имъ; въ Астрабадской-же области, напротивъ, при сознаніи совершеннаго отсутствія собственной власти, персидское правительство опасается усиленія значенія нашей станціи.

Дерзость свою въ отношеніи къ Персіи доказали Туркмены лучше всего втеченіи 1856—57—58 г. въ управленіе Астрабадской областью недавно умершаго Джафаръ-Кули-хана, который двумя необыкновенно удачными военными по-

ходами противъ Текинцевъ въ началѣ 1856 года, озадачилъ было всѣхъ ближайшихъ Туркменъ, но не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ Астрабадскія земли были во многихъ мѣстахъ ограблены тѣми-же самыми Туркменами, и, не смотря на угрозы Джафаръ-хана, они снова, какъ и прежде, начали смѣяться надъ военными силами Персіи.

И такъ не временный страхъ, а постоянный нуженъ Туркменамъ.

Подробности означенныхъ походовъ астрабадскаго губернатора разсказываютъ слѣдующимъ образомъ: вышедши изъ Астрабада 2-го марта, съ войскомъ въ 4,000 человѣкъ, Джафаръ-ханъ подошелъ, 16-го числа, къ текинскимъ ауламъ, лежащимъ въ 40 фарсангахъ отъ города къ ONO и напалъ на нихъ въ расплохъ. Въ нѣсколько часовъ было истреблено пять ауловъ, убито около 170 человѣкъ мужчинъ, взято въ плѣнъ 350 женщинъ и дѣтей и разграблено все ихъ имущество. Пройдя послѣ того въ Буджнурдъ и отдохнувъ тамъ немного, онъ направился противъ другихъ текинскихъ ауловъ, къ NO, фарсангахъ въ 70-ти. Только-что одержанная побѣда и главное обѣщаніе сдать занимаемую этими аулами крѣпостцу Нухуръ, у склона Альбурзскаго хребта, до того обнадежили хана, что онъ взялъ съ собою всего 600 человѣкъ. Между-тѣмъ Нухурцы обманули, и лишь только Джафаръ-Кули-ханъ вышелъ изъ тѣснаго горнаго ущелья, ведущаго изъ Буджнурда къ Нухуру и подступилъ къ этой крѣпости, какъ его окружили, сверхъ ожиданія, до 5,000 вооруженныхъ Текинцевъ. Отступить было трудно, и онъ нашелся вынужденнымъ пойти въ неравный бой. Текинцы заранѣе благословляли свою судьбу, но, сверхъ ожиданія она измѣнила имъ на этотъ разъ: Аллахъ помогъ не имъ, а Джафару, и онъ одержалъ блестящую побѣду. Убитыхъ и не считали, а плѣнныхъ было взято 350 человѣкъ и кромѣ того 800 лошадей, 400 верблюдовъ и проч. Головы многихъ изъ убитыхъ Текинцевъ были отправлены къ шаху въ Тегеранъ.

И такія побѣды—скажу здѣсь опять—не навели на Туркменъ страха: они продолжаютъ, по-прежнему, безпокоить Персію своими набѣгами и грабежами.

Таковы вообще отношенія Персіи къ Туркменамъ. Въ частности-же она предъявляетъ свои права на Гоклановъ, располагающихся по верховьямъ Гюргени, въ числѣ 3,000 семействъ; а такъ какъ они ведутъ болѣе осѣдлую, чѣмъ кочевую жизнь, то и не убѣгаютъ отъ преслѣдованій Персіи, а платятъ ей постоянную подать, доходящую, будто-бы, до 6,000 тумановъ [1]). Изъ сосѣднихъ-же къ Персіи Яиудовъ, только Джафарбаи, отдѣленія Яръ-Али, кочующіе у Кара-Су, платятъ нѣкоторую сумму за право пасти скотъ по ту сторону рѣки, на персидскихъ земляхъ, но собственно подати никакой не вносятъ, и персидскія власти лишь изрѣдка посылаютъ къ нимъ, и не далѣе Гюргени, собирать дань, по 3 сабкарана [2]) съ кибитки, но обыкновенно осенью, когда болѣе зажиточные перекочевываютъ ближе къ Балханамъ и остаются тутъ одни самые бѣдные, въ числѣ не болѣе 200 кибитокъ.

Предшедствовавшія свѣдѣнія могутъ уже служить общимъ указаніемъ, на сколько неприменимо къ Туркменамъ вообще значеніе, соединяемое со словомъ «управленіе», но какъ и въ благоустроенныхъ государствахъ укрываются иногда подъ этимъ именемъ однѣ только формы власти, то да не поставится мнѣ въ укоризну, если я подъ этимъ названіемъ буду разумѣть и Туркменскую неурядицу.

Въ Туркменіи, какъ въ странѣ мусульманской, въ основаніи частной жизни лежитъ естественно коранъ. Истолкователями его могутъ быть, какъ извѣстно, только духовныя лица и именно кази, на обязанности которыхъ лежитъ разборъ и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ по правиламъ, изложеннымъ

[1]) Туманъ = 3 руб. сер.

[2]) Сабкаранъ = 30 к. сер.

въ тѣхъ или другихъ сборникахъ магометанскихъ законоположеній. Поэтому у каждаго изъ Туркменскихъ племенъ есть свой кази, посвящаемый въ эту обязанность хивинскимъ ханомъ, какъ ближайшимъ мусульманскимъ владѣльцемъ; но существованіе такой должности у Туркменъ можно объяснить развѣ общемусульманскимъ фанатизмомъ, потому что, при вкоренившемся между ними личномъ произволѣ, возможна еще тамъ одна военная власть, значеніе «батыря», молодца; гражданская-же, соединяемая съ званіемъ кази, ни съ чѣмъ несообразна. Отсутствіе, за рѣдкими исключеніями, поземельной частной собственности, присвоенныя съ давнихъ временъ мѣстности подъ кочевья разныхъ отдѣленій, наконецъ вошедшія въ народные обычаи мѣры возмездія за убійства и разныя увѣчья, а также существующія, для раздѣла имущества, оставляютъ возможность существенныхъ недоразумѣній только въ дѣлахъ кражи и баранты; но и въ этомъ случаѣ обыкновенно прибѣгаютъ Туркмены къ суду своихъ аульныхъ старшинъ — кетхуда, такъ что значеніе кази, повторяю, можетъ быть разсматриваемо у большинства Туркменъ съ одной религіозной стороны, съ точки удовлетворенія мусульманскаго фанатизма или со стороны злоупотребленія религіею, когда тѣмъ или другимъ произвольнымъ истолкованіемъ словъ корана разрѣшаются безнравственные поступки правовѣрныхъ.

Приведенныя обстоятельства вызываютъ на подробности касательно установившихся обычаевъ въ отношеніи возмездія за убійства и разныя увѣчья; а равно по поводу раздѣла имущества и обращенія къ суду и разбирательству старшинъ.

Означенные обычаи довольно опредѣленны и далеки отъ всякихъ оттѣнковъ, именно, въ возмездіе за убійство требуютъ смерти убійцы, что называется канъ-каналы. Если-же мститель согласенъ взять выкупъ, то онъ полагается въ 1,000 тиллъ, 2,500 р. сер. на наши деньги, обыкновенно-же зависитъ отъ средствъ и соглашенія тяжущихся. Подобная сумма

уплачивается за отсѣченіе обѣихъ рукъ или ногъ. За поврежденіе одного изъ этихъ членовъ взыскивается 500 тиллъ, что называется хунъ. За незначительное поврежденіе виновный подвергается таковому-же самъ, или прощается, что случается, впрочемъ, не часто. По поводу обычаевъ, оставалось-бы привести еще существующіе для раздѣла имущества, если-бы не сложились они по извѣстнымъ мусульманскимъ правиламъ вообще и преимущественно по феронзамъ [1]). Я укажу здѣсь на одно только исключеніе, относительно незаконнорожденныхъ дѣтей, которые имѣютъ одинаковое право на наслѣдство съ законнорожденными.

Болѣе рѣзкое изъятіе изъ мусульманскихъ постановленій вообще, не касаясь болѣе раздѣла имущества, составляетъ недопущеніе развода (теллокъ) у Туркменъ, располагающихся сѣвернѣе Кара-Бугаза. Былъ даже случай, за время Хивинскаго хана Мухамедъ-Рахима, что одна женщина-туркменка, жалуясь на побои мужа, просила о разводѣ и получила было ханское разрѣшеніе; но всѣ туркменскіе старшины единогласно вынудили хана отказаться отъ даннаго позволенія.

Переходя къ тѣмъ случаямъ, при которыхъ Туркмены обращаются къ старшинамъ за разбирательствомъ, я долженъ сказать, что всѣ они до того однообразны, что могутъ быть подведены подъ слѣдующій примѣръ: когда есть улика и виновный укрывается, то истецъ всегда проситъ суда и, по опредѣленію его, возвращается истцу родными виновнаго стоимость похищеннаго, если дѣло шло о кражѣ, или уплачиваются приведенныя вознагражденія, если касалось до изувѣченія и пр. Иначе-же, въ присутствіи виновнаго, никогда истецъ не допуститъ и мысли о разбирательствѣ, а по произволу раздѣлается съ нимъ, стараясь обыкновенно отмстить тѣмъ-же самымъ. Судъ большею частію дорогъ вездѣ, рас-

---

[1]) Торнау: о мусульманскомъ законовѣдѣніи, стр. 399 –426.

правиться-же своею властію такъ легко Туркменину. Было когда-то время, что обыкновенное туркменское выраженіе «Туркменчиликъ» обозначало простоту, патріархальность нравовъ; теперь-же пріобрѣло оно иное значеніе: оно выражаетъ удальство и обманъ, и эти свойства, не краснѣя, придаютъ Туркмены другъ другу, говоря о своихъ разбояхъ.

Таковъ общій характеръ управленія у всѣхъ вообще Туркменъ. Обращаясь-же собственно къ существующему у приморскихъ—прикаспійскихъ, я нахожу, что оно представляетъ нѣкоторыя особенности. Такъ у Туркменъ, располагающихся на пространствѣ отъ Александровскаго форта до Кара-Бугазскаго залива, гораздо менѣе произвола въ управленіи. Причиною тому конечно, не болѣе нравственныя понятія самихъ Туркменъ, сколько незначительность ихъ по числу, бѣдность и наконецъ возможность найти судъ и расправу у коменданта нашего форта.

Изъ этихъ Туркменъ, Игдыры, Абдаллы и Ходжи имѣютъ своихъ отдѣльныхъ старшинъ. У Игдыровъ ихъ два: Удöковскимъ отдѣленіемъ завѣдуетъ Маметъ (Мухаметъ)-Сафа Кулуевъ, человѣкъ вліятельный, не глупый и готовый на услуги, а Чаканскимъ Кара-Бахчъ. На мѣсто-же кази имѣютъ они Нуръ-Мухамета Биктурліева ишана, т. е. духовное-же лицо, стоящее выше муллъ. Званіе это присвоилъ себѣ Нуръ-Мухаметъ по происхожденію отъ отца своего Биктурли-ишана, признаваемаго Туркменами за святаго. Нуръ-Мухаметъ-ишанъ имѣетъ русскую золотую медаль, полученную за дѣло по примиренію Туркменъ съ Киргизами. Сынъ его, ханъ-Мамбетъ (Мухаметъ) находился при нашей экспедиціи, отличаясь готовностью, служить Россіи и не менѣе желаніемъ выказать передъ другими Туркменами свою важность и значеніе между Русскими.

Упомянувъ здѣсь о 3-хъ лицахъ, которыя всѣ называются Мухаметами, кстати будетъ замѣтить, что Туркмены очень любятъ включать въ свои имена, преимущественно мусульманскія, имя своего пророка, сокращая его въ Махметъ,

Мамбетъ и Маметъ. Приведенныя къ этому имени прибавленія Нуръ, означаетъ въ переводѣ свѣтъ, а ханъ, служа собственнымъ именемъ, взято изъ подражанія титулу хана. Туркмены любятъ также давать разныя прозвища по примѣтамъ, причемъ собственное имя остается часто неизвѣстнымъ: означенный Нуръ-Мухамедъ-ишанъ извѣстенъ напр. за сары-ишана, рыжеволосаго ишана. Подобныя прозвища дали Туркмены и всѣмъ намъ, участвовавшимъ въ послѣдней экспедиціи, именно: сары-сакалъ—рыже-бородый, кызылъ-буннъ — красно-шейный, узунъ-буйли-акъ-чигитъ — длинно-бѣлый молодецъ. Изъ прозваній-же, данныхъ Туркменами бывшимъ, въ послѣдней экспедиціи, 1836 года сохранилось и до-сихъ-поръ одно: кутъ-кызылъ, потому что получившій его носилъ, будто-бы, красные шаровары.

Кромѣ означеннаго ишана, собственно муллъ нѣтъ у этихъ Туркменъ и въ нихъ, какъ говорили мнѣ сами Туркмены, не имѣется особенной надобности, такъ какъ, за отсутствіемъ настоящихъ мечетей, они не могли-бы совершать праздничныхъ моленій, а обыкновенные, дневные можетъ дѣлать всякій мусульманинъ безъ муллы. Для этого устраиваютъ отдѣльныя на зиму кибитки; а лѣтомъ вырываютъ круглую большую яму, въ которой сходятся молящіеся, оставляя верхнюю обувь у спуска въ нее, или за насыпью, которою окружаютъ подобныя молельни.

Впрочемъ, въ послѣднее время пріѣхалъ въ Александръ-Бай одинъ мулла изъ Хивы и началъ между прочимъ учить дѣтей грамотѣ и правиламъ своей вѣры. Число учащихся у него простирается до 10-ти. За каждаго условились платить муллѣ по 4 тумана въ годъ. Подобные примѣры обученія дѣтей бывали и прежде, и лучшихъ учениковъ отправляли отцы доучиваться въ хивинскія медресе (училища).

Туркмены, кочующіе на означенномъ пространствѣ, оказываютъ вообще особенное уваженіе духовнымъ, и родственники ихъ, въ отличіе отъ другихъ, прибавляютъ обыкновенно къ своему имени слово махзумъ.

При азіатскомъ честолюбіи Туркменъ, это объясняется отчасти отсутствіемъ у этихъ кочевниковъ всякихъ другихъ привиллегированныхъ лицъ. Именующихся напр. ханами нѣтъ вовсе въ этой части Туркменіи; но за то они встрѣчаются въ огромномъ числѣ за Кара-Бугазомъ, далѣе на югъ, и тамъ уже тщеславятся родствомъ не съ муллами, а съ ханами.

Какъ меньшій произволъ, при отсутствіи настоящаго кази, у располагающихся сѣвернѣе Кара-Бугазскаго залива, такъ, напротивъ, бо́льшій произволъ, при отсутствіи старшинъ, у кочующихъ южнѣе залива — служатъ отличіемъ тѣхъ и другихъ отъ объясненной выше характеристики туркменскаго управленія вообще.

У послѣднихъ изъ поименованныхъ Туркменъ, всякій аулъ существуетъ самъ по себѣ, по отношеніямъ, установившимся временемъ, и безъ аульнаго начальника, и только у Огурджалинцевъ осталось еще четверо старшинъ, сохранившихъ наслѣдственное званіе старшинъ и вмѣстѣ хановъ. Впрочемъ въ этой части степи всякій побогаче называетъ себя ханомъ и знать никого не хочетъ. Дѣти его, хотя-бы обѣднѣли, также сохраняютъ это званіе, и такимъ образомъ, оно утратило обыкновенный свой смыслъ, объясняющій личное значеніе или происхожденіе. Одинъ изъ внуковъ Кіата, семейство котораго считаетъ себя настоящимъ ханскимъ, на вопросъ, откуда взялись означенные ханы, объяснилъ мнѣ, что сначала называла ихъ такъ наемная прислуга, изъ подобострастія, за дѣтьми-же званіе установилось и сдѣлалось достояніемъ всего рода.

Отсутствіе у этихъ Туркменъ старшинъ, казалось, должно было-бы служить къ бо́льшему сближенію ихъ съ кази, но на дѣлѣ оно служитъ только къ усиленію личнаго произвола. Отдаленность отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ кочевья, занимаемаго кази, у колодцевъ Бугдайлы, по близости къ Зеленому бугру,—представляется также не малой тому причиной; но больше опасаются эти Туркмены разбирательства

своего кази, по извѣстному его корыстолюбію. Кази этотъ, по имени Мухаметъ-Ніязь Кылычевъ, наслѣдовалъ въ своемъ званіи отцу и имѣетъ, какъ выражаются Туркмены, печать на власть кази отъ Хивинскаго хана. Сынъ его Ярали-мулла, который прочится въ преемники отцу, хотя собственно, по мусульманскимъ правиламъ, не имѣетъ на то права, будучи незаконнорожденнымъ, отличается тѣми-же качествами корыстолюбія, а не правосудія, и по этому трудно надѣяться, чтобы онъ съумѣлъ, со временемъ, пріобрѣсти утраченное уже уваженіе.

Какъ-бы то ни было, но, ради почета, наиболѣе зажиточные Туркмены обыкновенно обращаются къ кази за дозволеніемъ жениться и даютъ ему при этомъ по нѣскольку тумановъ.

Лѣта для женитьбы въ расчетъ не принимаются. Бываютъ женихи и менѣе 12 лѣтъ, а невѣсты менѣе 9-ти, только бракъ въ этомъ случаѣ получаетъ видъ одного сговора; послѣ чего молодыхъ разъединяютъ, до-тѣхъ-поръ, пока невѣста не подростетъ и не свыкнется съ хозяйствомъ.

Кромѣ 4-хъ законныхъ женъ, Туркмены допускаютъ еще столько-же незаконныхъ, согласно расколу аземи, но часто и превышаютъ это число. Одинъ Туркменинъ говорилъ мнѣ про своего отца, имѣвшаго уже восемь женъ и хотѣвшаго взять еще одну, Астраханскую татарку, что онъ не посмотритъ ни на какой законъ, и этими словами желалъ, повидимому, выказать всю важность отца.

Въ калымъ даютъ Огруджалинцы по 35 тумановъ, а Ямуды по 10—15 верблюдовъ, причемъ обыкновенно тесть возвращаетъ половину ихъ, а иногда и болѣе.

У этихъ Туркменъ-Ямудовъ довольно много муллъ, которыми называются произвольно всѣ знающіе грамотѣ не изъ хановъ и учившіеся въ Хивѣ правиламъ своей религіи. Ѣздившій доучиваться въ Бухару величаетъ себя ахуномъ.

Всѣ они отличаются молчаливою важностію и любостяжаніемъ.

Каждому муллѣ принято давать ежегодно, при перечетѣ денегъ, (Туркмены, торгующіе и ничѣмъ не занимающіеся имѣютъ обыкновеніе повѣрять свое состояніе разъ въ годъ) по 1 съ 40. Здѣсь муллы также учатъ дѣтей и берутъ за каждаго отъ 1 до 3 сабкарановъ въ мѣсяцъ. На 100 кибитокъ приходилось по 10 учащихся.

Обращаюсь къ домашнему быту Туркменъ. Всѣ они живутъ въ обыкновенныхъ, сдѣланныхъ изъ жердей кибиткахъ, покрытыхъ кошмами. Жилища эти большею частію грязны до отвращенія. Рѣдкія убраны вдоль стѣнъ ковровыми мѣшками и устланы коврами. Питаются, по преимуществу, однимъ хлѣбомъ, и лишь по праздникамъ, бараниной и пилавомъ. Одеждой служатъ имъ обыкновенно самые простые бумажные халаты, надѣваемые одинъ на другой, и высокія мерлущичьи шапки. Только южнѣе Кара-Бугаза, ближе къ Персіи, одѣяніе ихъ нѣсколько разнообразнѣе и представляетъ смѣсь Персидскаго съ Туркменскимъ. Изъ этого видно, какъ незначительны потребности Туркменъ. Вся работа по хозяйству лежитъ на обязанности женъ, у которыхъ и руки гораздо развитѣе и грубѣе мужниныхъ, и только немногое заработываетъ уже самъ Туркменинъ. Лѣнь съ нимъ неразлучна, а ею естественно руководятъ и то отсутствіе всякихъ требованій, и та бѣдность, въ которыхъ онъ выросъ. Всѣмъ этимъ-же обусловливается и самая производительность Туркменъ.

Разсматривая хозяйство и торговлю ихъ, я нахожусь вынужденнымъ разграничить прибрежныхъ Туркменъ тѣмъже заливомъ, Кара-Бугазскимъ, который служилъ и прежде границею между Ямудами и племенами Ессеневскими, такъ какъ и въ хозяйственныхъ, и торговыхъ занятіяхъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются свои мѣстныя особенности.

Главнѣйшее занятіе Ессеневцевъ, располагающихся сѣвернѣе Кара-Бугаза, заключается въ рыболовствѣ, которымъ

занимаются они въ Александръ-Байскомъ и Киндерлинскомъ заливахъ и южнѣе, вдоль берега, вплоть до самаго Кара-Бугаза. По этому берегу ловятъ рыбу крючьями, баграми и тоже бьютъ острогой. Въ Киндерли, гдѣ самый лучшій промыселъ, по тишинѣ, прозрачности воды и меньшей глубинѣ, сходятся лодокъ числомъ до 50-ти. Всѣ Туркмены, отъ Александровскаго форта до Кара-Бугаза, пріѣзжаютъ туда къ началу апрѣля. Втеченіи этого мѣсяца и еще въ маѣ и іюнѣ производится тамъ самая обильная ловля рыбы; ловъ-же вообще, менѣе обильный, продолжается до начала сентября. Лучшій ловецъ въ Киндерли вылавливаетъ до 100 и даже до 150 штукъ красной рыбы, а дурной до 30—40 въ ночь.

Кромѣ Киндерли, возможно еще одинаково-значительное рыболовство у острова Аде-Кара, на глубинѣ 3 — 4 саж. Но какъ на островѣ нѣтъ воды, то рыболовы, принужденные брать съ собою воду въ турсукахъ, заходятъ туда рѣдко.

Рыбу сбываютъ Туркмены, какъ уже было упомянуто выше, Армянамъ Александровскаго форта. Осетръ и севрюга продаются на мѣру. 3 севрюги, длиною отъ хвоста до головы въ 4 четверти и 3 осетра въ пять четвертей идутъ не дороже 1 руб. сер. Бѣлугу продаютъ обыкновенно на взглядъ, примѣняясь къ осетрамъ. Армяне, въ свою очередь, сбываютъ Туркменамъ муку, самую дурную, цѣною на деньги отъ 3 до 5 рублей сер. за мѣшокъ въ 7 пудъ, а на рыбу за 12—15 штукъ осетровъ или севрюгъ. Когда-же мука берется въ долгъ, то условія бываютъ несравненно тягостнѣе. На каждую Туркменскую кибитку нужно приблизительно до 5 мѣшковъ муки въ годъ. Такимъ образомъ на все число кибитокъ до Кара-Бугаза приходится ихъ до 1,300, и рыбы, для уплаты за нихъ, нужно примѣрно до 20,000 штукъ. Вообще-же уловъ ея полагаютъ Туркмены въ 100,000 штукъ.

Остальное количество обмѣниваютъ Туркмены на разныя другія надобности: платье, желѣзо, чугунныя произведенія, какъ напр. таганы и пр. Вещи эти пріобрѣтаютъ они, равнымъ образомъ, у Армянъ Александровскаго форта.

Рыба обыкновенно продается съ клеемъ и вязигой, и только изъ употребляемой для себя Туркмены вынимаютъ то и другое и продаютъ отдѣльно: клей по 1 руб. 70 коп. сер., а вязигу по 10—15 и рѣдко по 20 коп. сер. за фунтъ.

Икряной рыбы ловится очень мало на этомъ пространствѣ. Добываемая икра очищается дурно и продается всего по 10 коп. за фунтъ.

Для собственнаго употребленія, Туркмены просаливаютъ и высушиваютъ рыбу; чаще-же употребляютъ ее слѣдующимъ образомъ: разрѣзываютъ на части, провяливаютъ, потомъ крошатъ и варятъ въ котлахъ, въ рыбьемъ жирѣ, до тѣхъ поръ, пока не покраснѣетъ. Приготовленную, такимъ образомъ, рыбу сохраняютъ на зиму въ рыбьихъ пузыряхъ, зарывая ихъ въ землю.

Кромѣ рыболовства, кочующіе у форта и Александръ-Бая Туркмены занимаются еще разведеніемъ арбузныхъ и дынныхъ бахчей. Прежде сѣяли они мѣстами и хлѣбъ, но теперь, по отзывамъ ихъ, не достаетъ имъ на это рабочихъ рукъ. Для бахчей землю они унавоживаютъ и навозъ берутъ съ зимовокъ Киргизовъ, которые приходятъ на зиму не только въ Киндерли, но пробираются иногда и къ Кара-Бугазу Бахчи свои, на этихъ мѣстахъ, рѣдко поливаютъ Туркмены, потому что вода лежитъ отъ поверхности на разстояніи не болѣе аршина, и при вспашкѣ, просачиваясь, увлажаетъ землю.

Скотоводство у этихъ Туркменъ весьма незначительно, особенно у Игдырцевъ, кочующихъ на пространствѣ отъ Киндерли до Кара-Бугаза. Богаче другихъ — Ходжи. Самымъ богатымъ изъ нихъ считается, имѣющій до 40 верблюдовъ и до 300—400 барановъ; но такихъ между ними всего 2 или 3 человѣка.

Отсутствіе скотоводства обусловливаетъ и домашнія работы, исключительное достояніе женщинъ, какъ дѣланіе ковровъ, кошемъ и армячины. Произведеній этихъ мало, и въ продажу они почти не идутъ. Довольно оригинально, что въ узоръ ковровъ, какъ у этихъ, такъ и у всѣхъ прибрежныхъ Туркменъ, входитъ непремѣнно изображеніе якорей большой и малой величины. Краски для ковровъ берутъ на Челекени, гдѣ получаютъ и Персидскій, или дѣланный мѣстными жителями порохъ. Настоящими двумя продуктами и ограничиваются торговыя сношенія этихъ Туркменъ съ За-Кара-Бугазскими своими сосѣдями, Ямудами. Нефть-же съ Челекени они не берутъ, потому что для освѣщенія употребляютъ рыбій жиръ и баранье сало; равнымъ образомъ не нуждаются они и въ челекенской соли, имѣя ее у себя въ достаточномъ количествѣ.

Занятія и торговыя сношенія Туркменъ, располагающихся за Кара-Бугазомъ, далѣе на югъ, представляютъ болѣе разнообразія. Къ рыболовству, которое между ними сравнительно менѣе распространено, слѣдуетъ причислить, какъ наиболѣе прибыльные промыслы: солеводство, добычу нефти и нефтагиля, хлѣбопашество и скотоводство.

Соль добываютъ Туркмены на Красноводской косѣ, на островѣ Челекени, на полуостровѣ Дарджѣ въ 3-хъ мѣстахъ, на урочищѣ Гарямѣ (неподалеку отъ Зеленаго бугра) и еще на нѣкоторыхъ другихъ береговыхъ мѣстностяхъ. Красноводское мѣсторожденіе соли занимаетъ въ окружности сажень 60; соль самосадочная; соленые кристаллы, толщиною вершка въ $4\frac{1}{2}$, покрываютъ поверхность почти сплошь; вода просачивается лишь мѣстами. Подъ этими кристаллами лежитъ слой воды вершка въ 2, и подъ ней находится грязь, смѣшанная съ солью. Пріиски эти принадлежатъ Менглы-Дурдыхану. На нихъ добывается ежегодно до 20,000 пудъ чистой соли, которая идетъ въ продажу Инзелинскимъ купцамъ, приходящимъ за нею на своихъ лодкахъ, называемыхъ бакинками. Кромѣ того, мѣстные кочевники пользуются солью даромъ. Самой лучшей солью считается Дарджинская-Сарай-

ская. Добываемую тутъ соль продаютъ Туркмены частью на мѣстѣ Инзелинскимъ купцамъ; большею-же частью сплавляютъ сами на Ашуръ-Адé. Средняя цифра лодокъ съ солью, приходившихъ на Ашуръ въ послѣдніе три года равнялась 145, а по среднему выводу подымаемаго ими груза, можно положить количество годоваго сплава соли на Ашуръ въ 120,000 пудъ; съ продаваемой-же на мѣстѣ, количество ежегоднаго отпуска ея, доходитъ приблизительно до 200,000 пудъ. Обыкновенная цѣна на соль не превышаетъ 7—8—10 коп. сер. за пудъ.

Добыча нефти и нефтагиля составляетъ исключительную принадлежность острова Челекеня. Нефть получается еще изъ колодцевъ, лежащихъ у Балханскаго залива, но дурнаго качества, въ незначительномъ числѣ и не идетъ въ продажу.

На Челекени пространство, занимаемое мѣсторожденіемъ нефтагиля и нефтяными колодцами простирается до 2 верстъ въ окружности. Мѣстность эта представляется въ видѣ цѣпи невысокихъ горъ-холмовъ, идущихъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Нефтяные колодцы, въ числѣ слишкомъ 200, лежатъ преимущественно въ узкихъ лощинахъ между горъ, также по склону ихъ и въ долинѣ, примыкающей къ горамъ. Я видѣлъ нѣсколько такихъ колодцевъ. Есть глубиною отъ 7 до 20 и болѣе ханскихъ аршинъ (1 арш. 6 вершковъ). Даютъ нефть черную, густую и жидкую, и зеленоватую (бѣлую). Земля до того пропитана нефтью, что послѣдняя просачивается сквозь нее и въ нѣкоторые колодцы, или вѣрнѣе резервуары, сведены одни жолоба, по которымъ нефть стекаетъ тонкой струей, а въ другихъ проходитъ она въ щели, оставляемыя между досокъ, которыми забраны колодцы. Полученіе нефти производится здѣсь съ давнихъ временъ. На этихъ-же мѣстахъ получается и нефтагиль бѣлый и черный. Перваго сравнительно меньше. Нефтагиль лежитъ въ горахъ жилами и большею частію надъ нефтяными источниками, такъ что, по истощеніи нефтагилевыхъ жилъ, показывается обыкновенно нефть. Такимъ образомъ, по отзывамъ мѣстныхъ

жителей, добывался прежде одинъ нефтагиль, и потомъ уже показались ключи нефти. Нефтагилевая разработка началась, какъ видно, съ вершины горы, что доказывается насыпями, образовавшимися на краяхъ обширной ямы. Нефтагиль очищается отъ земли и сора кипяченіемъ въ котлахъ. Топливомъ служитъ окружающая пріиски земля, которая, отъ большой примѣси нефти, горитъ прекрасно.

Туркмены употребляютъ нефтагиль для освѣщенія. Для той-же цѣли продавали они его Хивинцамъ и Бухарцамъ, но въ маломъ количествѣ. Правильная торговля имъ началась собственно съ 1858 года, когда Туркмены продали его Закаспійскому торговому товариществу и нѣкоторымъ Русскимъ промышленникамъ, для выдѣлки парафина, до 50,000 пудъ, по 60 коп. сер. за каждый. Нефть продается Инзелинскимъ и Бакинскимъ Персіянамъ по 20 коп. сер. за пудъ. Продаютъ ее на мѣстѣ или сплавляютъ на Ашуръ-Адѐ. По такому-же расчету, который былъ принятъ въ отношеніи соли, оказывается, что количество ежегоднаго привоза туда нефти доходитъ до 115,000 пудъ.

Означенные пріиски называются «Мошадъ». Они считаются принадлежностію семейства Кіатова. На нихъ работаетъ постоянно до 150 человѣкъ, и каждому изъ нихъ, по словамъ завѣдывающаго пріисками, племянника Кадыръ-хана, Ана-Хассана, платятъ по 30 коп. въ день. Если это и дѣйствительно соблюдается, то вѣроятно, по отношенію къ однимъ свободнымъ рабочимъ, а не къ плѣннымъ Персіянамъ.

Влѣво отъ этихъ пріисковъ лежитъ еще нефтяное озеро Кара-Ситля (черный молошникъ). Вода въ немъ теплая, сѣрно-соленая, и нефть выбрасывается въ довольно большомъ количествѣ изъ глубины на поверхность. Отъ этого озера, лежащаго на вершинѣ одного бугра, проведены канавы, для стока воды, съ невысокими запрудами изъ досокъ, не достающихъ до дна канавы. Вода проходитъ подъ доски, а нефть, какъ вещество легчайшее, удерживается запрудами и потомъ счерпывается. Вокругъ озера лежатъ еще до 10 ко-

лодцевъ, изъ которыхъ нефть достается кувшинами, пополамъ съ водою. Эти пріиски, менѣе обширные, чѣмъ Мошадскіе, принадлежатъ Огурджалинскимъ старшинамъ.

Добыча нефти и нефтагиля, разработка соли и рыболовство составляютъ главные четыре промысла островитянъ; но кромѣ того находятся еще на Челекени, въ долинѣ, прилегающей къ колодцамъ, двѣ краски: красная, кызыль-буя, и желтая, превращающаяся при варкѣ въ черную, почему и называется кара-буя. По признакамъ — это нечистый купоросъ. Краски эти почти не идутъ въ продажу и употребляются Туркменами на крашеніе шерсти. По отзывамъ мѣстныхъ жителей, красокъ этихъ довольно много на островѣ. Онѣ лежатъ гнѣздами, подъ очень тонкимъ слоемъ песку, такъ, что вѣтеръ, смѣтая послѣдній, обнаруживаетъ полосы то красныя, то желтыя.

Какъ нефть и нефтагиль составляютъ принадлежность только Челекени, такъ и хлѣбопашество существуетъ въ Туркменіи по однимъ берегамъ Атрека и Гюргени. Къ тому оно такъ мало сродно Туркменамъ, что имъ занимаются лишь самые бѣдные изъ нихъ, называемые чомурами, въ отличіе отъ чорвовъ, т. е. зажиточныхъ, занимающихся скотоводствомъ, или вѣрнѣе, не дѣлающихъ ничего, потому что пастьба скота лежитъ на прислугѣ. Не надо думать, однако, чтобы чорвы, или прислуга ихъ, совсѣмъ не брались за соху: зимующіе по Атреку и Гюргени засѣваютъ также хлѣбъ, но исключительно для себя, а не для продажи, какъ дѣлаютъ чомуры, и, по сборѣ хлѣба, немедленно откочевываютъ далѣе на сѣверъ, къ чему побуждаются мѣстными сильными жарами, доходившими лѣтомъ 1859 года до 54°, и цѣлыми тучами комаровъ, которыхъ не выносятъ верблюды; чомуры-же рѣдко уходятъ далѣе 2—3 верстъ.

Землей пользуются всѣ Туркмены одинаково и могутъ распахивать ее, гдѣ пожелаютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ участковъ. Земли по Гюргени считаются самыми плодородными, и чѣмъ выше по рѣкѣ, тѣмъ

дѣлаются еще лучше. По берегамъ ея нѣтъ ирригаціонныхъ канавъ: и самая мѣстность нѣсколько препятствуетъ этому, и нѣтъ особенной надобности, по причинѣ дождей, бывающихъ тутъ нерѣдко; по Атреку-же вся мѣстность изрѣзана оросительными каналами. Туркмены не даютъ почти отдыха землѣ, придерживаясь плодоперемѣнной системы: пшеница, горохъ, кунжутъ, ячмень и хлопчатникъ — вотъ тотъ порядокъ, въ которомъ сѣютъ Туркмены. Бахчи, въ свою очередь, распространены здѣсь въ большомъ числѣ. Гокланы, кромѣ того, разводятъ еще тутовыя плантаціи и занимаются шелководствомъ. Изъ Ямудовъ занимаются этимъ одни Эймиры, какъ ближайшіе къ Гокланамъ. Хлѣбъ родится на этихъ мѣстахъ нерѣдко самъ 50—60. Необходимыя земледѣльческія орудія Туркмены дѣлаютъ сами. Желѣзо выковываютъ на своихъ кузницахъ. Мельницы имѣютъ ручныя съ небольшими жерновами. Воздѣлываемаго хлѣба достаетъ не только мѣстнымъ Туркменамъ, но они снабжаютъ имъ и всѣхъ приморскихъ до Кара-Бугаза и кочующихъ въ Балханахъ; также, при избыткѣ, сбываютъ его въ Персію, и въ свою очередь, покупаютъ тамъ въ неурожайные годы. Слѣдующая таблица дастъ понятіе о цѣнахъ, бывшихъ въ тѣхъ мѣстахъ на пшено, пшеницу и ячмень, а также на хлопчатникъ и шелкъ, втеченіи 1856, 57 и 58 гг.

Въ 1856 году.	За пудъ.	
	Рубли	Коп.
Пшено	—	60
Пшеница	—	20
Ячмень	—	15

	За пудъ.	
	Рубли.	Коп.
Хлопчатникъ	2	70
Шелкъ	63	—
Въ 1857 году.		
Пшено	—	67½
Пшеница	—	35
Ячмень	—	25
Хлопчатникъ	4	20
Шелкъ	62	—
Въ 1858 году.		
Пшено	—	76
Пшеница	—	70
Ячмень	—	30
Хлопчатникъ	4	50
Шелкъ	57	—

Скотоводство у этихъ Туркменъ не особенно велико, хотя и значительнѣе, чѣмъ у сѣверныхъ сосѣдей ихъ. Имѣющіе до 2,000 барановъ считаются богатыми. Изъ лошадей-же и

верблюдовъ, береговые жители имѣютъ только необходимое число для работъ и для перекочевокъ. У болѣе отдаленныхъ отъ берега число тѣхъ и другихъ значительно увеличивается. Цѣны на лошадей весьма различны отъ 8 до 100 тумановъ; верблюды продаются по 10—20 тумановъ каждый, а бараны по 3—7 сабкарана, вѣсомъ въ 1 пудъ и 1 1/2.

Большее скотоводство обусловливаетъ, конечно, и усиленіе производства мѣстныхъ ковровъ, кошемъ и армячины. Ковры здѣсь не превышаютъ цѣною 7 тумановъ.

Гокланскія женщины ткутъ еще шелковыя матеріи въ 3 сабкарана аршинъ.

Къ предметамъ сбыта у этихъ Туркменъ можно причислить еще лебяжій пухъ, цѣною по 2 и 2 1/2 сабкарана за фунтъ, и золу, добываемую Ямудами-Ельгаями изъ растущаго по берегамъ Гюргени папортника-карагана. Зола эта идетъ въ Астрабадъ на мыло. Особенно-же дорогой источникъ для Туркменъ составляетъ сбытъ въ Хиву и Бухару плѣнныхъ Персіянъ, цѣна за которыхъ доходитъ нерѣдко до 40 червонцевъ и болѣе. Я разумѣю при этомъ мужчинъ, потому что женщинъ, Персіянокъ, совсѣмъ не продаютъ Туркмены. Изъ Бухары вывозятъ они извѣстныя бухарскія мерлушки.

Для себя дѣлаютъ Туркмены и порохъ, для чего селитру берутъ въ Астрабадѣ, а сѣру изъ окрестностей Кара-Бугаза, у колодцевъ Кугуртъ (сѣра); но порохъ ихъ очень дуренъ, что и сами Туркмены вполнѣ сознаютъ, смотря съ завистью на нашъ полированный.

Изъ поименованныхъ продуктовъ продаютъ Туркмены Русскимъ на Ашуръ-Адѣ, не говоря о нефти и нефтагилѣ, изъ которыхъ первая не идетъ почти къ намъ, а послѣдній продавался на мѣстѣ, — рыбу по цѣнамъ, приведеннымъ выше, соль, необходимую для соленія покупаемой рыбы, икру въ 1 руб. 70 к. сер. за пудъ, вязигу отъ 3 до 4 руб. за пудъ. Кромѣ того ковры, лебяжій пухъ и шкуры лисьи, шакаловыя и корсаковыя За этими предметами при-

Медикъ, коллежскій ассесоръ П. С. Генальскій.

Военный инженеръ-поручикъ Е. М. Старковъ.

Корпуса топографовъ поручикъ Ѳ. В. Скрябинъ.

Корпуса топографовъ подпоручики: А. Е. Алексѣевъ и К. Д. Рыбинъ;

и оренбургскаго линейнаго № 2-го баталіона подпоручикъ И. Н. Абрамовъ.

Впослѣдствіи присоединились къ экспедиціи: въ Александровскомъ фортѣ (на Мангышлакѣ) оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона поручикъ И. И. Шлиттеръ

и Уральскаго казачьяго войска сотникъ Мартыновъ;

и въ Красноводскомъ заливѣ подполковникъ генеральнаго штаба А. Н. Берновъ, назначенный въ составъ экспедиціи отъ Кавказскаго вѣдомства.

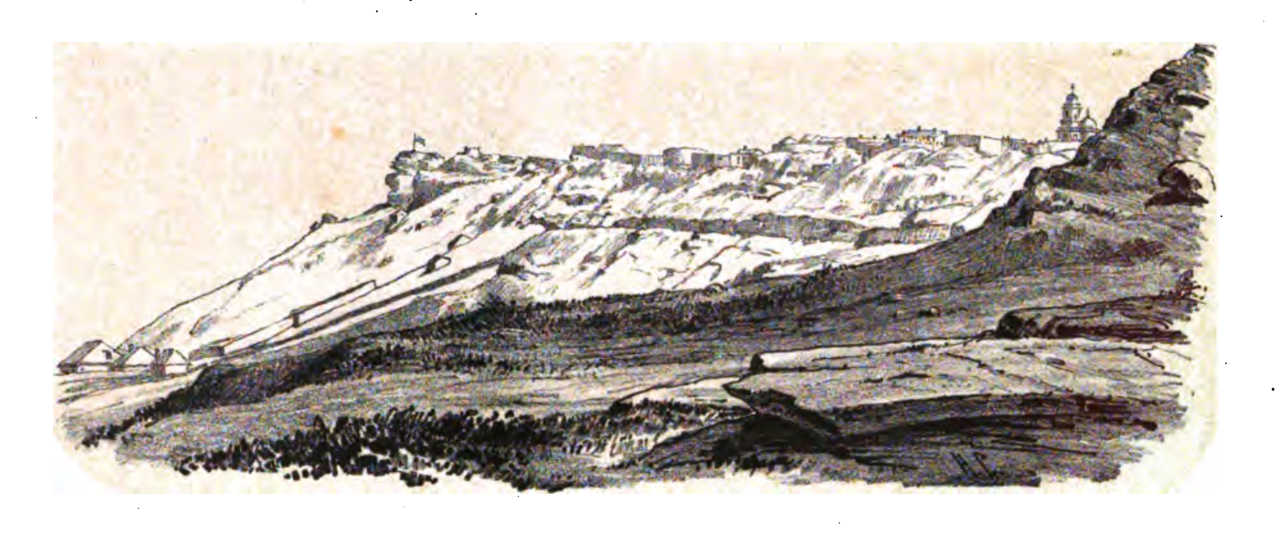
Команду экспедиціи составляли: 50 человѣкъ штуцерныхъ изъ уральскаго полубаталіона, 50 рядовыхъ при 2-хъ унтеръ-офицерахъ изъ гарнизона форта Александровскаго и 48 казаковъ при 2-хъ урядникахъ изъ числа находящихся-же въ фортѣ.

Для переѣздовъ экспедиціи и надлежащаго ей содѣйствія состояли разновременно въ распоряженіи ея до 5-ти судовъ каспійской флотиліи.

Цѣлью экспедиціи были: рекогносцировка всего восточнаго каспійскаго побережья, избраніе пункта для нашего заселенія и ближайшее ознакомленіе съ мѣстными туркменскими поколѣніями.

При снаряженіи экспедиціи имѣлись, между прочимъ, въ виду вновь повторенныя просьбы туркменъ, какъ прикаспійскихъ, такъ и хивинскихъ, съ которыми обращались они, втеченіи 1858 года, къ генералъ-губернатору оренбургскаго края, генералъ-адъютанту А. А. Катенину, ходатайствуя о покровительствѣ и обезпеченіи торговыхъ сношеній ихъ съ нами.

Настоящій журналъ былъ веденъ по порученію начальника экспедиціи. Въ журналъ вошли, сверхъ общихъ



Александровскій фортъ.

свѣдѣній о посѣщенныхъ мѣстностяхъ, всѣ оффиціальныя данныя и распоряженія. Наблюденія метеорологическія и по съемочнымъ работамъ составляли предметъ отдѣльныхъ записокъ. Журналъ веденъ подневно, со дня отплытія изъ Гурьева, 5-го мая 1859 года.

5-го мая, Гурьевъ-городокъ. Въ полдень чины экспедиціи, въ сопровожденіи 50 человѣкъ штуцерныхъ, при 5-ти артиллеристахъ, съ боевыми ракетами, размѣстившись на трехъ парусныхъ судахъ, нанятыхъ отъ уральскаго войска, отправились по теченію Урала въ море. Слѣдуя по золотинскому устью, лодки вышли къ вечеру въ открытое море и къ 9-ти часамъ по полудни пристали къ пароходу «Уралъ», стоявшему подъ парами между островами Каменнымъ и Пешнымъ. Пароходъ «Уралъ» былъ присланъ въ вѣдѣніе экспедиціи временно; въ постоянное-же распоряженіе ея, по объясненію капитана парохода, предназначаются новая паровая шхуна Персіянинъ и одна баржа.

Въ 11½ часовъ по полудни того-же 5-го числа, по переходѣ на пароходъ и по перегрузкѣ трехдневнаго довольствія и тяжестей,— «Уралъ» снялся съ якоря и пошелъ по направленію къ Лбищу (сѣверо-западный уголъ Мангышлака).

6-го, прололжая курсъ въ этомъ-же направленіи, пароходъ бросилъ къ вечеру якорь въ виду Лбища.

7-го числа, на разсвѣтѣ, пароходъ вошелъ и всталъ на якорь въ Тюкъ-Караганской бухтѣ мангышлакскаго полуострова. Тутъ-же находился пароходъ капитана Ивашинцова «Дербентъ»; означенныхъ-же баржи и шхуны еще не было. Первая ожидалась, а послѣдняя, можетъ придти не ближе, какъ въ Красноводскій заливъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ о свойствѣ судовъ, данныхъ въ распоряженіе экспедиціи, оказалось, между прочимъ, что

ни одно изъ нихъ не можетъ войти въ Карабугазскій заливъ — пароходъ, потому что сидитъ глубоко, а баржа потому, что пойдетъ съ полнымъ грузомъ; въ свою очередь шхуна, сидя глубоко въ водѣ, не можетъ оказывать того содѣйствія береговой съемкѣ, какъ пароходъ, могущій подходить ближе къ берегу. По всему этому начальникъ экспедиціи отнесся къ главному командиру астраханскаго порта, контръ-адмиралу Машину, съ просьбою, во 1-хъ не замѣнять парохода «Уралъ» шхуною «Персіянинъ», и во 2-хъ прислать въ распоряженіе экспедиціи съ Астрабадской морской станціи пароходъ »Волга», какъ потому, что пароходъ этотъ есть единственное паровое судно каспійской флотиліи, могущее войти въ Карабугазскій заливъ, такъ и вообще по убѣжденію въ недостаточности одного парохода и баржи для успѣшнаго хода дѣлъ. Рапортъ къ адмиралу Машину посланъ на рыбачьей лодкѣ, отправившейся къ Бирючьей косѣ. Вмѣстѣ съ симъ начальникъ экспедиціи написалъ отъ себя завѣдывающему астрабадской станціей, прося его, въ свою очередь, о присылкѣ означеннаго парохода «Волга», на основаніи обѣщаннаго морскимъ министерствомъ, возможнаго со стороны станціи содѣйствія экспедиціи. Эта послѣдняя бумага передана капитану Ивашинцову, отправляющемуся завтра (8-го числа) въ Петровскъ и Баку, откуда онъ обѣщалъ отправить ее на Ашуръ-Адé. При свиданіи съ Ивашинцовымъ рѣшено, что онъ прибудетъ изъ Баку въ Красноводскій заливъ 1-го іюня и командируетъ въ составъ экспедиціи двухъ морскихъ офицеровъ для астрономическихъ наблюденій при береговыхъ съемочныхъ партіяхъ. При этомъ капитанъ Ивашинцовъ охотно согласился привести въ Красноводскій заливъ агента Закаспійскаго торговаго товарищества, отставнаго полковника барона Врангеля, который, по предварительному соглашенію, обѣщался доставить разные товары, пригодные для торговли съ Турк-

менами, но затруднялся переѣздомъ изъ Баку въ Красноводскъ.

Комендантъ форта предъявилъ, что онъ могъ нанять для экспедиціи всего 102 верблюда: 72 у ближайшихъ къ укрѣпленію Туркменъ — Ходжей и Абдаловъ и 30 у Киргизовъ — Адаевцевъ, цѣною по 6 р. сер. за каждаго, и сверхъ того по 3 руб. вожатому на пять верблюдовъ.

Бóльшаго числа верблюдовъ у Туркменъ не было; у Киргизъ-же Адаевцевъ не могло быть нанято, по сопротивленію, будто-бы, начальника ихъ Баймамбета Маяева. Этотъ послѣдній былъ и прежде причиною неудачи въ сборѣ комендантомъ форта кибиточной подати съ Туркменъ. Имъ одинаково недовольны, по слухамъ, и Киргизы, и Туркмены — первые за разные поборы, а послѣдніе за подстрекательство Киргизъ къ грабежу Туркменъ.

Дано приказаніе о немедленномъ сборѣ верблюдовъ къ форту.

Вечеромъ того-же дня, начальникъ экспедиціи принималъ старшину Туркменъ, кочующихъ у Александръ-байскаго и Киндерлинскаго заливовъ, Мамбетъ-Сафу Кулуева и ханъ-Мамбета, (сына Нуръ-Мухаммеда Сары-Ишана, старшины александро-байскихъ Туркменъ, находящагося нынѣ въ Хивѣ), поставщика туркменскихъ верблюдовъ Ходжу Куккума Меликова, брата старшины Туркменъ—Ходжей, кочующихъ на Мангышлакѣ, и сопровождавшихъ ихъ нѣсколькихъ простыхъ Туркменъ. Въ разговорѣ съ ними было объяснено, что наша экспедиція снаряжена единственно, вслѣдствіе просьбы самихъ Туркменъ о покровительствѣ Россіи и имѣетъ цѣлію ознакомленіе съ мѣстностію и выборъ пункта для устройства торговой факторіи, которая, сверхъ снабженія Туркменъ нашими произведеніями и предметами первой необходимости, можетъ послужить и къ огражденію ихъ, въ случаѣ необходимости.

Старшины увѣряли въ своей преданности и ручались, что, на всемъ пути отъ форта до Карабугаза, мы встрѣ-

тимъ со стороны Туркменъ расположеніе и полную готовность служить намъ. За Туркменъ—Ямудовъ, кочующихъ южнѣе Карабугаза, они не ручались, по неимѣнію на нихъ вліянія. «Прибрежные—сказали—встрѣтятъ, вѣроятно, хорошо, но Атрекскіе, изъ рода Теке, кочующіе на вершинахъ рѣки, врядъ-ли». Изъ сопровождавшихъ ихъ Туркменъ, они выбрали двухъ вожаковъ и трехъ посыльныхъ для экспедиціи, причемъ рекомендовали особенно одного Уразміяка Латыфова, какъ бывавшаго за Балханскимъ заливомъ и знающаго мѣстность до Атрека. Они подтвердили отзывъ каменданата о невозможности нанять верблюдовъ и лошадей въ окрестностяхъ Красноводскаго и Балханскаго заливовъ. Затѣмъ, въ желаніи служить экспедиціи, выразили готовность сопровождать ее, на что и получили разрѣшеніе.

8-го числа. Утромъ пароходъ «Дербентъ» снялся съ якоря. Въ 2 часа, по полудни, пришла баржа съ грузомъ угля для «Урала.» Дано предписаніе коменданту объ отправленіи верблюдовъ, немедленно по приходѣ ихъ, берегомъ къ Киндерлинскому заливу, подъ прикрытіемъ 50 казаковъ, на казенныхъ верховыхъ лошадяхъ, съ 10-тидневнымъ продовольствіемъ для чиновъ экспедиціи. Вечеромъ, по выдачѣ поставщикамъ верблюдовъ задаточныхъ денегъ за мѣсяцъ впередъ, было сдѣлано, въ квартирѣ переводчика экспедиціи, угощеніе всѣмъ вообще Туркменамъ. Поставщикъ туркменскихъ верблюдовъ ходжа Куккумъ, по нежеланію сопровождать верблюдовъ, оставленъ въ фортѣ.

9-го числа. Командиръ прибывшей баржи № 4, лейтенантъ Рогаль-Левицкій передалъ начальнику экспедиціи конвертъ отъ адмирала Машина, въ которомъ сообщалось, что въ распоряженіе экспедиціи назначены имъ, въ настоящее время, пароходъ Уралъ и баржа, но что затѣмъ 1-й изъ нихъ по «экстренной надобности» будетъ замѣненъ, въ началѣ іюня, паровою шхуною.

Туркменскій Старшина, Мамбетъ-Сафа Кулуевъ.

Командованіе отрядомъ поручено корпуса топографовъ поручику Скрябину. Ему вмѣнено при томъ въ обязанность прибыть къ заливу на 7-й день, для чего поручалось наблюсти за неслишкомъ тяжелой навьючкой верблюдовъ. Предоставлялось также нанять на пути до 50 верблюдовъ и закупить барановъ. На издержки выдано 200 р. сер.

Мамбетъ-Сафа и ханъ-Мамбетъ послали съ своей стороны передоваго съ извѣщеніемъ подвѣдомственныхъ имъ Туркменъ о выставкѣ, если найдутся, верблюдовъ и барановъ.

Поручику Скрябину вмѣнялось при этомъ въ обязанность обращаться съ находящимися при отрядѣ Туркменами и Киргизами возможно снисходительнѣе, не стѣсняя ихъ во вьючкѣ и уходѣ за верблюдами, въ противность ихъ привычкамъ; встрѣчныхъ-же Туркменъ принимать дружелюбно, объясняя имъ миролюбивыя наши намѣренія, и наконецъ отнюдь не дозволять казакамъ заѣзжать въ лежащіе на пути аулы.

Затѣмъ сдѣланы слѣдующія распоряженія: выбраны изъ 2-хъ ротъ гарнизона 50 человѣкъ рядовыхъ и 2 унтеръ-офицера, съ подчиненіемъ ихъ, вмѣстѣ съ полусотней штуцерныхъ, прибывшихъ съ экспедиціей, находящемуся на службѣ въ фортѣ поручику Шлиттеру; команда снабжена лучшимъ оружіемъ, двойнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ, боевою аммуниціею, походною и теплою одеждою и проч. Продовольствіе взято на $3^1/_2$ мѣсяца. Въ число мясной порціи отпущено 45 штукъ барановъ, за невозможностію помѣстить большее число на баржу. На недостающее число порцій выданы деньги по здѣшнимъ цѣнамъ. Продовольствіе экспедиціи возложено на поручика Шлиттера. Всѣ припасы и тяжести приказано свезти на пристань къ 14-му числу и передать на пароходъ и баржу; могущее-же не помѣститься на этихъ судахъ, оставить въ ожиданіи имѣющей придти сюда, на смѣну парохода «Уралъ» шхуны «Персіянинъ.»

Распрашивали Мамбетъ-Сафу и ханъ-Мамбета о Салихъ-ханѣ. Онъ не пользуется—говорятъ они—ни вліяніемъ, ни сочувствіемъ между однородцами—Ямудами. Они указали при этомъ на трехъ лицъ, живущихъ на Челекенѣ, какъ очень вліятельныхъ, на Кучакъ-хана Уразгильдіева, Суфи Менглытурдыева и Дуглы-хана Пуладъ-ханова. Всѣ они люди зажиточные, и послѣдній изъ нихъ имѣетъ еще кочевье на Серебряномъ бугрѣ.

11-го числа Начальникъ экспедиціи отнесся вновь къ адмиралу Машину. Прописавъ, въ дополненіе къ прежнему рапорту, содержаніе отзыва управляющаго морскимъ министерствомъ къ генералъ-губернатору оренбургскаго края, въ февралѣ настоящаго года, что «для перевозки чиновъ экспедиціи, назначаемой для рекогносцировки восточнаго берега Каспійскаго моря, изъ Александровскаго форта въ Балханскій заливъ, будутъ назначены, въ распоряженіе полковника Дандевиля, паровая шхуна Персіянинъ и желѣзная морская баржа, для перевозки-же экспедиціи изъ Гурьева-городка до Александровскаго форта будетъ посланъ въ первый пунктъ, къ 1-му мая, пароходъ Астрабадъ, изъ каковыхъ трехъ судовъ пароходъ и баржа останутся на все время рекогносцировки въ распоряженіи полковника Дандевиля,—начальникъ экспедиціи находилъ, согласно симъ послѣднимъ словамъ, что назначеніе шхуны Персіянинъ въ распоряженіе экспедиціи оканчивалось съ перевозкою отряда въ Балханскій заливъ и, что пароходъ Астрабадъ, или нынѣ Уралъ, долженъ остаться на все время экспедиціи и что, такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ въ распоряженія ея отъ Александровскаго форта до Балханскаго залива должны быть три, а не два судна. При этомъ сообщалось, что всѣ тяжести экспедиціи, состоящія между прочимъ изъ $3^1/_2$-мѣсячнаго довольствія, не могутъ быть подняты на пароходѣ и баржѣ, по отзыву ихъ командировъ, несмотря на то, что изъ 150 человѣкъ отряда, 50 казаковъ и часть изъ означеннаго продоволь-

ствія посланы берегомъ. Поэтому остальныя тяжести имѣютъ быть переданы на ожидаемую сюда шхуну Персіянинъ. Въ заключеніе начальникъ экспедиціи просилъ и присылкѣ еще одной хотя баржи, если пароходъ Волга, согласно прежнему ходатайству, не можетъ быть присланъ, въ каковомъ случаѣ, при замѣнѣ парохода Уралъ шхуною Персіянинъ, означенная баржа безъ груза могла-бы быть употреблена при береговой съемкѣ вокругъ Карабугаза.

12 и 13-го начали свозить тяжести и продовольствіе на пристань и сдавать ихъ постепенно на пароходъ и баржу.

Начальникъ экспедиціи производилъ въ это время возложенное на него инспектированіе укрѣпленія.

14-го. По принятіи на пароходъ и баржу всѣхъ тяжестей и продовольствія, осталось послѣдняго для передачи на шхуну Персіянинъ до 800 пудовъ, приблизительно на ½ мѣсяца.

Упомянутый выше бій Баймамбетъ Маяевъ, сознавая вѣроятно свою вину, прислалъ сегодня письмо къ переводчику, въ которомъ старался доказать, что не имѣетъ никакого вліянія на подвѣдомственныхъ ему ордынцевъ, что ему необходимо содѣйствіе вооруженной силы, между-тѣмъ комендантъ Александровскаго форта избѣгаетъ всякаго посредничества въ сношеніяхъ его съ Киргизами.

Въ 6-ть часовъ по полудни сданъ коменданту, для отправленія съ почтой, черезъ Гурьевъ въ Оренбургъ, пакетъ на имя генералъ-губернатора.

Въ донесеніи своемъ начальникъ экспедиціи излагалъ въ подробности всѣ распоряженія по настоящее число и въ заключеніе выразилъ слѣдующія соображенія о дальнѣйшихъ занятіяхъ экспедиціи, по соединеніи ея въ Киндерлинскомъ заливѣ съ береговымъ отрядомъ поручика Скрябина, именно: 1) Отъ Киндерли отправятся 3 съемочныя партіи— двѣ въ обходъ Карабугазскаго залива, съ 25 человѣками конвоя при каждой и съ мѣсячнымъ продовольствіемъ, и послѣдняя, съ конвоемъ изъ 36 человѣкъ, съ остальными

верблюдами, лошадьми и одинаковымъ продовольствіемъ, вдоль берега къ Карабугазскому проливу, куда ко времени прихода этой партіи, по маршруту на 6-й день, имѣютъ подойти, для переправы ея черезъ проливъ, для дальнѣйшаго за симъ слѣдованія по берегу, суда экспедиціи. Отсюда суда возьмутъ курсъ на Красноводскъ и, по прибытіи туда, въ ожиданіи присоединенія береговой партіи, предполагается осмотрѣть ближайшія мѣстности и войти въ сношенія съ Туркменами. Когда-же подойдетъ партія, то, соединившись съ нею, экспедиція направится на встрѣчу двухъ вышеупомянутыхъ партій, которыя, по данному имъ маршруту, должны будутъ сойтись при юго-восточномъ углѣ Карабугаза. По соединеніи съ ними, приблизительно около 12-го іюня, экспедиція, въ полномъ составѣ, двинется къ восточному углу Балханскаго залива и оттуда на югъ до Атрека. На пути снимутся и осмотрятся въ подробности острова Челекень и Огурчунскій, Балханскія горы и предполагаемое русло бывшаго теченія Аму-Дарьи.

Въ 9-ть часовъ вечера чины экспедиціи перешли на пароходъ. Изъ Туркменъ сопровождали: Мухамметъ-Сафа и ханъ-Мамбетъ.

По просьбѣ торгующаго въ укрѣпленіи Армянина Понова, начальникъ экспедиціи разрѣшилъ свезти прикащика его на пароходѣ въ Киндерлинскій заливъ, для закупа тамъ рыбы—въ убѣжденіи, что пріѣздъ такого торговца въ Киндерли можетъ быть полезенъ при сношеніи съ Туркменами. Въ этотъ-же день было сдѣлано прощальное угощеніе Туркменамъ, состоявшее въ пилавѣ и чаѣ.

15-го. Въ 9-мъ часу утра пароходъ съ баржей на буксирѣ, оставилъ бухту и вышелъ въ море.

Часа черезъ два обыкновеннаго хода, пароходъ былъ остановленъ рыбачьей лодкой, давшей знать, что за нею слѣдуетъ почтовая изъ Гурьева съ нужными депешами.

«Уралъ» уменьшилъ пары, почта подошла и передала пакетъ отъ оренбургскаго генералъ-губернатора.

Сообщались къ свѣдѣнію и руководству мѣры, которыя рѣшились принять въ отношеніи хивинскихъ Туркменъ, предложившихъ себя и занятый ими, вмѣстѣ съ мѣстными узбеками, хивинскій г. Кунградъ во власть Россіи и просившихъ нашей помощи Начальникъ экспедиціи поставлялся въ извѣстность, что было рѣшено оказать этимъ Туркменамъ временную помощь, пользуясь представлявшимся къ тому случаемъ отправленія аральской флотиліи вверхъ по Аму-Дарьѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прислана была копія съ отвѣта начальнику хивинскихъ Туркменъ Ата-Муратъ-хану, въ которомъ извѣщалось, между прочимъ, о слѣдованіи нашей экспедиціи, какъ предпринятой по желанію его и соплеменниковъ, и клонящейся къ обезпеченію торговыхъ съ ними сношеній.

Отбирались свѣдѣнія отъ Мамбетъ-Сафы и ханъ-Мамбета о колодцахъ по окраинѣ Карабугаза.

Также повѣрялись имѣвшіяся въ виду свѣдѣнія, насчетъ поколѣнной росписи Туркменъ. Мамбетъ-Сафа находилъ, между прочимъ, что нѣкоторыя мелкія родовыя подраздѣленія были въ этихъ свѣдѣніяхъ приняты за главныя.

16-го. Подъ вечеръ пароходъ бросилъ якорь въ Киндерлинскомъ заливѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ восточной его стороны, гдѣ у колодцевъ Порсу предположено выйти на берегъ. Подвинуться ближе не рѣшился капитанъ парохода, по неизвѣстности ему глубины залива.

Лишь только «Уралъ» отдалъ якорь, пріѣхали на пароходъ съ Киндерлинской косы, съ мыса Агызъ-Ада Туркмены-рыболовы. Одинъ изъ нихъ Мамбетъ-ходжа говоритъ недурно по-русски. На косѣ живутъ въ нѣсколькихъ кибиткахъ рыболовы; берега покрыты разной величины лодками.

Пріѣхавшіе рыболовы сообщили, что въ послѣднее время, прикочевало къ Балханскому заливу большее, чѣмъ обык-

новенно, число атрекскихъ Ямудовъ, вслѣдствіе, будто-бы, дошедшихъ до нихъ слуховъ о слѣдованіи нашей экспедиціи.

Въ частной бесѣдѣ съ Мамбетъ-Сафою и ханъ-Мухамметомъ, упомянутый Мамбетъ-ходжа проговорился, что Александровскіе Армяне прислали къ Туркменамъ письмо, въ которомъ говорятъ, «что если Туркмены желаютъ однихъ почестей и наградъ, то пусть слушаются Русскихъ, помогаютъ и сопутствуютъ имъ; если-же хотятъ дѣйствительныхъ выгодъ, то да останутся всѣ въ Киндерли, продолжая заниматься рыболовствомъ.»

Армяне какъ оказалось, по справкѣ, извлекаютъ здѣсь значительныя выгоды отъ обмѣна муки на рыбу. Въ Киндерли занимаются рыболовствомъ до 350 семействъ. Имъ нужно въ годъ приблизительно 1800 кулей муки. За каждый куль самой дурной муки берутъ Армяне деньгами отъ 3 руб. сер., при началѣ рыболовства въ маѣ мѣсяцѣ, и до 5 руб. при окончаніи его, въ сентябрѣ; а рыбой отъ 10 до 15 штукъ, полагая вообще за 1 руб. по 3 рыбы (осетра, севрюги или бѣлуги) 5-ти или 4-хъ четвертей длины. Одно обиліе рыбы позволяетъ Туркменамъ довольствоваться торгомъ съ Армянами, но они понимаютъ, до чего злоупотребляютъ послѣдніе, по отсутствію конкуренціи.

17-го. Съ разсвѣта начали перевозить на берегъ отрядъ и тяжести, необходимыя для съемочныхъ партій.

Во 2-мъ часу по полудни отправились на берегъ всѣ чины экспедиціи. Не задолго передъ тѣмъ увидѣли въ зрительную трубку приближеніе къ сказаннымъ колодцамъ отряда поручика Скрябина.

Встали лагеремъ на плоской низменной части прибрежья, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ залива, у самыхъ колодцевъ Порсу, лежащихъ на востокъ, неподалеку отъ мыса Порсу. Мѣстность совершенно пустынная. Не видно и слѣдовъ кочевокъ, хотя вода въ колодцахъ прѣсная съ очень небольшой примѣсью соли и растетъ оржаникъ. Есть и ковыль и гребенщикъ. Грунтъ песчаный съ ракушей.

Поручикъ Скрябинъ донесъ, что совершилъ путь совершенно благополучно. Во время слѣдованія онъ встрѣчалъ мало ауловъ и могъ нанять всего 10 верблюдовъ и купить 100 барановъ, изъ коихъ 50 были выставлены безплатно, вслѣдствіе приведеннаго выше письма ханъ-Мамбета. Послѣднему выданы немедленно за барановъ деньги, по цѣнѣ, по которой куплены Скрябинымъ остальные, а именно по 5 руб. 50 коп. сер. за большаго, вѣсомъ въ два пуда и по 3 руб. за барана меньшей величины.

Въ 7-мъ часовъ вечера, начальникъ экспедиціи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ оной, поѣхалъ верхомъ осматривать мѣстность, по направленію къ мысу Куманъ черезъ копани Киндерликудукъ. Путь шелъ возвышеннымъ берегомъ того-же песчанаго свойства, какъ и самый берегъ. Кое-гдѣ встрѣчались только известковые камни, въ видѣ тонкихъ плитъ. На пути собирали растенія.

Въ это-же время были посланы топографы для инструментальной съемки вдоль берега и опредѣленія нѣсколькихъ пунктовъ, по которымъ можно было-бы приступить къ промѣру залива. Больныхъ въ отрядѣ нѣтъ. Люди бодры и веселы. Игры и пѣніе продолжались во весь вечеръ и кончились общей молитвой, пропѣтой, по обыкновенію, передъ ужиномъ.

18-го. Сдѣлано распоряженіе о съемочныхъ партіяхъ, согласно приведенному выше донесенію генералъ-губернатору. Въ обходъ Карабугаза назначены поручикъ Скрябинъ и подпоручикъ Рыбинъ, съ двумя партіями; съ остальной-же партіей для слѣдованія по берегу назначенъ подпоручикъ Алексѣевъ. Также повѣрялись свѣдѣнія о пути вокругъ Карабугаза и отбирались вновь о береговой дорогѣ къ Карабугазскому проливу.

Нанятъ еще вожакъ для 3-й партіи.

Кончены съемочныя по берегу работы въ масштабѣ одной версты въ дюймѣ. Штурманскій офицеръ съ баржи, прапорщикъ Абрамовъ вызвался произвести промѣръ залива.

Ему сообщены опредѣленные топографами пункты: стоянки судовъ, мысовъ Куманъ, Агызъ-Ада и Порсу и камня Ада-Джанъ, лежащаго на юго-востокъ отъ Порсу.

Начали купаться въ морѣ.

19-го мая утромъ, въ 9-мъ часу по полуночи выступили съемочныя партіи. Дано наставленіе переводчику экспедиціи къ объявленію Мамбетъ-Сафѣ и ханъ-Мамбету о мѣрахъ содѣйствія, принятыхъ нашимъ правительствомъ въ отношеніе хивинскихъ Туркменъ.

20-го Штурманскій офицеръ кончилъ промѣры къ полдню. Оказалось, что пароходъ можетъ бросить якорь въ 60-ти саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ расположенъ лагерь. Сегодня-же передалъ Мамбетъ-Сафа г. Ильминскому нѣкоторыя свѣдѣнія о Тоганъ-Казы, кочующемъ постоянно на Атрекѣ и на время пріѣзжающемъ въ Балханскій заливъ. Особенно-же рекомендовалъ при этомъ Мамбетъ-Сафа очень близкаго къ нему, нѣкоего Нефеса, живущаго постоянно у Красноводска. Отъ него, по словамъ Мамбета, можно получить свѣдѣнія самыя вѣрныя о положеніи Ямудовъ, отношенія ихъ хановъ и старшинъ къ народу и степени ихъ вліянія на послѣдній. Ата-Муратъ-ханъ, глава хивинскихъ Ямудовъ, не имѣетъ, по показанію его, никакого вліянія на здѣшнихъ Ямудовъ.

21-го мая. Посланъ нарочный съ почтой въ Александровскій фортъ.

Начальникъ экспедиціи писалъ генералъ-губернатору о ходѣ дѣлъ по сегодняшнее число, а къ коменданту форта на счетъ слуха объ упомянутомъ письмѣ Армянъ къ Туркменамъ, поручая разузнать изъ-подъ руки: дѣйствительно-ли было послано это письмо и кѣмъ именно?

Сильный противный вѣтеръ не позволилъ переѣхать сегодня съ командой на пароходъ, для отправленія въ дальнѣйшій путь.

22-го мая. Съ ранняго утра, съ прекращеніемъ вѣтра,

начали перевозить команду, и къ вечеру переѣхали сами на пароходъ.

Командиръ парохода нашелъ неудобнымъ сняться немедленно съ якоря, чтобы не подойти ночью слѣдующаго дня къ Карабугазскому проливу. Поэтому онъ предполагаетъ выйти въ море завтра, въ полдень, разсчитыя такимъ образомъ пристать къ проливу на другой день, па разсвѣтѣ.

23-го. Утромъ, передъ выступленіемъ, пріѣхали съ косы Туркмены, въ числѣ 4-хъ человѣкъ. Изъ нихъ, ходжа-Мамбетъ, который сверхъ русскаго языка, выучился въ Астрахани и употребленію вина, просилъ, по секрету отъ товарищей, дать ему бутылку водки. Имъ всѣмъ были розданы разныя вещи: ножницы, бритвы, ножи и проч.—въ подарокъ и тоже какъ образцы нашихъ издѣлій.

Въ 4-мъ часу по полудни оставили Киндерли и пошли по направленію къ Карабугазу. Погода благопріятствовала слѣдованію.

24-го. По неимѣнію хорошей карты Каспійскаго моря, пароходъ Уралъ сначала поворотилъ къ берегу, не доходя еще Карабугазскаго пролива, а потомъ, спустившись на югъ, миновалъ его. Между-тѣмъ, часу въ 6-мъ по полудни, причалила къ пароходу, пріостановившемуся для обозрѣнія берега, рыбачья туркменская лодка. Сидѣвшій въ ней старикъ передалъ, что отрядъ подпоручика Алексѣева съ верблюдами переправился черезъ проливъ сегодня утромъ и всталъ лагеремъ не подалеку отъ него. Онъ указалъ приблизительно на мѣсто, и дѣйствительно, съ помощью зрительной трубы, можно было разсмотрѣть и дымъ въ томъ направленіи и верховаго на берегу. Начальникъ экспедиціи съ гг. Галкинымъ, Ильминскимъ и Старковымъ и 10-ти человѣками конвоя переѣхалъ на 12 весельной лодкѣ, на берегъ, старикъ-же Туркменинъ былъ отпущенъ съ денежной наградой. Подпоручикъ Алексѣевъ расположился въ полуверстѣ отъ берега. При переправѣ, онъ встрѣтилъ большія затрудненія: Туркмены то соглашались, перевезти,

Видъ Кува-Дагской долины.

то отказывались, и наконецъ хотѣли было отогнать свои лодки, въ числѣ всего 3-хъ, такъ что Алексѣевъ долженъ былъ остановить ихъ угрозой употребить силу и приказалъ перевезти отрядъ; послѣ-же благополучной переправы далъ деньги, и Туркмены остались очень довольны, но украли у него нѣсколько концевъ веревокъ и одно ведро. Ширина залива въ мѣстѣ переправы доходитъ до 160 саженъ и теченіе довольно тихое, что опровергаетъ всѣ показанія Туркменъ о неимовѣрной его быстротѣ. До Алексѣева дошелъ слухъ, что посреди Красноводской косы, на возвышеніи Кара-Баба, Туркмены намѣреваются напасть на насъ и что вообще они смотрятъ недружелюбно на сухопутное слѣдованіе съемочныхъ партій. Поэтому начальникъ экспедиціи присоединилъ къ отряду Алексѣева прибывшихъ съ парохода 10 человѣкъ. Въ отрядѣ этомъ всѣ здоровы, за исключеніемъ одного казака, имѣвшаго припадокъ падучей, почему начальникъ экспедиціи взялъ его на пароходъ. Ханъ-Мамбетъ, вызвался идти при отрядѣ Алексѣева, для переговоровъ со встрѣчными Туркменами.

Вслѣдъ за отрядомъ Алексѣева пришли съ переправы нѣкоторые Туркмены Со словъ ихъ были провѣрены свѣдѣнія насчетъ дальнѣйшаго пути къ Красноводску.

Въ 9-мъ часу вечера мы оставили лагерь и переѣхали на пароходъ. Черезъ полчаса былъ поднятъ якорь, и мы двинулись по направленію къ Красноводской косѣ

25-го Пройдя островъ Челекень и обогнувъ Красноводскую косу, вошли вечеромъ въ Красноводскій заливъ (по картѣ Колодкина)

26-го Подвинулись съ разсвѣтомъ по направленію къ горѣ, называемой Балкую и составляющей одну изъ вершинъ цѣпи Кувадагскихъ горъ. На разстояніи безъ малаго 2-хъ верстъ отъ берега, пароходъ прекратилъ пары и отдалъ якорь. На берегу, въ долинѣ, расположенъ аулъ въ 12 кибитокъ. Мѣсто это извѣстно обиліемъ колодцевъ съ прѣсной водой, а въ горахъ, въ верстѣ отъ берега, нахо-

дится родникъ съ отличной водой, называемый медовымъ (Балкую).

Немедленно пріѣхали на пароходъ съ берега старшина аула шейхъ Чарчангъ Алла-Назаровъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Туркменъ и привезли двухъ барановъ въ подарокъ. Въ разговорѣ за чаемъ, они передали, что Салихъ-ханъ, по пріѣздѣ изъ Астрахани на Челекень, дѣйствительно хлопоталъ о наймѣ для экспедиціи верблюдовъ и посылалъ съ этою цѣлію къ располагающимся въ Балханахъ Ямудамъ-Чорвамъ, т. е. богатымъ, кочевымъ Туркменамъ (въ окрестностяхъ-же Красноводска кочуютъ всего до 100 кибитокъ бѣдныхъ, у которыхъ верблюдовъ очень мало, а лошадей вовсе нѣтъ). Чорвы выразили полную готовность; но гдѣ назначенъ сборъ верблюдовъ и кому поручено наблюденіе, неизвѣстно; самъ-же Салихъ-ханъ пріѣхалъ на Атрекъ. Онъ пользуется здѣсь, сказали они, уваженіемъ бо́льшимъ, будто-бы, чѣмъ отецъ его, Кадыръ-ханъ, сынъ извѣстнаго Кіатъ-Аги.

Послѣ того сообщили шейхи, что, не такъ давно, была послана съ нашей станціи на Ашурѣ за дровами на ближайшій туркменскій берегъ шлюпка съ 8-ю матросами; мѣстные Туркмены напали на нихъ и убили одного, а остальныхъ взяли въ плѣнъ. Для выручки ихъ были посланы со станціи суда, которые и захватили 14 Туркменскихъ старшинъ, въ видахъ обмѣна ихъ на плѣнныхъ Русскихъ. Обмѣнъ еще не состоялся. Туркмены ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ.

Подошла къ пароходу большая косовая лодка подъ персидскимъ флагомъ. Туркмены сказали, что она пришла, вѣроятно, съ Красноводской косы или съ острова Челекеня, чтобы налиться прѣсной водой.

Послали за шкиперомъ этого судна. Онъ показалъ, что пришелъ дѣйствительно за водою съ Кара-Баба, гдѣ закупалъ соль у Менглы-Дурды-хана. Тамъ слышалъ онъ отъ сына Нефесъ-Махтума, что ожидались сюда русскія суда. Самаго Нефеса не видалъ, равно какъ и Салихъ-

хана. Самъ онъ изъ Инзели. Послали за Менглы-Дурды-ханомъ и Нефесъ-Махтумомъ.

27-го. Начали переводиться съ утра на берегъ къ самому подножью горы называемой Кызляръ-Тахта, къ колодцу Суюджи, въ полуверстѣ отъ аула. По словамъ мѣстныхъ кочевниковъ, отдѣльная группа горъ у колодцевъ называется не Балкую, а Кызляръ-Тахта (дѣвичій тронъ), равно какъ вся цѣпь, идущая по берегу, не Балкуинскими горами, а Кува-Дагскими.

Въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются большія и малыя змѣи, тарантулы, скорпіоны и фаланги разныхъ величинъ. Число ихъ увеличилось еще при разстановкѣ юламеекъ и разбитіи лагеря отъ очищенія земли отъ небольшихъ камней порфирнаго булыжника, покрывающихъ берегъ почти сплошь. Къ вечеру, впрочемъ, шумъ, веселыя пѣсни солдатъ, купанье ихъ въ заливѣ, гдѣ также попадались змѣи, нѣсколько разогнали гадовъ и насѣкомыхъ изъ воды и съ суши.

Здѣсь дуетъ постоянно вѣтеръ, временами довольно порывистый, изъ ущелья, и мѣняетъ направленіе нѣсколько разъ втеченіи дня. Туркмены называютъ его по этому сумасшедшимъ (тентекъ), по берегамъ-же Красноводской косы — сказываютъ они — дуетъ, напротивъ, вѣтеръ умный, т. е. тихій и болѣе постоянный.

Пока перевозилась команда, пріѣхали на пароходъ съ Кара-Баба, вслѣдствіе посылки за ними, Менглы-Дурды-ханъ и Нефесъ-Махтумъ, въ сопровожденіи одного Туркменина, въ качествѣ оратора, черезъ котораго и выражали тѣ свои мысли. Всѣ они были одѣты жалкимъ образомъ, а называющійся ханомъ не имѣлъ даже сапоговъ.

Въ разговорѣ намекнули они, что живутъ съ сосѣдями въ дружбѣ и что въ защитѣ не нуждаются; стоятъ за свою нефть и соль; да и внутренній порядокъ свой предпочитаютъ иному. Ихъ навели на разсказы о невыгодности торга съ Армянами и на удобства установленія болѣе правильнаго

и постояннаго. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, кончился разными изъявленіями обѣщаній и дружбы. Опасались они только недоброжелательства Балханскихъ Туркменъ и вызывались снарядить свой отрядъ. Имъ было, между прочимъ, сказано, что если мы и ходимъ по ихъ землѣ, то собственно для ознакомленія съ дорогами, по которымъ можно будетъ доставлять имъ хлѣбъ и товары. «Наши головы и руки вручаемъ вамъ» — отвѣчали Туркмены; между-тѣмъ, при разъѣздахъ съ нами, просили позволеніе носить оружіе—на что и получили разрѣшеніе начальника экспедиціи.

Вечеромъ, по переѣздѣ на берегъ, Туркмены были угощены пилавомъ. При этомъ Менглы-Дурды-хану предложено было ѣхать на Челекень и привезти оттуда наиболѣе вліятельныхъ, черезъ которыхъ можно было-бы получить верблюдовъ на полуостровѣ Дарджѣ, южномъ берегу Балханскаго залива, гдѣ они пасутся.

28-го утромъ отправился на Челекень Менглы-Дурды, согласно данному ему порученію. Нефесъ-Махтумъ остался здѣсь.

Въ 6-мъ часу пополудни начальникъ экспедиціи и гг. Галкинъ, Ильминскій, Старковъ и командиръ баржи Рогаль-Левицкій отправились въ сосѣдній туркменскій аулъ и заходили въ нѣкоторыя кибитки. Вездѣ встрѣчали насъ радушно, угощали кислымъ овечьимъ молокомъ, въ родѣ простокваши; дѣти ласкались, женщины не дичились. Роздали при этомъ нѣсколько вещицъ, какъ-то: ножи, бритвы, ножницы и женскихъ украшеній разнаго рода: браслеты, серьги, бусы и кольцы. Въ кибиткахъ замѣтна большая бѣдность. Однѣ женщины хлопотали по хозяйству, и только въ одной застали старика за обтескою небольшихъ жерновыхъ камней. Изъ аула пошли въ гору, къ колодцу Балкую. Колодезь лежитъ въ ущельи, между двухъ возвышенностей, глубиною онъ не болѣе сажени. По совершенномъ вычерпаніи къ вечеру, на утро слѣдующаго дня, онъ снова наполняется. Вода совершенно прѣсная, родниковая и пріятная на вкусъ.

Стоянка на Красноводскомъ заливѣ.

О колодцѣ этомъ разсказываютъ легенду, что онъ открылся мгновенно отъ соприкосновенія костыля одного старца, не находившаго нигдѣ по пути воды и изнемогавшаго отъ жажды. Отсюда присвояемое колодцу другое еще названіе «Моисеева.» Около колодца, на пространствѣ не болѣе 3-хъ квадратныхъ саженъ, посѣяны дыни, арбузы и тыквы.

На возвратномъ пути, сопровождавшій насъ аульный старшина Чаргангъ распрашивалъ о Муравьевѣ, называя его полнымъ именемъ Николаемъ Николаевичемъ. Онъ сказывалъ, что хотя былъ еще угланомъ (мальчишкой), но хорошо помнитъ Муравьева, какъ всходилъ онъ на одну изъ здѣшнихъ горъ и какъ щедро одарилъ его, Чарганга, и особенно отца его, Алла-Назаръ-муллу.

Возвратившись въ аулъ, мы увидѣли довольно много скота, преимущественно барановъ и козъ, согнанныхъ на ночь изъ-за горъ.

29-го мая. Пріѣхалъ посланный изъ отряда Алексѣева, съ донесеніемъ о благополучномъ слѣдованіи. Отрядъ долженъ присоединиться послѣ завтра. Вечеромъ, со словъ жителей аула и Нефесъ-Махтума, была набросана распросная карта пути къ Балханамъ и вокругъ нихъ. Прѣсной воды по сѣверному берегу залива мало, а по южному вовсе нѣтъ.

Прапорщикъ Абрамовъ сдѣлалъ промѣры въ бухтѣ, образуемой горами Кызляръ-Тахта и Уфракомъ. Заливъ, по глубинѣ, очень хорошъ.

30-го мая. Въ 5 часовъ пополудни пришла изъ Баку паровая шхуна «Туркменинъ.» На ней пріѣхали подполковникъ генеральнаго штаба Берновъ, назначенный отъ Кавказскаго вѣдомства въ составъ экспедиціи, и баронъ Врангель. Подполковникъ Берновъ ѣздилъ передъ тѣмъ изъ Баку на нашу станцію на Ашуръ-Адѣ. Начальникъ станціи, капитанъ-лейтенантъ Лихаревъ, представилъ ему живущаго на Ашурѣ, упомянутаго выше Кадыръ-хана, и старшинъ изъ ближайшихъ туркменскихъ ауловъ, кочующихъ южнѣе Гассанъ-Кули. Всѣ они увѣряли въ своей преданности и

желаніи служить Россіи, обѣщали также полное содѣйствіе экспедиціи и просили не ставить въ вину всему народу неблагонамѣренныхъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ.

Не задолго передъ пріѣздомъ его на Ашуръ, былъ тамъ англійскій агентъ, искавшій, будто-бы, случая пріобрѣсть у Туркменъ землю на Атрекѣ и вывѣдывавшій изъ-подъ руки о нашихъ намѣреніяхъ въ отношеніи Туркменъ и о цѣли экспедиціи. Съ Ашура Берновъ возвратился въ Баку и оттуда, слѣдуя на соединеніе съ экспедиціей, заходилъ, по пути, на островъ Челекенъ. Везшая его шхуна приставала къ южной бухтѣ. Къ нему пріѣхали, бывъ предувѣдомлены съ Ашура, родной племянникъ Кадыра, Ана-Хасанъ-ханъ, самое нынѣ вліятельное на Челекенѣ лицо, и 5 мѣстныхъ старшинъ. Съ ними съѣхалъ подполковникъ Берновъ на берегъ и обозрѣлъ островъ. Они говорили ему, что придутъ въ нашъ лагерь, согласно предварительному приглашенію начальника экспедиціи. Передъ оставленіемъ острова, г. Берновъ, роздалъ имъ въ подарокъ нѣсколько серебряныхъ, цѣнныхъ вещей.

Подполковникъ Берновъ сообщилъ при этомъ, что на Челекени находится въ работникахъ до 60 плѣнныхъ Персіянъ и что одинъ изъ прислужниковъ Ана-Хасанъ-хана, по имени Ибрагимъ Герасимовъ, побочный сынъ прикащика, торговавшаго съ Турменами въ 40-хъ годахъ, Астраханскаго купца Герасимова, выразилъ Бернову желаніе переѣхать въ Россію и креститься. Онъ знаетъ нѣсколько словъ по-русски. Его взялъ Берновъ съ собою на шхуну. Въ разговорѣ съ переводчикомъ экспедиціи, Герасимовъ объявилъ, что дѣйствительно желаетъ перейти къ намъ, но въ экспедиціи участвовать можетъ не иначе, какъ съ согласія своего хозяина.

Г. Берновъ, въ видахъ общей пользы, предоставилъ въ распоряженіе начальника экспедиціи всѣ подарки, которые закупилъ онъ на данныя ему начальствомъ его деньги. Баронъ Врангель сообщилъ, что на шкоутѣ закаспійскаго

товарищества, слѣдующемъ сюда съ Ашура, онъ везетъ разные товары, сообразно съ потребностями здѣшнихъ кочевниковъ. Онъ думаетъ устроить изъ нихъ складъ на Челекенѣ и поторговать тамъ, а съ экспедиціей обѣщалъ снарядить небольшой караванъ, отправивъ съ нимъ одного прикащика, толковаго и знающаго языкъ Туркменъ. Теперь-же доставилъ 80 мѣшковъ разнаго сорта пшеницы и рису, которые были привезены на шхунѣ товарищества Ласточка, пришедшей вслѣдъ за паровой шхуной Туркменинъ.

Баронъ Врангель слышалъ отъ разныхъ Туркменъ преувеличенные по азіатски слухи о несмѣтныхъ войскахъ, идущихъ съ нами, съ цѣлію возведенія здѣсь крѣпости. Онъ слышалъ также, что Тоганъ-Казы находится теперь въ Балханахъ. По слухамъ онъ имѣетъ вліяніе на Туркменъ только съ религіозной стороны, какъ духовное лицо. Такимъ образомъ нѣтъ здѣсь никакого сосредоточенія власти. Всякій аулъ завѣдывается отдѣльно. Званіе-же хана не доказываетъ личнаго значенія. Рѣдко когда служитъ оно признакомъ почетнаго происхожденія, а большею частію присвоивается произвольно людьми зажиточными.

31-го. Въ 12 часовъ дня пришелъ отрядъ подпоручика Алексѣева. Путь совершилъ онъ совершенно благополучно, хотя и подвергался большимъ трудностямъ. Нужно было безпрестанно очищать колодцы, совершенно засоренные, такъ что не доставало иногда на очистку 3—4-хъ часовъ тяжелаго труда нѣсколькихъ человѣкъ. На всемъ пути онъ встрѣтилъ не болѣе ста кибитокъ бѣдныхъ Туркменъ, преимущественно Огурджалинцевъ. Всѣ топографическія работы шли дѣятельно.

Ханъ-Мамбетъ, по отзыву поручика Алексѣева, велъ себя прекрасно, стараясь всячески услужить и быть полезнымъ.

Гг. Алексѣевъ, Галкинъ и Старковъ всходили сегодня на Кызляръ-Тагга. Оттуда видна была вся Кра-

сноводская коса и открылись ближайшія окрестныя мѣста, почти совершенно голыя и песчаныя. Кочевокъ не видали.

Никакихъ вѣстей съ Челекена не получено. Ожидаемые ханы не пріѣхали.

1-го іюня. Въ 6-мъ часу пополудни чины экспедиціи, за исключеніемъ командира казачьей полусотни, сотника Мартынова, и медика, оставленнаго здѣсь при 4-хъ больныхъ лихорадкой нижнихъ чинахъ, отправились къ Красноводской косѣ, въ сопровожденіи барона Врангеля, выразившаго желаніе ознакомиться съ мѣстностью. Конвоемъ служили 60 нижнихъ чиновъ при двухъ офицерахъ и двухъ унтеръ-офицерахъ. Провіантъ на недѣлю, вмѣстѣ съ юламейками и другими тяжестями, подняты были на 16-ти верблюдахъ. Лошадей взято 22. Остальное число конвоя съ верблюдами и лошадьми оставлено на прежнемъ мѣстѣ, у подножья горъ Кува-Дагскихъ. Пароходу приказано отправиться завтра къ Красноводской косѣ и взять съ собою съ баржи прапорщика Абрамова, для промѣровъ въ бухтѣ на оконечности косы. Отъ Красноводской косы пароходъ доставитъ экспедицію на островъ Челекень и оттуда обратно къ означеннымъ горамъ. Баржа оставлена на мѣстѣ.

Пройдя лежащій отъ нашего лагеря влѣво туркменскій аулъ и обогнувъ гору Кызляръ-Тахта, мы пошли по долинѣ совершенно голой, мѣстами лишь покрытой тощею ковылью и оржаникомъ.

Поровнявшись съ Кува-Дагскими горами, мы должны были идти съ часъ по каменистой тропинкѣ, пробитой по косогору, что было особенно тяжело для верблюдовъ. Горы здѣсь другой уже формаціи—изъ песку съ небольшой примѣсью глины. Къ солнечному закату мы оставили Кува-Дагскій хребетъ за собой и продолжали путь открытою степью. Вскорѣ подошли къ колодцу Сегрышемъ, лежащему на западной сторонѣ косы на песчаномъ берегу у са-

маго моря. Вода въ колодцѣ соленая. Колодезь, въ видѣ трубы, выложенъ камнемъ. Здѣсь устраиваютъ колодцы обыкновенно плѣнные Персіяне. Туркмены не умѣютъ вырывать глубокихъ колодцевъ и выкладывать ихъ камнемъ. Неподалеку отъ этого колодца, на возвышенномъ берегу, разбили лагерь. Сдѣлали 16 верстъ. Саженяхъ въ 50-ти расположенъ аулъ Нефесъ-Махтума изъ 7-ми кибитокъ; на столько-же сѣверо-западнѣе отъ него, ближе къ морю, видѣнъ другой довольно большой аулъ. Жители, занимаются рыболовствомъ. Изъ скота видѣли всего нѣсколько козъ.

2-го іюня. Въ 6½ часовъ по полуночи пошли въ дальнѣйшій путь, съ производствомъ съемки. Дорога шла пустынею, совершенно голою, песчаною, съ значительною примѣсью ракушника. Часа черезъ два, пройдя верстъ 6—7, начальникъ экспедиціи и гг. Берновъ, Врангель, Галкинъ и Ильминскій, взяли влѣво отъ пути отряда, по направленію къ морю, чтобъ осмотрѣть остатки укрѣпленія, лежащаго въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ залива въ видѣ неправильнаго четвероугольника, обведеннаго неглубокимъ рвомъ и землянымъ валомъ. Посреди укрѣпленія разбросано нѣсколько камней, 2 изъ нихъ въ 1½ аршина въ квадратѣ и въ ¾ вышиною положены одинъ на другой; это, повидимому, остатки каменнаго креста, который былъ поставленъ на тутъ же находящемся пьедесталѣ. Верхній камень его имѣетъ четвероугольное углубленіе. На одной сторонѣ высѣчено очень четко: Катани, а на другой сторонѣ по татарски: Мулла-Ягнь Мятъ (Мухамметъ). На отдѣльныхъ-же, плоскихъ камняхъ, испещренныхъ надписями, можно было разобрать только слѣдующее: на одномъ «въ 18 году» и на другомъ сверху «рмол» и пониже «М'р». Судя по имени графа Катани, артиллерійскаго офицера, бывшаго при Н. Н. Муравьевѣ въ экспедицію 1821 г. и по другимъ, сохранившимся отъ времени надписямъ,—мѣсто это служило Муравьеву складочнымъ пунктомъ. Кормъ около укрѣпленія хорошъ, но колодцевъ по близости нѣтъ.

Отсюда, выѣхавъ снова на верблюжій слѣдъ отряда, поднялись на небольшія возвышенія, или вѣрнѣе песчаные холмы, называемые Кара-Баба. Тутъ не нашли ни одной кибитки, и на всемъ пройденномъ пространствѣ встрѣчали изъ животныхъ только змѣй и ящерицъ. Не доѣзжая Кара-Баба, осматривали еще соленые пріиски, распространяющіеся саженъ на 60 въ окрестности. Соль самосадочная, на вкусъ не горькая. Вода почти не видна на поверхности: соленые кристаллы, пластами толщиною до 4½ вершковъ, покрываютъ мѣстность почти сплошь. Подъ этимъ слоемъ вода въ два вершка, а ниже ея грязь, смѣшанная съ солью. Пріиски эти принадлежатъ Менглы-Дурды-хану. На нихъ, по словамъ Нефеса, добывается ежегодно до 20 т. пуд. чистой соли, которая идетъ въ продажу. Кромѣ того мѣстные кочевники пользуются солью даромъ. Неподалеку отъ пріисковъ, по направленію къ югу, коса начинаетъ съуживаться и образуетъ перешеекъ въ 40 саж. шириною, называемый «Кески». Пройдя Кески, встрѣтили двѣ туркменскія кибитки и нѣсколько дынныхъ и арбузныхъ бахчей и наконецъ, въ верстахъ 8-ми отъ окончанія косы, поровнялись съ небольшой рощицей въ 30—40 жидовыхъ деревьевъ. Тощій оржаникъ, бахчи и эти деревья составляютъ единственную растительность косы.

На самой оконечности ея кочуютъ нѣсколько бѣдныхъ туркменскихъ семействъ, въ числѣ всего 3-хъ кибитокъ. У нихъ четыре косовыхъ лодки, на которыхъ занимаются они единственнымъ своимъ промысломъ, рыбной ловлей. Въ день вылавливаютъ они среднимъ числомъ до 40 рыбъ, по 10 на лодку. Кибитки эти расположены около колодца съ солоноватою водою. Подошли къ этому колодцу въ 3-мъ часу пополудни, сдѣлавъ 25 верстъ, и расположились вблизи отъ него, саженяхъ въ 150 отъ бывшаго укрѣпленія князя Бековича. Слѣды его едва замѣтны. Ракуша все болѣе и болѣе къ окончанію косы застилающая почву, замела совсѣмъ брустверъ и ровъ укрѣпленія, которое, вѣроятно, было не

разъ заливаемо водою, что можно заключить изъ того, что ракуша ровнымъ пластомъ покрываетъ верхъ и внутренность укрѣпленія. Кладбище-же, равно какъ упоминавшіяся прежде два озера передъ укрѣпленіемъ, съ зловредными испареніями, болѣе не существуютъ. Отъ послѣднихъ осталась только довольно топкая солонцеватая почва.

Въ продолженіи нашего слѣдованія и вплоть до вечера производились топографическія работы. Оконечность косы снята въ масштабѣ 100 саженъ. Также произведены промѣры бухты, образуемой раздвоеніемъ косы. Входъ въ бухту—съ моря; со стороны-же Красноводскаго залива бухта прикрыта длинной отмелью. Вечеромъ, въ 9 часовъ, переѣхали на пароходъ, съ тѣмъ чтобъ отправиться на слѣдующій день на Челекень. Насъ сопровождаютъ 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Остальные-же 20 человѣкъ, подъ начальствомъ подпоручика Абрамова, имѣютъ выйти завтра на разсвѣтѣ въ обратный путь, къ колодцамъ Балкую, для прикрытія верблюдовъ и лошадей. Передъ отправленіемъ на пароходъ выдано Нефесу за его усердіе 10 руб. 50 коп. сер. мелкой монеты, сколько пошло въ табакерку, и еще кинжалъ. Также сыну его 3 рубля; а мѣстнымъ Туркменамъ разныя мелкія вещи. Нефесъ былъ совершенно счастливъ и просилъ позволенія сопровождать экспедицію далѣе. Его прельстилъ особенно кинжалъ. Туркмены любятъ вообще оружіе. Сопровождающіе насъ, всѣ, безъ исключенія, спрашивали барона Врангеля, будутъ-ли у него продажныя ружья и другое оружіе, говоря, что оно имъ совершенно необходимо для обороны отъ Текинцевъ. Здѣсь на косѣ, также какъ и на Балкую, нашелся одинъ Туркменинъ — Аксакалъ, съ удовольствіемъ вспоминавшій о Муравьевѣ. Достойно замѣчанія, что Туркмены, видѣвшіе самаго Муравьева, или слышавшіе о немъ отъ своихъ отцевъ, не только помнятъ его, но называютъ полнымъ именемъ «Николаемъ Николаевичемъ» и при томъ съ особеннымъ интересомъ, какъ-бы говоря о себѣ, передаютъ всѣ дошедшія до

нихъ подробности его путешествія и плѣна въ Хивѣ. На нашемъ пути, по косѣ, мы встрѣтили только 12 кибитокъ; но ихъ здѣсь насчитывается до 59. Остальныя располагаются преимущественно у начала косы, ближе къ урочищу Тарта.

3-го іюня. На разсвѣтѣ снялись съ якоря. Въ часу 11 по полуночи, вошли въ сѣверо-восточную бухту острова Челекеня и встали на якорь, въ саженяхъ 150 отъ берега, на глубинѣ 2½ саженъ. Подъѣзжая къ сѣверной косѣ Челекеня, мы замѣтили двѣ косовыя лодки, шедшія по направленію къ Красноводскому заливу съ невыгоднымъ вѣтромъ. Въ предположеніи, что они везли съ Челекеня старшинъ, мы дали о себѣ знать пушечнымъ выстрѣломъ. Лодки поставили паруса и пошли за нами, а когда мы отдали якорь, пристали къ пароходу. Лодки эти дѣйствительно шли въ Красноводскій заливъ. На нихъ пріѣхали: Берды-ханъ, Курбанъ-ханъ, Менглы-Дурды-ханъ и съ ними еще нѣсколько лицъ.

Имъ было говорено о приготовленіи верблюдовъ для осмотра острова. Они обѣщали ихъ доставить, а начальникъ экспедиціи послалъ еще отъ себя на берегъ для той-же цѣли къ Ана-Хасану Измаила Герасимова, одаривъ его предварительно.

Изъ частнаго разговора пріѣхавшихъ, можно было заключить, что на Челекенѣ существуютъ двѣ своего рода партіи: одна, имѣя во главѣ прямыхъ наслѣдниковъ Кіата, къ намъ расположенная, другая-же — смотритъ на наши дѣйствія недовѣрчиво. Пріѣхавшіе принадлежатъ къ этой послѣдней категоріи.

4-го іюня. На разсвѣтѣ были посланы на шестеркѣ на берегъ подпоручикъ Алексѣевъ съ топографомъ Новиковымъ и 6-ью нижними чинами для снятія сѣверной косы острова Маметъ-Сафа, Ишанъ и Нефесъ-Махтумъ сопровождали ихъ. Лишь только пристала шестерка къ берегу, разсказываетъ Алексѣевъ—Нефесъ бросился бѣжать. На вопросъ Алексѣева, что значитъ его

поспѣшность, Маметъ-Сафа отвѣчалъ: «вѣдь онъ долженъ-же заслужить данные ему подарки, побѣжалъ въ аулъ за верблюдами.» Вскорѣ дѣйствительно пригналъ Нефесъ четырехъ верблюдовъ. За Нефесомъ вышли къ Алексѣеву изъ аула всѣ бывшіе у насъ вчера и еще Кучакъ-ханъ, Гельды-ханъ и старшины огурджалинскіе Анлъ-ханъ, Шеребъ, Авазъ-Хивачи, Ніязъ-Маметъ и Ана-ханъ.

Всѣ они объявляли, что нужное намъ число верблюдовъ, для слѣдованія по острову, будетъ приготовлено къ завтрашнему утру. Спрашивали, не будетъ-ли еще какихъ приказаній и притомъ изъявили желаніе ѣхать на пароходъ. Алексѣевъ исполнилъ ихъ просьбу и привезъ всѣхъ на пароходъ. Новиковъ-же съ нижними чинами и взятыми для него четырьмя верблюдами оставленъ для съемки на берегу. Вслѣдъ за Туркменами пріѣхалъ съ южной стороны острова на большой косовой лодкѣ, подъ коммерческимъ флагомъ, Ана-Хасанъ-ханъ. У него довольно выразительное, хотя и не совсѣмъ пріятное лицо. Одѣтъ онъ былъ щегольски въ красномъ, суконномъ халатѣ, и вообще по платью его и нѣкоторыхъ другихъ хановъ, явившихся сегодня, можно судить о нѣкоторой степени ихъ довольства. Начальникъ экспедиціи принялъ Ана-Хасана, какъ внука Кіатъ-Аги, постоянно усердствовавшаго Россіи и столь извѣстнаго по Муравьевскому описанію путешествія въ Туркменію и Хиву, любезнѣе другихъ, посадилъ отдѣльно за свой столъ; прочіе-же расположились поодаль и, по обыкновенію, на коврѣ. Ана-Хасанъ говоритъ не много по-русски. Онъ объявилъ, что его двоюродный братъ Салихъ-ханъ закупилъ въ Гассанъ-Кули обѣщанныхъ для экспедиціи лошадей и уже выѣхалъ оттуда, но что противные вѣтры его задерживаютъ. Онъ показалъ письмо къ нему Салиха, въ которомъ послѣдній извѣщалъ о своемъ выѣздѣ съ лошадьми и совѣтовалъ Ана-Хасану явиться къ намъ. Затѣмъ за стаканомъ чая съ ромомъ (онъ самъ просилъ дать ему рому, но такъ, чтобы не

видѣли того другіе Туркмены), Ана-Хасанъ распространялся объ усердіи къ Россіи всей его семьи, что дѣдъ его Кіатъ-ханъ служилъ Россіи 40 лѣтъ, отецъ — 25 лѣтъ, да и самъ онъ служитъ уже 15 лѣтъ, говорилъ о поѣздкахъ этихъ лицъ въ Петербургъ и что одинъ изъ братьевъ его учился въ Россіи и умеръ тамъ на службѣ; обѣщалъ доставить непремѣнно завтра къ утру просимыхъ верблюдовъ, говорилъ, что желалъ-бы сопровождать насъ на Балханы, но опасается мести за убійство имъ одного разбойника изъ тамошнихъ жителей, виновнаго, будто-бы, противъ нашей астрабадской станціи. При частномъ объясненіи съ барономъ Врангелемъ, указывалъ на Балханскія горы, какъ самое удобное мѣсто для укрѣпленія. Въ заключеніе вызвался отправить письмо начальника экспедиціи къ Тоганъ-Казы, кочующему въ 10 форсангахъ (70 верстъ) южнѣе Балхановъ, у колодцевъ Бугдайлы.

Послѣ часовой бесѣды, Ана-Хасанъ отправился на берегъ для распоряженій на счетъ верблюдовъ. На островѣ, по словамъ его, всего ихъ 40. Передъ отъѣздомъ онъ передалъ мѣшокъ свѣжихъ кореньевъ, въ родѣ моркови, называемыхъ «кусюкъ», снятыхъ съ Красноводской бахчи. Туркмены запекаютъ эти коренья въ золу [1]).

Лодка, на которой пріѣхалъ ханъ, принадлежитъ ему. У него ихъ нѣсколько. Дерево покупаютъ Туркмены въ Астрахани и въ Персіи, а строютъ лодки сами. Ласковый пріемъ, оказанный Ана-Хасану, возбудилъ въ другихъ зависть и подстрекнулъ въ желаніи услужить намъ. Вызывались нѣкоторые ѣхать съ нами на Балханы, говоря, что достать верблюдовъ на островѣ и служить экспедиціи втеченіи нѣсколькихъ дней не трудно, но что пусть пойдетъ Ана-Хасанъ съ экспедиціей въ горы и еще подалѣ. Наконецъ

---

[1]) На пароходѣ былъ сдѣланъ соусъ изъ этихъ корней, довольно вкусный.

Кучакъ-ханъ самъ предложилъ себя въ посыльные къ Тоганъ-Казы. Сопутствовать ему желали и другіе.

Сегодня утромъ прапорщикъ Абрамовъ сдѣлалъ промѣры занимаемой нами бухты. Вечеромъ пріѣхалъ снова Ана-Хасанъ-ханъ и объявилъ, что верблюды, въ числѣ 37, уже согнаны. Его въ этотъ разъ приняли наравнѣ съ другими. Было говорено о приготовленіи 100 верблюдовъ для поѣздки нашей въ Балханы. Кромѣ Кучакъ-хана, Ана-Хасанъ полагаетъ полезнымъ послать къ Тоганъ-Казы еще Гельды-хана, какъ родственника его.

Завтра мы переѣзжаемъ всѣ, за исключеніемъ г. Бернова, на берегъ. Пойдетъ также 12-ти-весельная лодка съ прапорщикомъ Абрамовымъ въ обходъ острова къ южной бухтѣ.

Въ 11 часу вечера возвратился съ Челекеня топографъ Новиковъ. Онъ произвелъ съемку сѣверной косы острова, которая простирается въ длину на 21 версту.

5-го іюня. Сегодня утромъ вышли на берегъ. Насъ встрѣтилъ Ана-Хасанъ-ханъ съ своими людьми. Хановъ-же Кучака, Гельды и другихъ почетныхъ лицъ, бывшихъ у насъ вчера, при встрѣчѣ, не было.

Всѣ верблюды были уже на мѣстѣ и сверхъ того 3 лошади, единственныя, имѣющіяся на островѣ, 2 ишака и 1 мулъ.

По навьючкѣ верблюдовъ, выступили, въ 11 часовъ, три партіи: двѣ съемочныхъ и третья, состоящая изъ начальника экспедиціи и гг. Врангеля, Галкина, Ильминскаго, Старкова и поручика Шлиттера, при 25 нижнихъ чинахъ. Съ этой партіей пошли Ана-Хасанъ, и нѣсколько изъ его людей, также Мамбетъ-Сафа и Нефесъ съ братомъ, огурджалинскимъ старшиной. Верблюдовъ было всего 34, считая со вьючными, на остальныхъ ѣхали нижніе чины.

Съемочныя партіи направлены: первая — подпоручика Алексѣева, съ 8 нижними чинами, для прикрытія, и съ 9 верблюдами, вдоль восточнаго берега; а другая — топо-

графа Новикова, съ 6 нижними чинами и 6 верблюдами, по западному берегу острова. Обѣ имѣютъ соединиться на южной сторонѣ съ лодкою Абрамова, выступающею сегодня-же для производства промѣровъ въ южной бухтѣ. Новиковъ долженъ возвратиться оттуда серединою острова. Третья партія пошла западнымъ берегомъ на нефтяные колодцы. Путь лежалъ сыпучими песками, лишенными почти всякой растительности. Изрѣдка только попадались нѣкоторыя тощія травы, употребляемыя верблюдами Сильные вѣтры, господствующіе на островѣ, перенося песокъ съ одного мѣста на другое, изрыли мѣстность и покрыли ее высокими барханами. Къ серединѣ острова наносные барханы эти принимаютъ форму болѣе правильную, песокъ становится замѣтно плотнѣе и разступается менѣе подъ ногами пѣшеходовъ, верблюдовъ и лошадей Почва изъ песчаной переходитъ постепенно къ солонцеватую. Такимъ образомъ подъѣхали мы къ нефтяному гребню, называемому Чофракъ. Нефтяныя возвышенности, въ видѣ цѣпи горъ, идутъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку Онѣ видны издали, и, приближаясь, мы замѣтили на верху и по склонамъ горъ довольно много людей, слѣдившихъ за караваномъ: то были работники, занимающіеся добычей нефти и нефтагиля. Центральные и самые обширные прінски, тутъ лежащіе, называются «Мошадъ». Нефтяные колодцы находятся преимущественно въ углубленіяхъ, образовавшихся отъ выемки земли для добычи нефтагиля, который залегаетъ жилами; по истощеніи нефтагиля, обыкновенно показывается нефть. Мы осмотрѣли нѣкоторые изъ нефтяныхъ колодцевъ. Есть глубиною отъ 7 до 20 и болѣе ханскихъ аршинъ (1 аршинъ 6 вершковъ) Даютъ нефть черную (густую и жидкую) и зеленоватую (бѣлую). Земля до того пропитана нефтью, что она просачивается сквозь нее. Всѣхъ колодцевъ насчитывается на островѣ до 250. Они считаются принадлежностью семейства Кіата. Работаютъ на нихъ 150 человѣкъ и въ томъ числѣ до 60 человѣкъ плѣнныхъ Персіянъ, которыхъ нельзя не отли-

чить отъ Туркменъ. Къ тому-же одинъ изъ нихъ подходилъ къ барону Врангелю и сказалъ украдкой по-персидски, что его зовутъ «Али», что онъ родомъ изъ Астрабада и что ихъ на пріискахъ 60 человѣкъ; на всемъ-же островѣ и гораздо больше. Просилъ объ освобожденіи. Этотъ Али завѣдуетъ пріисками, въ родѣ прикащика и смотрителя за работами. Число всѣхъ плѣнныхъ Персіянъ на островѣ, какъ до того еще слышалъ баронъ Врангель, простирается до 400.

Въ долинѣ, около колодцевъ, намъ указали на двѣ краски: красную, называемую Кызылъ-буя и желтую, которая превращается, при варкѣ, въ черную, почему и называется Кара-буя. По признакамъ это нечистый купоросъ. Краски эти здѣсь не добываются, но ихъ, по отзывамъ Туркменъ, довольно много на островѣ. Они лежатъ гнѣздами подъ очень тонкимъ слоемъ песку, такъ что вѣтеръ, сметая послѣдній, обнаруживаетъ полосы то желтыя, то красныя. Взяли образцы для изслѣдованія. Нефтагиль и нефть идутъ въ продажу на вывозъ. Нефтагиль употребляютъ Туркмены на освѣщеніе. Съ мошадскихъ пріисковъ поѣхали влѣво къ нефтяному озеру—Карасителя (черный молошникъ). Вода въ немъ теплая, сѣрно-соленая, и нефть, въ большомъ количествѣ, выбрасывается на поверхность. Отъ озера, лежащаго на вершинѣ бугра, проведены канавы, для стока воды, съ невысокими запрудами изъ досокъ, не достающихъ до дна канавы. Вода проходитъ подъ доски, а нефть задерживается на поверхности воды запрудою и потомъ счерпывается. Вокругъ озера лежитъ до 10 колодцевъ, изъ которыхъ нефть достается кувшинами пополамъ съ водою. Пріиски эти, менѣе обширные, чѣмъ мошадскіе, принадлежатъ 5 огурджалинскимъ старшинамъ.

Оставивъ озеро, мы отправились по прямому направленію на югъ, къ южной бухтѣ острова, въ аулъ Ана-Хасана. Дорога шла сначала окраиною обширнаго топкаго солончака, а потомъ неизмѣнно песками, со скудною растительностью. Въ трехъ верстахъ отъ аула, останавливались у ко-

лодцевъ съ солоноватой водой Колодцы выложены внутри хворостомъ, смазаннымъ глиною, которую добываютъ на южной косѣ острова. Прѣсныхъ колодцевъ здѣсь всего два. Одинъ лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ аула Ана-Хасана къ сѣверо-западу, а другой — въ шести верстахъ отъ него къ востоку. Этихъ колодцевъ недостаточно, и потому, за хорошей прѣсной водой, ѣздятъ отсюда на Огурчинскій островъ. Для сбора дождевой воды устраиваютъ Челекенцы на болѣе, конечно, твердой почвѣ, довольно большіе резервуары, окруженные невысокимъ окопомъ изъ той-же земли.

Къ солнечному закату пріѣхали въ аулъ Ана-Хасана, расположенный на небольшомъ возвышеніи отлогаго берега, омываемаго морскими волнами. При въѣздѣ, насъ встрѣтилъ какой-то старикъ, по лицу Персіянинъ, наигрывавшій на дудкѣ веселую пѣсню. Ему дали денегъ. Въ аулѣ 8 кибитокъ и деревянный анбаръ, въ который складывается покупной хлѣбъ. Кибитка, въ которой насъ принялъ Ана-Хасанъ, убрана куржумами (т. е. перекидными дорожными мѣшками) и коврами. Тутъ оказались кровать съ пуховикомъ и столъ. Около кровати было сложено нѣсколько ружей. Барановъ и козъ въ аулѣ мало; за то видѣли много куръ. Большую часть скота держатъ Челекенцы на Огурчинскомъ островѣ, гдѣ и колодцевъ прѣсныхъ больше и кормъ гораздо лучше.

Въ числѣ любопытныхъ, смотрѣвшихъ на насъ при въѣздѣ, было нѣсколько Персіянъ.

Дорогой Ана-Хасанъ, на распросы г. Галкина, объяснилъ, что на Челекенѣ 300 кибитокъ огурджалинскихъ [1]), 25 туркменскихъ, т. е. ямудскихъ (Ана-Хасанъ на-

---

[1]) Здѣсь упомянувъ объ огурджалинцахъ будетъ кстати привести, въ дополненіе къ сообщенному уже на этихъ страницахъ о Н. Н. Муравьевѣ, что зимою 1865—66 г., въ проѣздъ черезъ Москву, я провелъ вечеръ у Николая Николаевича въ бесѣдѣ о нашихъ дѣлахъ въ средней Азіи и о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ привелось мнѣ, въ свою очередь, быть,

зываетъ Туркменами только Ямудовъ) и 15 игдырскихъ. У нихъ, у всѣхъ, на островѣ верблюдовъ до 100, лошадей всего 3, ишаковъ 10, а барановъ и козъ не болѣе 150. Жители занимаются, кромѣ добычи нефти и нефтагиля, еще рыболовствомъ и разработкою соли, добываемою изъ озеръ на сѣверо-восточномъ берегу острова. Рыболовныхъ лодокъ у нихъ 15. На этихъ лодкахъ они и ловятъ рыбу, и сплавляютъ ее на Ашуръ. За рыбой сюда не ѣздятъ торговцы. Ловится бѣлуга, осетръ и севрюга. 1-я продается за штуку, смотря по размѣру отъ 6 и болѣе четвертей, отъ 1 руб. до 1½ р. сер.; а осетръ и севрюга, круглымъ счетомъ, по 30 к. сер. за штуку. Лодки отправляются съ полнымъ грузомъ, половина ихъ подымаетъ до 500 и болѣе пудовъ, а остальныя до 200. Солепромышленность, также какъ и рыболов-

40 лѣтъ спустя послѣ Н. Н. Когда-же зашла притомъ рѣчь объ отношеніяхъ къ Туркменамъ, то онъ прервалъ меня словами: «А знаете-ли вы, что Туркмены-огурджалы зачислили меня въ свой родъ и выдали въ томъ грамоту, за своими тамгами....» Это—своего рода почетное гражданство; присвоеніе его лицамъ постороннимъ и у насъ тогда еще не было распространено; подобное-же выраженіе сочувствія со стороны народа кочеваго служитъ однимъ изъ многихъ доказательствъ того особеннаго впечатлѣнія, которое произвелъ Муравьевъ на Туркменъ своею необыкновенною силою воли, знаніемъ азіятцевъ, ихъ обычаевъ и языка. Н. Н. оставилъ подробныя записки того времени и не напечатанное описаніе своего вторичнаго посѣщенія восточнаго берега Каспійскаго моря. Если не ошибаюсь, онъ велъ еще постоянный журналъ, а пройденная имъ блестящая и столь разнообразная карьера придаетъ его мемуарамъ особенное значеніе. Одна его переписка съ А. П. Ермоловымъ должна служить замѣчательнымъ матеріаломъ. Всѣ къ нему письма Ермолова—сказывалъ мнѣ Н. Н.—хранятся у него въ семейномъ архивѣ села Скорнякова, Орловской губ., въ особомъ портфелѣ, съ портретомъ А. П. Эти, между прочимъ, подробности сообщилъ мнѣ Н. Н. по поводу моей нескромной просьбы возвратить мнѣ небольшую рекомендательную записку, съ которой А. П. Ермоловъ, зимой 1859 г., по моемъ возвращеніи изъ Хивы, посылалъ меня къ Н. Н. Муравьеву, жившему тогда въ Москвѣ, въ д. Варгина, на Тверской площади. Н. Н. исполнилъ мое желаніе—выслалъ записку, черезъ одного нашего общаго знакомаго, и я получилъ ее за нѣсколько лишь дней до извѣстія о кончинѣ Муравьева...

ство, составляетъ общественное достояніе мѣстныхъ жителей. Пласты снимаемой соли доходятъ до 2 четвертей. Продается она Инзелинцамъ.

По словамъ Ана-Хасана, на островѣ есть и свои торговцы, занимающіеся скупомъ мѣстныхъ произведеній и продажей иноплеменнымъ купцамъ. Къ такимъ торговцамъ принадлежатъ: Кучакъ-ханъ, Гельды и другіе Ямуды не изъ рода кіатова. Они скупаютъ нефть у Огурджалинцевъ, также соль и рыбу у разныхъ лицъ и перепродаютъ Персіянамъ.

Муллъ на островѣ нѣтъ. Былъ одинъ, но съ наступленіемъ глубокой старости переѣхалъ на житье къ Таганъ-Казы, чтобъ умереть при немъ. Впрочемъ, прибавилъ Ана-Хасанъ, всѣ учившіеся немного грамотѣ выдаютъ себя за муллъ.

Пока Анна-Хасанъ угощалъ насъ ужиномъ, въ восточномъ вкусѣ, въ своей кибиткѣ, отрядъ разбилъ лагерь неподалеку отъ аула.

Теткѣ Ана-Хасана, женѣ Кадыра, приходившей въ кибитку, начальникъ экспедиціи сдѣлалъ подарокъ; дѣтямъ раздавали мелкую монету, на которую сбѣгались они съ крикомъ.

Ана-Хасанъ сказывалъ барону Врангелю, что ожидаетъ съ нетерпѣніемъ полученія чина, который обѣщалъ ему начальникъ астрабадской морской станціи капитанъ Лихаревъ за убійство упомянутаго выше разбойника изъ Балханъ.

Въ 11 часовъ вечера мы перешли изъ аула въ лагерь.

6-го іюня. Утромъ въ 10 часу выступили изъ аула, слѣдуя южнымъ берегомъ острова. Черезъ 2 часа слѣдованія подошли къ южной бухтѣ, гдѣ нашли лодку Абрамова, стоявшую на якорѣ противъ обширнаго аула, лежащаго у прѣснаго колодца. Колодецъ этотъ не показывали Абрамову до нашего прихода, а мы нашли въ немъ немного мутную, но совершенно прѣсную воду.

Здѣсь, въ аулѣ, видѣли одного негра. Ихъ на островѣ нѣсколько человѣкъ. Условившись съ прапорщикомъ Абрамовымъ на счетъ дальнѣйшаго его пути, и взявъ образцы соли, отправились далѣе по прямому направленію на сѣверъ къ стоянкѣ парохода. Ѣхать въ сторону, для осмотра мѣсторожденія соли, Туркмены не совѣтовали, по случаю усилившагося вѣтра, при которомъ слѣдованіе здѣшними песками становится, по показанію ихъ, не только затруднительнымъ, но даже опаснымъ. Дѣйствительно здѣсь пески еще значительнѣе, чѣмъ на западной сторонѣ. Съ одного бархана приводилось подыматься на другой. Лошади тонули въ пескѣ по колѣна, а ишаки едва могли подвигаться впередъ.

Поровнявшись снова съ той солончаковой полосой, о которой говорилось вчера, мы вступили въ долину съ твердою почвою. Тутъ замѣтили нѣсколько охровыхъ жилъ, осмотрѣли ихъ и взяли образцы. Тутъ-же были найдены признаки глинистаго сланца и шифера. Здѣсь мы отдыхали съ полчаса. Послѣ вышли опять на песчаную дорогу. Къ счастью сильный дождь облегчилъ наше слѣдованіе. При приближеніи къ берегу начали встрѣчать нѣкоторую растительность, въ видѣ мелкихъ тальниковыхъ кустарниковъ; также встрѣчалось растеніе, въ родѣ оржаника.

Въ 6-мъ часу пополудни подъѣхали къ сѣверной бухтѣ. Съ парохода прислали шлюпку, и мы переѣхали немедленно на пароходъ. Отрядъ остался кочевать на берегу. При отъѣздѣ были приглашены, на слѣдующій день, на пароходъ Ана-Хасанъ, Кучакъ-ханъ и нѣкоторые другіе ямудскіе и огурджалинскіе старшины.

7-го іюня. Въ 1-мъ часу пополудни пріѣхали на пароходъ Ана-Хасанъ и всѣ другіе, согласно приглашенію.

Послѣ угощенія имъ было объявлено о желаніи послать письмо и подарки къ Таганъ-Казы и о необходимости нанять еще 70 верблюдовъ. Эти верблюды могутъ быть наняты только въ Балханахъ, а при посылкѣ за ними имѣется

еще въ виду разузнать о расположеніи умовъ тамошнихъ обитателей. Для этой собственно цѣли начальникъ экспедиціи полагаетъ послать туда, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ здѣшнихъ Туркменъ, Мамбетъ-Сафу Кулуева. Сношеніе-же съ Таганъ-Казы имѣетъ цѣлію показать вниманіе къ нему, какъ къ духовному лицу. Послѣ долгихъ разговоровъ было рѣшено, что въ Балханы поѣдутъ Ямуды: Кучакъ, Гельды, Суфи, Берды и Алла-Бахшъ, акъ Таганъ-Казы Ана-Хасанъ.

При этомъ были выданы деньги за верблюдовъ, поставленныхъ для осмотра острова, по 70 к. сер. за каждаго.

Также роздано нѣсколько подарковъ лицамъ, успѣвшимъ оказать услуги, а именно Ана-Хасану были даны: литографированный портретъ Государя Императора, съ объясненіемъ, что онъ жалуется за постоянное усердіе къ пользамъ Россіи семейства Кіатъ-хана, 2) свидѣтельство за услуги, 3) халатъ и 4) большой хорошій подносъ. Меглы-Дурдыхану даны были халатъ и свидѣтельство.

Его ходатаю Огурджалинцу Мехметъ-Валію—свидѣтельство и нѣсколько мелкихъ вещей.

Другимъ служившимъ посыльными и вожаками тоже розданы кое-какія вещи и деньги.

Свидѣтельствами Туркмены особенно дорожатъ. Двое изъ Челекенцевъ предъявляли начальнику экспедиціи свидѣтельства, выданныя ихъ предкамъ еще графомъ Войновичемъ, въ 1781 году, и Муравьевымъ, въ 1821 году, и просили подтвердить ихъ подписью, чтó и было исполнено.

Мамедъ-Сафа предъявилъ, что на Челекенѣ находится одна Киргизка адаевскаго рода, перепроданная туда игдырскими Туркменами и что хозяинъ готовъ ее уступить.

Выданы Мамедъ-Сафѣ 26 р. сер. на выкупъ Киргизки, если она пожелаетъ возвратиться въ нашу степь.

Мамедъ-Сафа слышалъ также, въ бытность на островѣ, что съемочнымъ партіямъ Скрябина и Рыбина можетъ

предстоять опасность столкновенія съ непріязненными скопищами Туркменъ.

Дѣлали свѣчу изъ нефтагиля. Свѣтильня горѣла прекрасно и бѣлый нефтагиль не оплывалъ.

8-го іюня. Пріѣзжали откланяться Туркмены, ѣдущіе въ Балханы.

На случай встрѣчи ихъ съ Салихъ-ханомъ, который, по дошедшимъ сегодня слухамъ, направился отъ Серебряннаго бугра, туда-же сухимъ путемъ, приказано дѣйствовать съ нимъ согласно. Имъ были выданы порціонныя деньги, по 30 коп. сер. каждому въ сутки, съ расчетомъ примѣрно на недѣлю.

Вечеромъ они отправились съ Мамедъ-Сафой на лодкѣ, по прямому направленію къ полуострову Дарджѣ.

Послѣ ихъ отъѣзда пріѣхалъ съ острова ханъ-Мамедъ-Ишанъ, котораго отправилъ сюда Алексѣевъ съ извѣстіемъ о благополучномъ своемъ слѣдованіи и переходѣ на лодку прапорщика Абрамова, для дальнѣйшихъ работъ.

9-го іюня. Въ полдень возвратилась лодка прапорщика Абрамова съ подпоручикомъ Алексѣевымъ, который, по окончаніи съемки острова, успѣлъ опредѣлить нѣсколько островковъ, лежащихъ между берегомъ и островомъ Челекенемъ, Алексѣевъ предъявилъ, что въ одномъ изъ Челекенскихъ ауловъ видѣлъ многихъ Персіянъ, собранныхъ въ двѣ кибитки, которыя охранялись вооруженными людьми; въ другихъ-же мѣстахъ, многіе изъ плѣнныхъ успѣли объяснить ему и Ишану, что ихъ съ женами до 500 на островѣ и что они желали-бы бѣжать, но боятся не столько преслѣдованія, сколько пріѣзда на Ашуръ-Аде, откуда нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ до того возвращали будто-бы обратно. Подпоручикъ Алексѣевъ видѣлъ самъ 8-хъ изъ нихъ, только что привезенныхъ съ Ашура на туркменской лодкѣ. Они были связаны. Туркмены обходятся съ ними жестоко и едва ихъ кормятъ. Торгомъ плѣнными

Персами — слышалъ Алексѣевъ—занимается преимущественно Кучакъ-ханъ съ братьями. Они покупаютъ ихъ на Атрекѣ. Вслѣдъ за Алексѣевымъ прибылъ съ острова и топографъ Новиковъ, по окончаніи всѣхъ работъ.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ на пароходъ Ана-Хасанъ и привезъ заказанные ему 45 пудъ нефтяной земли для изслѣдованія ея при обжиганіи кирпичей и извести. Платы за это онъ не взялъ и не хотѣлъ опредѣлить стоимость. Отправили вечеромъ съ Ана-Хасаномъ письмо и подарокъ къ Таганъ-Казы. Подарки заключаются изъ 3-хъ серебряныхъ вещей, бархата на халатъ, штофной женской рубашки и мелкихъ вещицъ.

Въ письмѣ сообщались ему цѣль прибытія экспедиціи и выгоды прочныхъ торговыхъ сношеній Туркменъ съ Русскими, при чемъ Таганъ-Казы, какъ лицо вліятельное, приглашался оказать содѣйствіе экспедиціи.

10-го іюня. Въ 5-мъ часу утра пароходъ снялся съ якоря и пошелъ въ обратный путь въ Красноводскій заливъ. Въ 1-мъ часу пополудни пароходъ бросилъ якорь на прежнемъ мѣстѣ, около баржи. Къ вечеру мы переѣхали всѣ на берегъ, за исключеніемъ подполковника Бернова и барона Врангеля. Лагерь разбили въ этотъ разъ правѣе аула Чарганга, куда, по указанію начальника экспедиціи, перешелъ, вслѣдъ за нашимъ отправленіемъ на Красноводскую косу, оставленный здѣсь отрядъ. Теперь мы расположились на берегу большой ровной долины, окруженной такъ называемыми Кува-Дагскими горами. Къ ней сходятся всѣ главныя дороги: изъ Балханъ, Хивы и отъ Карабугаза и сюда-же выходитъ тропа отъ колодца Балкую.

Сегодня, подъ вечеръ, пришелъ пароходъ капитана Ивашинцева «Дербентъ».

11-го іюня. Капитанъ Ивашинцевъ, съѣхавъ на берегъ, сообщилъ, что пришелъ для астрономическихъ наблюденій и вмѣстѣ для командированія въ распоряженіе экспе-

диціи одного офицера, для прибрежныхъ промѣровъ и измѣренія высотъ, для чего и снабженъ онъ всѣми необходимыми инструментами. По дошедшимъ до капитана Ивашинцева свѣдѣніямъ, шхуна Персіянинъ должна придти на дняхъ. Между-тѣмъ, по неимѣнію положительнаго въ этомъ ручательства, вслѣдствіе рапорта командира парохода «Уралъ» о совершенномъ истощеніи запаса каменнаго угля, достаточнаго только для одного рейса въ Баку, начальникъ экспедиціи далъ ему предписаніе отправиться туда немедленно за углемъ. Пароходъ снимется съ якоря завтра. На немъ возвратится въ Баку баронъ Врангель, котораго начальникъ экспедиціи просилъ прислать съ пароходомъ разныхъ товаровъ: нѣсколько кусковъ ситцу, обыкновенныхъ, дешевыхъ халатовъ и также стеклянныхъ вещей, особенно здѣсь цѣнимыхъ, всего примѣрно на 300 р. с.

Посланъ нарочный Сафаръ-бай въ отряды Скрябина и Рыбина, которые, по данному имъ маршруту, должны были соединиться и идти по направленію къ колодцамъ Кукуртъ,—съ извѣщеніемъ о выступленіи послѣ завтра къ нимъ на встрѣчу.

Поручикъ Старковъ осматривалъ въ подробности окрестныя мѣста и нашелъ глину и известь.

12-го іюня. На разсвѣтѣ вышли изъ здѣшней бухты пароходъ Уралъ въ Баку и пароходъ Дербентъ въ Александровскій фортъ. Съ послѣднимъ послана почта къ коменданту форта, для дальнѣйшаго отправленія оной въ Гурьевъ-городокъ.

Въ донесеніи, посланномъ съ почтой къ г. генералъ-губернатору, съ изложеніемъ общаго хода дѣлъ, объяснялась, между прочимъ, необходимость имѣть большее число подарковъ, чѣмъ было передано полковнику Дандевиль, передъ его отправленіемъ, такъ какъ, за неимѣніемъ вліятельнаго между Туркменами лица, которое могло-бы распоряжаться и облегчать сношенія,—приходится одаривать всякаго. Подполковникъ Берновъ, передавъ въ распоряженіе

экспедиціи значительные подарки на 1,000 р., оказалъ большое подспорье, но тѣмъ не менѣе оказывается надобность въ менѣе цѣнныхъ подаркахъ, которые и поручено барону Врангелю доставить изъ Баку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ особомъ донесеніи излагались причины, по которымъ Кувадагская долина признавалась удобнѣйшимъ мѣстомъ для устройства нашего заселенія,—согласно чему имѣютъ быть произведены на мѣстѣ подробныя съемочныя и пробныя работы.

Эти послѣднія работы поручикъ Старковъ началъ сегодня-же: обжигается известь привезенной съ Челекеня нефтяной землей, также дѣлаются кирпичи изъ здѣшней глины и начали рыть колодцы подъ горою Кызляръ-Тахта и еще въ самой долинѣ. Независимо отъ сего дѣлается съемка въ масштабѣ 250 саженъ. По окончаніи съемки, г. Старковъ имѣетъ показать геогностическія наблюденія, сдѣлать профиль окрестныхъ высотъ и составить предварительный проэктъ укрѣпленія.

Вечеромъ дошелъ слухъ, что Нефесъ-Махтумъ и другіе выражаютъ неудовольствіе, что имъ не дарятъ револьверовъ и другаго оружія.

Зазнавшимся Туркменамъ сообщено черезъ Ишана, что они могутъ возвратиться въ свои. аулы. Такимъ образомъ въ предстоящій походъ пойдетъ съ нами, не считая Ишана и караванъ-баша съ вожаками, одинъ только изъ здѣшнихъ жителей Челекенецъ Курбанъ-ханъ, братъ Кучака, молодой человѣкъ, очень щеголеватый, весьма приличный и услужливый.

Менглы-Дурды-ханъ также уѣхалъ въ свой аулъ, но только по собственной просьбѣ, прежде, чѣмъ было объявлено объясненное приказаніе Нефесу съ товарищами.

Менглы-Дурды-хану поручено доставить для экспедиціи, къ 20 числу сего мѣсяца, 30 барановъ, 1 кибитку и 15 турсуковъ.

Переданы подполковнику Бернову, для копировки, всѣ съемочныя работы, произведенныя по настоящее время, а г. Галкинъ сообщилъ ему составленное имъ по порученію Генералъ-Губернатора, въ прошломъ 1857 году, историческое обозрѣніе сношеній Россіи съ народомъ Туркменскимъ.

Сегодня солдаты отряда, ловя рыбу и раки, поймали нѣсколько сельдей. По словамъ мѣстныхъ жителей, они водятся здѣсь въ значительномъ количествѣ.

Изъ ягодъ, въ родѣ красной смородины, собранныхъ въ окрестныхъ горахъ, сварили варенье, очень пріятное на вкусъ.

13-го числа. Сегодня въ ночь аульные Туркмены—шейхи смутили воду въ колодцѣ Балкую. Они начали выражать стороной свое неудовольствіе на работы поручика Старкова.

Въ 6-мъ часу пополуночи всѣ чины экспедиціи, за исключеніемъ подполковника Бернова, переѣхавшаго съ парохода на баржу, и поручика Старкова, съ топографомъ Новиковымъ и 12-ю нижними чинами, оставленными при немъ для работъ,—отправились па колодцы Бурнакъ, на встрѣчу партіямъ, посланнымъ въ обходъ Карабугаза. Дорога вела сначала долиной, окаймленной Кува-Дагскими горами; потомъ поднялись на горы по узкой, извилистой дорогѣ, проложенной по каменьямъ. Подъемъ былъ тяжелъ для верблюдовъ, они взбирались медленно, ложились и отказывались идти впередъ. Тропа эта проложена Текинцами лѣтъ 10 назадъ, во время нападенія ихъ на здѣшнія мѣста. Затѣмъ путь пошелъ по возвышенному берегу, постоянно песками, по мѣстности почти ровной. Растительность здѣсь лучше. Почва покрыта кустарникомъ и аксяляу.

Въ 12-ть часовъ подошли къ колодцу Бурнакъ и

встали лагеремъ; колодцевъ здѣсь 19 [1]), всѣ обложены камнемъ, и при нихъ находятся высѣченныя изъ камня-же корыта, для поила скота. Вода оказалась только въ 4 колодцахъ; она холодна, но горька на вкусъ; здѣсь кочевали первоначально многочисленные аулы Туркменъ. За часъ до прихода на мѣсто, нашъ караванъ-башъ Мамбетъ-Бикеневъ, ѣхавшій впереди, поворотилъ вдругъ назадъ и на всемъ скаку вручилъ начальнику экспедиціи пакетъ отъ поручика Скрябина и подпоручика Рыбина, привезенный посланнымъ отъ нихъ нарочнымъ. Поспѣшность Бикенева объясняется не столько желаніемъ услужить, сколько принятымъ въ степи обыкновеніемъ давать суюнчи (подарокъ) первому, сообщившему добрую вѣсть. Скрябинъ и Рыбинъ писали, что они слѣдовали совершенно благополучно и на всемъ пути не встрѣтили ни одного человѣка.

У колодца Янги-су они соединились, 8-го іюня, но не предвидя никакой опасности, по отсутствію всякаго населенія, снова, 11-го іюня, раздѣлились: Скрябинъ пошелъ на колодцы Касынъ, куда долженъ прибыть 3-го іюля, а Рыбинъ пошелъ на Кугуртъ, Сюльмень и Суюджи-Кабилъ по пути на Балкую, предполагая придти туда къ 16 числу.

Вскорѣ, по прибытіи на Бурнакъ, посланъ къ поручику Скрябину на Касынь посыльный Умрузакъ, съ приказаніемъ идти на Суюджи-Кабилъ, куда завтра предположено было идти на соединеніе, но въ 4 часа, пока мы обѣдали, совершенно неожиданно, ранѣе однимъ днемъ, пришла партія подпоручика Рыбина. Вмѣсто одного онъ сдѣлалъ сегодня два перехода. У подпоручика Рыбина, за все время похода, было много больныхъ поносомъ, такъ какъ прѣсныхъ колодцевъ на пути, имъ пройденномъ, было

---

[1]) Поручикъ Скрябинъ и Рыбинъ, на пути вокругъ Карабугаза, находили по 40—50 колодцевъ на одномъ мѣстѣ.

всего 2, и прѣсную воду, взятую въ Киндерлинскомъ заливѣ, онъ долженъ былъ разбавлять соленою, чтобъ не остаться безъ воды. Больные получали помощь отъ фельдшера Гурьянова, бывшаго въ партіи Рыбина. Лихорадкой былъ боленъ всего одинъ человѣкъ.

На берегу Карабугаза подпоручикомъ Рыбинымъ найдены 11 верблюдовъ; они переданы въ партію поручика Скрябина.

Подъ вечеръ выступилъ отсюда подпоручикъ Алексѣевъ, съ 6 казаками, для снятія пространства, оставшагося не снятымъ на южномъ берегу Карабугаза, между его съемкою, по берегу моря, и съемкою подпоручика Рыбина.

Послѣдній передалъ образцы горючей сѣры, найденной у колодцевъ Кугуртъ (сѣра) и мѣднаго колчедана, взятаго въ окрестностяхъ сосѣдняго колодца Янги-Су. Между нечистою сѣрою, смѣшанною съ кварцемъ и пескомъ, попадались самородки.

14-го іюня. Посланъ на Балкую, для совмѣстныхъ тамъ работъ съ Новиковымъ, топографъ Китаевъ, подъ прикрытіемъ 5 казаковъ.

Найденъ дикій чеснокъ. Солдаты начали употреблять его въ щахъ и кашѣ.

Жаръ доходитъ до 35° реомюра.

15-го іюня. По случаю прибытія партіи подпоручика Рыбина, посланъ былъ съ разсвѣтомъ на колодцы Суюджи-Кабилъ нарочный Болгара, съ приказаніемъ Скрябину идти на Бурнакъ; посыльному приказано дожидаться тамъ до вечера 16-го числа и, если поручикъ Скрябинъ не придетъ, вернуться на Бурнакъ. Жаръ доходилъ до 37°.

Вечеромъ были слышны пушечные выстрѣлы со стороны Балкую.

Найденъ, въ верстѣ отсюда, въ сыпучихъ пескахъ, колодезь съ совершенно прѣсной водой.

16-го іюня. Въ 4-мъ часу пополудни вернулся съ Касына посыльный Умрузакъ. Онъ не нашелъ тамъ поручика Скрябина и поѣхалъ на колодезь Сюйли; по пути видѣлъ какой-то слѣдъ, поѣхалъ было по немъ, но долженъ былъ возвратиться, потому что слѣдъ началъ теряться; главное-же, начала томить его жажда, почему онъ и вернулся на колодезь Касынъ, гдѣ, доставая воду, оборвалъ веревку, послѣ чего рѣшился направиться обратно на Бурнакъ.

Въ 8 часовъ вернулся подпоручикъ Алексѣевъ, исполнившій порученіе совершенно благополучно. На пути онъ также не встрѣтилъ никого изъ Туркменъ. Съ нимъ съѣхался у самой нашей кочевки другой нарочный, посыльный къ Скрябину на Суюджи-Кабилъ — Болгара, который, въ свою очередь, не сошелся съ нимъ.

Немедленно посланъ на Касынъ еще посыльный къ Скрябину, Машадъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если не найдетъ Скрябина, проѣхалъ на Аджигиръ, а если и тамъ не встрѣтится, то искалъ-бы слѣдъ его отъ Сюйли. Въ случаѣ встрѣчи съ Скрябинымъ на Касынѣ, Машадъ обязанъ немедля вернуться съ отвѣтомъ, что должно быть въ ночь завтрашняго числа; иначе-же обязывается идти при отрядѣ Скрябина и вести его на Балкую.

Больныхъ въ отрядѣ 5 человѣкъ: двое признаками цынги и трое лихорадкой.

17-го. Въ 8 часу утра, пріѣхалъ черезъ Балкую, посланный туда нарочный отъ Скрябина, Уразъ-Ніязъ-Латыфовъ. Скрябинъ писалъ, что 13-го числа ночевалъ у Балханскаго залива. Колодцевъ не нашелъ, такъ что отрядъ былъ безъ воды. Колодцы Касынъ остались въ сторонѣ. Вожакъ не указалъ на нихъ. 14-го онъ перешелъ къ колодцу Булюкъ, съ соленой, горькой водой, откуда, на слѣдующій день, и послалъ Латыфова. Здѣсь онъ остановился въ предположеніи, что главный отрядъ соединится съ нимъ тутъ, по дорогѣ въ Балханы. Эти колодцы лежатъ отъ касынскихъ, верстахъ въ 20-ти. Въ 15-ти верстахъ

отъ Булюкъ, ближе къ Балханамъ, находятся колодцы Кучакъ, съ хорошей водой. Скрябинъ послалъ было туда людей съ боченками, чтобъ налиться водою, но посланные, увидавъ, не доѣзжая колодцевъ, обширные аулы и встрѣтивъ многочисленныя стада верблюдовъ и барановъ, не рѣшились ѣхать далѣе и вернулись. Одни только эти аулы и видѣлъ отрядъ Скрябина на всемъ своемъ пути. Верблюды отряда — писалъ Скрябинъ—почти всѣ обезножили отъ переходовъ по каменистому грунту. Кормы на пути были плохіе и на колодцѣ Булюкъ нашли только камышъ въ небольшомъ количествѣ. Большою частью встрѣчали одинъ саксаулъ. Изъ верблюдовъ палъ одинъ. Люди здоровы и заболѣвали только легкими поносами.

На колодцѣ Туаръ, верстахъ въ 20 отъ Кара-Бугаза, по эту сторону, найденъ поручикомъ Скрябинымъ каменный уголь; по ту-же сторону залива онъ видѣлъ признаки сѣры и хорошей соли. О количествѣ соли въ карабугазской водѣ, можно судить по тому, что при купаніи въ заливѣ, соль осаждается на тѣлѣ. Она горька на вкусъ.

Вмѣстѣ съ донесеніемъ поручика Скрябина, получено извѣщеніе отъ поручика Старкова о приходѣ шхуны Персіянинъ, взявшей въ Александровскомъ фортѣ оставленный тамъ провіантъ и почту.

Немедленно приказано сняться и идти обратно на Балкую. Начальникъ экспедиціи, гг. Алексѣевъ, Галкинъ, Ильминскій и Рыбинъ, съ 8 казаками, поѣхали впередъ и были на Балкую къ 12 часамъ дня. Отрядъ-же съ тяжестями пришелъ въ 6 часу пополудни. Чтобъ избѣжать спуска по горной дорогѣ, отрядъ обошелъ Кува-Дагскія горы на уроч. Каинъ-Ата и давалъ, на половинѣ пути, привалъ. Въ почтѣ, доставленной командиромъ шхуны капитанъ-лейтенантомъ Рогаль-Левицкимъ, заключалось между прочимъ увѣдомленіе к.-а. Машина о присылкѣ шхуны, съ предоставленіемъ на выборъ—оставить шхуну или пароходъ Уралъ и о приказаніи, данномъ начальнику ас-

трабадской станціи, объ отправленіи въ распоряженіе экспедиціи парохода Волга, или-же одной баржи. При этомъ адмиралъ Машинъ просилъ, въ случаѣ возможности, отослать излишнія суда немедленно въ Астрахань, гдѣ оказывалась въ нихъ настоятельная надобность.

По пріѣздѣ на Балкую, были также получены съ Челекеня письма отъ Ана-Хасана и Салихъ-хана. Послѣдній извѣщалъ о неудачныхъ стараніяхъ своихъ нанять верблюдовъ и лошадей для экспедиціи и о томъ еще, что атрекскіе и балханскіе кочевники не расположены, будто-бы, въ нашу пользу и цѣлое войско, подъ начальствомъ Миришъбая и Ходжи-Ніязъ-муллы, идетъ съ Атрека, съ намѣреніемъ насъ ограбить. Предполагая, что мы находимся на Красноводской косѣ, Салихъ-ханъ совѣтовалъ выставить караулъ на перешейкѣ Кески.

Пріѣзжавшій сюда торговецъ изъ Гассанъ-Кули подтвердилъ эти слухи.

Свѣдѣній отъ хановъ, посланныхъ въ Балханы, для найма верблюдовъ, еще не получено.

Кромѣ отсутствія необходимаго числа верблюдовъ, для дальнѣйшаго похода берегомъ, оказался еще недостатокъ въ уксусѣ, спиртѣ, мукѣ, перцѣ, хрѣнѣ для цынготныхъ, также и въ другихъ вещахъ, какъ въ боченкахъ для воды, веревкахъ, подковахъ и проч., почему начальникъ экспедиціи и предположилъ отправить немедленно шхуну за этими припасами въ Александровскій фортъ.

При свиданіи съ командиромъ шхуны, было рѣшено, что послѣдняя, имѣя всего 1,500 пуд. угля, не можетъ сдѣлать съ этимъ количествомъ топлива 2 рейса въ фортъ и обратно и должна, поэтому, дождаться прихода сюда парохода Уралъ, чтобъ взять съ него до 3,000 пуд. угля. Пароходъ, въ этомъ случаѣ, пойдетъ въ Астрахань черезъ Баку, чтобъ запастись тамъ топливомъ; а шхуна, сдѣлавъ рейсъ въ Александровскій фортъ, вернется въ Красноводскій заливъ тоже

черезъ Баку, гдѣ, въ свою очередь, возьметъ уголь, нужный для слѣдованія къ Атреку. Пароходъ Уралъ еще не пришелъ. Жаръ доходилъ до 36° по Реом. въ тѣни. Больныхъ 10 человѣкъ, преимущественно поносомъ.

Впродолженіи пребыванія нашего на Бурнакѣ, поручикъ Старковъ, составилъ генеральный планъ укрѣпленія, а топографъ Новиковъ снялъ Кува-Дагскую долину въ масштабѣ 250 саженъ. Здѣшняя глина, по опытамъ поручика Старкова, оказалась совершенно годною, для кирпичей; равнымъ образомъ оказалась хорошихъ качествъ и мѣстная известь.

18-го іюня. Парохода еще нѣтъ. Жаръ усилился 2-мя градусами. Вѣтру не было. Духота утомила всѣхъ. Число больныхъ не увеличилось.

19-го іюня. Въ полдень прибыла съемочная партія поручика Скрябина, совершивъ путь, берегомъ Балханскаго залива, совершенно благополучно.

Черезъ 3 часа послѣ того пришелъ параходъ Уралъ. На немъ доставлены отъ барона Врангеля разныя вещи, какъ-то: стеклянные ковши, стаканы и пр., также шелковыя, парчевыя матеріи и ситцы разныхъ сортовъ, всего на 352 р.

Дано предписаніе командиру парохода о сдачѣ имъ на шхуну всего угля, полученнаго въ Баку, за исключеніемъ необходимаго для обратнаго слѣдованія его въ Бакинскій рейдъ. Также предписано передать командиру шхуны 12-ти весельную лодку, буксированную пароходомъ. Изъ Баку пароходъ имѣетъ отправиться, согласно требованію командующаго каспійскою флотиліею, въ Астрахань.

20-го іюня. Перегружался уголь съ парохода на шхуну.

Вечеромъ сданы на пароходъ Уралъ 2 пакета — одинъ на имя начальника главнаго штаба кавказской арміи для сдачи въ Баку на почту, а другой — на имя контръ-адмирала Машина, для доставленія въ Астрахань. Въ 1-мъ сообщалось, что всѣ съемочныя работы, по приведеніи ихъ въ порядокъ, передаются подполковнику Бернову, для

скопированія, равно сообщаются ему и всѣ свѣдѣнія статистическія и этнографическія, собираемыя о Туркменахъ. Во 2-мъ начальникъ экспедиціи увѣдомлялъ, что по окончаніи береговой съемки Кара-Бугаза и при постепенномъ уменьшеніи продовольственныхъ запасовъ, не предвидится болѣе надобности въ баржѣ съ астрабадской станціи, что береговые промѣры производились, гдѣ предстояла въ нихъ надобность, прапорщикомъ Абрамовымъ, по его вызову, на шестеркѣ съ баржи № 4, при содѣйствіи топографовъ экспедиціи, опредѣлявшихъ углы промѣрныхъ линій, — и наконецъ, что Салихъ-ханъ до сего времени не только не оказалъ экспедиціи никакого содѣйствія, но и не пріѣхалъ еще сюда. Командиру шхуны Персіянинъ, также переданы два пакета: одинъ на имя коменданта Александровскаго форта, и другой почтовый, для отправленія изъ форта, на Гурьевъ, въ Оренбургъ. Въ предписаніи коменданту поручалось отпустить, втеченіи одного дня, разныхъ, какъ упомянутыхъ выше, такъ и другихъ принадлежностей по особому списку, сдать на шхуну одинъ 3-хъ фунт. единорогъ съ передкомъ, съ 50-ю зарядами (30 съ картечью и 20 съ гранатами), въ видахъ большей безопасности при слѣдованіи въ Балханы, и отправить одного кузнеца съ необходимыми инструментами· Для пріема означенныхъ предметовъ командированъ поручикъ Шлиттеръ.

Также посланы въ фортъ 4 больныхъ нижнихъ чиновъ, страдающихъ: 1 скорбутомъ, 2 лихорадкою съ желтухою и 1 изнурительнымъ поносомъ, которыхъ, по удостовѣренію медика, было-бы опасно оставлять здѣсь. Ихъ поручалось коменданту замѣнить здоровыми чинами.

Въ почтовомъ пакетѣ было послано донесеніе генералъ-губернатору, въ которомъ между прочимъ писалось:

1) Если не удастся посланнымъ въ Балханы нанять верблюдовъ, то во всякомъ случаѣ предполагается идти туда, но только врядъ-ли возможно будетъ пройти оттуда прямо сухимъ путемъ на Атрекъ. Имѣющіеся нынѣ верблюды—не

подымутъ мѣсячнаго запаса продовольствія; если-же, по приходѣ на Балханы и можно будетъ пріобрѣсти верблюдовъ, волею или неволею, то неизвѣстно удастся-ли подвезти на нихъ со шкуны остальной запасъ черезъ безводный полуостровъ Дарджу, отъ того мѣста, гдѣ шхуна можетъ, по распросамъ, подойти довольно близко къ берегу. При этихъ затрудненіяхъ, останется возвратиться къ колодцу Балкую и снять берегъ до Атрека, высаживаясь только въ удобныхъ мѣстахъ.

2) При слѣдованіи экспедиціи берегомъ, начальникъ астрабадской морской станціи могъ-бы оказать содѣйствіе высылкою на встрѣчу небольшаго отряда, о чемъ и предполагается просить его, но, сколько извѣстно отъ флотскихъ офицеровъ шхуны и парохода, на станціи не имѣется въ настоящее время никакихъ къ тому средствъ.

3) Въ ожиданіи возвращенія шхуны предполагается изслѣдовать еще другое подъ заселеніе мѣсто, совершенно открытое, въ западномъ углу Красноводскаго залива. Если окажется тутъ, при рытіи колодцевъ, прѣсная вода, то и этотъ пунктъ можетъ быть хорошъ.

21-го іюня. Шхуна и пароходъ снялись сегодня утромъ съ якоря и вышли изъ бухты. Шхуна на разсвѣтѣ, а пароходъ часу въ восьмомъ.

Начата съемка пространства, предположеннаго подъ укрѣпленіе, въ масштабѣ 50 саж. въ дюймѣ.

Получено письмо отъ Маметъ-Сафы. Содержаніе его въ буквальномъ переводѣ слѣдующее:

«Послѣ разлуки съ вами, черезъ три дня, мы пришли къ Чорвамъ, но они не могли дать намъ единодушнаго отвѣта. Старшины ихъ находятся на Канлангды и Аджри: туда отправилъ я посыльнаго, до возвращенія-же его, ничего рѣшительнаго сказать нельзя. Наняли его за 6 руб. Ямуды хорошаго ничего не говорятъ, но поѣхавшіе со мной ханы сдѣлали имъ много полезныхъ внушеній. Человѣку, отправленному посыльнымъ, сроку дано 6 дней. Съ береговъ Гюргени вер-

нулись жнецы, но новостей никакихъ не сообщаютъ, говорятъ только, что Салихъ-ханъ не могъ достать верблюдовъ. Если-же здѣшній народъ соединится въ мысляхъ, то верблюды найдутся. По пріѣздѣ нашего посыльнаго, пошлемъ его къ вамъ, прежде нашего возвращенія. Еще слово: будьте осторожны, народу много, нельзя знать, что у него на умѣ; пока насъ честятъ, знаютъ, что идутъ Русскіе, боятся и только, а больше сказать нечего.»

Больныхъ въ отрядѣ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, имѣющихъ поносъ, по удостовѣренію доктора, незлокачественный, а происходящій отъ употребленія перемѣнной воды. Жаръ поддерживается въ одинаковой степени.

22-го іюня. Начальникъ экспедиціи, гг. Алексѣевъ, Берновъ, Галкинъ, Ильминскій и Старковъ отправились въ 9-мъ часу утра на баржѣ, по направленію къ западному углу Красноводскаго залива. Сухимъ-же путемъ выступили туда, на разсвѣтѣ, сотникъ Мартыновъ съ 40 казаками. По прибытіи его на Красноводскую косу, къ мысу Акъ-Джаръ, поручено ему очистить нѣсколько старыхъ копаней, находящихся на самомъ берегу моря.

Во 2-мъ часу по полудни баржа вошла въ небольшую бухту, образуемую между горой Кайпата и восточнымъ берегомъ косы, и встала на якорь, саженяхъ въ 200 отъ берега. Впродолженіи всего пути, по отсутствію попутнаго вѣтра, она должна была лавировать. Съѣхали на берегъ на 12-ти-весельной лодкѣ. Лодка, по мелководью, также не могла подойти къ самому берегу. Прапорщикъ Марышевъ, оставленный капитаномъ Ивашинцевымъ, при экспедиціи, для производства промѣровъ, отправился на шестеркѣ въ бухту, но сѣверный вѣтеръ заставилъ его вернуться. Сотникъ Мартыновъ опередилъ баржу нѣсколькими часами. Подъ его наблюденіемъ, были уже вырыты нашими казаками и Туркменами отряда 3 колодца, но вода оказалась въ нихъ горько-соленая. Лошади пили только изъ одного изъ нихъ и то мало. Были вырыты еще два

колодца, одинъ въ 250 шагахъ отъ старыхъ копаней, а другой — подъ каменистымъ берегомъ мыса Акъ-Джаръ, на глубинѣ сажени. Въ обоихъ показалась вода, горько-соленая.

Мысъ Акъ-Джаръ и ближайшіе высоты состоятъ изъ песку, покрытаго кустарникомъ и порядочнымъ кормомъ для лошадей и верблюдовъ; у самаго берега, почва песчаная съ ракушей. Растетъ довольно много аксяляу. Мѣсто это лежитъ отъ Балкую верстахъ въ 10-ти.

Около одного бархана, подъ кустами аксяляу, найдена была куча деревянныхъ четвероугольныхъ досчечекъ, вершка въ 2 въ квадратѣ. Дерево это въ родѣ пальмы — называется Чымчатъ, вывозится изъ Персіи и идетъ на гребни.

Осмотрѣвъ Акъ-Джаръ, возвратились къ вечеру на баржу.

Сотнику Мартынову дано приказаніе вернуться на Балкую тѣмъ-же путемъ, завтра утромъ.

23-го іюня. Съ 5-ти часовъ утра, прапорщикъ Марышевъ началъ промѣръ бухты и кончилъ къ 10-ти часамъ. Бухта оказалась очень хорошею по глубинѣ и въ особенности къ сторонѣ ур. Кайпата.

Черезъ часъ, въ 11 часу по полудни, снялись съ якоря и пошли съ легкимъ попутнымъ вѣтромъ въ обратный путь. Во 2-мъ часу по полудни пристали къ Балкую.

Въ отрядѣ было все благополучно. Сотникъ Мартыновъ возвратился тогда-же. Также прибылъ посыльный отъ Ана-Хасана, съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ на Челекень Салихъ-хана и о намѣреніи его явиться завтра. Еще получено новое письмо отъ Маметъ-Сафы. Относительно найма верблюдовъ, въ немъ ничего положительнаго не сообщалось: «мнѣнія Ямудовъ были раздѣлены.»

Привезшій письмо, Тоганъ-Дурды-шейхъ, изъ Аджры, отстоящаго отъ Карадуреня (гдѣ находится Маметъ-Сафа), въ трехъ переходахъ влѣво отъ Балханъ, на распросы объяснилъ, что ямудскіе старшины дѣ-

лаютъ добрыя внушенія, но множество людей дерзкими рѣчами стараются имъ противодѣйствовать и что до ожидаемаго пріѣзда другихъ еще старшинъ: Уразъ-Мурадъ-Кюра и Аманъ-Гельды-шейха нельзя пока знать можно-ли будетъ достать верблюдовъ.

Въ окрестностяхъ Балхановъ насчитывается теперь около тысячи кибитокъ. Есть слухъ, что Кучакъ-ханъ, младшій братъ Черкесъ-хана, захваченнаго Русскими, по подозрѣнію въ грабежахъ, ушелъ на Атрекъ, съ намѣреніемъ собрать шайку для нападенія на нашъ отрядъ.

24-го іюня. Утромъ выступилъ подпоручикъ Алексѣевъ, подъ прикрытіемъ 30-ти казаковъ, для снятія пространства между колодцами Касынъ, Сюйли и Сюльменъ, оставшагося не снятымъ между съемками поручика Скрябина и подпоручика Рыбина.

Во 2-мъ часу по полудни, пріѣхали ханы Салихъ и Ана-Хасанъ. Ихъ принялъ переводчикъ экспедиціи. Они разбили холщевую палатку въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашего лагеря.

Ана-Хасанъ предъявилъ подлинное письмо къ нему отъ Таганъ-Казы, который извѣщалъ, что письмо начальника экспедиціи имъ получено, и что сына своего Яру-Муллу, ожидаемаго домой черезъ три дня, онъ немедленно пришлетъ. Письмо оканчивалось увѣреніями въ дружбѣ и преданности.

Кадыръ-ханъ, по словамъ означенныхъ сына и племянника его, тоже пріѣхалъ на Челекень и завтра будетъ сюда.

Начальникъ экспедиціи принялъ ихъ вечеромъ, въ 8 часу, во время стрѣльбы въ цѣль штуцерной команды. Стрѣляли на разстояніи 600 и 900 шаговъ весьма удачно: на первой дистанціи изъ 50 выстрѣловъ, попало въ мишень 28 пуль, а во второй изъ того-же числа 17. Нѣкоторые Туркмены смотрѣли недовѣрчиво на стрѣльбу, имъ не вѣрилось, чтобы на такомъ разстояніи можно было попадать въ цѣль. Имъ

показали избитую пулями мишень, и это произвело на нихъ желаемое впечатлѣніе.

Вечеромъ, когда смерклось, были пущены, для пробы, 3 боевыя ракеты и 7 сигнальныхъ, въ видѣ привѣтствія хановъ, по случаю ихъ пріѣзда. Пущенныя къ морю боевыя ракеты летѣли очень удачно, не смотря на сильный боковой вѣтеръ, двѣ изъ нихъ лопнули въ воздухѣ. Ханы выражали свое удивленіе, но вскользъ замѣтили, что непріязненныя туркменскія шайки никогда не нападаютъ днемъ, а обыкновенно ночью, внезапно.

Передъ фейерверкомъ Салихъ-ханъ объяснилъ, но очень непослѣдовательно и какъ-бы теряясь въ словахъ, что астраханскій военный губернаторъ, отпуская его изъ Астрахани, сказалъ, что онъ получитъ отъ начальника астрабадской станціи свѣдѣніе, сколько именно и когда понадобятся для экспедиціи верблюды и лошади, но к.-л. Лихаревъ не далъ ему этихъ свѣдѣній; согласно-же слышанному отъ контръ-адмирала Машина, что понадобится примѣрно до 20 лошадей и 30 верблюдовъ, купилъ было 15 лошадей; но когда узналъ, что при экспедиціи есть и верблюды и лошади, то продалъ тогда-же всѣхъ купленныхъ.

Начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что ему дѣйствительно не нужны лошади, а только одни верблюды, за которыми и поѣхали посланные въ Балханы. Если-же они не найдутъ верблюдовъ, то онъ обойдется безъ нихъ и будетъ продолжать движеніе на Балханы и оттуда къ Атреку съ имѣющимися верблюдами. Пріобрѣсти-же добавочныхъ верблюдовъ желалъ-бы съ цѣлью скорѣйшаго, слѣдованія навьючивая ихъ легче.

Затѣмъ, на слова Салихъ-хана о желаніи благополучнаго и безопаснаго намъ слѣдованія на Балханы, — отвѣчалъ, что и не ожидаетъ непріязненнаго противъ насъ дѣйствія со стороны Туркменъ, потому что самъ ничего противъ нихъ не замышляетъ, обходится со всѣми дружно и награждаетъ всякаго соразмѣрно услугѣ; если-же какіе-ни-

будь неблагонамѣренные и вздумаютъ напасть, то, конечно, они-же сами будутъ въ томъ раскаяваться.

По пріѣздѣ вечеромъ съ баржи г. Бернова, Салихъ-ханъ передалъ ему письмо отъ к.-л. Лихарева, который извѣщалъ объ отправленіи сюда Кадыръ-хана, поручалъ его вниманію экспедиціи, обѣщалъ выѣхать на встрѣчу на пароходѣ къ Гасанъ-Кули и въ заключеніе просилъ содѣйствія экспедиціи къ выручкѣ захваченныхъ у него 7 матросовъ, о чемъ упоминалось выше. Изъ нихъ Туркмены возвратили покуда одного и хотѣли прислать еще двухъ.

25-го іюня. На разсвѣтѣ вышла отсюда баржа для производства новыхъ промѣровъ въ бухтѣ Кызылъ-Су на оконечности Красноводской косы. Подполковникъ Берновъ остался на баржѣ.

Салихъ и Ана-хасанъ прислали утромъ нѣсколько дынь и родъ жидкой пастилы темно-коричневаго цвѣта, называемой нарау. Она дѣлается изъ гранатъ. Разведенная въ водѣ даетъ пріятный кислый напитокъ. Дыни, привезенныя съ Атрека еще не поспѣли. Лучшіе дыни и арбузы родятся на Огурчинскомъ островѣ и на Красноводской косѣ; на Челекени имѣютъ они солоноватый вкусъ. Вечеромъ ханы принесли еще дынь, сушеную рыбу и икру. Послѣдняя дурно приготовлена и невкусна. Она приготовляется на Атрекѣ, гдѣ ловится икряная рыба; здѣсь-же и далѣе къ сѣверу попадается икряной рыбы мало.

Салихъ-ханъ интересовался участью своего брата Анъ-Мамета, воспитывавшагося въ Россіи и служащаго въ какомъ-то кавалерійскомъ полку. Онъ участвовалъ, будто-бы въ послѣдней нашей войнѣ, о чемъ писалъ имъ съ небольшимъ годъ тому назадъ изъ Харькова. Въ Россіи были еще его братъ и братъ Ана-Хасана, но они, по слухамъ, умерли. Затѣмъ, за чаемъ съ ромомъ (онъ, какъ и Ана-Хасанъ, большой охотникъ до вина), Салихъ говорилъ, что онъ и отецъ его Кадыръ-ханъ желаютъ искренно, чтобы Русскіе укрѣпились на Красноводской косѣ и еще на Серебрян-

Салихъ-Ханъ, внукъ Кіатъ-Аги.

номъ бугрѣ. Послѣдній съ ближайшими окрестностями составляетъ, будто-бы, неотъемлемую собственность Кадыръ-хана, и онъ намѣревался было предложить, черезъ кап. Лихарева, мѣстность эту Государю Императору, но, услышавъ отъ него, Салиха, о снаряженіи экспедиціи, пріостановился, съ цѣлью просить о семъ начальника экспедиціи. На означенномъ Серебрянномъ бугрѣ, по словамъ Салиха, есть и хорошая вода, и порядочная растительность. Англичане домогались купить его, но имъ Кадыръ не довѣряетъ. Когда укрѣпятся здѣсь Русскіе, добавилъ Салихъ, то и Туркмены присмирѣютъ; теперь-же думаютъ они, что Русскіе идутъ только для того, чтобы ихъ ограбить и выжечь аулы. «Это все Салихъ—говорятъ они — былъ въ Астрахани и къ намъ войну тащилъ.»

На счетъ Серебряннаго бугра начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что если Кадыръ дѣйствительно предложитъ его, то объ этомъ будетъ донесено Государю Императору.

Салихъ и Ана-Хасанъ ужинали у насъ, и ихъ позвали еще завтра къ обѣду.

Вечеромъ получено было письмо отъ Маметъ-Сафы, съ обратнаго уже пути съ извѣстіемъ, что нанято 100 верблюдовъ и при нихъ ѣдутъ нѣсколько старшинъ.

26-го іюня. Въ 11-мъ часу утра пріѣхали Маметъ-Сафа и всѣ посланные вмѣстѣ съ нимъ въ Балханы. Они привезли съ собой балханскихъ старшинъ, къ которымъ на встрѣчу были посланы переводчикъ экспедиціи и Ишанъ съ верховыми лошадьми.

Начальникъ экспедиціи вышелъ къ пріѣхавшимъ старшинамъ на встрѣчу, и потомъ, когда всѣ размѣстились въ кибиткѣ, въ которую пришли также Салихъ и Ана-Хасанъ, —благодарилъ старшинъ за доставленіе верблюдовъ и на слова, что балханскіе жители боятся нашихъ войскъ, объяснилъ что у насъ войска мало и взято только для огражденія себя отъ тѣхъ непріязненныхъ Туркменъ, которые, не зная о нашихъ

добрыхъ намѣреніяхъ, вздумають напасть на насъ. Затѣмъ слѣдовало угощеніе.

27-го іюня. Утромъ были одарены ѣздившіе въ Балханы ханы за оказанное усердіе по найму верблюдовъ: Кучакъ и Гельды халатами, а остальные сукномъ на халаты.

Они всѣ предъявили при этомъ, что данныхъ верблюдовъ Балханцы не рѣшаются отпустить на Атрекъ, и дали единственно для слѣдованія въ Балханы. Извѣстный Миришъ-бай, прибавили ханы, ожидается въ Балханы къ праздннику байрамъ. Онъ очень богатъ, имѣетъ кочевья на Балханахъ и на Атрекѣ; «а богатые всѣ благонамѣренны» сказали они. Къ тому сынъ Мириша угощалъ ихъ въ кибиткѣ отца, почему и можно поручиться за послѣдующія благонамѣренныя дѣйствія Мириша. «Что было прежде, не знаемъ, а теперь будетъ хорошо.» Такъ убѣждали они въ возможности движенія на Атрекъ.

Затѣмъ начальникъ экспедиціи принималъ пріѣхавшихъ съ Балханъ старшинъ, Ямудовъ: 1) упомянутаго Уразъ-Мурадъ-Кюря, 2) Дуглы-хана (тесть Салихъ-хана) 3) Диванэ, 4) Нефесъ-Казака, 5) Нуръ-Мамета, 6) Ана-Клыча и 7) Куюнъ-Жуллу. Всѣ они очень пожилые, за исключеніемъ Ана-Клыча.

На привѣтъ говорили о неудобствахъ, встрѣченныхъ при наймѣ верблюдовъ, объясняя тѣмъ, что нѣтъ у Туркменъ одной сосредоточенной власти и что предстояло потому убѣждать каждаго порознь. Высказывали также опасенія на счетъ нападенія на насъ Теке и Гоклановъ съ Гюргени и обѣщали въ этомъ случаѣ содѣйствіе свое силою и даже деньгами. «У насъ есть, сказалъ Дуглы-ханъ, и хорошіе люди и дурные (собаки); на первыхъ можно дѣйствовать золотомъ, а на послѣднихъ силою.»

Начальникъ экспедиціи выдалъ имъ, въ знакъ благодарности, первому халатъ, двумъ послѣдующимъ по сукну на халаты, а остальнымъ плису на шаровары, ситцу на рубашки и по кушаку. Когда были розданы эти подарки, Туркмены встали, сотворили молитву и потомъ, поблагодаривъ, разошлись.

Нефесъ-Казакъ, какъ оказалось послѣ, былъ недоволенъ данными ему подарками на томъ основаніи, что онъ родственникъ очень вліятельнаго въ Балханахъ Валибая и потому долженъ, будто, получить тоже, что получилъ-бы самъ Валибай, еслибъ находился здѣсь, т. е. не болѣе, какъ сукно на халатъ.

Онъ отказался отъ своего подарка и хотѣлъ было увести своихъ 30 верблюдовъ. Чтобъ не ссорится съ Туркменами въ самомъ началѣ сношеній, начальникъ экспедиціи выдалъ ему желанное сукно.

Послѣ обѣда явился ѣздившій съ письмомъ и подарками къ Таганъ-Казы, Ніязъ-Маметъ. Онъ сообщилъ, что Таганъ-Казы былъ очень доволенъ подарками и послалъ за своимъ сыномъ на Атрекъ. Ніязъ-Маметъ извѣстенъ, какъ отличный лоцманъ и взялся вести наши суда къ сѣвернымъ берегамъ Балханскаго залива, по мѣстамъ малоизвѣстнымъ.

Сегодня дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, и жаръ спалъ съ 36° до 17.

Ана-хасанъ поѣхалъ за Кадыръ-ханомъ на Челекень.

Салихъ-ханъ ужиналъ у насъ. Ему даны въ подарокъ большой серебрянный стаканъ и для его невѣсты, сестры Кучакъ-хана, женскій рабочій, жестяной ящикъ.

Говоря о кочевьяхъ своихъ и другихъ хановъ на Атрекѣ и Челекени, онъ часто упоминалъ о плѣнныхъ, называя ихъ своими крестьянами.

Салихъ-ханъ опасается похода въ Балханы: трусить и за себя (онъ вызывается идти при отрядѣ), и за насъ.

28-го іюня. Сегодня возвратились баржа и съемочная партія подпоручика Алексѣева.

По случаю байрама, выдано Туркменамъ, находящимся здѣсь, 10 барановъ заимообразно и еще столько-же въ подарокъ.

Балханскіе Туркмены начали предъявлять разныя условія по найму данныхъ ими верблюдовъ. Поручено переводчику

условиться окончательно на счетъ цѣны найма и платы верблюдовожатымъ. Съемка мѣста подъ укрѣпленіе, въ масштабѣ 50 с., кончена.

29-го іюня. Сдѣланъ уговоръ съ ямудскими старшинами въ наймѣ верблюдовъ. Цѣна за верблюда положена по 9 р. сер. въ мѣсяцъ съ правомъ расчета и отпуска ненужныхъ верблюдовъ по истеченіи 10 дней. На всѣхъ 102 верблюдовъ, опредѣлено имѣть 20 верблюдовожатыхъ, съ платою каждому по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ. Старшины предположили при томъ посылать отъ себя конные караулы впередъ за 100 верстъ по приходѣ на Балханы, въ видахъ нашей защиты и въ предположеніи, что у насъ мало войска; при этомъ они спросили, какъ должны дѣйствовать эти караулы, прогонять шайки, или платить, чтобъ не нападали. Имъ было объявлено, что они напрасно безпокоятся обо всемъ этомъ.

Прапорщикъ Марышевъ, посредствомъ призмозеркальнаго круга, дѣлалъ опредѣленія высотъ прибрежныхъ Кувадагскихъ горъ, для составленія профилей къ проэкту укрѣпленія.

30-го іюня шхуна еще не пришла. Вечеромъ было пущено нѣсколько ракетъ, а нижніе чины отряда пѣли и играли въ чехарду и другія игры. Передъ тѣмъ стрѣляли въ цѣль изъ револьверовъ. Пистолеты эти и мѣткая стрѣльба изъ нихъ на дальнемъ разстояніи удивляли Туркменъ.

Салихъ-ханъ получилъ вечеромъ письмо отъ отца Кадыръ-хана съ Челекеня, съ просьбою, чтобъ онъ поспѣшилъ извѣстить, когда и гдѣ Кадыръ-хану удобнѣе явиться къ начальнику экспедиціи. Посланный отъ Кадыра разошелся съ лодкой Ана-хасана, ѣхавшаго за нимъ.

1-го іюля. Изъ Балханъ получено извѣстіе, слышанное отъ одного туркменскаго торговца, возвратившагося изъ Хивы, что суда нашей Аральской флотиліи, подъ начальствомъ капитана 1-го р. Бутакова, вошли въ Аму-Дарью, бросили якоря у Кунграда и начали вводить въ него войска, въ числѣ 25 тысячъ человѣкъ — такъ говорили въ Хивѣ.

Сегодня подулъ опять сѣверный вѣтеръ и сдѣлалось прохладнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Изъ пріѣхавшихъ съ Балханъ, стирикъ Ураzъ-Муратъ-Кюръ началъ высказываться. Оказалось, что онъ знаетъ направленіе стараго русла Аму, по которому ѣздилъ въ Хиву. Въ самомъ руслѣ или по берегамъ его есть почти вездѣ на разстояніи переходовъ, отъ 15—30 верстъ, колодцы съ прѣсною водою. Всего встрѣчается только 4 солоноватыхъ колодца и 3 перехода, примѣрно вдвое большихъ, безъ воды. Уразъ-Муратъ палагаетъ, что при срытіи плотины у Куня-Ургенча вода непремѣнно пошла-бы по-прежнему руслу.

Кромѣ того онъ сообщилъ маршруты въ Хиву отъ Атрека и Гюргени.

2 и 3-го іюля. Пріѣхалъ съ Челекеня Ана-Хасанъ. Кадыръ ѣдетъ за нимъ на другой лодкѣ.

4-го іюля. Ана-хасанъ слышалъ на Челекени, что шхуна Персіянинъ и пароходъ Уралъ, по выходѣ отсюда, стояли 2-е сутокъ у острова. Причина сего неизвѣстна; допустить-же, чтобы суда попали на идущую отъ Челекеня далеко въ море отмель нельзя, потому что, по слухамъ, они не стояли на одномъ мѣстѣ, а передвигались.

О шхунѣ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Жаръ доходилъ сегодня до 36° въ тѣни.

5-го іюля. Вечеромъ пріѣхалъ Кадыръ-ханъ.

6-го іюля. Начальникъ экспедиціи принималъ утромъ Кадыръ-хана. Онъ былъ въ жалованномъ халатѣ изъ термаламы, съ золотой медалью на шеѣ и съ украшеннымъ каменьями кинжаломъ, пожалованнымь ему въ бытность Кадыра въ Петербургѣ, по окончаніи экспедиціи г. Карелина, которому онъ сопутствовалъ.

Кадыръ-ханъ также показалъ, что шхуна съ пароходами стояла у Челекеня. Онъ сказалъ еще, что оттуда пойдетъ на дняхъ въ Баку лодка одного торговца—армянина. Пользуясь этимъ, начальникъ экспедиціи отправилъ

на Челекенъ, для передачи армянину, пакетъ на имя начальника бакинской морской станціи. Начальникъ экспедиціи увѣдомлялъ о неприходѣ шкуны и о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя поставлена вслѣдствіе того экспедиція, почему, для выигранія времени, просилъ о высылкѣ другаго пароваго судна.

7-го іюля. Кадыръ-ханъ повторилъ желаніе, выраженное его сыномъ, о представленіи въ распоряженіе Государя Императора родовой его земли, лежащей при устьѣ р. Гюргени, извѣстной подъ именемъ серебряннаго бугра (Гюмишъ-Тюпе), съ окрестностями.

8-го іюля. Сегодня Кадыръ представилъ прошеніе на Высочайшее Имя, съ объясненіемъ вышесказаннаго желанія. Содержаніе прошенія слѣдующее:

«Великому, правосудному, имѣющему обширныя владѣнія, какъ Соломонъ, мудрому, какъ Лукманъ, побѣдоносному, какъ Искендеръ, щедрому, какъ Хатими-Тай, Царю Царей и Государю Государей, Великому Императору Александру Николаевичу, Царствованіе Котораго Господь да сохранитъ на вѣки.»

«Тукменскаго хана Кыдыръ-Мухаммедъ-хана Ніязова.

«Всеусерднѣйшее прошеніе.»

«Отецъ мой, покойный Кіятъ-ханъ, не щадя имущества и жизни, служилъ Россійскимъ Государямъ и всегда словомъ и дѣломъ училъ своихъ дѣтей служить Имъ.»

«Съ тѣхъ поръ, мы дѣти Кіятъ-хана, служили послѣдовательно тремъ Государямъ. Они благосклонно принимали нашу службу и оказывали намъ правосудіе и милости.»

«Между-тѣмъ наша страна, будучи безъ главы, съ каждымъ годомъ болѣе разстраивается. Туркмены не повинуются одному хану, — добрые люди, не находя опоры, не могутъ наслаждаться благами жизни, злые, не боясь никакого суда и расправы, дерзко дѣлаютъ набѣги, убиваютъ, грабятъ, берутъ въ плѣнъ, пресѣкаютъ торговые пути; зло усилилось, добро подавлено. По случаю смятеній и междоусобій въ Хивѣ,

Видъ Серебрянаго бугра.

прекратились и торговыя сношенія между Хивой и Туркменами.»

«Оплакивая такое положеніе, куда мы ни обратимъ взоры, нигдѣ не можемъ найти врачеванія злу, кромѣ Великихъ Государей Россіи. По сему всеусерднѣйше просимъ Великаго Государя Императора, чтобы Онъ обратилъ милостивый взоръ на насъ — дѣтей Кыятъ-хана и на всѣхъ Туркменъ, принялъ-бы участіе въ нашихъ горестяхъ, благоустроилъ-бы безпорядочное положеніе нашей страны, учредилъ школы для духовнаго и общежительнаго образованія нашихъ и всѣхъ Туркменскихъ дѣтей, покровительствовалъ добрымъ, удерживалъ отъ дурныхъ поступковъ злыхъ людей стражемъ Своего гнѣва и, отправляя изъ Своего государства необходимые для пищи и одежды товары, повелѣлъ-бы обмѣнивать ихъ на Туркменскіе скотъ и произведенія, и такимъ образомъ обогатилъ-бы нашу страну.»

«Вторая просьба наша слѣдующая: есть у насъ наслѣдственное владѣніе, земля между рр. Гюргенемъ и Атрекомъ, извѣстная подъ именемъ Серебряннаго бугра,—эту землю съ окрестностями мы повергаемъ къ стопамъ Великаго Государя Императора и просимъ, дабы Государь Императоръ благоволилъ не презрѣть нашего малаго представленія, но почтить насъ благосклоннымъ принятіемъ онаго, и на этой землѣ, или гдѣ угодно будетъ, для исполненія вышеупомянутыхъ и другихъ благъ Туркменамъ, повелѣлъ-бы устроить главное заведеніе и предпріятія, какія Богъ положитъ на Его Царское сердце, чѣмъ оказалъ-бы Государь Императоръ всей Туркменской странѣ истинно-отеческую милость.

«Писалъ и печать приложилъ Кыдыръ-Мухаммедъ-ханъ Ніязовъ, въ лагерѣ близъ Красноводскаго залива 1275 года Гиджры, 18 дня, мѣсяца Зульхиджэ (1859 г. 8-го іюля).»

Вечеромъ Балханскіе верблюды, отогнатые, по неимѣнію корма около колодцевъ Балкую, на колодцы Бурнакъ, были пригнаны обратно къ лагерю, и старшины просили черезъ Гельды-хана объ уплатѣ денегъ за верблюдовъ,

такъ какъ прошло уже, говорили они, 10 дней со времени ихъ наемки. Въ настоящемъ домогательствѣ было имъ отказано въ томъ вниманіи, что было условлено уплачивать за каждые 10-ть дней не иначе, какъ при отпускѣ излишнихъ верблюдовъ, что и будетъ исполнено, если окажутся таковые при выступленіи въ Балханы. Зная-же какъ вредно долгое бездѣйствіе для отряда, начальникъ экспедиціи положилъ при томъ выступить въ Балханы не позже 11-го числа, въ томъ даже случаѣ, если шхуна и не придетъ къ этому времени. Продовольствія въ такомъ случаѣ, рѣшено взять всего на 20-ть дней. Между-тѣмъ Ямуды увели верблюдовъ къ урочищу Уфракъ, сказавъ, что будутъ ожидать тамъ приказанія.

9-го іюля, въ 6-ть часовъ утра, шайка хищниковъ, отъ 40 до 50 человѣкъ, спустившаяся ночью въ Кувадагскую долину, по дорогѣ Кукъ-Юлъ, и засѣвшая въ оврагѣ при подошвѣ горъ Чагадамъ, въ $3^{1}/_{2}$ верстахъ отъ берега, бросилась на табунъ, только что выгнанный изъ лагеря, гдѣ онъ собирался на ночь. Хищники выскочили въ ту минуту, когда табунный караулъ, состоявшій изъ 13-ти казаковъ, сошелъ съ лошадей и началъ тревожить ихъ. Пѣшіе казаки не могли удержать шарахнувшагося табуна, но стали отстрѣливаться отъ хищниковъ. Послѣдніе бросились также на солдатъ, посланныхъ для собиранія топлива въ горахъ Чагадамъ. Одинъ изъ казаковъ и трое солдатъ были при томъ убиты, трое взяты въ плѣнъ. Верблюдовъ погнали хищники береговою дорогою къ уроч. Каипъ-Ата, а лошадей въ гору, не доходя этого мѣста. Получивъ объ этомъ извѣстіе отъ одного изъ казаковъ, успѣвшаго вскочить на лошадь и ускакать въ лагерь, и надѣясь отбить хотя верблюдовъ, такъ какъ хищники должны были, сдѣлавъ обходъ Каипъ-Ата, бѣжать на кол. Бурнакъ,— начальникъ экспедиціи послалъ 25-ть штуцерныхъ на 30-ти верблюдахъ и 4 лошадяхъ, оставшихся въ лагерѣ. Начальствованіе отрядомъ было поручено корпусу топографовъ под-

поручику Алексѣеву. Съ нимъ отправились также подпоручики Рыбинъ и Абрамовъ. Отрядъ пошелъ на перерѣзъ хищнической шайкѣ по дорогѣ Кукъ-Юлъ на Бурнакъ. Для содѣйствія отряду былъ еще посланъ вслѣдъ за нимъ сотникъ Мартыновъ съ пѣшими казаками.

Означенную дорогу Кукъ-Юлъ хищники перевалили камнями: не менѣе того, когда отрядъ взобрался на верхъ, табунъ былъ еще въ виду.

Въ верстахъ 10-ти, за Бурнакомъ, партія штуцерныхъ догнала хищниковъ на ружейный выстрѣлъ, при чемъ хищники разсыпались и стали обскакивать партію и стрѣлять. Верблюды были между-тѣмъ сильно измучены, послѣ 30-тиверстнаго, примѣрно, перехода и начали по одиночкѣ отставать; къ тому-же люди должны были то слѣзать съ верблюдовъ, для стрѣльбы, то опять садиться, для погони; по всему этому партія отстала отъ табуна и принуждена была воротиться.

Послѣ отправленія партіи въ погоню, посланы были немедленно два Туркменина за Ямудовскими верблюдами, находившимися на Уфракѣ: возникло подозрѣніе, что верблюдовожатые угнали ихъ вчера съ Бурнака, знавши о предстоявшемъ нападеніи на табунъ. Подозрѣніе оправдалось: посланные и верблюды не возвратились. Поэтому подъ вечеръ былъ еще посланъ въ этомъ направленіи Гельдыханъ. По всему видно, что Балханскимъ старшинамъ, бывшимъ въ лагерѣ, и нѣкоторымъ Челекенскимъ было извѣстно о приближеніи шайки. Одинъ изъ Балханскихъ старшинъ, не разъ упомянутый Уразъ-Мурадъ-Кюръ, выѣхавъ съ нашей партіею, въ виду всѣхъ передался къ хищникамъ и дѣйствовалъ потомъ все время за одно съ ними. Другой Диванэ скрылся изъ лагеря во время тревоги, незамѣтно.

Вся хищническая шайка была изъ Ямудовъ, кочующихъ между большимъ и малымъ Балханами. Нѣкоторые изъ нихъ были узнаны, именно: начальникъ шайки Дугды-Тумачь,

Каингъ, младшій братъ Уразъ-Мурата, Ана-Гельды и Ходжа-Нефесъ—всѣ изъ Каренджиковъ.

Вчера и сегодня было замѣчено, что число Туркменскихъ лодокъ у Красноводской косы за мыс. Акъ-Джаръ значительно увеличилось. По подозрѣнію, что суда эти дѣйствуютъ сообща съ шайкой хищниковъ и имѣли цѣлію дать имъ убѣжище, въ случаѣ неудачи нападенія,—было приказано баржѣ отправиться къ Акъ-Джару, осмотрѣть и привести подозрительныя суда. Баржа возвратилась чрезъ нѣсколько часовъ и привела одну лодку, люди которой пустились было бѣжать при ея приближеніи. Однако они оказались извѣстными Кыдыръ-хану, и, по его предстательству, были отпущены. Пріѣхали они на косу съ Челекеня за водою. Другія-же лодки были безъ людей, которые, по всей вѣроятности, разошлись.

Часу въ 6-мъ по полудни, съ возвращеніемъ отряда, посланнаго въ преслѣдованіе хищниковъ, были преданы землѣ, въ Кувадагской долинѣ, трое изъ убитыхъ на мѣстѣ и 1 умершій уже здѣсь отъ 10 ранъ, нанесенныхъ гдѣ и какъ попало. Другіе были также безчеловѣчно изуродованы. Всѣ чины экспедиціи присутствовали при погребеніи. При этомъ было сдѣлано 3 ружейныхъ залпа. Могила опредѣлена на картѣ. Изъ опасенія же, чтобъ Туркмены не вырыли убитыхъ, никакого знака на мѣстѣ этомъ не поставлено.

Число больныхъ нижнихъ чиновъ дошло до 8 человѣкъ. Изъ нихъ 5 заболѣли отъ утомленія, при преслѣдованіи хищниковъ.

Послѣ полудня было 54° на солнцѣ.

Изъ оставшихся въ лагерѣ Туркменъ, Нефесъ-казакъ, Нуръ-Маметъ, Куюнъ-мулла, Ана-кличъ и прибывшіе съ балханскими старшинами 4 человѣка: Тюря-Маметъ, Маметъ-Ніязъ, Курбанъ-Ніязъ и Каратай-шейхъ задержаны и посажены подъ караулъ. Въ 12-мъ часу ночи послѣдній изъ нихъ Каратай-шейхъ хотѣлъ бѣжать и былъ заколотъ часовымъ.

10-го іюля. На разсвѣтѣ, вышла изъ бухты лодка Кадыръ-хана на Челекень. На ней отправились Салихъ, Ана-Хасанъ и писарь подполковника Бернова. Салихъ-ханъ и писарь имѣютъ отправиться съ Челекеня, на лодкѣ Армянина-купца, въ Баку, съ бумагами отъ начальника экспедиціи и подполковника Бернова; а Ана-Хасанъ, на своей лодкѣ, получилъ приказаніе доставить пакетъ отъ начальника экспедиціи на Ашуръ-Аде. Въ этой послѣдней бумагѣ на имя капитана Лихарева, а также и въ отношеніи къ капитану надъ бакинскимъ портомъ Фрейгангу, начальникъ экспедиціи просилъ объ оказаніи возможнаго содѣйствія экспедиціи по тѣмъ крайнимъ обстоятельствамъ, въ которыя поставлена она неприходомъ шхуны, въ надлежащій срокъ.

Въ ночь пришла лодка съ Челекеня къ Кадыръ-хану. На ней пріѣхали 2-й сынъ его и внукъ, сынъ Салихъ-хана. Лодка ушла въ полночь обратно.

Изъ нѣкоторыхъ словъ плѣнныхъ оказалось, что они знали о приготовленіяхъ къ нападенію и что въ этотъ день было положено скрыться имъ всѣмъ ночью, а передъ тѣмъ предполагалось убить Маметъ-Сафу и Ишана, какъ особенно намъ преданныхъ. Разговоръ этотъ былъ подслушанъ однимъ изъ вожаковъ. Старшины балханскіе и прежде упрекали ѣздившихъ за верблюдами въ Балханы въ преувеличеніи ими силъ отряда.

Подъ вечеръ, по случаю невозвращенія Гельды-хана и потому что одинъ изъ посланныхъ къ Уфраку за верблюдами находился при Кучакъ-ханѣ нукеромъ, явилось подозрѣніе и на Гельды и на Кучака, тѣмъ болѣе, что послѣдній, подъ различными предлогами, хотѣлъ удалиться изъ лагеря и участвовалъ въ разговорѣ о замыслахъ на Ишана и Маметъ-Сафу. У Кучака отобрано оружіе, и за нимъ назначенъ надзоръ.

Вслѣдствіе принесенныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ слуховъ и толковъ о томъ, что Туркмены хотятъ сдѣлать на-

паденіе на лагерь, онъ приведенъ сегодня въ оборонительное положеніе: вырытъ ровъ и изъ мѣшковъ и кулей съ провіантомъ сдѣланъ брустверъ. Кромѣ того лагерь обстрѣливается 4-мя фалконетами: 2-мя съ баржи, однимъ съ 12 вес. лодки, поставленными по обѣ стороны лагеря и однимъ съ шестерки, которая въ случаѣ тревоги, имѣетъ подойти къ лагерю. Во весь сегодняшній день были видны на высотахъ окрестныхъ горъ Туркмены въ значительномъ числѣ.

11-го іюля. Въ полдень возвратился Гельды-ханъ. Онъ не догналъ верблюдовъ, хотя и былъ у кол. Куртъ-Куюсы. Тамъ онъ встрѣтился съ Миришъ-Баемъ, который прислалъ съ нимъ два письма: первое отъ 6-го іюля, на имя Салихъ, Кучакъ, Дурды, Гельды-хановъ, Маметъ-Сафы и Ханъ-Маметъ-Ишана, а другое, писанное при отъѣздѣ Гельды, на имя начальника экспедиціи. Въ первомъ письмѣ Миришъ-Бай извѣщалъ, что онъ обошелъ, будто-бы, Атрекъ и Гюргень и что тамошніе жители послушали его словъ и распустили собранную ими шайку, но что балханскіе жители не слушаются его увѣщаній. Онъ предупреждалъ быть осторожнѣе. Затѣмъ въ другомъ письмѣ извѣщалъ, что къ нему пріѣзжали человѣкъ 20 хищниковъ и объявили о своемъ намѣреніи напасть на отрядъ; но онъ отговаривалъ ихъ и они обѣщали возвратиться и уѣхали, между-тѣмъ онъ самъ собирался въ нашъ лагерь съ 15-ю старшинами, но узнавъ на дорогѣ, что хищники угнали табунъ, пріостановился. Также увѣрялъ о посылкѣ какого-то гонца съ извѣщеніемъ о намѣреніяхъ хищниковъ. Вообще письмо, наполненное противорѣчіями, доказываетъ одно, что Миришъ-Бай, ожидавшій еще насъ въ Балханы, желалъ избѣжать отвѣтственности. Гельды-ханъ, въ свою очередь, показалъ согласно съ этими письмами. Онъ передалъ еще, что Миришъ-Бай готовъ доставить и верблюдовъ, и оказать всякое съ своей стороны содѣйствіе, если только прикажутъ ему и пришлютъ за всѣмъ,

что нужно, Кучакъ-хана. Онъ видимо старался удалить всѣхъ подозрительныхъ.

Одновременно съ Гельды пріѣхалъ сюда Нуръ-Мухамметъ-Бекъ, изъ рода Теке, который назадъ тому около 2½ мѣсяцевъ прибылъ на Ашуръ-Аде, съ письмами отъ Кызылъ-Арбатскаго хана Нуръ-Берды къ начальнику Астрабадской станціи и Кадыръ-хану и получилъ отъ нихъ отвѣты; но вмѣсто того, чтобъ прямо ѣхать домой, онъ отправился на Атрекъ и наконецъ съ Миришъ-Баемъ думалъ присоединиться къ экспедиціи. Причину его замедленія Кадыръ-ханъ объяснялъ отсутствіемъ Нуръ-Берды и нахожденіемъ его подъ Мервомъ. Содержаніе писемъ, доставленныхъ имъ на Ашуръ, по словамъ Кадыра, состояло въ изъявленіи усердія служить русскому Государю и въ просьбѣ о помощи противъ Хивы.

Гельды-ханъ былъ отправленъ въ тотъ-же день обратно. Ему вручены были: отвѣтъ Миришъ-Баю и объявленіе ямудскимъ старшинамъ и аульнымъ начальникамъ въ Балханахъ, о томъ, чтобъ возвратили 3-хъ плѣнныхъ солдатъ и отбитый табунъ, или прислали-бы своихъ верблюдовъ и лошадей съ тѣмъ, что отъ исполненія сего будетъ зависѣть и освобожденіе задержанныхъ Туркменъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было разрѣшено тремъ изъ арестованныхъ Туркменъ послать отъ себя письма, въ которыхъ они упрашивали своихъ родственниковъ о скорѣйшемъ исполненіи требованія и объ освобожденіи ихъ.

Сегодня былъ сдѣланъ опытъ обстрѣливанія лагеря съ баржи и лодки. Фалконеты брали достаточно далеко, обороняя лагерь совершенно удовлетворительно.

12-го іюля. На разсвѣтѣ была отправлена на Красноводскую косу лодка Кадыръ-хана съ 10-ю нижними чинами, подъ начальствомъ подпоручика Рыбина за травою и топливомъ.

Посланы вечеромъ на верблюдахъ трое нарочныхъ въ Александровскій фортъ: Дурды-клычь-Ама-

новъ, Болгара-Ярыповъ и Умрузакъ-Сарыповъ. По переправѣ черезъ Карабугазскій проливъ, они имѣютъ взять въ 1-мъ Игдырскомъ аулѣ лошадей, взамѣнъ верблюдовъ. На этотъ предметъ имъ дали письма Ишанъ и Маметъ-Сафа, какъ начальствующіе надъ Игдырами.

Съ этими нарочными послано обстоятельное донесеніе ґенералъ-губернатору, причемъ въ заключеніи говорилось, что если Балханцы возвратятъ лошадей и верблюдовъ, то экспедиція направится, по-прежнему предположенію, въ Балханы; въ противномъ-же случаѣ придется осмотрѣть съ моря наиболѣе замѣчательныя прибрежныя мѣста: зеленый, бѣлый и серебрянный бугры и островъ Огурчинскій. При этомъ было еще упомянуто, что провіанта имѣется при экспедиціи только по 1-е сентября и что барановъ въ окрестностяхъ очень мало.

Съ настоящей-же почтой, въ предположеніи, что шхуна, по случившемуся съ ней какому-нибудь несчастью, не дошла до Александровскаго форта или до Баку, посланъ дубликатъ предпослѣдняго донесенія генералъ-губе рнатору.

13-го іюля. На разсвѣтѣ возвратилась баржа съ лодкой подпоручика Рыбина. На послѣдней былъ привезенъ 1 Туркменинъ, котораго взялъ Рыбинъ по подозрѣнію. Онъ нашелъ его одного на довольно большой лодкѣ у косы съ двумя ружьями и платьемъ на нѣсколько человѣкъ. При спросѣ онъ показалъ, что на лодкѣ пришелъ одинъ и что ружья при немъ для охоты.

Туркменинъ этотъ былъ отпущенъ, потому что многіе изъ отрядныхъ его знаютъ и удостовѣрили, что онъ житель косы, человѣкъ бѣдный и занимается дѣйствительно охотою и рыболовствомъ. Другое ружье было его сотоварища; показалъ-же онъ его своимъ въ испугѣ отъ допросовъ.

Вечеромъ изъ сосѣдняго аула, у Уфрака, были пригнаны для продажи 22 барана.

14-го іюля. Послана лодка Кадыръ-хана на Че-

лекень узнать ушла-ли лодка Армянина въ Баку. Удушливый жаръ опять замѣнилъ вѣтеръ, бывшій въ эти дни. Больные поправились.

15-го іюля. Пришла къ Кадыръ-хану лодка съ Челекеня, идущая за солью на Красноводскую косу. Пріѣхавшій на ней сынъ отряднаго вожака Челекенца Машада, объявилъ, что Армянинъ еще не уѣхалъ съ острова, а продолжаетъ нагружаться нефтагилемъ.

Сегодня пришелъ въ отрядъ Киргизъ-Адаевецъ, по имени Айтуганъ. Лѣтъ 20-ть тому назадъ онъ переселился въ здѣшнія мѣста; теперь-же думаетъ возвратиться, такъ какъ за сына его, какъ Киргиза, ни одинъ Туркменинъ не выдаетъ въ замужство дочери.

Подъ вечеръ нѣкоторые члены экспедиціи ѣздили верхами, на остальныхъ лошадяхъ, осматривать мѣстность, на которой отбили Туркмены табунъ.

16-го было все благополучно и ничего особеннаго не произошло.

17-го іюля. Посланъ утромъ поручикъ Скрябинъ, съ 10-ю нижними чинами, на лодкѣ къ Красноводской косѣ, за топливомъ и травою. Пришла съ Челекеня лодка съ письмомъ отъ Салихъ-хана, который увѣдомлялъ, что чрезъ два дня, послѣ его пріѣзда на Челекень, прибылъ Катараджи и разсказалъ, что онъ былъ посланъ отъ экспедиціи взять пятьдесятъ верблюдовъ; но погонщики, узнавъ, что хищники идутъ, угнали верблюдовъ, а его схватили и отпустили немного не доходя до Куртъ-Куюсы, откуда онъ прибылъ на верблюдѣ въ аулъ, что кочуетъ на Уфракѣ, а здѣсь, испуганный извѣстіемъ, что и Гельды-ханъ ушелъ, что и Кучакъ собирается уйти и что одного Туркменина, хотѣвшаго бѣжать, убили, не рѣшился явиться въ лагерь, а пробрался на Челекень. Присылая Катараджа съ этимъ письмомъ, Салихъ-ханъ просилъ простить его. По извѣстности дѣла и по удостовѣреніи, что погонщики дѣйствительно знали о намѣреніи

хищниковъ, онъ былъ отпущенъ. Кадыръ-ханъ получилъ при этомъ извѣстіе, что высланные съ Ашура за фуражемъ на Черную рѣчку матросы, имѣли стычку съ Туркменами, въ которой были убиты два матроса и шесть Туркменъ. Писарь подполковника Бернова донесъ ему, что на Челекени прошелъ слухъ о намѣреніи разбойниковъ изъ Гассанъ-Кули напасть на Челекень и ограбить торговыя суда.

Пришедшая съ Челекеня лодка отослана назадъ, съ приказаніемъ привести оттуда двѣ большихъ косовыхъ лодки, съ тѣмъ, чтобы на нихъ продолжать съемочныя работы, высадками съ моря.

Кочующій на островѣ Огурчинскомъ Туркменинъ Ерсаринскаго рода Маметъ-Рахманъ Уде-Нефесовъ подалъ прошеніе на имя главнаго начальника Оренбургскаго края о принятіи его, съ находящимися при немъ однородцами, въ числѣ 20 кибитокъ, въ подданство Россіи и объ отводѣ имъ, подъ кочевье, мѣстъ въ окрестностяхъ Александровскаго форта.

18-го іюля. Утромъ пришли двѣ лодки: одна съ Челекеня къ Кадыру, а другая Армянина Сафарова, прикащика Закаспійскаго торговаго товарищества. Съ первой сообщалось, что сегодня Салихъ-ханъ отправится въ Баку. Также извѣщалось о слухѣ, прошедшемъ на Челекени о новомъ намѣреніи Туркменъ напасть на отрядъ. Сафарову возвращены мука и крупа, оставленныя здѣсь барономъ Врангелемъ.

Сегодня была сдѣлана тревога: люди быстро приготовились къ оборонѣ. Приказано шестеркѣ держаться ночью у берега къ сторонѣ Уфрака, на случай внезапнаго нападенія.

19-го іюля. Въ полдень возвратился поручикъ Скрябинъ. Сафаровъ снялся съ якоря и пошелъ въ Баку.

Ночью шестерка, подошедши къ берегу и принявъ ку-

сты за людей, сдѣлала выстрѣлъ картечью изъ фальконета. Весь лагерь всталъ на ноги. Недоразумѣніе объяснилось.

20-го іюля. Косовыя лодки съ Челекеня еще не пришли. Прождавъ безполезно 10 дней, со времени отправленія письма къ Балханскимъ хищникамъ и потерявъ всякую надежду на прибытіе шхуны «Персіянинъ», начальникъ экспедиціи рѣшился перейти на баржу со всѣми чинами экспедиціи, съ 42 стрѣлками и 8 по выбору нижними чинами изъ другой пѣхотной команды, 2 казаками, 2 артиллеристами и 1 фейерверкеромъ и направиться прямо къ Огурчинскому острову и оттуда на Ашуръ; остальная-же команда подъ начальствомъ поручика Скрябина, на оставшихся 47 верблюдахъ отправится обратно берегомъ въ Александровскій фортъ.

Кучакъ-ханъ предложилъ оставить заложникомъ брата своего Курбана, съ тѣмъ, что онъ берется освободить захваченныхъ Балханскими Туркменами 3-хъ нашихъ солдатъ.

21-го іюля. Сегодня утромъ на разсвѣтѣ выступила партія поручика Скрябина. Ему поручено нанимать на пути, гдѣ будетъ возможно, верблюдовъ для поднятія на нихъ всѣхъ нижнихъ чиновъ. При этомъ выдано ему 2,000 руб. сер. для расплаты по прибытіи въ фортъ съ караванъ-башами отряда за нанятыхъ и упалыхъ верблюдовъ, а за отогнанныхъ не приказано дѣлать расчета до прибытія всей экспедиціи въ фортъ и до полученія отвѣта отъ Балханскихъ старшинъ относительно возвращенія отнятыхъ верблюдовъ.

По выступленіи поручика Скрябина начали перевозиться на баржу, и въ 1-мъ часу по полудни, баржа снялась съ якоря и пошла по направленію къ о. Челекеню. Вѣтеръ благопріятствовалъ слѣдованію. Вечеромъ встали на якорь въ виду Челекеня. Лодка Кадыра была послана къ острову за братомъ Кучака.

22-го іюля. Въ 3-мъ часу по полудни, когда проходили Челекень, у южной его оконечности, были замѣчены лодки Кадыръ-хана. Холостымъ выстрѣломъ съ баржи онѣ были

приглашены присоединиться. Лодки пристали къ баржѣ и передали на нее Курбана. Встали къ вечеру на якорь въ виду Огурчинскаго, но лодокъ Кадыра, посланныхъ впередъ къ Огурчинскому острову, для указанія удобнаго мѣста для якорной стоянки, не нашли.

23-го іюля. Придвинулись на разсвѣтѣ къ острову и встали на якорь въ одной верстѣ отъ берега, противъ самой середины острова. Лодокъ Кадыра тутъ не оказалось, онъ началъ подозрѣвать Ана-Хасана въ измѣнѣ. На лодкѣ послѣдній увезъ всѣ вещи Кадыра и ящикъ съ деньгами. Кадыръ объяснилъ при этомъ, что Ана-Хасанъ давно извѣстенъ своимъ вѣроломствомъ и уже сидѣлъ разъ въ кандалахъ на Ашурѣ. На берегу видны были двѣ небольшія рыбачьи лодки, вдали нѣсколько кибитокъ и 2 бѣлыхъ лошади, которыя бродили по песчанымъ барханамъ, между кустовъ. Послѣ холостаго выстрѣла изъ фалконета баржи, одна изъ береговыхъ лодокъ пристала. На ней были посланы двѣ съемочныхъ партіи подпоручиковъ Алексѣева и Рыбина, въ сопровожденіи 25 нижнихъ чиновъ и Кучакъ-хана, для заготовленія верблюдовъ.

Въ 5-мъ часу по полудни поѣхали на шестеркѣ нѣкоторые изъ насъ на берегъ къ аулу. Вслѣдъ за шестеркой были посланы еще на берегъ на 12 вес. лодкѣ подпоручикъ Абрамовъ съ остальными нижними чинами, для слѣдованія по берегу, на южную оконечность острова. Въ аулѣ оказалось всего 2 кибытки. Около нихъ разбросаны между песчаныхъ баркановъ, покрытыхъ гребенщикомъ, нѣсколько дынныхъ и арбузныхъ бахчей. Вода лежитъ здѣсь на глубинѣ 1 арш., она совершенно прѣсная, и вырытіе колодцевъ, при рыхлой песчаной почвѣ, незатруднительно: вырываютъ только яму въ одинъ аршинъ въ квадратѣ, и вода начинаетъ набѣгать, просачиваясь сквозь песокъ. Глубина воды въ двухъ видѣнныхъ колодцахъ была вершка въ 3, не больше.

На Огурчинскомъ, кромѣ Ерсаринцевъ, кочуютъ

еще Огурджалы, въ числѣ 35 кибитокъ. Партія подпоручика Алексѣева была найдена на берегу, окончившею дневную работу. Она встрѣтила одного только верблюда, которымъ и воспользовалась, для перевозки воды. Подпоручикъ Абрамовъ, съ своею командою, оставленъ при партіи Алексѣева. По возвращеніи нашемъ на баржу, возвратился съ острова на туркменской лошади и подпоручикъ Рыбинъ, который также окончилъ свою работу, употребивъ на это 9 верблюдовъ, имъ найденныхъ. Съемка остальной части острова поручена подпоручику Алексѣеву. Кучакъ-ханъ нашелъ 7 верблюдовъ, которые будутъ пригнаны къ партіи Алексѣева.

24-го іюля Въ 11 часу увидали въ зрительную трубу баржу, шедшую намъ на встрѣчу. За противнымъ вѣтромъ она должна была лавировать.

Въ 3 часу возвратился съ острова подпоручикъ Алексѣевъ, окончивъ работу. По переходѣ его на баржу, снялись съ якоря и пошли на встрѣчу къ шедшей къ намъ баржѣ. Часа черезъ два мы сошлись съ баржею № 2, которая шла съ Ашура, взамѣнъ ожидавшагося парохода «Волга,» который, по случаю нѣкоторыхъ поврежденій, не могъ быть высланъ въ дальнее плаваніе. Баржа вышла изъ Ашуръ-Адинскаго рейда 13 іюля и имѣла на пути постоянныя противные вѣтры. Командиръ баржи, лейтенантъ Ладыженскій, не доставилъ при этомъ никакихъ свѣдѣній о шхунѣ Персіянинъ, а только частное письмо капитана Лихарева, въ которомъ сообщалось о бывшихъ непріязненныхъ стычкахъ Туркменъ съ русскими лодками съ Ашура.

По осмотрѣ прибывшей баржи, было отдано приказаніе немедленно перевезти на нее половину отряда и часть тяжестей, вслѣдъ за чѣмъ предполагалъ переѣхать и начальникъ экспедиціи, но сильный вѣтеръ и волненіе допустили только перевозку 25 человѣкъ отряда, съ нѣкоторыми тяжестями, съ помощью 12 вес. лодки, по канату, протянутому съ одной баржи на другую. Вѣтеръ не былъ попутный

для нашего дальнѣйшаго слѣдованія, почему и было приказано сняться съ якоря и идти къ Зеленому бугру.

25-го іюля. На разсвѣтѣ баржа остановилась противъ бугра, на разстояніи 1 версты. Подпоручики Алексѣевъ и Рыбинъ, съ 4 топографами и 50 нижними чинами, были немедленно посланы на берегъ. Вѣтеръ былъ довольно сильный и неблагопріятствовалъ высадкѣ. Лодки выгребали тяжело и лишь черезъ два часа приблизились къ берегу, но, по мелководью, остановились саженяхъ во 100, такъ что отрядъ долженъ былъ пройти до берега, черезъ бурунъ, въ бродъ. По выходѣ на берегъ съемочная партія увидѣла въ отдаленіи аулъ, въ кибитокъ 30, изъ котораго Туркмены вышли большою толпою съ оружіемъ и размѣстились въ нѣсколькихъ пунктахъ за песчаными барханами. Не смотря на угрозы ихъ стрѣлять и явныя дерзости, когда подпоручикъ Алексѣевъ объяснялъ имъ свои намѣренія, — съемочная партія успѣла снять все пространство отъ берега, на разстояніи 9 верстъ, до бугра включительно. При возвращеніи партіи, двое изъ мѣстныхъ старшинъ Нарза-Тюрюкъ и Баба-Куль выѣхали къ отряду и уговаривали съ угрозами поскорѣе убраться. Этихъ Туркменъ взяли и привезли на баржу. Аулъ Зеленаго бугра зависитъ отъ Таганъ-Казы и лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его кочевки. Старшины показали, что Ана-Хасанъ подарковъ ему отъ экспедиціи не доставилъ. Они сообщили также, что вчера проѣхали изъ Балханъ трое Туркменъ на Атрекъ и разсказывали, что наши лошади и верблюды въ сборѣ и что захваченные солдаты находятся на Дарджѣ.

По переѣздѣ партіи на баржу, она снялась съ якоря и пошла прямо на Ашуръ-Аде. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, было рѣшено не приставать въ настоящее время къ Бѣлому и Серебряному бугрАмъ, съ тѣмъ, чтобы пристать къ нимъ на обратномъ пути, взявъ предварительно подкрѣпленіе и суда съ Астрабадской станціи.

Островъ Ашуръ-Аде.

Наставшій штиль, въ 12-мъ часу по полудни, заставилъ насъ встать на якорь.

26-го іюля. Штиль продолжался до 1-го часа по полудни. Въ это-же время нѣсколько засвѣжѣло, поставили паруса и баржа пошла легкимъ вѣтромъ. Къ вечеру поровнялись съ Бѣлымъ бугромъ, но опять начало штилѣть и къ полночи баржа бросила якорь на полпути отъ Бѣлаго къ Серебряному бугру.

27-го іюля. По тому-же слабому вѣтру баржа успѣла только пройти Серебрянный бугоръ, поровнялась съ Альбурзскими горами и съ наступленіемъ ночи, а вмѣстѣ и штиля, встала на якорь въ виду Ашуръ-Аде.

28-го іюля. За ночь подулъ противный юго-западный вѣтеръ, усилившійся къ утру. Къ полдню онъ сталъ отходить къ западу и пользуясь этимъ, баржа начала лавировать, но съ большимъ трудомъ, потому что вѣтеръ началъ опять отходить къ югу. Между-тѣмъ съ Ашуръ-Адинскаго рейда была выслана къ намъ на встрѣчу парусная небольшая шхуна «Тарантулъ.» Быстро присоединилась она къ баржѣ нашей, взяла ее на буксиръ и, пользуясь большою парусностью и ходкостью, привела насъ вскорѣ, въ 4-мъ часу по полудни, къ рейду. Здѣсь на Ашурѣ было получено частное извѣстіе, привезенное почтовымъ пароходомъ, что шхуна «Персіянинъ,» за какимъ-то поврежденіемъ, находилась въ Бакинскомъ портѣ; но 21-го числа настоящаго мѣсяца должна была выйти въ Красноводскъ.

Командующій станціею Лихаревъ предъявилъ при свиданіи, что пароходъ «Волга» ожидаетъ нѣкоторыя вещи для своего исправленія, которыя должны быть присланы на дняхъ со шхуною «Хивинецъ», назначенною на станцію, и что «Волга» можетъ затѣмъ поступить въ распоряженіе экспедиціи. Кромѣ того предложилъ въ распоряженіе 50 человѣкъ штуцерныхъ матросовъ, горный 10 ф. единорогъ и 3 плоскодонныхъ лодки, для дессанта, а также и личное

содѣйствіе сопутствованіемъ при съёмкахъ Серебряннаго бугра и устьевъ Атрека (Гассанъ-Кулинскаго залива).

12-ти-весельная лодка, приведенная на буксирѣ баржею, сдана въ портъ острова, для изготовленія къ ней паруса, до сего не имѣвшагося.

При разговорѣ съ к.-л. Лихаревымъ на счетъ дерзости Туркменъ, онъ предъявилъ предписаніе къ нему намѣстника Кавказскаго, въ отвѣтъ на представленіе Лихарева о необходимости наказать Туркменъ за плѣненіе (см. выше) 7-ми его матросовъ. Въ предписаніи этомъ князь Барятинскій, раздѣляя мнѣніе Лихарева и разрѣшивъ ему взять стрѣлковую роту изъ Ленкорани, предоставилъ, однако, приступить къ наказанію не иначе какъ съ согласія посланника нашего при Персидскомъ дворѣ и не прежде приведенія въ извѣстность результатовъ нашей экспедиціи, развѣ только послѣдняя потребуетъ, въ свою очередь, войско для наказанія Туркменъ.

Съ своей стороны кап. Лихаревъ вошелъ уже съ представленіемъ къ посланнику нашему въ Тегеранѣ, г. Аничкову. Въ томъ-же смыслѣ обратился къ нему и начальникъ экспедиціи.

29-го іюля. Утромъ Кадыръ-ханъ доставилъ письма Гельды-хана и Балханскихъ старшинъ. Первый сообщалъ, что выкупилъ нашихъ плѣнныхъ, которыхъ, однако, не возвращаетъ и самъ не ѣдетъ, живя къ Гассанъ-Кули; верблюдовъ-же и лошадей выкупить не могъ. Балханскіе старшины писали, что они не явились въ Чагадамъ, по причинѣ хищниковъ, которые нанесли позоръ и себѣ и имъ; плѣнныхъ-же нашихъ выручили. Въ заключеніе упрекали за плѣненіе ихъ старшинъ.

Вечеромъ прибыла шхуна «Персіянинъ.»

Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Рогаль-Левицкій донесъ, что послѣ выступленія изъ Красноводскаго залива, дѣйствительно простоялъ въ морѣ два дня за противнымъ вѣтромъ, при чемъ замѣтивъ, что клинъ у шатуновъ въ

машинѣ сломался, онъ долженъ былъ остановить машину и идти въ фортъ подъ парусами, куда и прибылъ 26 и гдѣ дѣлались исправленія до 5 іюля. Потомъ онъ отправился въ Баку.

Здѣсь онъ пробылъ 15 дней, для починки клапановъ у воздушнаго насоса и для пошитія новыхъ кожанныхъ, за неимѣніемъ запасныхъ гуттаперчевыхъ. Вышедши изъ Баку 23 іюля, отправился въ Красноводскій заливъ, и не найдя тамъ экспедиціи, пошелъ къ Нефтяному острову, (Челекень), и оттуда, по указанію купца Сафарова, прямо въ Астрабадскій рейдъ.

30-го іюля. Вслѣдствіи приведеннаго донесенія, для разъясненія всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на успѣхъ плаванія шхуны, были предложены командиру оной слѣдующіе вопросы:

1) По какимъ причинамъ плаваніе шхуны отъ Красноводскаго залива до Александровскаго форта продолжалось съ 21-го іюня по 26-е, т. е. 5 дней, вмѣсто предположенныхъ 50-ти часовъ?

2) Какого рода работа производилась на кузницѣ Александровскаго форта впродолженіи 9 дней и не могла-ли она быть окончена ранѣе, нельзя-ли было сдѣлать эту починку собственными средствами, и если средства были такъ недостаточны, то какія причины воспрепятствовали идти оттуда въ Баку на парусахъ, чтобъ чиниться въ портѣ съ большими удобствами и скоростью, или-же возвратиться на парусахъ въ Красноводскъ для доставленія ожидавшихся надобностей и оттуда идти чиниться въ портъ. Начальникъ экспедиціи предполагалъ таковую возможность въ томъ вниманіи, что шхуны имѣютъ вообще ходить на парусахъ, употребляя пары въ исключительныхъ случаяхъ, что и было между прочимъ причиною тому, что начальникъ экспедиціи предпочелъ оставить при себѣ шхуну «Персіянинъ» и возвратить въ Астрахань пароходъ «Уралъ.»

3) Были-ли своевременно доставлены комендантомъ Алек-

сандровскаго форта на шхуну всѣ предметы, отъ него требованные?

4) Какія уважительныя причины заставили шхуну пробыть въ Баку 15 дней и не было-ли возможности построить средствами форта кожанные клапаны ранѣе этого времени; было-ли предъявлено командиру Бакинскаго порта о необходимости доставить, въ возможной скорости, предметы, взятые изъ Александровскаго форта въ Красноводскій заливъ, и если обращался къ нему, то почему имъ не было послано хотя парусное судно съ этими предметами?

При этомъ было приказано шхунѣ Персіянинъ начать немедленно грузиться углемъ, въ ожиданіи прихода шхуны Хивинецъ, везущей вещи для исправленія парохода «Волга.»

По поводу писемъ, полученныхъ отъ Таганъ-Казы и сына его Яръ-Али-Муллы, были заготовлены къ нимъ отвѣты, въ коихъ объяснилось сожалѣніе, что не смотря на обѣщаніе ихъ служить намъ, они не взяли и не доставили на Ашуръ трехъ людей, схваченныхъ Балханскими разбойниками. Затѣмъ по объясненіи обстоятельствъ непріязненной встрѣчи на Зеленомъ бугрѣ, повторялось о высылкѣ людей, съ тѣмъ что иначе будутъ наказаны не только разбойники, но и тѣ, которые, подъ личиною усердія, потакаютъ имъ и скрываютъ ихъ преступленія.

31-го іюля. Приведенныя письма сданы и отосланы на лодкѣ въ Чикишлярскій аулъ.

1-го августа. Командиръ шхуны «Персіянинъ,» на запросъ, приведенный выше, отозвался, «что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ на шхунѣ къ выдѣлкѣ клина и нарѣзкѣ на немъ винта и потому просилъ коменданта Александровскаго форта выковать клинъ въ крѣпостной кузницѣ шхунскими мастеровыми; эта работа вмѣстѣ съ пригонкою запасныхъ подшипниковъ была окончена 30 числа; по сборкѣ-же машины 1, 2 и 3-го іюня, шхуна не имѣла

возможности выйти въ море по случаю свѣжаго вѣтра; 4 числа, съ разсвѣтомъ, начали разводить пары, но тогда замѣтили неисправность въ паровомъ предохранительномъ клапанѣ лѣваго котла, почему прекратили пары и приступили къ исправленію; въ тотъ-же день 5-го числа, съ разсвѣтомъ, шхуна отправилась въ Баку, для принятія полнаго количества угля, согласно предписанію о томъ начальника экспедиціи, каковое обстоятельство, по отзыву кап.-лейт Левицкаго, и не давало ему права отправиться подъ парусами на неопредѣленное время перехода и къ тому прямо въ Красноводскій заливъ и безъ угля.

«Полевое орудіе съ принадлежностію и снарядами было доставлено на шхуну 27 числа.»

«Придя въ Баку съ поврежденіемъ гуттаперчевыхъ клапановъ въ воздушныхъ насосахъ и съ открывшеюся течью по швамъ въ кормовой части шхуны, онъ доложилъ начальнику Бакинской станціи о невозможности слѣдовать по назначенію; вслѣдствіе чего и приступили къ пошитію кожанныхъ клапановъ, испытанію ихъ и къ зачеканенію кормовой части. Между-тѣмъ начальникомъ Бакинской станціи тогда-же было дано предписаніе командиру винтовой шхуны «Туркменинъ» изготовиться къ отправленію въ Красноводскій заливъ, но почему отправленіе ея не выполнилось и шхуна Туркменинъ получила другое назначеніе, ему, Рогаль-Левицкому неизвѣстно.»

«При всемъ содѣйствіи начальника станціи, при портовыхъ и шхунскихъ средствахъ, работы и испытаніе не могли быть кончены ранѣе 22-го числа.»

Изъ таковой переписки и объясненій съ кап.-лейт. Рогаль-Левицкимъ, начальникъ экспедиціи вынесъ между прочимъ положительное убѣжденіе, въ томъ, что портовое начальство выслало его въ море, не снабдивъ даже самыми необходимыми вещами, (команда не имѣла даже масла для продовольствія и занимала его у баржи № 2; для смазки машины масла тоже было недостаточно).

9

Сегодня пришла шхуна «Хивинецъ» и привезла необходимыя для исправленія «Волги» вещи.

Приступлено немедленно къ исправленію послѣдней и также къ перегрузкѣ съ «Хивинца» на «Персіянина», оставшагося запаса угля, въ видахъ увеличенія запасовъ послѣдняго.

Сверхъ шхуны и парохода «Волга» отправится еще съ экспедиціею баржа № 2, подъ командою лейт. Ладыженскаго; баржа-же № 4, какъ менѣе помѣстительная, и съ худшимъ ходомъ, оставляется на станціи, взамѣнъ № 2.

2-го Августа. Въ здѣшней церкви была отслужена панихида по убитымъ Туркменами въ Красноводскомъ заливѣ 3-мъ салдатамъ и 1-мъ казакѣ.

Переданы въ канцелярію командующаго станціею, для отправленія съ почтовымъ пароходомъ, пакеты къ генералъ-губернатору Оренбургскаго края, съ подробнымъ изложеніемъ хода дѣлъ по настоящее число и къ командиру каспійской флотиліи съ представленіемъ переписки съ капитаномъ шхуны «Персіянинъ.» При чемъ начальникъ экспедиціи отдавалъ полную справедливость баржѣ № 4, которая постоянно содѣйствовала экспедиціи всѣми зависящими отъ нея средствами, почему и ходатайствовалъ о представленіи командовавшаго оной прапорщика Абрамова къ Высочайшей наградѣ.

Также былъ сданъ пакетъ, (для отправленія, черезъ консула нашего въ Астрабадѣ) къ чрезвычайному посланнику нашему и полномоченному министру при Персидскомъ дворѣ. Въ настоящемъ донесеніи, кромѣ изложенія хода дѣлъ, выражалось намѣреніе начальника экспедиціи освободить плѣнныхъ Персовъ съ острова Челекеня, въ томъ предположеніи его, полковника Дандевиль, что подобная выручка плѣнныхъ можетъ показать Персидскому правительству въ выгодномъ свѣтѣ настоящія дѣйствія наши на каспійскомъ восточномъ прибрежьѣ. Въ заключеніе начальникъ экспедиціи писалъ, что прежнія экспедиціи наши въ Туркменію не

встрѣчали противодѣйствія отъ жителей потому, что Туркменъ тѣснили съ одной стороны Хивинцы, съ другой Персіяне, съ третьей Киргизы Адаевскаго рода и потому еще, что Туркменами управляли ханы, имѣвшіе вліяніе на своихъ подчиненныхъ и сознавшіе пользу дружественныхъ отношеній къ Россіи. Послѣ-же смерти Кіятъ-Бека, (Кіатъ-хана) вліяніе это рушилось. Потомки его не имѣютъ никакого значенія между Туркменами. «Я имѣлъ случай, писалъ полковникъ Дандевиль, убѣдиться, что самые близкіе люди къ Кадыръ-хану ненавидятъ его. Къ тому-же Туркмены имѣютъ нынѣ перевѣсъ надъ Хивою, такъ какъ взявши Кунградъ, Атамурадъ-ханъ, обезпечилъ Туркменскія кочевья отъ Хивинскихъ набѣговъ. Къ тому, для примиренія Туркменъ съ Киргизами Адаевскаго рода приняты дѣятельныя мѣры начальствомъ Оренбургскаго края. Не признавая никакой власти и не тѣснимые ни откуда, эти дикари не внимаютъ никакимъ убѣжденіямъ и вполнѣ предаются страсти своей къ грабежамъ и воровству. Каждый Туркменинъ побогаче и побойчѣе называетъ себя ханомъ, и уже никого знать не хочетъ. При этомъ Туркмены не чужды хитрости: внѣ вліянія страха, они способны, всѣ безъ исключенія, на самое дерзкое коварство и измѣну. Если правительство желаетъ имѣть вліяніе на Туркменъ, для какихъ-бы то ни было цѣлей, то можно держать ихъ въ повиновеніи однимъ только постояннымъ страхомъ наказанія за малѣйшую дерзость. При этомъ конечно одна рѣшительная мѣра, предпринятая съ достаточными средствами, будетъ дѣйствительнѣе, нежели отдѣльныя наказанія, попытки съ малыми силами, въ разныхъ мѣстахъ и съ недостаточными средствами.»

«Гнѣздо Туркменскихъ мошенниковъ — Атрекъ; тутъже сосредоточиваются всѣ средства къ ихъ существованію: самыя обильныя пашни находятся на Атрекѣ. Балханскія горы даютъ также притонъ нѣсколькимъ ауламъ хищниковъ, живущихъ грабежемъ.»

«Посему, полнаго спокойствія въ Туркменіи, — по мнѣ-

нію полковника Дандевиль, — можно было-бы достигнуть возведеніемъ одного укрѣпленія въ Красноводскѣ, а другаго на Серебряномъ бугрѣ, или гдѣ покажетъ предстоящая рекогносцировка Двѣ рѣшительныя экспедиціи съ обоихъ пунктовъ на Атрекъ и въ Балханы, положатъ конецъ безпорядкамъ и тогда сами Туркмены сознаютъ необходимость, а со временемъ и пользу дружелюбныхъ съ нами сношеній; къ этому можно склонить ихъ только силою, а не увѣщаніями.»

«Есть два средства заставить Туркменъ прекратить разбои и подчинить ихъ намъ хотя временно безъ значительныхъ пожертвованій и съ малыми средствами: это уничтоженіе Туркменскихъ лодокъ по всему прибрежью отъ Балханскаго залива до Персидской границы и уничтоженіе пашень на Атрекѣ порчею оросительныхъ канавъ и плотинъ на протяженіи 20 верстъ отъ его устья; но эти мѣры, можетъ быть покажутся жестокими и подорвали-бы благосостояніе Туркменъ, о которомъ, принявъ ихъ въ подданство, правительству было-бы труднѣе озаботиться послѣ.»

3-го Августа. Утромъ, въ 9 часу, экспедиція, въ полномъ составѣ, размѣстившись на шхунѣ «Персіянинъ,» баржѣ № 2, взятой первою на буксиръ, и пароходѣ «Волга,» на которой помѣстились вмѣстѣ съ начальникомъ станціи Лихаревымъ, начальникъ экспедиціи и гг. Берновъ, Галкинъ и Старковъ — выступила съ Ащуръ-Адинскаго рейда по направленію къ Серебрянному бугру.

К.-л Лихаревъ, наканунѣ далъ знать туда, равно какъ и въ Гассанъ-Кули, что экспедиція идетъ съ мирнымъ намѣреніемъ и что мѣстные Туркмены не должны опасаться приближенія нашихъ судовъ и предстоящихъ высадокъ на берегъ.

Въ 2 часа по полудни пристали къ берегу. «Волга,» подошедшая ближе другихъ судовъ остановилась, однако, за мелководьемъ въ 3½ верстахъ отъ берега. Немедленно былъ сдѣланъ дессантъ на 3-хъ плоскодонныхъ лодкахъ

станціи и на нашей 12 весельной; за $1/2$ версты отъ берега пошли въ бродъ. Всѣ чины экспедиціи и г. Лихаревъ участвовали въ дессантѣ. Штуцерная команда и орудіе съ морской командой съ Ашура были въ полномъ комплектѣ. На лодкахъ были оставлены морскіе офицеры: лейтенантъ Ладыженскій и мичманы: Брылкинъ и Тумило-Денисовичъ 1-й и прапорщикъ Баршацкій.

Туркменскій аулъ, изъ 20 кибитокъ, кочующій у берега, почти весь разбѣжался; осталось нѣсколько человѣкъ, приведшихъ намъ лошадей и куласы для подвозки офицеровъ къ берегу.

По выходѣ на берегъ были посланы двѣ съемочныя партіи для снятія мѣстности. Туркмены сказывали, что наканунѣ было тутъ человѣкъ 20 разбойниковъ, спрятавшихся въ камышахъ Гюргени. Съемка сдѣлана однако безъ выстрѣла, хотя дѣйствительно въ камышахъ виднѣлись Туркмены. Къ вечеру дессантъ возвратился на суда.

4-го августа. Въ 10 часовъ утра дессантъ снова отправился на берегъ, гдѣ разъѣзжало человѣкъ 20 конныхъ Туркменъ. По приближеніи цѣпи къ берегу они скрылись. Высадившись нѣсколько южнѣе Серебрянаго бугра, люди отправились къ устью Гюргени, окруженному густыми камышами; рѣка оказалась въ этомъ мѣстѣ непроходимою въ бродъ. Потомъ съемочный отрядъ, продолжая работу, направился вверхъ по рѣкѣ и прошелъ по ней до густыхъ камышей. Снявъ, такимъ образомъ, до 60 кв. верстъ возвратились къ вечеру на суда.

Мѣсто при устьѣ Гюргени оказалось весьма неудобнымъ для заселенія. Мѣстность при рѣкѣ совершенно болотная и низкая. Отъ нея порождаются лихорадки и сами Туркмены лѣтомъ здѣсь не кочуютъ, а собираются только на зиму. Тутъ заготовляютъ они дрова, лѣсъ для судовъ и разводятъ бахчи дынь и арбузовъ. Засѣваютъ также хлѣбъ. Почва производитъ еще хлопчатникъ. Вода въ рѣкѣ хорошая, только лѣтомъ солонѣетъ, верстъ на 8 отъ устья. На самомъ-же

берегу, находящемся въ $2^1/_2$ верстахъ отъ устья рѣки, нѣтъ совсѣмъ воды и пробные колодцы оказались солеными.

Командиръ шхуны «Персіянинъ» подалъ рапортъ о новой порчѣ въ машинѣ, которую невозможно починить на Ашуръ-Аде. Капит.-лейт. Лихаревъ предложилъ, взамѣнъ, винтовую шхуну Хивинецъ, присланную въ его распоряженіе.

На перегрузку угля съ Персіянина на Хивинца требуется 4 сутокъ. Поэтому начальникъ экспедиціи рѣшился возвратиться на Ашуръ.

Въ 10 часовъ вечера «Волга» бросила якорь на рейдѣ острова. Шхуна Персіянинъ и баржа отстали, за несовсѣмъ благопріятнымъ вѣтромъ.

5-го августа. Время, необходимое для перегрузки угля начальникъ экспедиціи рѣшилъ провести въ Астрабадѣ, въ виду предстоявшихъ объясненій съ нашимъ консуломъ.

Потому немедленно былъ посланъ на Гязскій берегъ, гдѣ устроена факторія закаспійскаго торговаго товарищества, Мирза-Риза-Персъ, переводчикъ начальника станціи, для найма верховыхъ лошадей. Вечеромъ парусная шхуна Тарантулъ повезла къ берегу начальника экспедиціи и гг. Галкина и Старкова, а также гг. Алексѣева, Рыбина и Шлиттера, перевезенныхъ на островъ съ «Персіянина,» не пришедшаго еще на рейдъ, на парусной шхунѣ «Змѣя.» Черезъ $^3/_4$ часа ходу, при боковомъ вѣтрѣ, «Тарантулъ» присталъ къ пароходу «Кама», оберегающему Гязскій берегъ отъ Туркменскихъ хищническихъ лодокъ.

6-го августа. Въ полдень переѣхали на берегъ и отправились верхомъ по дорогѣ въ Астрабадъ. Прикрытіемъ служили двое нашихъ казаковъ, оставшихся отъ казачьяго отряда и одинъ кавказскій линейный, взятый изъ факторіи, гдѣ онъ служитъ по найму. Сильный дождь постоянно сопутствовалъ намъ и развелъ такую грязь по дорогѣ, что въ этотъ день мы не могли сдѣлать всѣхъ 8-ми фарсанговъ до

Развалины дворца въ Ашрефѣ.

Астрабада (55 верстъ), а должны были остановиться за 2 фарсанга въ деревнѣ Сармали.

7-го августа. Въ девять часовъ утра мы въѣхали въ городъ. Дорога къ нему, или лучше сказать узкая тропинка, начиная отъ самаго берега, тянулась среди рощь орѣховыхъ и множества померанцовыхъ, лимонныхъ, апельсинныхъ и тутовыхъ деревъ и изрѣдка среди пашень рису и посѣвовъ хлопчатника.

При въѣздѣ въ городъ мы были встрѣчены консуломъ нашимъ, коллежскимъ совѣтникомъ В. В. Гусевымъ.

8-го августа. Астрабадскій визирь или вице-губернаторъ (губернаторъ, недавно назначенный, еще не пріѣхалъ) и персидскій дипломатическій чиновникъ, наблюдающій здѣсь собственно за отношеніями нашими къ Туркменамъ, предупредили о желаніи сдѣлать визитъ начальнику экспедиціи. При свиданіи было говорено о несообразности распущеннаго слуха и намѣреніи нашемъ покорить Туркменскія степи силою оружія.

Туркмены находятся съ Персіянами въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ, постоянно грабятъ окрестности Астрабада, и на дорогѣ по которой мы ѣхали, часто берутъ въ плѣнъ оплошныхъ и безпечныхъ Персіянъ. Не будучи въ состояніи оградить себя силою отъ Туркменскихъ грабежей, Персидское правительство находитъ единственную защиту въ нашей морской станціи, и ей особенно благодарны мѣстные жители.

10-го августа. Сегодня начальникъ экспедиціи отдалъ визитъ означеннымъ астрабадскимъ властямъ. Также были у нихъ консулъ Гусевъ, пріѣхавшій изъ Тегерана исправлять его должности, впродолженіи разрѣшеннаго г. Гусеву отпуска въ Россію, студентъ нашей миссіи, губернскій секретарь Ивановскій и всѣ члены экспедиціи, пріѣхавшіе съ Ашура.

По возвращеніи, консулъ ознакомилъ г. Галкина съ дѣлами консульства, касающимися до отношеній Персіи къ

Туркменамъ и сообщилъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Туркменъ покойнаго Астрабадскаго губернатора Джафаръ-Кули-Хана-Эль-Хани.

11-го и 12-го августа, осматривали окрестности Астрабада и Шахскій дворецъ съ обширными садами, находящійся въ самомъ городѣ. Вечеромъ былъ у консула прекрасный персидскій фейерверкъ. Онъ доставилъ также случай быть на персидскомъ праздникѣ у старшаго переводчика своего мирзы Абаса.

13-го августа. Утромъ мы оставили Астрабадъ и въ 6-мъ часу вечера были на берегу, съ котораго шхуна Тарантулъ доставила насъ обратно на Ашуръ.

Въ этотъ-же вечеръ капитанъ 2 ранга Ивашенцовъ, пришедшій сюда изъ Александровскаго форта, передалъ почтовый пакетъ, въ которомъ заключалось предписаніе Оренбургскаго генералъ-губернатора, въ отвѣтъ на рапортъ отъ 14-го мая.

Всѣ изложенныя въономъ распоряженія одобрялись вполнѣ.

Капитанъ-лейт. Лихаревъ объявилъ, что сегодня окончена перегрузка угля и что все изготовлено къ дальнѣйшему нашему слѣдованію. Самъ онъ выразилъ желаніе вновь сопутствовать намъ.

Между-тѣмъ къ слѣдованію для промѣрныхъ работъ и береговой съемки въ Балханскомъ заливѣ представляется затрудненіе отъ невозможности взять съ собой пароходъ «Волга», такъ какъ въ немъ открылась значительная течь. Пароходъ Волга можетъ намъ сопутствовать только до Бѣлаго бугра.

14-го августа. Кадыръ-ханъ предъявилъ письмо Кучакъ-хана, съ извѣщеніемъ, что Туркмены просятъ позволенія выдать за верблюдовъ и лошадей деньги, въ томъ вниманіи, что послѣдніе находятся въ дурномъ тѣлѣ; плѣнные-же наши привезены въ Гассанъ-Кули. Оказывается,

Дворецъ Шахъ-Абаза около Ашрефа.

что люди, нами задержанные, въ особенности съ Зеленаго бугра, очень значительны и съ хорошимъ состояніемъ.

Вечеромъ, въ предупрежденіе недоразумѣній, начальникъ астрабадской станціи послалъ въ Гассанъ-Кули объяснить Туркменамъ, что экспедиція не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, а будетъ производить лишь съемку мѣстности. Въ то-же время начальникъ экспедиціи послалъ, черезъ Кадыръ-Хана, требованіе, чтобы плѣнные были возвращены, немедленно по приходѣ экспедиціи. Относительно-же уплаты денегъ за лошадей и верблюдовъ, приказалъ объявить мѣстнымъ старшинамъ, чтобъ они готовили деньги круглымъ счетомъ по 10 червонцевъ за каждаго верблюда и лошадь.

15-го августа. Утромъ экспедиція, въ полномъ составѣ, размѣстившись на шхунѣ Хивинецъ съ пароходомъ Волга, баржею № 2, шхуною «Змѣя» и 4 десс. лодками, направилась къ заливу Гассанъ-Кули, и къ вечеру суда встали на якорь, противъ залива, въ 9 верстахъ.

16-го августа. На разсвѣтѣ пароходъ Волга взялъ на буксиръ дессантныя лодки и подвелъ ихъ на глубину 5 футъ.

Отсюда лодки отдѣлились и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли паруса. На лодкахъ размѣстились штуцерные и мастерская команда, съ оружіемъ, и чины корпуса топографовъ; на шестеркѣ, ѣхавшей впереди лодокъ, отправились начальникъ экспедиціи, начальникъ станціи и гг. Берновъ, Галкинъ и Старковъ. Быстро вошли лодки въ заливъ и направились къ сѣверной его части. При нашемъ приближеніи, множество туркменскихъ лодокъ бѣжали въ глубину залива, имѣющаго до 25 верстъ въ окружности. Съемка началась, не доходя до аула съ косы, гдѣ мы высадились, и куда Туркмены прислали лошадей и нѣсколько куласовъ. О нашихъ плѣнныхъ, выѣхавшіе на встрѣчу Туркмены говорили, что они увезены снова въ аулъ, лежащій за 20 верстъ отъ берега, но что за ними послали и они должны быть скоро здѣсь. Предупредивъ, что если не вышлютъ ихъ

немедленно, то будутъ приняты къ понужденію мѣры, мы, между-тѣмъ, постепенно подвигались къ аулу, причемъ производилась и съемка мѣстности. На разстояніи пушечнаго выстрѣла пріостановились, пославъ сказать, что ожидаемъ плѣнныхъ. Тутъ были найдены свѣжія завалины въ нѣсколько рядовъ. Туркмены столпились, отдѣлились отъ остатковъ развезеннаго ими аула и вслѣдъ затѣмъ вскорѣ выслали плѣнныхъ, причемъ сами и не приближались и не выражали требованія объ обмѣнѣ плѣненныхъ ими на захваченныхъ нами Туркменъ. Гассанъ-Кулинцы никакъ не ожидали нашего прихода съ залива, а думали, что дессантъ будетъ сдѣланъ съ моря, подобно тому какъ высаживался въ прошломъ году капит. Лихаревъ.

Взявъ плѣнныхъ, мы отправились обратно къ лодкамъ. Туркмены провожали издали густою толпою.

Засвѣтло перешли благополучно на суда.

17-го августа. Сегодня во вчерашнемъ-же порядкѣ былъ сдѣланъ дессантъ къ южной сторонѣ залива, но берегъ оказался черезъ мѣру топкимъ. Отсюда лодки направились было къ восточной сторонѣ, но нельзя было подойти по мелководью и густотѣ прибрежнаго камыша.

Втеченіи утра, употребленнаго на объясненныя попытки къ съемкѣ устьевъ Атрека и смежныхъ мѣстъ, прапорщикъ Марышевъ съ своей стороны производилъ на шестеркѣ промѣры залива; оказалось, что онъ имѣетъ не болѣе $3^1/_2$ фут. глубины, прѣсной воды по берегу нѣтъ и аульные жители привозятъ ее съ Гюргени, на лодкахъ.

По возвращеніи на суда былъ найденъ у шхуны Хивинецъ пароходъ Тарки съ контръ-адмираломъ Машинымъ, который пріостановился проѣздомъ на Астрабадскую станцію.

При свиданіи съ нимъ, начальникъ экспедиціи объяснялся на счетъ плаванія шхуны Персіянинъ, и адмиралъ изъявилъ сожалѣніе о случившемся.

Въ ночь адмиралъ Машинъ снялся съ якоря и взялъ

съ собой кап. Лихарева. Для содѣйствія-же экспедиціи оставилъ данную со станціи команду при единорогѣ, пароходъ «Волга» и шхуну «Змѣя». Послѣдняя, впрочемъ, имѣетъ прямымъ назначеніемъ обратно конвоировать ненадежный пароходъ «Волга», въ которомъ показалось новое повреждение въ подводной части.

18-го августа. На разсвѣтѣ суда направились къ Бѣлому бугру. Въ полдень была произведена высадка на берегъ, подъ прикрытіемъ штуцерной и матросской командъ, съ оружіемъ.

Въ съемочной партіи участвовали начальникъ экспедиціи, подпоручики корпуса топографовъ Алексѣевъ и Рыбинъ и гг. Старковъ, Шлиттеръ и докторъ Гинальскій.

Лошадей и верблюдовъ при выходѣ на берегъ не оказалось, хотя и былъ посланъ за ними въ Чикишлярскій аулъ, лежащій южнѣе бугра, верстъ на 15—20, Салихъ-ханъ, которому поручалось предостеречь жителей отъ всякихъ опасеній съ ихъ стороны и о томъ, что если будутъ противодѣйствовать, то подвергнутся строгому наказанію.

Такимъ образомъ, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, чины экспедиціи должны были отправиться къ бугру пѣшкомъ. Онъ лежитъ въ $7^1/_4$ верстахъ отъ берега, представляя обширный песчаный холмъ, посреди котораго, въ углубленіи, находится нѣсколько сопокъ вулканическаго свойства, выбрасывающихъ сѣрно-соленую грязь. Около бугра есть колодцы съ горько-соленой водой.

По осмотрѣ и съемкѣ мѣстности, экспедиція направилась обратно къ лодкамъ. На дорогѣ встрѣтился Салихъ-ханъ, пріѣхавшій верхомъ изъ Чикишлярскаго аула, съ извѣстіемъ, что старшины готовы уплатить немедленно деньги за угнанный табунъ, если будутъ возвращены плѣненные нами Туркмены. Онъ прибавилъ еще, что четверо старшинъ пріѣхали сюда вслѣдъ за нимъ и находятся около лодокъ. Между-тѣмъ за 2 версты отъ берега пока-

зались впереди нашей цѣпи, изъ-за óархановъ, Туркмены, въ значительномъ числѣ. При нѣкоторомъ-же приближеніи къ нимъ, они неожиданно открыли огонь.

На выстрѣлы Туркменъ отвѣчала съ нашей стороны штуцерная цѣпь, прикрывавшая орудіе. Туркмены подняли свои обычные, военные крики и усилили стрѣльбу, причемъ, посторонившись нѣсколько съ дороги отряда, собрались на высокомъ песчаномъ бугрѣ противъ лѣваго фланга цѣпи. Число-же Туркменъ стало видимо увеличиваться и противъ праваго фланга показалось нѣсколько всадниковъ.

Для разогнанія такой толпы, по мѣрѣ наступленія, приходилось останавливаться и стрѣлять картечью или пускать боевую ракету. Подъ конецъ Туркмены стали отступать, сдаваясь влѣво и очищая дорогу.

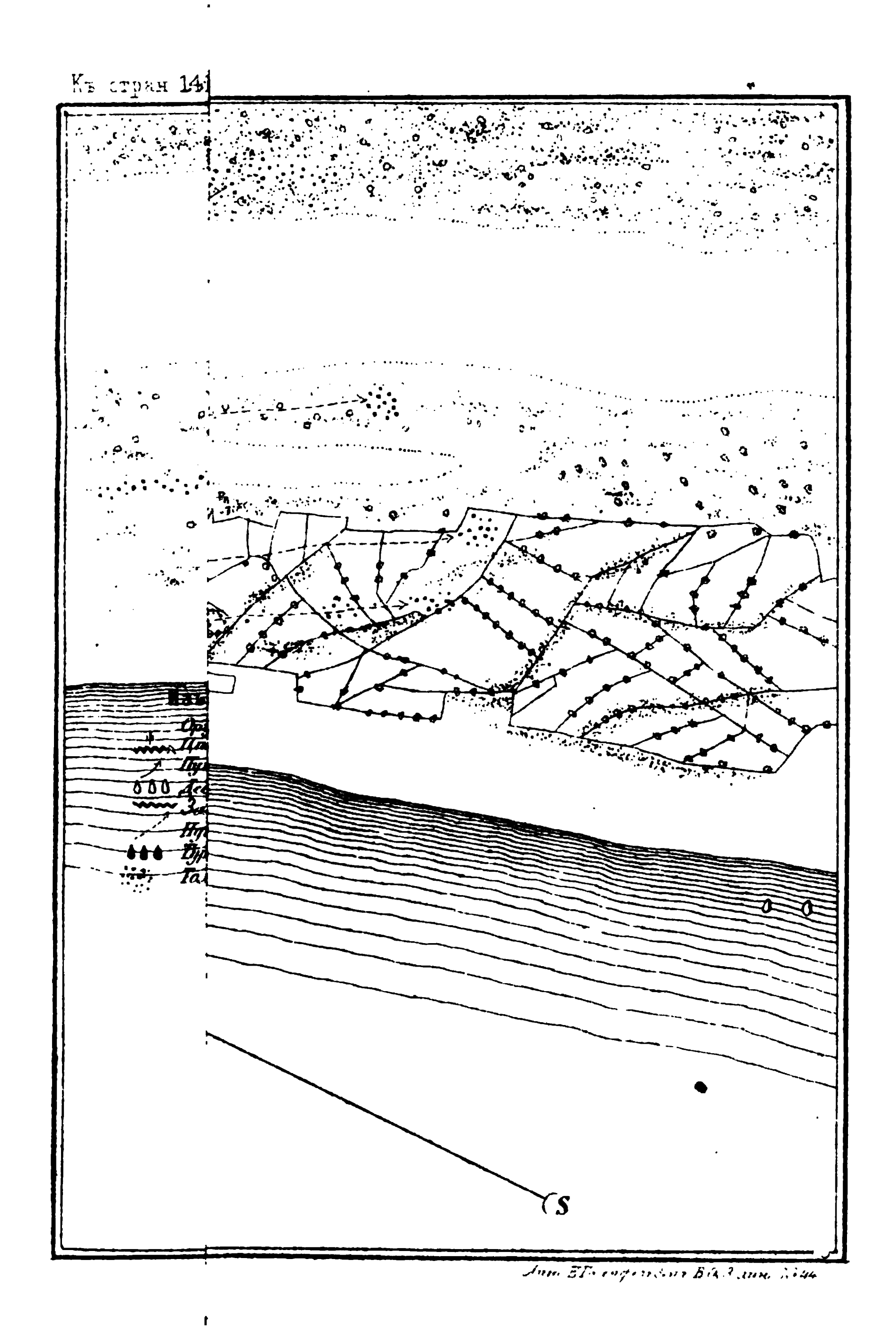
Между-тѣмъ, послѣ первыхъ выстрѣловъ, были замѣчены, съ парохода «Волга», на берегу толпы Туркменъ, конныхъ и пѣшихъ, и въ предположеніи, что они не видны съ лодокъ за кустами и барханами, поѣхали съ парохода на двойкѣ кол. ассес. Галкинъ и механикъ-прапорщикъ Кельбереръ, для передачи о томъ на лодки, съ тѣмъ, чтобъ они обстрѣливали берегъ изъ имѣвшихся на нихъ фалконетовъ и единороговъ. Вскорѣ Туркмены, преслѣдуемые съ одной стороны отрядомъ, а съ другой выстрѣлами съ лодокъ, были вынуждены оставить свой умыселъ отрѣзать отрядъ отъ берега и бѣжали по направленію къ Чикишлярскому аулу.

Преслѣдованію Туркменъ препятствовали наступившіе сумерки и засвѣжѣвшій вѣтеръ, разведшій у берега сильный бурунъ.

Къ 9-ти часамъ вечера всѣ упомянутые чины экспедиціи благополучно возвратились на суда.

Неслыханная доселѣ дерзость Туркменъ, бѣжавшихъ обыкновенно отъ перваго удачнаго выстрѣла, когда они рѣшались вступать съ нашими отрядами въ открытый бой,— объясняется тѣмъ, что они думали отрѣзать отъ лодокъ

Къ стран 141



только небольшую съемочную партію, предполагая, что орудіе и матросы возвратились на Ашуръ, вмѣстѣ съ начальникомъ станціи; объ отъѣздѣ-же послѣдняго они узнали еще рано утромъ. Въ видахъ наказанія Туркменъ, по возвращеніи на шхуну Хивинецъ, начальникъ экспедиціи сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Дабы подойти къ Чикишлярскому аулу, въ которомъ находилось до 500 кибитокъ, по возможности, незамѣтно,—паровымъ судамъ развести пары и сняться съ якоря къ 2 часамъ утра и идти къ аулу соединенно; дессантную команду имѣть въ готовности на лодкахъ, везомыхъ на буксирѣ. Шхунѣ Змѣя пройти южнѣе аула для перехватыванія лодокъ, если покусятся бѣжать въ Гассанъ-Кули. Командирами дессантныхъ лодокъ назначены флотскіе и штурманскіе офицеры, мичманы Тумило-Денисовичи 1-й и 2-й и прапорщики: Баршацкій и механикъ Кельбереръ. Начальство дессантною командою, изъ 50 штуцерныхъ и 50 матросовъ, при горномъ единорогѣ, поручено генеральнаго штаба подполковнику Бернову, при которомъ пожелалъ находиться кол. ас. Галкинъ. Орудіемъ назначенъ командовать лейт. Ладыженскій, цѣпью подпоручикъ Абрамовъ, резервомъ поручикъ Шлиттеръ. Также назначены въ дессантъ и всѣ остальные офицеры экспедиціи.

По приближеніи къ аулу на наименьшую глубину, шхунѣ »Хивинецъ« приказано отдать свои лодки на буксиръ пароходу «Волга», которому идти къ сѣверной оконечности аула; по приближеніи къ нему, на 5 фут. глубины, пароходу «Волга» обстрѣливать аулъ, а дессанту идти къ берегу и высадиться лѣвѣе аула. Затѣмъ лодкамъ и пароходу «Волга» стрѣлять по аулу, покуда дессантъ не займетъ его съ сѣверной стороны. То-же самое исполнять и шхунѣ «Змѣя». По занятіи аула, дессанту приказано сжечь его, а судамъ истребить туркменскія лодки, виднѣвшіяся наканунѣ при аулѣ въ большемъ числѣ; для чего розданы людямъ фальшфейеры и смоляные кранцы.

Приказанія эти исполнены всѣми частями въ точности. Въ аулѣ находилось до 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ, по слухамъ, были жители изъ Гассанъ-кулинскаго аула и даже изъ Балхановъ. Семейства свои и имущество вывезли Туркмены въ степь на верблюдахъ.

Первые выстрѣлы съ парохода «Волга» по Туркменамъ, стоявшимъ густою толпою, заставили ихъ разсыпаться по кибиткамъ и высокимъ насыпямъ, окружающимъ бахчи и послужившимъ имъ завалами.

Подполковникъ Берновъ, дойдя до мели и обстрѣлявъ эти завалы, выслалъ цѣпь, подъ начальствомъ подпоручиковъ Рыбина и Абрамова, и немедленно началъ наступленіе, по колѣно въ водѣ. Туркмены встрѣтили дессантъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ закрытія. Дойдя до берега цѣпь штуцерныхъ, подъ начальствомъ подпоручиковъ Рыбина и Абрамова, обошла завалы съ праваго фланга и атаковала ихъ; а резервъ, при одномъ горномъ единорогѣ и боевыхъ ракетахъ, продолжалъ одновременно съ лодками и со шхуною «Змѣя», обстрѣливать аулъ.

Дѣйствіе орудія и боевыхъ ракетъ заставило Туркменъ перебѣгать отъ одного прикрытія къ другому, унося своихъ убитыхъ и раненыхъ. Когда лѣвый флангъ цѣпи ворвался въ бахчи, гдѣ между канавами залегли Туркмены, которыхъ нужно было выбивать штыками,—отрядъ сдѣлалъ общее наступленіе.

Въ то-же время дессантныя лодки, двигаясь на одной высотѣ съ отрядомъ, зажгли туркменскія суда, которыя всѣ, числомъ до 50, были уничтожены.

Вслѣдъ бѣжавшимъ Туркменамъ послано нѣсколько выстрѣловъ гранатами и боевыми ракетами. Затѣмъ аулъ сожженъ. Потери съ нашей стороны не было, и, не смотря на частые выстрѣлы Туркменъ, направленные преимущественно на горный единорогъ и резервъ, какъ представляющіе большую цѣль, раненыхъ только двое: подпоручикъ

Абрамовъ въ икру лѣвой ноги на вылетъ и кондукторъ корпуса морской артиллеріи Александровъ въ голову.

Потеря Туркменъ, кромѣ убытка отъ истребленія аула и сожженія лодокъ съ запасами соли, нефти, сарачинскаго пшена и ячменя, — состояла изъ 25-ти тѣлъ, насчитанныхъ на мѣстѣ дѣла.

По возвращеніи на суда — приказано было пароходу «Волга» готовиться къ выступленію на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, а шхунѣ «Змѣя» конвоировать его. Матросская команда, съ оружіемъ, возвращается при этомъ на Ашуръ.

20-го августа. Передъ разсвѣтомъ былъ посланъ со шхуны «Хивинецъ» къ берегу мичманъ Давыдовъ, на шестеркѣ, съ боевыми ракетами и фальшфейерами, для разогнанія начавшихъ собираться и тушившихъ огонь въ аулѣ Туркменъ и для уничтоженія нѣкоторыхъ потухшихъ лодокъ. Порученіе это было исполнено и кромѣ того Давыдовъ зажегъ пять лодокъ, прибывшихъ за ночь съ Челекеня съ солью и нефтью.

При отправленіи утромъ парохода «Волга», были сданы командиру онаго лейтенанту Гиллесему нѣсколько пакетовъ: къ начальнику астрабадской станціи, посланнику нашему въ Тегеранѣ и, для отсылки съ почтовымъ пароходомъ, къ оренбургскому генералъ-губернатору и главному командиру каспійской флотиліи, въ которыхъ излагались объясненныя обстоятельства.

Капитану Лихареву сообщалось еще объ отправленіи на станцію парохода «Волга» и шхуны «Змѣя» съ двумя дессантными лодками и объ оставленіи третьей при шхунѣ «Хивинецъ», а также объ участіи, принятомъ офицерами и нижними чинами станціи въ дѣлахъ 18-го и 19-го чиселъ.

О награжденіи участвовавшихъ въ дессантахъ командировъ судовъ и лодокъ Высочайшими наградами было писано, въ свою очередь, главному командиру каспійской флотиліи.

Вслѣдъ за пароходомъ «Волга», подняли паруса «Хи-

винецъ» и баржа № 2-й и пошли по направленію къ Челекеню. Паровъ на шхунѣ не разводили.

21-го августа. Съ утра продолжали слѣдованіе подъ парами съ баржей на буксирѣ и къ вечеру встали на якорь въ южной бухтѣ острова, противъ аула Кадыръ-хана. Немедленно былъ сдѣланъ пушечный выстрѣлъ со шхуны, но никто изъ аула не пріѣхалъ, хотя подобный сигналъ, означающій вызовъ, извѣстенъ вездѣ между Туркменами. Поэтому были посланы къ берегу на шестеркѣ переводчикъ экспедиціи и подпоручикъ Рыбинъ съ письмами Салихъ-хана, въ которыхъ онъ, по приказанію начальника экспедиціи, увѣдомлялъ старшинъ о приходѣ нашемъ, съ цѣлію налиться прѣсной водою и закупить барановъ, которыхъ и поручалъ пригнать въ аулъ къ утру завтрашняго дня. При этомъ извѣщались также мѣстные старшины о желаніи начальника экспедиціи видѣться съ ними. Письма были переданы вышедшему изъ аула къ шестеркѣ прикащику Измаилу Герасимову.

22-го августа. Рано утромъ вышли чины экспедиціи на берегъ, подъ прикрытіемъ штуцерной команды и 10-ти матросовъ. Салихъ-ханъ, взятый также на берегъ, провелъ насъ въ кибитку своего отца. Здѣсь мы ожидали съ часъ, пока не привели верблюдовъ, нужныхъ для слѣдованія къ прѣснымъ колодцамъ, лежащимъ въ 5-ти верстахъ отъ аула и въ такомъ-же разстояніи отъ пріисковъ нефти. Черезъ часъ были приведены 1 лошадь, 2 ишака и 6 верблюдовъ. Пройдя къ колодцамъ и взявъ немного воды, мы направились отъ нихъ прямо къ нефтяному мѣсторожденію. Подходя къ нему, были, какъ и въ первое посѣщеніе, замѣчены на возвышеніяхъ толпы народа, но въ меньшемъ числѣ. Когда мы вышли на пріиски, то въ виду плѣнныхъ Персіянъ, начальникъ экспедиціи объявилъ собравшимся туркменскимъ старшинамъ, что такъ какъ захватъ Персіянъ и торгъ невольниками преслѣдуется, то онъ требуетъ непремѣнно выдачи всѣхъ находящихся у нихъ плѣнныхъ. Салихъ-

ханъ, бывшій при этомъ, видимо растерялся, но когда ему было строго подтверждено объясненное требованіе, то онъ самъ указалъ на тѣхъ, которыхъ прежде, въ Красноводскомъ заливѣ, называлъ своими крестьянами. Всего оказалось при этомъ 12-ть человѣкъ Персіянъ и 2 Негра, захваченныхъ въ Персіи. По словамъ плѣнныхъ на островѣ ихъ осталось теперь не болѣе 40 человѣкъ; остальные-же послѣ отгона скота въ Красноводскомъ заливѣ, увезены въ Гассанъ-Кули и Чикишлярскій аулъ.

По указанію плѣнныхъ, мы пошли отъ пріисковъ обратно двумя партіями: начальникъ экспедиціи направился къ аулу, лежащему у означенныхъ прѣсныхъ колодцевъ, а подполковникъ Берновъ, съ другой половиной дессанта, пошелъ къ аулу, находящемуся въ 14 верстахъ отъ пріисковъ, на южной сторонѣ острова.

Съ угрозой наказанія были вытребованы изъ перваго аула 8 плѣнныхъ и изъ втораго 6, послѣ чего партіи на лодкахъ возвратились къ судамъ, при чемъ нѣкоторые изъ старшинъ острова, которые не выдали своихъ плѣнныхъ были перевезены на суда, съ объявленіемъ, что будутъ отпущены не ранѣе выдачи невольниковъ

Пріѣхавшій къ намъ съ сѣверной стороны прикащикъ Закаспійскаго торговаго товарищества разсказывалъ о сдѣланномъ нападеніи на торговое ихъ судно Балханскими жителями, въ числѣ 250 человѣкъ, пріѣхавшихъ на 7-ми большихъ косовыхъ лодкахъ. Благодаря орудію судна и содѣйствію мѣстныхъ старшинъ, съ которыми прикащикъ живетъ въ дружбѣ, онъ успѣлъ счастливо отбиться отъ разбойниковъ. Одинъ только челекенскій старшина былъ при этомъ раненъ въ руку.

23-го августа. Сегодня были привезены съ берега еще 4 Персіянина и 2 женщины и кромѣ того еще 6 Персіянокъ, которыя были, однако, отпущены по изъявленному ими на то желанію, такъ какъ онѣ имѣютъ дѣтей прижитыхъ съ Туркменами. Переводчикъ Ильминскій отбиралъ

отъ Персіянъ показанія, откуда они родомъ, когда и гдѣ были захвачены и у кого находились въ неволѣ. Согласно этимъ распросамъ, оказывается, что наибольшее число невольниковъ было у Кадыръ-хана и у его дѣтей. Задержанные наканунѣ старшины были отпущены. Они говорили о желаніи выкупить плѣненныхъ нами Туркменъ, цѣною взятыхъ у насъ верблюдовъ и лошадей; начальникъ экспедиціи отвѣчалъ, что готовъ одѣлать этотъ обмѣнъ, назначивъ двухдневный срокъ, послѣ чего плѣнные будутъ отвезены въ Александровскій фортъ, и приказалъ съ деньгами явиться въ аулъ на сѣверной сторонѣ острова.

Съ лодки, пришедшей сегодня къ Челекеню изъ Гассанъ-Кули получены слухи, что въ Чикишлярскомъ аулѣ было дѣйствительно до 1000 человѣкъ изъ разныхъ ауловъ и племенъ, а къ Бѣлому-бугру выходило до 400 Туркменъ.

24-го августа. Утромъ отправлена на Ашуръ баржа № 2-й, съ освобожденными Персами, при отношеніи начальника экспедиціи къ начальнику станціи о передачѣ этихъ лицъ нашему консулу въ Астрабадѣ. Послѣднему-же поручалось сдать ихъ мѣстнымъ персидскимъ властямъ. Для охраненія этихъ Персовъ, при отправленіи ихъ съ Гязскаго берега въ Астрабадъ, начальникъ экспедиціи просилъ капитана Лихарева не отказать въ необходимомъ конвоѣ.

При этомъ начальникъ экспедиціи отправилъ также донесеніе къ министру нашему въ Персіи, съ приложеніемъ списка освобожденнымъ.

Передъ своимъ уходомъ баржа салютовала, и ей отвѣчала шхуна, снявшаяся, равнымъ образомъ, съ якоря. Шхуна направляется въ Красноводскій заливъ, чтобъ налиться Балкуинской водою; свою-же воду передала она на баржу № 2-й. Съ Балкую предполагается зайти на сѣверную сторону Челекеня и затѣмъ за углемъ въ Баку.

25-го августа. На разсвѣтѣ шхуна встала на якорь у

прежняго мѣста, противъ Чагадамской долины. Никакихъ кочевьевъ на этотъ разъ не найдено. Поклонившись могилѣ убитыхъ Туркменами нашихъ людей, при нападеніи на табунъ, и налившись водою, мы вышли изъ залива въ 3 часа по полудни, и въ 10-мъ часу вечера были въ сѣверной бухтѣ Челекеня.

26-го августа. Весь день прошелъ въ переговорахъ съ упомянутымъ прикащикомъ Закаспійскаго товарищества Дадышемъ, который былъ на шхунѣ два раза. Онъ сообщилъ сначала, что старшины предлагаютъ деньгами за табунъ только 500 черв., а остальную сумму вещами золотыми и серебрянными. Къ вечеру Дадышъ пріѣхалъ опять и привезъ деньги и вещи. Не желая тянуть это дѣло и надѣясь на Дадыша, который обѣщалъ содѣйствіе товарищества, начальникъ экспедиціи согласился взять 500 червонцевъ персидскимъ серебромъ и золотомъ, и вещи (для оцѣнки которыхъ назначилъ коммиссію), но съ тѣмъ, чтобъ вещи эти поступили въ товарищество, какъ залогъ на поставку ей безденежно нефтагиля, на сумму 760 черв. Дадышъ-же выдалъ свидѣтельство, что нефтагиль будетъ имъ полученъ безъ затрудненія и обѣщалъ, что товарищество уплатитъ по свидѣтельству деньги. Было еще взято отъ него письменное удостовѣреніе, что туркменскіе старшины поставятъ нефтагиль.

27-го августа. Рано утромъ пріѣхалъ на лодкѣ Дадышъ съ двумя еще Персіянами, присланными съ Дарджи. Персіяне эти оказались не рабами, а живущими на волѣ, женатыми на Туркменкахъ, почему и были, согласно желанію ихъ, отпущены, вмѣстѣ съ туркменскими амапатами, у насъ находившимися.

Одинъ изъ нихъ, старикъ, ѣхалъ неохотно; на разспросы онъ отвѣчалъ, что Челекенцы считаютъ обязанностію освободить ихъ какъ однородцевъ, но что денегъ своихъ не потеряютъ и возьмутъ за нихъ усиленный выкупъ, онъ-же бѣденъ и не увѣренъ, выкупятъ-ли его одноаульцы.

28-го августа. Ночью и во все утро вѣтеръ былъ попутный, шхуна ставила паруса, и въ 6 часовъ вечера мы вошли въ Бакинскій рейдъ. Начальникъ и члены экспедиціи съѣхали на берегъ, для свиданія съ барономъ Врангелемъ. При этомъ находившійся на рейдѣ к—а. Машинъ прислалъ за полк. Дандевиль катеръ. При свиданіи были объяснены послѣднія дѣйствія. Что касается до барона Врангеля, то онъ согласился внести не медля за означенныя вещи слѣдующія деньги. Подполковникъ Берновъ съѣхалъ также на берегъ, для отъѣзда въ Тифлисъ, куда хочетъ взять съ собою Салихъ-хана.

29-го августа. Баронъ Врангель обмѣнялъ персидское серебро и выдалъ деньги за доставленный ему вещами залогъ. Шхуна грузилась углемъ. Поручикъ Старковъ собиралъ свѣдѣнія о строительныхъ матеріалахъ и цѣнахъ на нихъ въ Баку.

30-го августа. Пришелъ въ Баку почтовый пароходъ «Тарки». На немъ пріѣхалъ астрабадскій консулъ Гусевъ. Командиръ парохода доставилъ письмо капитанъ-лейтенанта Лихарева, въ которомъ онъ благодарилъ начальника экспедиціи за наказаніе Туркменъ Чикишлярскаго аула, какъ за мѣру, полезную для станціи.

1-го сентября въ 9 часовъ утра вышли изъ Бакинскаго залива.

2-го сентября на широтѣ Дербента, на самой серединѣ моря, въ 5 часовъ утра, поднялся сильный вѣтеръ, и значительная качка продолжалась цѣлый день.

3-го сентября утромъ вошли въ Тюкъ-Караганскую бухту. Вечеромъ была произведена уплата денегъ Туркменамъ и Киргизамъ за угнанныхъ у нихъ верблюдовъ и лошадей и выданы коменданту слѣдовавшія деньги за казенныхъ лошадей. Штуцерная команда поступила въ составъ гарнизона.

4-го сентября. Находящіеся у форта поселенцы вы-

Городъ Баку.

ражали желаніе переселиться обратно по недостатку мѣста для рыбнаго промысла.

5-го сентября. Взявши лодку изъ форта и казака-лоцмана, мы опять перешли на шхуну и направились къ Гурьеву-городку.

6-го сентября. Къ вечеру, подошедши на глубину 2 саженъ, бросили якорь.

7-го сентября. Была послана на Стрѣлецкую косу шлюпка за лодками.

8-го сентября. Утромъ были приведены три лодки для перевозки насъ въ Гурьевъ. Оставили шхуну въ 2 часа по полудни и прибыли въ Гурьевъ въ полночь.

Командиру шхуны, лейтенанту Брылкину, поручено доставить к.—а. Машину рапортъ начальника экспедиціи, въ которомъ свидѣтельствовалось объ отличной службѣ офицеровъ и общей исправности шхуны.

9-го сентяря, утромъ мы выѣхали изъ Гурьева обратно, на Уральскъ, въ Оренбургъ, куда и прибыли 15 сентября.

1859 г.

ОБОЗРѢНІЕ

сношеній Россіи съ Хивою.

(1670 — 1858 г.).

Сношенія Россіи съ Хивою начались съ 1670. Спустя-же 30 лѣтъ, въ 1700 году, прибывшій Хивинскій посланецъ вручилъ Петру Великому грамоту хана Шаніаза, въ которой послѣдній просилъ принять его, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство Россіи. Грамотою, отъ 30 іюня, Петръ Великій изъявилъ свое соизволеніе и подтвердилъ его впослѣдствіи, въ 1703 году, новому хану Хивинскому Аракъ-Ахмету [1]).

По поводу сего послѣдняго обстоятельства въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за апрѣль того года было помѣщено слѣдующее объявленіе: «Хивинскій ханъ прислалъ къ Великому Государю посла своего, чтобы Великій Государь поволилъ его, хана, со всѣми сущими подъ его владѣніемъ, принять подъ свою царскую высокодержавную руку въ вѣчное подданство, о чемъ державнѣйшій нашъ Государь милостиво соизволилъ и посылаетъ къ нему, Хивинскому хану, посла своего [2]).

---

[1]) Попова: «Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ». Спб. 1853 г., стр. 1.

[2]) «Московскія вѣдомости» 1703 года. Новое тисненіе 1855 г., стр 69. Первыя Русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ при Петрѣ 1-мъ.

Городъ Хива.

Такое неожиданное подданство не могло не порадовать Петра Великаго. Тогда-же ходили слухи о золотомъ пескѣ на Аму-Дарьѣ и о томъ, что Хивинцы съ умысломъ засыпали устье, которымъ рѣка эта впадала въ Каспійское море, и что безъ большихъ усилій можно возвратить ей прежнее теченіе [1]). Наконецъ новый посолъ Хивинскій, пріѣзжавшій въ С.-Петербургъ въ 1714 году, предлагалъ устроить у того устья крѣпость. «Всѣ сіи объявленія—говоритъ Голиковъ—казались попечительному о благѣ отечества Государю весьма важными: проницаніе его видѣло, что если и не найдется искомое золото, то, по-крайней-мѣрѣ, найденъ будетъ новый способъ къ полученію онаго посредствомъ торговли чрезъ тѣ страны съ самою Индіею [2]). Вслѣдствіе этого и были, между прочимъ, снаряжены двѣ экспедиціи, одна послѣ другой, подъ начальствомъ гвардіи капитана князя Бековича-Черкасскаго.

Первая ограничилась собраніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Бухарѣ и Хивѣ, розысканіемъ стараго русла Аму и вообще изслѣдованіемъ мѣстности по восточному берегу Каспійскаго моря. Вторая, снаряженная въ 1716 году, имѣла цѣлію устроеніе крѣпости у Красноводскаго залива, близь прежняго устья Аму-Дарьи, и тѣснѣйшее сближеніе съ Хивою, для чего и было поручено князю Бековичу отправиться въ Хиву.

20-го іюня 1717 года, съ отрядомъ въ 3,000 человѣкъ, при 7 орудіяхъ, выступилъ Бековичъ изъ Гурьева-городка въ степь, слѣдуя на Эмбу и далѣе караванной дорогой въ Хиву.

Извѣстна несчастная участь, постигшая эту поѣздку. Князь Бековичъ-Черкасскій не засталъ въ Хивѣ того хана,

---

[1]) Въ подтвержденіе этого и въ настоящее время есть много свидѣтельствъ.

[2]) Голикова: Исторія дѣяній Петра Великаго. т. V, стр. 235 (2 изд).

посланникъ котораго, какъ упомянуто выше, предлагалъ построить крѣпость у Красноводскаго залива; новый-же владѣлецъ воспользовался оплошностію самаго Бековича, согласившагося раздѣлить свой отрядъ на мелкія части, съ размѣщеніемъ ихъ по разнымъ городамъ ханства, подъ предлогомъ удобствъ продовольствія. Обезоруженный, такимъ образомъ, онъ былъ преданъ смерти вмѣстѣ со всей его свитой.

Такая участь посольства Бековича тѣмъ болѣе прискорбна, что отъ видовъ и предположеній Петра Великаго въ отношеніи Хивы и всей вообще Средней Азіи, можно было ожидать огромныхъ и въ то время особенно выгодныхъ для Россіи результатовъ. Петръ Великій, вполнѣ сознавая, что одно номинальное подданство Хивы было не дѣйствительно и желая удержать ее въ своей власти — поручалъ Бековичу въ данномъ ему, въ высшей степени замѣчательномъ, самимъ Петромъ написанномъ наставленіи «предложить хану гвардію изъ Русскихъ.» «Въ Бухаріи тоже—продолжалъ Петръ — ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ и потому предложить также Русскую гвардію.» Не заключается-ли въ этомъ предложеніи весь смыслъ намѣреній Петра Великаго въ отношеніи Средней Азіи? И въ самомъ дѣлѣ, будь только Русское войско въ Хивѣ, тогда все вліяніе на нее, при сохраненіи мѣстной ханской власти, а слѣдовательно и безъ особыхъ издержекъ на управленіе, перешло-бы, конечно, въ руки Россіи. Хива въ сущности обратилась-бы въ нашу собственность, и тогда сдѣлалась-бы, можетъ статься, говоря словами Н. Н. Муравьева «средоточіемъ всей Азіятской торговли и поколебала-бы сильное торговое преимущество властителей морей въ самой Индіи [1]).

Послѣ кончины Петра Великаго неизвѣстно, чтобы объ-

---

[1]) Муравьева: «Путешествіе въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820 г.» Предисловіе.

ясненное предположеніе его входило въ виды нашего правительства. Тѣмъ не менѣе Хива не разъ еще на памяти исторіи признавала надъ собою владычество Россіи. Такъ, въ 1740 году призвала она къ себѣ и превозгласила ханомъ начальника подвластной уже намъ въ то время Малой орды, Абулъ-Хаира. Сей-же послѣдній, принимая ханство, объявилъ его подданнымъ Россіи. «Благодарю Бога — говорилъ онъ въ собраніи Хивинскихъ старшинъ, бывшему при немъ поруч. Гладышеву [1]), — что теперь Хива въ подданствѣ Е. И. Величества, и я въ оной ханомъ. «Этимъ подданствомъ своимъ Россіи думалъ-было Абулъ-Хаиръ остановить даже шаха Персидскаго, шедшаго войною на Хиву. Онъ послалъ къ шаху геодезиста Муравина съ Императорскою грамотою, данною Абулъ-Хаиру, на принятіе его въ Русское подданство и съ своимъ письмомъ «съ тѣмъ объявленіемъ, что онъ ханъ, подданный Е. И. Величества и сей городъ принялъ онъ, ханъ, для того, чтобы учинить оный подданнымъ-же Е. И. Величеству, а какъ слышалъ онъ, ханъ, что оный Персидскій шахъ съ Русскою Имперіею въ союзѣ обрѣтается и для того онъ, шахъ ради раззоренія сего города, ходить не изволитъ.»

На возвратномъ пути Абулъ-Хаира, въ проѣздъ его чрезъ Аральское владѣніе, лежавшее въ самой дельтѣ Аму-Дарьи, произошла тамъ, говоритъ Гладышевъ, «не только знатная ссора, но и баталія изъ того, что нѣкоторая часть Аральцевъ намѣрена принять себѣ въ ханы Абулъ-Хаира ханскаго сына Нурали, а другіе того не хотѣли; однако на

[1]) Гладышевъ, вмѣстѣ съ геодезистомъ Муравинымъ, вслѣдствіе просьбы Абулъ-Хаиръ-хана о постройкѣ ему близъ устьевъ Сыра «города», были посланы нашимъ правительствомъ къ хану для предварительнаго осмотра мѣстности. Не заставъ его въ ордѣ, они отправились вслѣдъ за нимъ въ Хиву. (Поѣздка изъ Орска въ Хиву и обратно, совершенная въ 1740—41 годахъ Гладышевымъ и Муравинымъ, изд. Я. Ханыковымъ въ 1851 году, стр. 12).

послѣдокъ, по окончаніи оной международной ссоры, всѣ Аральцы согласно рѣченнаго Нурали-салтана приняли себѣ въ дѣйствительнаго хана, который тамъ и остался.»

Здѣсь кстати замѣтить, что Аральское владѣніе, составляя Хивинскую область, было долгое время независимо и подпало окончательно подъ власть Хивы лишь въ правленіе Мухаммедъ-Рахимъ-хана. Въ числѣ жителей его, кромѣ большинства Хивинскихъ Узбековъ, подъ именемъ Араловъ, находится въ настоящее время значительное число Каракалпаковъ и Киргизовъ. Тѣ и другіе, какъ присягавшіе уже прежде Россіи, весьма вѣроятно были привлечены туда въ правленіе означеннаго Нурали.

Избранію Нурали въ ханы этого владѣнія, по сказанію означеннаго Гладышева, способствовала зависимость Малой орды отъ Россіи. «Князьки Аральскіе и нѣкоторая часть ихъ народа разсуждали,—говоритъ Гладышевъ,—что Абулъ-Хаиръ-ханъ подъ властію Е. И. Величества состоитъ, чего ради и народы тамошніе его нѣсколько боятся и для того усовѣтовали принять себѣ въ ханы сына его Абулъ-Хаиръханскаго, вышесказаннаго Нурали-салтана.» [1])

Такое значеніе имѣла Россія и въ отношеніи всей вообще Хивы, и продолжалось оно тамъ до начала настоящаго столѣтія, а именно до времени вступленія на ханство упомянутаго выше Мухаммедъ-Рахима, около 1802 года. Вслѣдствіе этого смотрѣла, въ свою очередь, Хива и на султановъ сосѣдственной Киргизской орды съ явнымъ уваженіемъ и даже страхомъ. Не только видно это изъ того, что и послѣ Абулъ-Хаира, Хива призывала на ханство нѣсколькихъ Киргизскихъ султановъ, какъ Нурали (упомянутаго владѣльца Аральскаго, назначеннаго впослѣдствіи, по смерти отца его, Абулъ-Хаира, ханомъ Малой орды) и Каипа, но оно видно и изъ того народнаго обыкновенія, которое на

---

[1]) Поѣздка изъ Орска въ Хиву и пр. стр. 15—17.

долгое еще время потомъ сохранялось въ Хивѣ. Туда призывали и при самостоятельномъ своемъ ханскомъ управленіи, кого-либо изъ Киргизъ, «котораго въ знакъ покорности именовали своимъ ханомъ, угощали и потомъ, надѣливъ богатыми дарами съ почестью отпускали.» Со вступленіемъже на ханство въ Хивѣ Мухаммедъ-Рахима, такая покорность ея исчезаетъ и переходитъ скорѣе въ политику наступательную. Онъ началъ съ подчиненія владѣнія Аральскаго, съ нѣсколькими тысячъ кибитокъ подданныхъ Россіи Каракалпаковъ и Киргизовъ (до 8,500 кибитокъ), располагавшихся кочевьемъ въ самомъ владѣніи или въ окрестностяхъ его, и потомъ, округливъ, такимъ образомъ, свое ханство, сталъ позволять себѣ различныя притѣсненія, въ отношеніи Киргизовъ, кочевавшихъ въ границахъ подвѣдомственной намъ Малой орды, внутри степей ея. Притѣсненія эти, выражаясь набѣгами, отбитіемъ скота, раззореніемъ и привлеченіемъ въ свои земли цѣлыхъ ауловъ Киргизскихъ и проч., поставили наконецъ Малую орду въ такое положеніе, что она, въ управленіе ею Ширгазы-хана (1812 — 21 г.) нашлась вынужденною платить Хивинскому владѣльцу подать, «удѣляя сотую часть овецъ отъ многочисленныхъ стадъ своихъ [1])». Итакъ, Хива помѣнялась ролью съ Малой ордой, и всѣмъ этимъ обязана правленію Мухаммедъ-Рахимъ-хана....

Къ этому времени относится посольство въ Хиву недавно скончавшагося Н. Н. Муравьева-Карсскаго, какъ, по общему признанію, именовали его въ послѣднее время.

Онъ былъ посланъ туда въ 1819 году нашимъ знаменитымъ главнокомандующимъ на Кавказѣ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ. Сознавая уже тогда все значеніе, которое представляло для нашего самостоятельнаго пользо-

---

[1]) Путешествіе Муравьева, ч. 2, стр. 45.

ванія Каспійскимъ моремъ, занятіе восточнаго его берега, А. П. Ермоловъ имѣлъ еще въ виду возможность направленія кратчайшимъ путемъ всей нашей хивинской и средне-азіятской торговли, почему и поручилъ Муравьеву, бывшему въ то время капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба, отправиться съ восточнаго берега Каспія въ Хиву для убѣжденія хана направить торговлю на тотъ пунктъ, который будетъ выбранъ подъ наше заселеніе. Одинъ, безъ всякой свиты и конвоя, только съ нѣсколькими Туркменами, отправился Муравьевъ въ Хиву. Небольшой караванъ, въ 17 верблюдовъ, потянулся по Туркменскимъ степямъ и на 18-й день прибылъ въ Ильгельди, небольшую крѣпостцу подъ Хивой, куда, по приказанію хана, былъ провезенъ Муравьевъ высланными къ нему на встрѣчу ханскими чиновниками. И тутъ «низачто-нипрочто» по выраженію одного изъ повѣствователей того времени, Муравьевъ былъ продержанъ въ самомъ строгомъ заключеніи 48 дней. Ермоловъ-же въ письмѣ къ хану, посланномъ съ Муравьевымъ писалъ, между прочимъ, «податель сего письма, имѣющій отъ меня словесныя къ вамъ порученія—будетъ имѣть честь лично удостовѣрить ваше высокостепенство въ желаніи моемъ изъ цвѣтовъ сада дружбы сплести пріятный узелъ соединенія нашего неразрывною пріязнію.» Но не изъ того сада и не изъ тѣхъ цвѣтовъ ханъ сплеталъ свои отношенія къ намъ. Только благодаря необыкновенному терпѣнію, твердой волѣ и нежеланію ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ хана входить въ сношеніе по порученному ему дѣлу, Муравьевъ добился, наконецъ, аудіенціи. День 17-го ноября былъ назначенъ для въѣзда его въ Хиву. «Жители Ильгельди, пишетъ Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, привыкли ко мнѣ и всѣ провожали меня за ворота—старики, дѣвушки, женщины и дѣти, осталась одна только собака Койчи, вѣчный сторожъ мой и самый злой, къ которому я прежде подойти не могъ, но и та при прощаніи пришла и сѣла смиренно предо мной, среди окружавшихъ меня людей; я ее покормилъ — прибав-

ляетъ Муравьевъ—въ первый и послѣдній разъ, и разстался съ нею пріязненно» [1]). 20 ноября ханъ принялъ Муравьева. Пріемъ не былъ продолжителенъ. Ханъ не согласился на сдѣланное ему предложеніе направить торговлю на Каспій, ссылаясь на непріязнь къ нему Прикаспійскихъ Туркменъ. Не помогъ и извѣстный отвѣтъ Муравьева: «тогда непріятели ваши будутъ нашими».... Впрочемъ ханъ, по совѣту Муравьева, согласился послать своихъ двухъ чиновниковъ къ генералу Ермолову. Съ этими посланными и прежними спутниками — Туркменами, Муравьевъ вслѣдъ-же за симъ отправился обратно.

Между-тѣмъ Мухаммедъ-Рахимъ продолжалъ утверждать свою власть все болѣе и болѣе какъ внутри, такъ и извнѣ. «Въ эпоху смерти его, въ 1825 году, Хивинское ханство,— говоритъ Я. В. Ханыковъ, въ своей пояснительной запискѣ къ картѣ Аральскаго моря — представляло одно политическое цѣлое, дѣйствительно подчиненное Хивинскому владѣльцу. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, сначала нынѣшняго столѣтія, Хивинское владѣніе получило нѣкоторую политическую значимость. Но это преобразованіе, составляя успѣхъ, сравнительно съ предшествовавшимъ положеніемъ ханства, еще не могло сдѣлать его важнымъ ни какъ врага, ни какъ союзника для такого могущественнаго сосѣда, какъ Россія [2]).

Какъ-бы ни было, но съ тѣхъ поръ дерзости Хивы превзошли всякую мѣру...

Чтобъ положить, наконецъ, предѣлы имъ и избавить значительное число Русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ, по наущенію Хивы, на Каспійскомъ морѣ и съ Оренбургской линіи, была снаряжена, въ 1839 году, столь извѣстная воен-

---

[1]) Путешествіе Муравьева, стр. 121.

[2]) Стр. 281.

ная экспедиція противъ Хивы, подъ личнымъ начальствомъ начальника края, генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго. Цѣлію экспедиціи было смѣщеніе хана, съ замѣной его преданнымъ намъ Киргизскимъ султаномъ, освобожденіе Русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ Хивѣ въ неволѣ и наконецъ улучшеніе торговыхъ сношеній. Самыя тщательныя приготовленія къ экспедиціи дѣлались исподоволь. Были выведены на справку всѣ прежде предпринимавшіеся походы въ степь, а таковые, какъ извѣстно, предпринимались и зимою, и лѣтомъ. Между прочимъ зимній походъ въ степь, въ 1825 году, полковника Генеральнаго Штаба Берга, нынѣшняго графа-намѣстника въ Варшавѣ, былъ еще памятенъ по своему благополучному окончанію. Выступивъ 16 декабря, отрядъ этотъ обогнулъ сѣверо-восточный берегъ Каспія, перерѣзалъ Усть-Уртъ подъ 45° с. ш. и дойдя до изгиба западнаго берега Арала, спустился съ Усть-Урта черезъ оврагъ Карасай и лишь 4-го марта вернулся на линію. На этомъ и подобныхъ примѣрахъ, было рѣшено предпринять и означенный походъ на Хиву зимою, по недостаточности, главнымъ образомъ, колодцевъ и копаней для лѣтняго передвиженія степью съ большимъ отрядомъ. Никогда ни прежде, ни послѣ не снаряжалась въ томъ краѣ экспедиція въ столь широкихъ размѣрахъ. Экспедиція поднялась изъ Оренбурга въ полномъ составѣ, со всѣмъ необходимымъ для нее продовольствіемъ. Въ отрядъ поступило до 5,000 нижнихъ чиновъ при 14 штабъ-офицерахъ и 4 генералахъ. Свыше 10,000 верблюдовъ было нанято у Киргизъ для поднятія тяжестей и провіанта. До 500,000 р. было отпущено на издержки. Заботливость при снаряженіи экспедиціи доходила до самыхъ мельчайшихъ подробностей и вообще обѣщала всевозможныя удобства въ пути; но атмосферическія условія той зимы рѣшили иначе. Вслѣдствіе сильныхъ холодовъ и глубокаго снѣга, экспедиція должна была вернуться, не достигнувъ цѣли и испытавъ при томъ страшныя лишенія, недоступныя описанію.

Выступая въ походъ, Перовскій отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ Оренбургскаго корпуса:

«По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, я иду съ частію ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву.»

«Долго уже Хива искушала долготерпѣніе сильной и великодушной державы и заслужила наконецъ вѣроломными, непріязненными поступками своими грозу, которую сама на себя накликала. Честь и слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти по повелѣнію Государя, на выручку братьевъ томящихся въ неволѣ.»

«Товарищи! насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ неизбѣжныя трудности дальнаго, степнаго и зимняго похода; но забота обо всемъ необходимомъ, по возможности, предупредила крайности и недостатки, а рвеніе ваше, усердіе и мужество довершатъ успѣхъ и побѣду. Войска Оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ непріятеля; Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку. Черезъ два мѣсяца, дастъ Богъ будемъ въ Хивѣ, и въ первый разъ въ столицѣ ханства, предъ крестомъ и Евангеліемъ Русскіе будутъ приносить теплыя и громкія молитвы за Царя и отечество.»

«Обращаюсь къ той части войскъ, которая останется для охраненія Оренбургскаго пограничнаго края и родины своей. Вамъ не судило счастіе дѣлить съ нами труды и опасности; но вы не менѣе того заслужите добрую славу и милостивое вниманіе Государя Императора: всякій чинъ, малый и великій, простившись съ ушедшими въ походъ товарищами, будетъ свято помнить долгъ и присягу, будетъ нести службу за себя и за походныхъ, и, въ свое время, радостнымъ, братскимъ привѣтствіемъ, встрѣтитъ возвратившихся изъ дальнаго и труднаго странствія сослуживцевъ своихъ.»

Отрядъ выступилъ изъ Оренбурга, 17-го ноября, послѣ

торжественнаго молебствія, напутствоваемый благословеніями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, съѣхавшихся на проводы родныхъ и знакомыхъ, выступавшихъ въ столь далекій путь. Походъ этотъ, по истинѣ, могъ считаться безпримѣрнымъ: предстояло пройти 1,500 верстъ зимой, по мѣстности бездорожной, отовсюду открытой и безпріютной. Зима-же крѣпчала съ каждымъ днемъ. На 5-й день пути термометръ показывалъ уже 29° морозу, а было потомъ и болѣе. Снѣгъ падалъ обильнѣе, чѣмъ запомнятъ Киргизы. По временамъ вздымалъ его страшный буранъ, и уже на первыхъ порахъ приходилось призадумываться надъ благополучнымъ исходомъ такого странствія. Отрядъ-же все двигался и двигался впередъ, просыпаясь въ 3 часа ночи и подымаясь въ 6-ть съ мѣста въ путь. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ онъ былъ уже на Эмбѣ, оставивъ за собою до 500 верстъ тяжелаго пути. Тутъ былъ назначенъ отдыхъ и здѣсь-же пришлось поближе вглядѣться въ положеніе отряда. Оказалось, что годныхъ верблюдовъ осталось не болѣе ²/₃, почему всего остальнаго продовольствія поднять было невозможно, люди стали слабѣть и болѣть чаще, были также примѣры ослушанія Киргизъ и бѣгства ихъ съ верблюдами.... Положеніе вообще становилось тяжелымъ, сомнѣніе подкрадывалось, энергія слабѣла.... Всѣ излишнія тяжести побросали тутъ, сожгли сотни телѣгъ, все что только могло затруднять дальнѣйшее слѣдованіе. Также оставили часть провіанта. Затѣмъ передовой отрядъ двинулся къ Акъ-Булаку. Выступилъ и остальной, по частямъ, встрѣчая на пути больныхъ, пересылавшихся изъ Акъ-Булака обратно на Эмбу; верблюды въ свою очередь продолжали болѣть и падать и къ приходу на Акъ-Булакъ выбыло ихъ еще до 2,000, при чемъ и всѣ остальные оказывались ненадежными для предстоявшаго пути. Была-ли-же послѣ того какая возможность идти впередъ, когда для того, чтобъ вернуться назадъ на Эмбу — къ нашему укрѣпленію—нужно было бросить на Акъ-Булакѣ до 3,000 четвертей хлѣба и много другихъ тяжестей? Хо-

рошо еще, что было кое-какое продовольствіе на Эмбѣ, да возможность получить его, со вскрытіемъ весны, на встрѣчу изъ Оренбурга, вмѣстѣ съ подъемными верблюдами. Такъ-то кончилась эта несчастная экспедиція, ожидающая еще подробнаго описанія, стоившая, не говоря уже объ издержкахъ, нѣсколькихъ сотенъ людей, умершихъ въ пути, и столько лишеній и безплодныхъ усилій, легшихъ тяжелымъ бременемъ на здоровье многихъ, оставшихся доживать свой вѣкъ. По выводамъ В. И. Даля, за все почти время означеннаго похода, въ которомъ онъ участвовалъ, съ 17 ноября по 20 февраля, было круглымъ числомъ по 19° на день [1]). Но и такой исходъ экспедиціи, обращаясь собственно къ отношеніямъ нашимъ съ Хивою, имѣлъ свою долю вліянія и послужилъ къ вразумленію, хотя временному, хивинскаго владѣльца. Лѣтомъ наступившаго 1840 года отпустилъ онъ въ Россію всѣхъ находившихся въ Хивѣ Русскихъ плѣнныхъ, числомъ до 500, и издалъ при томъ фирманъ, которымъ строго воспрещалъ всѣмъ подвластнымъ ему племенамъ, подъ опасеніемъ казни, производить на границахъ имперіи хищничества и грабежи и держать въ неволѣ Русскихъ подданныхъ. Мѣра эта была явно вынуждена опасеніемъ возобновленія поиска на Хиву. Страхъ-же и отъ перваго движенія на нее былъ неописанный. Поводомъ къ общему оцѣпенѣнію было отчасти существующее съ давнихъ поръ въ Хивѣ и вообще въ степи повѣрье, что Хива погибнетъ отъ Русскаго оружія, когда воды Аму-Дарьи будутъ снова разливаться до Стараго-Ургенча, покинутаго въ древнія времена, какъ говорятъ, по недостатку воды; передъ Хивинскою-же экспедиціею Аму-Дарья стала обращаться на западъ и въ Куня-Ургенчѣ (Стар. Ургенъ) опять поселились жители [2]). Оставалось, такимъ образомъ,

[1]) Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву. (Русск. Арх. 1867 г. № 4, стр. 628).

[2]) Настоящій городъ Куня-Ургенчъ, построенный около развалинъ стараго, дѣйствительно, какъ говоритъ г. Базинеръ въ своей Naturwissen-

ожидать исполненія послѣдней части предсказанія. Когда-же опасенія вторичнаго похода миновали, то и фирманъ ханскій не послужилъ ни къ чему. Не повели ни къ чему и условія, заключенныя съ Хивою бывшимъ тамъ въ 1842 году посольствомъ нашимъ. Хива снова начала вредить намъ въ Киргизской степи сколько могла, стараясь преимущественно укрѣпиться на Сыръ-Дарьѣ.

Между-тѣмъ и въ 1849—1850 и въ 1852 годахъ пріѣзжали къ намъ посольства изъ Хивы. Изъ нихъ послѣднее имѣло сравнительно большее значеніе. Цѣлію его было удостовѣриться «съ вѣдома-ли Государя Императора производилась въ предшествовавшемъ году рекогносцировка и съемка мѣстности за Сыръ-Дарьею.» Но это былъ только предлогъ; вѣроятная-же цѣль — заключалась въ желаніи развѣдать на мѣстѣ о видахъ и намѣреніяхъ нашихъ, вслѣдствіе вторженія въ наши предѣлы грабительскихъ Коканскихъ шаекъ не безъ участія Хивинцевъ.

Къ тому-же, съ послѣдовавшимъ предъ тѣмъ вторичнымъ назначеніемъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ графа В. А. Перовскаго, ханъ, какъ было слышно, сильно безпокоился за свои владѣнія, опасаясь новаго похода,—и Хива на этотъ разъ присмирѣла. Также и при занятіи Коканскаго укрѣпленія Акъ-Мечети, нынѣ Фортъ-Перовскій, Хива держалась во все время осторожно и на приглашеніе Кокана дѣйствовать за одно противъ насъ, отвѣчала уклончиво, и всю свою помощь ограничила посылкою 9-ти верблюдовъ со свинцомъ и порохомъ. Отъ дальнѣйшаго вмѣшательства удержало, можетъ быть, Хиву и письмо начальника Оренбургскаго края къ Хивинскому Мехтеру, посланное предъ выступленіемъ подъ Акъ-Мечеть, съ извѣщеніемъ о причинахъ и цѣли экспедиціи. Мехтеру давалось знать,

---

schaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiva — возникъ лишь лѣтъ 30—40 тому назадъ.

что дѣло наказанія Кокандевъ не имѣетъ ничего общаго съ отношеніями нашими къ Хивѣ, почему Хивинцы могутъ и должны оставаться въ сторонѣ; если-же вмѣшаются какимъ-либо образомъ въ чуждую имъ распрю, то это будетъ принято за нарушеніе мирныхъ съ Хивою отношеній и повлечетъ за собою непріятныя для нея послѣдствія. Но затѣмъ, при сосредоточеніи нашего вниманія исключительно на Коканѣ, Хива снова воспрянула и хотя не обнаруживая рѣзко непріязненнаго къ намъ расположенія, не менѣе однако прежняго стала вредить тайнымъ образомъ, продолжая посылать въ нашу степь лазутчиковъ и сборщиковъ зякята, возбуждая чрезъ нихъ Киргизовъ къ фанатической враждѣ противъ Русскихъ и поддерживая мятежные замыслы въ Кутебаровѣ, Асавовѣ и другихъ Киргискихъ бунтовщикахъ обѣщаніемъ помощи, въ случаѣ открытаго ихъ возстанія. Къ этому сверхъ собственнаго расположенія побуждалась она, по всей вѣротности, и внушеніями Турціи, куда въ 1853 и 1854 годахъ два раза ѣздили посланцы ея. Послѣдствіемъ же такого въ отношеніи насъ образа дѣйствій Хивы слѣдуетъ, по всей вѣроятности, считать и бывшій въ 1856 — 1857 годахъ мятежъ на Сырѣ.

Все это не помѣшало, однако, обмѣну самыхъ изысканныхъ учтивостей. Въ 1857—1858 году былъ присланъ изъ Хивы посланецъ для принесенія поздравленія Государю Императору со вступленіемъ на престолъ, а въ 1858 году была послана Русская миссія въ Хиву, послѣдняя бывшая тамъ до сего времени....

ВЫДЕРЖКИ

изъ дневника слѣдованія въ 1858 г., изъ Оренбурга въ Хиву Киргизскою степью и Аму-Дарьею.

Снаряженная въ 1858 году, по Высочайшему повелѣнію, миссія въ Хиву и Бухару выступила изъ Оренбурга 15-го мая. Молебствіе, отслуженное за Ураломъ, напутствовало миссію, послѣ чего, въ 9½ часовъ утра, сѣвъ на лошадей, двинулись чины миссіи въ далекій, неизвѣстный, но всѣхъ интересовавшій путь. Догоняя верблюдовъ, вышедшихъ ранѣе, быстро и шумно подвигались мы впередъ, миновали таможенный дворъ, бросили послѣдній взглядъ на скрывавшійся вдали Оренбургъ, впереди-же видѣли всю ту-же ровную, безпредѣльную степь, по которой предстоялъ намъ неизмѣнный путь, втеченіи болѣе 5-ти недѣль.

Здѣсь будетъ кстати сказать о составѣ миссіи, численности отряда и всѣхъ наиболѣе существенныхъ условіяхъ предстоявшаго похода.

Въ составъ миссіи поступили слѣдующія лица, обозначаемыя согласно оффиціальному ихъ положенію:

Начальникъ миссіи, флигель - адъютантъ, полковникъ Игнатьевъ.

Секретарь Килевейнъ.

Дипломатическій чиновникъ при Оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Галкинъ.

Переводчики: отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Баньщиковъ и отъ Оренбургскаго управленія Батыршинъ.

Офицеры Генеральнаго Штаба:

Гв. капитанъ Салацкій и штабсъ-капитанъ Залѣсовъ.

Корпуса топографовъ: капитанъ Яковлевъ и подпоручикъ Зеленинъ.

Флота лейтенантъ Можайскій.

Астрономъ Струве.

Оріенталистъ Лерхъ (отъ академіи наукъ).

Фотографъ: артиллеріи-подпоручикъ Муренко,

и доктора: при начальникѣ миссіи Пекарскій,

и при конвоѣ Батыршинъ.

Также слѣдовали съ миссіею іеромонахъ Александро-Невской лавры отецъ Фатимъ и, въ качествѣ путешественника, студентъ Дерптскаго университета Зоммеръ, сопровождавшій миссію до границы Хивинскаго ханства.

Военный отрядъ миссіи составляли:

Начальникъ конвоя войсковой старшина Буренинъ.

Отъ Уральскаго войска: есаулъ Бородинъ и хорунжій Назаровъ, два урядника и 17 казаковъ.

Отъ Оренбургскаго: прикомандированный къ войску гвардіи ротмистръ Дучинскій и есаулъ Новокрещеновъ, два урядника у 17 казаковъ.

Отъ Оренбургскаго линейнаго баталіона: капитанъ Пятницкій и прапорщикъ Кошкаровъ, при томъ-же числѣ нижнихъ чиновъ и 2-хъ унтеръ-офицерахъ; и отъ Оренбургской казачьей артиллеріи 2 урядника съ ракетными станками.

Весь конвой былъ посаженъ на лошадяхъ. Почти у всѣхъ, учавствовавшихъ въ миссіи и у гг. офицеровъ конвоя, было

по двѣ верховыхъ лошади. Сверхъ чего не возбранялось членамъ миссіи и конвойнымъ офицерамъ имѣть обозныя фуры; даже казаки и солдаты линейнаго баталіона имѣли по одной повозкѣ отъ каждой части. Также слѣдовали: аптечная фура и фургонъ для больныхъ. Для подъема тяжестей состояло, при выступленіи, до 500 верблюдовъ, которые, по мѣрѣ расходованія фуража и провіанта, отпускались съ пути. Людямъ шли сухари, мясная и винная порціи по положенію. На лошадей отпускались овесъ и пресованное сѣно.

На первый разъ мы встали лагеремъ у форпоста Курдюковскаго, въ 2 часа по полудни. На другой день, съ разсвѣтомъ, трель гарниста подняла лагерь, и какъ не лѣниво — признаться — подымались мы, но черезъ часъ съ небольшимъ были уже въ сборѣ: заблестѣли пики передоваго отряда, заколыхались вьючные верблюды, а вслѣдъ за ними двинулись и мы. И тутъ какъ и вчера и послѣ вся та-же ширь, да гладь, и лишь мы одни, слѣдуя длинной вереницей разнообразили мѣстность. Сначала — авангардъ казаковъ, потомъ едва переступая съ ноги на ногу двигались, одинъ за другимъ, вьючные верблюды, далѣе конныя фуры, мы всѣ верхами, наконецъ и остальной отрядъ,—и все это на пространствѣ болѣе 2-хъ верстъ. И такъ часовъ 6-ть, 8-мь ходу, на солнопекѣ въ 30 — 40°, — не весело, но смотришь усталости не видать. Не тутъ, такъ тамъ затянетъ свою звучную пѣсню казакъ-уралецъ и живо откликнется она съ конца въ конецъ. Ему подтянетъ пѣхотинецъ, да глухо промурлычитъ свою заунылую пѣснь киргизъ - вожакъ. А тутъ вотъ и привалъ, а съ нимъ всегда будто вѣчно - новое блаженство отдыха. Киргизская юламейка, укрывающая отъ палящихъ лучей солнца, походная кровать, да стаканъ другой чая — блаженство въ степи немалое...

2-мъ приваломъ служили намъ верховья рѣки Бердянки. Мы очутились тутъ — будто нѣкой смѣной декорацій — передъ прекрасными берегами рѣки, однимъ отлогимъ, обиль-

нымъ зеленью, другимъ возвышеннымъ, изрытымъ холмами. Но и тутъ мы не нашли кочевокъ, а на слѣдующій день повстрѣчали лишь слѣды ихъ—довольно значительныя пашни, да могильныя загороди и памятники, съ выписками изъ корана и приличными воззваніями объ упокоеніи покойныхъ. Такъ подвигались мы день за днемъ все впередъ и впередъ, подошли къ р. Илеку, — этой едва-ли не лучшей по ширинѣ и быстротѣ степной рѣки на всемъ пространствѣ отъ Урала до Сыра, — освѣжили себя въ прекрасной его водѣ, далѣе, отдохнули подъ тѣнью извѣстнаго въ степи одинокаго, иначе священнаго дерева, которое киргизы берегутъ пуще глаза и постоянно украшаютъ разными обрѣзками пестрыхъ матерій, и наконецъ поравнялись съ горою Акъ-Тюбя. Названіе Акъ-Тюбя значитъ — бѣлая гора. Она выдается угломъ, заключая рядъ небольшихъ возвышенностей. Данное ей прозваніе «Бѣлой» она ведетъ отъ находящейся на вершинѣ киргизской могилы, сложенной изъ бѣлыхъ камней. Вверхъ отъ нея, по берегу Илека, виднѣлись мѣстами деревья, промежъ небольшаго кустарника,—остатокъ бывшихъ нѣкогда лѣсовъ. Параллельно съ этими деревьями, не доходя Акъ-Тюбя, дорога идетъ довольно низменными мѣстами, потопляемыми Илекомъ, при чемъ встрѣчаются небольшія озера и болота. На одномъ изъ нихъ Уральскій казакъ убилъ большаго дикаго гуся. Самка не могла разстаться съ трупомъ самца и продолжала летать надъ нимъ, жалобно крича, и улетѣла лишь тогда, когда и по ней раздался выстрѣлъ промахнувшагося на этотъ разъ казака. А надо было видѣть его—какъ пробирался онъ за добычей ползкомъ по травѣ. Кстати о травѣ, она еще до-сихъ-поръ держится хорошо и не смотря на сильный жаръ не выгорѣла. Грунтъ по всему этому пути бо̀льшею частію суглинистый и только изрѣдка попадались пески и мѣста вовсе безтравныя. Вообще-же вся эта часть степи, вдоль Илека, извѣстна по плодородію почвы и удобствамъ, представляющимся для земледѣлія и скотоводства.

Въ свою очередь слѣдовавшее затѣмъ урочище Бишъ-Тамакъ извѣстно лучшими киргизскими зимовками. Бишъ-Тамакъ значитъ въ переводѣ «пять устьевъ» Илека. Къ одному изъ нихъ— Исенбаю — мы и подвинулись затѣмъ и тутъ-же свернувъ въ сторону, нѣкоторые изъ насъ посѣтили киргизскій аулъ мѣстнаго начальника. На разстояніи одной версты насъ встрѣтили высланные Киргизы, въ числѣ 6-ти человѣкъ. Они проводили насъ до кибитки хозяина, у которой встрѣтилъ онъ самъ. Кибитка большая, устлана коврами и уставлена кругомъ сундуками, тюфяками и подушками. Въ правомъ углу помѣщался большой продолговатый изъ черной кожи мѣшокъ, съ четвероугольнымъ продолговатымъ основаніемъ. Это сабà для кумыза. Въ отверстіе его, сверху, была вложена мѣшалка, которою взбалтывали напитокъ, прежде чѣмъ его разливали. Мы размѣстились на полу, на коврѣ, опираясь спиною о подушки. Хозяинъ сѣлъ напротивъ начальника миссіи. Между нимъ и всѣми нами послали скатерть, въ видѣ полотенца. Тутъ подали сначала кумызъ въ полоскательныхъ чашкахъ, а потомъ внесли на подносѣ чай. Два чайника—одинъ каменный, а другой мѣдный съ водою, нѣсколько чашекъ и одинъ стаканъ составляли необходимыя принадлежности, но всѣ онѣ были до того грязны, а чай такъ крѣпко настоянъ, что̀ было не до него. Между-тѣмъ кибитка наполнилась любопытствующими, размѣстившимися, въ знакъ уваженія, какъ говорится, на карточкахъ. Имъ-то мы и роздали нашъ чай, подъ предлогомъ что пріѣхали не для угощенія, а для поученія умными рѣчами хозяина. Но разговоровъ, конечно, было немного, и мы всѣ вскорѣ отправились въ обратный путь. Женщинъ не видали и въ аулѣ лишь украдкой подглядѣли въ сосѣдней юламейкѣ молодую красивую киргизску въ пестрой рубашкѣ, высокихъ сапожкахъ и головномъ, остроконечномъ уборѣ. Изъ аула поѣхали мы бѣглой рысью и вскорѣ догнали нашъ караванъ. Бывшіе у Игнатьева и у меня иноходцы возбуждали хвалы и удивленіе сопровождавшихъ насъ хозяина и другихъ ауль-

ныхъ Киргизовъ. На этомъ пути стали встрѣчаться солонцы, предвѣстники фалангъ и скорпіоновъ и худшей травы. Мы тутъ оставляли систему Урала и направлялись къ Эмбѣ и ея притокамъ. Одинъ изъ нихъ Темиръ служилъ намъ за день передъ Эмбой препріятной стоянкой. Мы расположились на самомъ берегу, противъ извѣстной могилы Шенгулъ. Рѣка течетъ быстро между песчаныхъ и нѣсколько возвышенныхъ береговъ, замѣчательна по глубинѣ и очень обильна рыбою. Уральцы съ обычной поспѣшностію и ловкостію, лишь только успѣлъ караванъ размѣститься на новой кочевкѣ, поспѣшили съ неводами въ рѣку. Большая щука, фунтовъ въ 15-ть и сомъ четвертей въ 5-ть достались на долю перваго невода съ множествомъ карасей — исключительнымъ почти достояніемъ всѣхъ степныхъ рѣкъ. Большія такія рыбы не попадались болѣе, но за то какое огромное количество выловлено было карасей! Казаки совсѣмъ ожили. Многіе изъ нихъ соблюдаютъ теперь строгій постъ, и при неимѣніи рыбы, питаются только сухарями.

За Темиромъ, не доходя Эмбы, остановились еще у большаго озера Тагалы (Джилтырь), лежащаго на плоской возвышенности между рѣкъ Темира и Эмбы, среди прекрасныхъ луговыхъ мѣстъ. Здѣсь начали попадаться кабаны и сайгаки, и мы находили въ норахъ много морскихъ утокъ.

За симъ предстояла намъ Эмба, куда мы и пришли 30-го мая, расположившись у могилъ Бетьхъ-Ходжи (вшивый-ходжа). На этомъ мѣстѣ, какъ извѣстно, предполагалось бывшимъ начальникомъ края, ген. Обручевымъ построить укрѣпленіе, и обозрѣніе этого пункта было поручено ген.-м. Бларамбергу. Означенная могила Бетьхъ-Ходжи довольно замѣчательна. Она состоитъ изъ двухъ небольшихъ зданій и разбросанныхъ между ними и вокругъ на большомъ довольно разстояніи надгробныхъ камней — все изъ бѣлаго известковаго камня. Изъ двухъ означенныхъ памятниковъ, одинъ круглый поставленъ надъ ходжей, давшимъ названіе кладбищу. Киргизы разсказываютъ, что онъ живя на этомъ

мѣстѣ, въ постоянной молитвѣ, пользовался особеннымъ уваженіемъ, за свои чудеса. Другое зданіе стоитъ надъ тѣломъ отважнаго батыря Кульджана, по происхожденію Назаровца, умершаго въ 40-хъ годахъ. Я входилъ въ эту послѣднюю. Она довольно обширна и въ ней лежатъ двѣ надгробныя плиты— одна надъ Кульджаномъ, другая надъ кѣмъ-то изъ его семейныхъ. Стѣны склепа покрыты надписями изъ корана и сверхъ того испещрены именами проѣзжавшихъ. Такимъ образомъ, мнѣ привелось, съ удовольствіемъ, вспомнить нѣкоторыхъ знакомыхъ, бывшихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я тоже написалъ свое имя. Можетъ быть и оно возбудитъ дружеское воспоминаніе въ будущихъ посѣтителяхъ мѣстности — моихъ знакомыхъ и сослуживцахъ. Настоящій день, какъ и предыдущіе, прошелъ безъ особыхъ приключеній, кромѣ развѣ того, что въ одной изъ нашихъ юлам еекъ была найдена фаланга, упавшая сверху, прямо на столъ.

На другой день подвинулись къ бывшему Эмбенскому укрѣпленію, возведенному въ 1839 году. Холодный сѣверозападный вѣтеръ съ температурой 4° въ 4 часа утра, дулъ втеченіи цѣлаго дня, вздымая песокъ и клубя его на подобіе зимняго бурана. Вѣтеръ насилу дозволилъ разставить юламейки: до того былъ порывистъ; но и тутъ проникалъ онъ во всѣ скважины нашихъ походныхъ жилищъ и весь остовъ ихъ подавался со стороны на сторону, не смотря на веревки, удерживавшія снаружи.

Здѣсь предстоялъ намъ 3-хъ-дневный отдыхъ.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ, ген.-адъют. А. А. Катенинъ, вышедшій изъ Оренбурга, съ своимъ отрядомъ, для обозрѣнія степи, на другой день послѣ выступленія миссіи, постоянно до сего времени то обгонялъ насъ, то отставалъ на день, много на два. Сегодня-же опять сошелся съ нами и остановился лагеремъ въ 1 верстѣ. Мы вышли посмотрѣть какъ спускался онъ со свитою и съ конвоемъ съ горы въ видѣ ущелья, ведущей къ той низменности, на которой было укрѣпленіе и на которой кочуемъ мы и онъ, на нѣкоторомъ

отъ насъ разстояніи. Слѣдованіе его было просто величественно: у него въ конвоѣ состоятъ, кромѣ казаковъ Уральскихъ и Оренбургскихъ, и башкиры, и почетные киргизы. Халаты послѣднихъ, самыхъ разнообразныхъ и рѣзкихъ цвѣтовъ, придавали особенно оригинальный видъ картинѣ. Сначала показался штабъ, потомъ войска, съ башкирами и киргизами въ ихъ различныхъ костюмахъ, наконецъ обозъ, съ длинной вереницей верблюдовъ, — и все это двигалось извилистымъ путемъ, спускаясь съ горы съ высокими окрайнами. Уральскіе-же казаки, какъ почти всегда, оглашали воздухъ удалыми русскими пѣснями.

Миссія выступила съ Эмбы, 2-го іюня, въ 4 часа утра, но Н. П. Игнатьевъ остался и оставилъ меня, чтобы съѣздить вмѣстѣ провести утро у Катенина, и затѣмъ уже ускоренной рысью доѣхать до новаго ночлега. Въ 8 часовъ поѣхали мы въ лагерь Александра Андреевича, и черезъ $^1/_2$ часа были у его кибитки.... Послѣ завтрака мы простились съ Катенинымъ, причемъ, по постоянному его ко мнѣ расположенію, онъ благословилъ меня на дальнѣйшій путь. Отъ него, пока Игнатьевъ садился на лошадь, я прошелъ проститься съ В. В. Гр—ъ. У него засталъ Гороновича, кн. Чингиза и Сейд—на. Со всѣми-же другими я не успѣлъ на этотъ разъ видѣться и только проѣзжая верхомъ мимо палатки Д—ля, могъ пожать ему руку и бывшимъ у него Рейтерну и Л—жу. Въ это время Катенинъ принималъ депутацію отъ туркменскаго хана Атта-Мурата, по поводу ходатайства его о покровительствѣ Россіи. Высокія шапки Туркменъ, темная одежда, высокія, худощавыя ихъ лица и нѣсколько сутуловатыя фигуры строго отдѣлялись отъ болѣе пестрой и оживленной толпы Киргизъ, видимо уже готовившихся къ предстоявшемуся имъ празднику — по киргизски называемому «тою», которымъ на славу угостилъ Александръ Андреевичъ представителей всѣхъ 3-хъ частей Оренбургской степи.

Слѣдовавшая потомъ кочевка наша у рѣчки Джаинды

ознаменовалась свиданіемъ съ извѣстнымъ киргизскимъ батыремъ Исетомъ Кутебаровымъ, бунтовавшимъ западную часть степи втеченія нѣсколькихъ лѣтъ, пока Катенинъ, по вступленіи въ управленіе краемъ, не объявилъ всепрощенія бунтовавшимъ, если они явятся съ повинною. Не одною силою, но и инымъ путемъ думалъ установить Катенинъ общее спокойствіе въ степи. Отозвавшись на такой призывъ, и прибылъ Исетъ въ лагерь флигель-адъютанта Игнатьева, прося его посредничества передъ генералъ-адъютантомъ Катенинымъ. Но свиданія этого никто изъ насъ не ожидалъ, и когда мы собрались уже въ путь, вдругъ разнеслась по лагерю вѣсть, что съ сосѣдней горы спускается партія Киргизъ. Наши посыльные, вожаки, верблюдовожатые и прочіе ордынцы, находящіеся въ лагерѣ сильно встревожились, ожидая не посѣщенія, а нападенія. Они еще не знали объ изъявленной уже Исетомъ заблаговременно покорности. Нашъ караванъ-башъ, султанъ по рожденію и болѣе другихъ смышленый, первый смекнулъ въ чемъ дѣло и выѣхалъ на встрѣчу къ Исету. За нимъ поскакали и нѣкоторые другіе ордынцы; послѣ-же первыхъ словъ объясненія, они всѣ вдругъ повернули назадъ и поскакали къ намъ маршъ-маршемъ, стараясь обогнать другъ друга. Дѣло въ томъ, что, по мѣстнымъ степнымъ обычаямъ, привезшій пріятное извѣстіе (хабаръ) награждается подаркомъ. За хабаромъ-то и скакали усердствовавшіе. Медленно подвигался за ними Исетъ, со свитою. Къ нему, на встрѣчу, выѣхалъ дежурный офицеръ. У лагеря Исетъ сошелъ съ лошади. Наши киргизы обступили его, съ выраженіями различныхъ знаковъ своего уваженія. Онъ, по обычаю, подавалъ каждому руку, которую брали тѣ обѣими руками и потомъ скрѣстивши ихъ кланялись и отходили. Отдѣлившись отъ толпы, пошелъ Исетъ впередъ — къ кибиткѣ начальника миссіи. За нимъ послѣдовали: его родной братъ, два родственника и киргизъ Джангильдинъ, который былъ посланъ къ Исету, для объясненія объявленнаго генералъ - губернаторомъ про-

щенія. Съ большею скромностію, чтобы не сказать со страхомъ, вошелъ Исетъ въ кибитку полковника Игнатьева. Н. П—чъ началъ съ выраженія удовольствія видѣть у себя Исета, какъ знакъ его покорности, удостовѣряя съ своей стороны, что если покорность эта будетъ искренняя, то Исетъ можетъ надѣяться не только на покойное кочеваніе въ нашихъ предѣлахъ, но даже на отличія. Теперь предстоитъ вамъ, продолжалъ Н. П., не только возможность мирнымъ путемъ обратиться къ занятіямъ хозяйственнымъ и разбогатѣть, но и заслужить вниманіе и почести отъ правительства, и все это, взамѣнъ настоящаго тревожнаго кочеванія по безплодному и безводному Усть-Урту, въ постоянномъ ожиданіи нападенія русскихъ отрядовъ и справедливаго наказанія за прежніе разбои. Если таковые отряды и не были высланы въ этомъ году, то единственно въ ожиданіи, что онъ, Исетъ, наконецъ проникнется убѣжденіемъ въ неизбѣжности и выгодности подчиненія Россіи, понявъ на сколько шатко покровительство Хивы, котораго онъ искалъ. Затѣмъ на слова Исета, что онъ прибылъ къ Н. П—чу единственно какъ къ довѣренному лицу Государя, съ желаніемъ чтобы Его Величество узналъ отъ него лично о совершенной покорности Исета,—Н. П. предложилъ Исету снять съ него фотографію, для поднесенія ея Государю, говоря что въ случаѣ слуховъ о новыхъ буйствахъ Исета, она будетъ служить какъ-бы залогомъ неправдоподобности сихъ слуховъ. На этомъ и остановился разговоръ. Впродолженіи его, подавали Исету и его сотоварищамъ пилавъ, разныя азіятскія явства, также чай и различныя сласти.—Съ чаемъ мы употребляли обыкновенно лимонный сокъ. Его-же предложили Исету съ сотоварищами; но нужно было видѣть всю ихъ нерѣшительность и видимое опасеніе отравы, и они выпили предложенный имъ чай, лишь послѣ того, какъ увидѣли, что и начальникъ миссіи и всѣ остальные пили чай съ этимъ сокомъ.—

Когда послѣ угощенія Исетъ сталъ откланиваться, на-

врядъ-ли, уступитъ Средиземному морю и не даромъ заслужила Аралу, въ древности, названіе «синяго.» Мы любовались моремъ и напрасно высматривали парохода, съ высоты довольно возвышеннаго кургана, будто нарочно для того выросшаго среди ровной и плоской степи.

Отсюда направились къ копонямъ Исенъ-Чагылъ, мѣстами шли песчаными буграми, въ которыхъ утопали ноги лошадей, вообще переходъ былъ тяжелый, безтравный и безжизненный: промелькнетъ—смотришь—тарпанъ или сайгакъ да и снова замретъ все кругомъ. Такъ подвигались мы впередъ. Переходы были длинные; мѣстность-же дичала все болѣе и болѣе; росла и высота Усть-Урта, доходящая мѣстами до 900 ф. и болѣе; спуски къ морю, гдѣ копони съ водой, становились затруднительнѣе; самый-же путь былъ ровный и не представлялъ затрудненій: всѣ фургоны наши двигались безостановочно—дорожка гладкая, чтó твоя шоссея—говаривали наши казаки. Но какъ ни дика и ни угрюма вообще природа Усть-Урта, она за то и привлекательна Скалы, обломки плитъ, въ какомъ-то страшномъ хаосѣ, навалены и разбросаны у подошвы его, у моря; межъ нихъ гнѣздятся песчаные бугры; вверху-же, надъ всѣмъ этимъ, высится обрывистый берегъ Усть-Урта, представляющійся то въ видѣ обширныхъ террасъ, то въ родѣ самыхъ разнообразныхъ развалинъ, стѣнъ, башенъ и замковъ. А тутъ немного поодоль кладутъ по себѣ слѣдъ наши повозки, да тяжелыя стопы верблюдовъ. Кочевокъ нѣтъ, растительность жалкая, кое-гдѣ проглянетъ зеленѣющая травка, да выглянетъ бѣлый цвѣтокъ изъ семейства Labiatae, а все больше одна колючая, пригодная лишь верблюдамъ, трава ибилекъ.

Наконецъ 18-го рано утромъ, въ 3 часа, когда мы собирались выступать, показался пароходъ, шедшій къ берегу. Оказалось что 13-го іюня, онъ былъ въ Чернышевомъ заливѣ и не нашедъ насъ тамъ, отправился, согласно данному ему маршруту, въ Давлетъ-Гирей; не нашедъ-же и

тамъ, пошелъ далѣе въ Акъ-Суатъ, гдѣ своимъ появленіемъ перепугалъ хивинскихъ лодочниковъ, поспѣшившихъ убраться. Вслѣдствіе такихъ неудачныхъ поисковъ пароходъ пустился обратно и добрался, такимъ образомъ, до нашей кочевки. Громоздскія подарочныя вещи были немедленно перевезены на пароходъ. Н. П. Игнатьевъ сошелъ также на пароходъ, который снялся якоря въ 9 часовъ; мы-же, всѣ остальные, караваномъ, отправились въ 12 часовъ и пришли въ Давлетъ-Гирей, сдѣлавъ 29¼ вер., въ 8 часовъ вечера. Означая часъ выхода я разумѣю выступленіе каравана, т. е. всѣхъ чиновъ миссіи, передовые-же верблюды и авангардъ выходятъ по-крайней-мѣрѣ часомъ ранѣе, и по этимъ-то верблюдамъ разсчитываемъ мы разстояніе и повѣряемъ его съ одометромъ. Верблюды обыкновенно дѣлаютъ отъ 4½ верстъ вначалѣ до 3 въ концѣ перехода. Въ лагерѣ говорили, что пароходъ, носящій имя покойнаго Перовскаго, въ совершенномъ порядкѣ; барказъ «Обручевъ» тоже исправленъ, и сверхъ того снаряжены двѣ баржи, и все это втеченіи съ небольшимъ одного мѣсяца. Матеріалы изъ Оренбурга пришли вовремя; но желѣзные листы будучи сложены вдвойнѣ, дали лишній и медленный трудъ для расправленія ихъ. Баржи и барказы идутъ другимъ берегомъ.

При приближеніи къ югу—къ Айбугиру, Усть-Уртская возвышенность стала нѣсколько удаляться отъ воды, отдѣляясь довольно широкой полосой песчаныхъ бугровъ и камышей. Сосѣдство этихъ тростниковъ, своего рода рощь, познакомило насъ съ цѣлыми табунами кабановъ, весьма тутъ обильными.

21-го пришли къ мысу Ургѣ, къ устроенной здѣсь переправѣ черезъ Айбугирскій заливъ, нерѣдко называемый озеромъ. Въ мѣстѣ переправы заливъ имѣетъ до 25 верстъ ширины, которая мѣстами доходитъ до 40 верстъ; въ длину-же простирается онъ до 120 верстъ. За 2 или за три версты, насъ встрѣтили посланные отъ Хивинскаго хана — братъ его, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, весьма недурной наружности, и состоящій при ханѣ, для порученій по киргиз-

скимъ дѣламъ, бѣжавшій изъ нашей степи киргизъ Азбергенъ, родственникъ Исета. Первый былъ въ золотистомъ халатѣ, съ хивинской высокой шапкой на головѣ; второй въ весьма скромномъ халатѣ темнаго цвѣта. Тутъ-же, обратившись ко мнѣ Азбергенъ спрашивалъ: сдѣлано-ли что по его 2-мъ просьбамъ о позволеніи возвратиться въ нашу степь. Вообще-же говорили они мало. Особенное вниманіе обратили только на простоту обыкновеннаго казачьяго сѣдла и уздечки начальника миссіи и спрашивали, почему такая простая? По ихъ понятію, начальникъ ничего одинаковаго съ другими имѣть не долженъ.

На завтра назначена переправа; сегодня-же вечеромъ мы простились съ нашими фурами, пожгли ихъ кострами на берегу моря, и вѣтеръ, какъ водится, разнесъ ихъ пепелъ; только память, надѣюсь, сохранитъ воспоминаніе о доставленныхъ ими удобствахъ.

Изъ экипажей остался одинъ тарантасъ начальника миссіи, съ цѣлію помѣщенія въ немъ больныхъ.

Перевозка миссіи продолжалась трое сутокъ. Весь заливъ покрытъ сплошнымъ камышемъ, вышиною до 4-хъ саженъ. Надлежало пробираться по узкой, сажени въ 1½, полосѣ воды. Ветхія лодки, управляемыя оборванными каракалпаками, едва подвигались, толкаемыя шестами. Наконецъ не доходя версты съ три до противуположнаго берега, мы вступили въ канаву, которой и закончили семичасовое плаваніе.

Лодки до того были плохи, что почти всѣ перевезенныя на нихъ вещи подмокли. Изъ нашей лодки, лучшей еще противъ другихъ, постоянно вычерпывали воду. На ней ѣхали: начальникъ миссіи, отрядный начальникъ, секретарь миссіи, Струве, Лерхъ и я. Передъ нами шла лодка съ пѣсенниками. На берегу насъ встрѣтили всѣ чины миссіи, переправившіеся прежде и Хивинскій почетный конвой, въ числѣ 100 человѣкъ. Но что это за конвой! Какой-то сбродъ разнокалиберныхъ халатниковъ, въ высокихъ черныхъ, а также и бѣлыхъ мерлушчетыхъ шапкахъ, съ одними нагайками, вмѣсто всякаго

оружія, или-же съ фитильнымъ ружьемъ на сошкахъ, съ персидской шашкой, зашитой въ чехолъ и изрѣдка съ пикой на жерди. За начальствующими возили кальяны и кувшины съ разнымъ снадобьемъ. Одни еще красивые аргамаки, но и тѣ закутанные съ головы до ногъ, выручали нѣсколько этихъ жалкихъ представителей военной силы Хивинскаго ханства. Всѣ они, въ нестройной кучѣ, привѣтствовали нашъ выходъ на берегъ. Начальники были приглашены къ чаю, а остальные конвойные разошлись по своимъ кибиткамъ.

Впродолженіи нашего пути по Айбугиру Каракалпакскіе лодочники жаловались, что имъ не платятъ за перевозку. Между-тѣмъ Хивинское правительство вызвалось само перевезти насъ; мы-же не обѣщали никакой платы, и оттого лодочники скрывались, и перевозъ шелъ медленно. Къ тому-же посадка на лодки лошадей представляла большія трудности. Рѣшили лодочниковъ вознаградить. Берегъ, на который мы вышли, отлогъ, обиленъ травою и изрѣзанъ канавами, проведенными изъ залива.

На настоящей нашей стоянкѣ мы пробыли пять дней и порядкомъ измучились, но не столько отъ сильной жары, сколько отъ значительнаго количества комаровъ и мошекъ, ни днемъ, ни ночью не дававшихъ покоя. Прибрежные жители—Каракалпаки. У нихъ черты лица и правильнѣе, и красивѣе, чѣмъ у киргизовъ. Нѣкоторые каракалпачки носятъ въ ноздряхъ серьги. Бѣдность жителей бросается на первый взглядъ, но что всего болѣе поражаетъ — это едва-ли не всеобщее зараженіе сифилисомъ. Наши доктора дѣлали указаніе и давали лекарства.

Сѣверная часть ханства, въ которую мы вступили заселена преимущественно кочевыми племенами — Каракалпаками, Туркменами и Киргизами, за исключеніемъ нѣсколькихъ селеній и собственно жителей Кунграда, которые какъ и всѣ вообще горожане принадлежатъ къ осѣдлымъ племенамъ Узбекамъ и Сартамъ. Общее населеніе ханства исчисляется приблизительно въ 700 т. душъ об. пола.

27-го тронулись въ дальнѣйшій путь по направленію къ г. Кунграду и немедленно вступили въ полосу обработанную, довольно густо населенную киргизскими и каракалпакскими кочевками. Хлѣбныя поля разбиты на довольно правильные квадраты, окаймленные канавами большей и меньшей величины. Канавы развѣтвляются до самыхъ мелкихъ проводниковъ воды, которою только и оплодотворяется неблагодарная сама по себѣ почва земли, преимущественно солонцоватая. Кромѣ того удобряютъ почву иломъ изъ рѣки, который возятъ зимою. Пшеницу уже собирали и намъ попадались по пути двухколесные арбы со снопами. Для обработки земли служатъ здѣсь и сохи, и бороны какъ у насъ, больше-же всего заступы, да желѣзныя лопаты. Для размола-же хлѣба имѣется всего одна мельница, а большею частію служатъ простые жернова. Изъ хлѣба сверхъ пшеницы засѣваютъ: сорочинское пшено, просо, ячмень, горохъ, также маслячныя растенія; хлопокъ-же, марена и тутовникъ съ шелковичными червями хотя и разводятъ повсемѣстно, но болѣе подъ самой Хивой. Хлопка собственно хивинскаго идетъ къ намъ неболѣе 30 т. пудовъ. Марены— было время — что вывозили свыше 20 т. пудъ, а шелку въ коконахъ до 500 т. пудъ. Дорога, по которой мы ѣхали, вообще торная, но пренеудобная по необходимости постоянно переѣзжать черезъ канавы по переброшеннымъ черезъ нихъ, трещащимъ подъ тяжестію проѣзжающихъ, жердямъ, покрытымъ соломой. А съ каждымъ шагомъ впередъ, поля увеличивались, канавы становились чаще и дорога тѣснѣе. Тутъ стали встрѣчаться сады, видимые еще издали по высокимъ красивымъ тополямъ. Мы подъѣхали къ одному изъ нихъ, принадлежащему упомянутому выше Азбергеню. Садъ окруженъ высокой глиняной стѣною, съ бастіонами по 4-мъ угламъ. Онъ говорятъ, выдержалъ осаду Туркменъ, причемъ внутри его помѣщалось до 1500 кибитокъ. Тополи, посаженные въ два ряда, идутъ крестомъ, на перекресткѣ устроенъ 4-хъ-угольный бассейнъ, а въ площадяхъ, образуемыхъ аллеями, поса-

жены: пшеница и джугара, и по нимъ разсажены вѣтвистыя абрикосовыя и финиковыя деревья, увѣшенныя фруктами; тутъ-же посѣяно нѣсколько грядокъ табаку. Каждая грядка обведена канавкой. Хозяинъ угощалъ насъ, подъ открытымъ небомъ, на коврѣ. Началось съ фруктовъ, потомъ подали, въ китайскихъ чашкахъ, чай, затѣмъ пермени, пилавъ и въ заключеніе опять чай. Все было весьма сносно и опрятно приготовлено. Фрукты-же были очень вкусны. Абрикосы, желтыя сливы и красный виноградъ поспѣваютъ тутъ въ началѣ іюня.

Здѣсь, въ окрестностяхъ Азбергенева сада, мы остановились на ночлегъ, и лишь на другой день въѣхали въ городъ. Когда мы расположились лагеремъ, къ намъ явился Хивинскій таможенный чиновникъ; онъ обошелъ всѣ кибитки, осматривая и переписывая вещи.

Подъѣзжая къ городу, мы увидѣли какую-то безобразную, нестройную массу глиняныхъ, низкихъ, съ плоскими крышами, строеній. Это былъ давноожиданный городъ Кунградъ. Узкія улицы, сажени въ 2 шириною, съ непросохшей еще грязью, кружили насъ по городу. Полицейскіе чиновники разгоняли нагайками столпившійся на улицахъ народъ, женщины выглядывали съ плоскихъ крышъ зданій. Общій шумъ и гамъ сопровождали насъ и еще болѣе усилились при въѣздѣ въ такъ называемую базарную улицу, болѣе другихъ прямую. Это своего рода пассажъ. Отъ одной стѣны, окаймляющей улицу, до другой — проведены жерди, накрытыя соломой. Въ стѣнахъ оконъ не видать: онѣ всѣ обращены во внутрь дворовъ, а имѣются однѣ двери, около коихъ устроены скамьи, на которыя, въ дни базара, выкладываются вещи. Повернувъ изъ этой улицы на лѣво, мы наконецъ въѣхали въ высокія, съ зубчатымъ верхомъ, ворота ханскаго двора. Этотъ первый дворъ служитъ караванъ-сараемъ для слѣдующихъ въ Россію товаровъ. Вдоль стѣнъ его устроены помѣщенія для прислуги и складочные сараи. За первымъ дворомъ слѣдовалъ 2-й съ ханскимъ дворцемъ, состоящимъ изъ

нѣсколькихъ комнатъ, съ небѣлеными, глиняными стѣнами и съ земляными поломъ. Насъ провели насквозь дворца на террассу, выходящую въ полисадникъ. Передъ террасой была разбита большая кибитка, опиравшаяся о большое, тополевое дерево. Къ палисаднику примыкаетъ большой фруктовый садъ, обнесенный одной общею со дворцомъ оградою.

При входѣ во дворецъ насъ встрѣтилъ ханскій чиновникъ, именующійся Диванъ-Бабою. Передъ вечеромъ-же явился мѣстный губернаторъ Есаулъ-Баши. Въ разговорѣ онъ рѣшительно противился входу нашихъ судовъ не только до Кунграда, но даже и въ устье Аму, почему и просилъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго по сему распоряженія. Обѣщалъ доставить лодку для посылки на ней чиновника въ устье Аму-Дарьи, на встрѣчу парохода, для пріема съ него подарочныхъ вещей; также обѣщалъ приготовить необходимое число лодокъ для слѣдованія миссіи водою въ Хиву. Но при этомъ говорилъ, что слѣдованіе водою вверхъ по рѣкѣ неудобно, что придется тянуться бичевою по разливу рѣки не менѣе 18-ти дней, что насъ ожидаютъ въ пути несносная жара и удушливый воздухъ въ прибрежныхъ камышахъ, которыми придется идти, а по вечерамъ миріады комаровъ. Лошадей-же, по недостатку лодокъ, нельзя будетъ взять съ собою, а надо будетъ отправить, съ людьми при нихъ, по восточному, такъ называемому Бухарскому берегу рѣки, гдѣ они пройдутъ болѣе мѣсяца, удаляясь отъ берега рѣки въ глубь степи...

Согласно сему, на другой день, 29-го, лейтенантъ Можайскій былъ посланъ въ море къ пароходу, для взятія подарочныхъ вещей и для передачи на пароходъ приказанія возвратиться въ Казалу (фортъ № 1). При этомъ лейтенантъ Можайскій обязывался въ подробности изслѣдовать устье Аму.

Для насъ-же всѣхъ остальныхъ это былъ день отдыха, и мы разбрелись по городу. Въ Кунградѣ два раза въ недѣлю бываетъ базаръ и на этотъ разъ очень кстати пришелся

базарный день. Торговали глиняной посудой, фруктами, лепешками, кошмами, бараньими шкурами, халатами изъ мѣстной ткани и проч. въ этомъ родѣ. Торгъ жалкій, народъ бѣдный, на половину оборванный. Лавокъ въ Кунградѣ счетомъ 105 и изъ нихъ 15 пустыхъ. Городъ былъ нѣкогда окруженъ стѣной, подходившей къ самой рѣкѣ, но теперь сохранились отъ нее только по берегу однѣ развалины. Рѣка у города не такъ величественна, какъ мы ожидали, не болѣе 60-ти сажень шириною, течетъ-же быстро, но не прозрачно, а какъ кофе со сливками. Оба берега совершенно отлоги и на противоположномъ видно много зелени, пашень и садовъ. Богатые кунградцы, спасаясь отъ жаровъ, кочуютъ у самой рѣки, въ палаткахъ. Тутъ-же были сложены довольно значительные склады хлопка, предназначеннаго для отправленія въ Россію.

Хозяйственное положеніе миссіи обусловилось тѣмъ, что хивинское правительство взяло содержаніе миссіи, по принятому обычаю, на свой счетъ, причемъ былъ сообщенъ размѣръ всего необходимаго. Начальнику-же миссіи сверхъ того присылалось ежедневно по нѣскольку маленькихъ головъ сахару, чай и разные сушеные и свѣжіе фрукты и другія лакомства.

Въ распоряженіе наше, для слѣдованія въ Хиву было доставлено 7 большихъ косныхъ лодокъ. Я устроился на одной лодкѣ съ Дучинскимъ и Струве. Всѣхъ-же насъ на лодкѣ съ казаками и прислугой было 15 человѣкъ, не считая 4 хивинцевъ, тянувшихъ бичевую.

Мы отчалили отъ берега 1-го іюля, подъ вечеръ, а утромъ того-же дня переправились на поромѣ, на противоположный берегъ, лошади миссіи, съ частью отряда, подъ начальствомъ есаула Бородина.

По мѣрѣ движенія впередъ, рѣка постепенно расширялась. Тянули насъ преимущественно по лѣвой (судя по ходу вверхъ) сторонѣ, у которой и останавливались на ночевую, изъ опасенія бродящихъ, будто-бы, по правой сторонѣ. Турк-

менскихъ шаекъ. Только при переходѣ съ одной стороны на другую мы имѣли возможность знакомиться съ самымъ русломъ рѣки; но быстрота ея и довольно частые водовороты затрудняли подобные переходы. Въ остальное-же время не плыли, а вѣрнѣе ползли мы разливами рѣки, а также каналами ея, и бóльшею частію среди густыхъ, прибрежныхъ камышей, до того мѣстами густыхъ, что намъ виднѣлась одна лишь узкая надъ нами полоска неба. Жара къ полдню доходила до 40° и болѣе, отсутствіе теченія воздуха усиливало духоту, а ночные, презлые къ тому-же, комары, да мѣстами колючій кустарникъ, мѣшавшій выходить на берегъ — довершали подобныя невзгоды нашего плаванія.

Такъ-то однообразно, но за то и безмятежно длилось наше плаваніе. Проходя мимо крѣпостцы Нукусъ наши казаки пѣли и играли въ бубны, и сбѣжавшійся народъ кричалъ «якши,» «якши» хорошо, хорошо. На нихъ недавно нападали туркмены и увели всѣхъ молодыхъ бабъ. Жители до того бѣдны, что у нихъ нельзя было достать даже фруктовъ. Была только коекакая рыба. Здѣсь ловятся преимущественно сомъ и шипъ.

Подошли затѣмъ къ городу Ходжейли, съ берега почти невидимому, перетянулись на противоположный берегъ и пошли снова бичевой, миновали рукавъ Лауданъ, поровнялись съ горами Шейхъ-Джели, которыя противъ города Кипчака достигаютъ по-крайней-мѣрѣ до 2 т. фут. высоты; Аму-Дарья-же въ свою очередь разстилается въ этомъ мѣстѣ сажень на 700 въ ширину и представляется такой величественной рѣкою, что при взглядѣ на нее и на ту силу, съ которою катитъ она свои воды — право, невольно, призадумываешься надъ настоящимъ назначеніемъ этой дѣйствительно-роскошной рѣки. Впрочемъ по глубинѣ она доходитъ всего до 3-хъ футъ, и плаваніе судовъ на этой глубинѣ можетъ считаться обезпеченнымъ только втеченіи 3 мѣсяцевъ. Въ августѣ рѣка начинаетъ уже спадать. По заключенію лейт. Можайскаго, для плаванія по Аму необходимо, чтобы суда сидѣли съ нагрузкою отнюдь не болѣе 2½ футъ, такъ

чтобы, вслучаѣ надобности, слегка облегченные, они могли подняться на $^1/_4$ ф. Подобныя суда—по его мнѣнію—моглибы держаться и въ Аральскомъ морѣ, безъ выдвижныхъ даже килей, слѣдуя только вдоль восточнаго его берега, гдѣ, какъ извѣстно, много острововъ, и вдоль котораго слѣдуютъ изъ Сыра въ Аму и обратно хивинскія безпалубныя лодки, сидящія не болѣе $1^1/_2$ ф. въ водѣ и всего на 1 ф. сверху воды. Но при этомъ—замѣчаетъ еще Можайскій —въ виду извилинъ устьевъ Аму: Улкунъ-Дарьи и Кильдене слѣдуетъ избѣгать постройки черезъ-чуръ длинныхъ судовъ.

Подвигаясь далѣе, мы приблизились къ г. Кипчаку, около коего полюбовались довольно красивымъ издали зданіемъ училища съ мечетью. Здѣсь будетъ кстати сказать, что всѣхъ медресе въ ханствѣ 60, при чемъ въ каждомъ находится отъ 20 до 60 учениковъ.

Нѣсколько южнѣе Кипчака, у подножій Шейхъ-Джели, мы пріостановились около каракалпакскаго аула, кибитокъ въ 20-ть. Аулъ этотъ обличаетъ нѣкоторое довольство: кибитки обширны и чисты, жители хорошо одѣты, особенно женщины, изъ коихъ нѣкоторыя были въ красныхъ уборахъ въ родѣ киргизскихъ малахаевъ. Ни одна изъ нихъ не пряталась, а напротивъ всѣ онѣ, съ оживленными лицами, отвѣчали на шутки нашихъ казаковъ. Аулъ стоитъ на небольшомъ пространствѣ земли, окруженномъ водою. Земля, сажень въ 6-ть шириною, будучи возвышеннѣе окружающей мѣстности, осталась не залитою, и каракалпаки надѣятся, что съ ожидаемою убылью воды имъ не придется удаляться далѣе къ горамъ. Они очень стѣснены и приписываютъ разливъ, дошедшій до нихъ только въ этомъ году, запруженію Лаудана, съ цѣлію лишить окрестныхъ, непокорныхъ туркменъ воды. Плотина эта дѣйствительно существуетъ, и на ней для огражденія устроена крѣпостца, въ коей находится до 150 чел. пѣхоты и до 500 чел. конницы.—Берегъ рѣки, идущій здѣсь отъ горъ, являетъ нѣкоторые признаки прежняго, болѣе долговременнаго пребыванія подъ водою. Мѣстами покрываетъ его саксаульникъ,

Сами-же горы очень живописно окаймляютъ эту часть берега. Въ этихъ горахъ въ настоящее время добываютъ только селитру и сѣру. По преданію-же въ нихъ находятся, будто-бы, и золотые рудники, которые и пробовали было разработывать при Мохаммедъ-Аминъ-ханѣ, но оставили. Та-же участь постигла и добычу мѣди, дѣйствительно производившуюся не далѣе какъ въ началѣ настоящаго столѣтія при Мухаммедъ-Рахимъ-ханѣ. Оставленіе того и другаго объясняютъ неумѣніемъ вести дѣло. Упомянутый выше городъ Кипчакъ считается хивинцами за священное мѣсто, почему и посѣщается довольно часто богомольцами, но при всемъ томъ городъ бѣденъ и сравнительно съ прежними описаніями значительно обнищалъ.

Далѣе, за городомъ Мангытъ, горы стали отдѣляться влѣво, постепенно понижаясь; рѣка-же пошла вправо, а мы, продолжая держаться разлива, попали опять въ камыши и потянулись какимъ-то узкимъ протокомъ. Выйдя снова въ рѣку, пропустили мимо себя городъ Гурленъ, едва выглядывавшій изъ-за пышной зелени садовъ, а затѣмъ пошелъ снова разливъ и опять камышъ, а съ ними и безсмѣнный бичевникъ....

14-го, совершенно неожиданно было получено съ нарочнымъ хивинцемъ изъ Кунграда извѣстіе, что Бутаковъ разошелся съ Можайскимъ и другимъ устьемъ Аму, на другой всего день, по нашемъ отплытіи, вошелъ на всѣхъ парахъ и всталъ на якорь у Кунграда — къ общему изумленію и страху жителей. Вслѣдъ за Бутаковымъ вернулись въ Кунградъ и лошади наши, высланные съ отрядомъ по берегу. Путь, указанный хивинцами, оказался непроходимымъ, почему начальникъ отряда нашелся вынужденнымъ возвратиться за новыми указаніями. Бутаковъ, снабдивъ офицера деньгами, а отрядъ запасными сухарями съ парохода, такъ какъ и въ тѣхъ и другихъ предстояла нужда, потребовалъ при томъ отъ Кунградскаго губернатора болѣе надежныхъ проводниковъ, для благополучнаго прослѣдованія отряда въ Хиву. Съ другой стороны изъ Хивы пріѣхалъ къ намъ, на

встрѣчу, посланный передъ тѣмъ въ Хиву, состоявшій при миссіи купеческій приказчикъ Панфиловъ. Вообще этотъ день былъ днемъ неожиданностей, породившихъ немало толковъ и предположеній. Прошелъ даже слухъ о намѣреніи возвратиться по теченію рѣки къ пароходу. Отдавались приказанія по лодкамъ. Солдатики шептались. Словомъ было что-то въ воздухѣ, по французскому выраженію. Но, при всемъ томъ, какъ и слѣдовало ожидать, мы въ тотъ-же вечеръ пошли далѣе и ночевали у кладбища, при истокѣ канала, ведущаго въ Ургенчъ. Сюда, на слѣдующій день, прибылъ высланный отъ хана почетный конвой, а вмѣстѣ съ нимъ верховыя лошади и до 200 арбъ для поднятія миссіи. Ханъ предлагалъ идти отсюда сухопутно, тогда какъ другой путь предстоялъ по каналу Полванъ-Атѣ, ведущему прямо къ Хивѣ. Начальникъ миссіи предпочелъ этотъ послѣдній путь. Послѣ бывшихъ при томъ объясненій, началось угощеніе прибывшихъ, и между прочимъ Уральскіе казаки услаждали, по обыкновенію, своими пѣснями, за что пѣсенники и получили отъ хивинскихъ властей — каждый по хивинскому золотому (въ 2 р.) и по халату. Затѣмъ предстояло еще угощеніе у близлежащаго города Ханки. Толпы народа бѣжали къ нему вдоль берега. Стеченіе его было весьма многочисленное. Угощеніе шло съ двухъ сторонъ; а казаки снова играли въ бубны и пѣли свои разудалыя пѣсни. Народъ толпясь по берегу, обступалъ каждаго изъ насъ, распрашивая о плаваніи и показывая знаки своего вниманія. Дѣти во множествѣ пестрили и разнообразили мѣстность. Имъ давали деньги, и крикамъ и веселью ихъ не было конца.

На сказанныя угощенія—какъ передавали Панфилову хивинскіе торговцы — у хана вовсе не было денегъ и онъ приказалъ занять у Ургенчскихъ купцовъ 300 червонцевъ. Въ Ургенчѣ, вмѣстѣ съ г. Хивой, какъ извѣстно, производится главная торговля и отсюда отправляются караваны какъ въ Россію, такъ и въ Бухару.

Чѣмъ приближались мы ближе къ цѣли нашего плаванія,

тѣмъ многолюднѣе и разнообразнѣе становились прибрежныя мѣста. Земли около г. Хивы считаются лучшими въ ханствѣ. Своего рода мызы, поля, пастбища, стада, бродящія вдоль берега—представлялись чаще взорамъ. Прибрежные жители и много довольно красивыхъ женщинъ сбѣгались смотрѣть на странствующихъ урусовъ. Эти послѣднія тó просто поклонятся, или посмотрятъ удивленно, то наконецъ и насмѣются вдоволь, приставая къ бичевникамъ и дѣлая имъ свои замѣчанія; но тѣ безропотно тянутъ свою лямку, да и мы стольже сносливо едва подаемся впередъ, то вдаваясь въ сѣть каналовъ, то вновь выходя на рѣку и слѣдуя попеременно вдоль одного или другаго изъ ея береговъ. Между-тѣмъ — умышленно или нѣтъ, ведутъ насъ Хивинцы, столь кружной дорогой — приводилось не разъ ломать перекидные мосты: тутъ видимо не ѣздятъ на лодкахъ и вообще существующая система каналовъ, служитъ не столько для сообщенія, сколько съ цѣлію ирригаціонной. Но наконецъ изъ общаго направленія на юго-востокъ, мы повернули подъ угломъ на западъ и изъ канала Шаватъ вошли въ каналъ Полванъ-Ата, который имѣетъ привести насъ прямо къ назначенному намъ жилищу подъ Хивой. Каналъ шириною сажень въ 15-ть. Подстриженныя ивы, посѣвы хлопчатника, сады съ выстриженными въ три яруса тополями—покрывали берега; земля-же, попрежнему, песчана и суха. Такъ встрѣтили мы ночь на 18-е іюля. Вся она прошла и весело, и шумно: говоръ не прекращался, также какъ не умолкало казачье пѣніе, и въ немъ на этотъ разъ звучало что-то особенное—сказывалась всеобщая радость отъ скораго пріѣзда. Прекрасная, свѣтлая, звѣздная ночь освѣщала слѣдовавшія одна за другой наши лодки. Прямыя борозды ложились отъ нихъ на ровную, едва колыхавшуюся поверхность воды. И высокіе прибрежные тополи, въ свою очередь, отпечатывали длинною тѣнью свои остроконечныя верхушки. Бросали тѣнь, и мы сидя на лодкѣ и дружески бесѣдуя, и сколько воспоминаній запечатлѣлось въ нашей памяти о пройденномъ пути съ 15 мая....

Ханское загородное помѣщеніе подъ Хивою.

Къ полдню пристали къ обширной стѣнѣ съ калиткой, выходящей на канаву—это загородный дворецъ, назначенный для помѣщенія миссіи.

Калитка вела въ большой тѣнистый садъ, въ которомъ за вѣтвистыми ивами, вѣтлой и вязью укрывался небольшой, кокетливой наружности глиняный домъ, ощекатуренный и выбѣленный подъ глянецъ, съ крытой съ 3-хъ сторонъ галлереей, съ рѣзными колоннами. Два ряда оконъ выходятъ на галлерею: верхнія рѣшетчатыя, а нижнія, на подобіе дверей, идутъ до пола, безъ рамъ, со сплошными створками. Напротивъ—прудъ и мѣсто для ханской палатки. Сзади аллея изъ виноградныхъ лозъ, сплетенныхъ аркой, ведетъ во 2-й, но на этотъ разъ не садъ, а дворъ, въ которомъ находится надъ прудомъ, съ яркими цвѣтами, родъ довольно обширнаго павильона съ галлереей. А затѣмъ и еще дворъ—главный, со въѣздными, обширными, сводчатыми воротами. На этомъ дворѣ, вокругъ стѣнъ, расположены, какъ двухъэтажныя, такъ и одноэтажныя глиняныя комнаты. Таковы вообще отведенныя намъ помѣщенія. На мою долю съ Дучинскимъ, Струве, Салацкимъ и Муренко досталось первое, описанное выше, находящееся въ саду зданіе.

1858 г.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПРАВАХЪ

Россіи на города Туркестанъ и Ташкентъ.

Киргизъ-Кайсаки еще въ началѣ XVII столѣтія владѣли берегами Сыръ-Дарьи, отъ впаденія ея въ Аральское море вверхъ до самаго Туркестана и далѣе. Когда именно и кѣмъ взятъ былъ Туркестанъ, сдѣлавшійся столицею киргизскихъ хановъ, неизвѣстно. Есть только нѣсколько достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, что около 1630 года имъ владѣлъ киргизскій ханъ Ишимъ. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ находится у Абульгазы, въ его *Родословной исторіи о Татарахъ*. Принужденный, вслѣдствіе гоненій брата своего, оставить отечество,—нынѣшнее Хивинское ханство, — Абульгаза бѣжалъ въ то время въ Туркестанъ и нашелъ тамъ, какъ говоритъ, ханомъ Ишима, который, продержавъ его у себя три мѣсяца, отвезъ затѣмъ въ Ташкентъ и отдалъ подъ покровительство тамошняго хана Турсула. Спустя два года, владѣльцы эти поссорились: Ишимъ убилъ Турсула и взялъ Ташкентъ [1]). Поступивъ такимъ образомъ подъ власть Киргизовъ, городъ этотъ оставался въ ихъ рукахъ втеченіи цѣлаго почти столѣтія. Но въ 1723 году Зюнгары,

---

[1]) Абульгазы *Родословная исторія о Татарахъ*, часть IX, гл. 2.

Об историч. правах России на города Турк., Сайрам и Ташкент

альствуемые Голданъ-Цыренемъ, пользуясь пре-
имъ силы, напали на Киргизовъ и, послѣ нѣсколь-
ныхъ стычекъ, овладѣли не только Ташкентомъ,
кестаномъ, изгнавъ изъ него перваго присягнувшаго
на Малой Орды, Абулъ-Хаира [1]). Не долго, одна-
олжалось торжество Зюнгаровъ. На общемъ народ-
раніи Киргизы положили, во что-бы то ни стало,
ъ пришельцевъ изъ старинныхъ наслѣдственныхъ
съ земель, и вооружившись, смѣло двинулись про-
гаровъ, подъ предводительствомъ Абулъ-Хаира.
еніе слѣдовало за другимъ, и наконецъ Киргизы
и и заняли прежнія свои земли. Но они не умѣли
аться послѣдствіями побѣды: единодушіе остави-
они, по-прежнему, разъединились. Одна только
рда осталась на отбитыхъ мѣстахъ, раскинувшись
своими между Ташкентомъ и Туркестаномъ и
него по Сыру, на кочевьяхъ, принадлежавшихъ
ргизамъ Малой Орды. Что касается до этой по-
о она направилась къ Эмбѣ, перешла на правый
и достигла даже Урала, въ то время какъ Сред-
улась на сѣверъ. Эти обстоятельства значительно
емью Киргизовъ, и Большой Ордѣ пришлось одной
ь лицомъ къ лицу съ злѣйшимъ врагомъ своимъ,

тѣмъ совершилось важное событіе: Малая и Сред-
няя Орды добровольно присягнули на подданство Россіи.
Еще въ 1726 году киргизскій посланецъ, Кайбакаръ, пріѣзжалъ отъ имени нѣсколькихъ старшинъ просить покровительства для Малой Орды, а въ 1730 году прибыли въ Уфу къ мѣстному воеводѣ нѣсколько посланцевъ отъ Абулъ-Хаира съ письменнымъ предложеніемъ вѣчнаго подданства.

---

[1]) Левшина: *Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей*, часть II, стр. 57—58.

Предложеніе это видимо обрадовало наше правительство, и императорская грамота на принятіе Малой Орды въ подданство была немедленно вручена посланцамъ. Съ ними былъ отправленъ, для приведенія новыхъ подданныхъ къ присягѣ, чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Тевкелевъ. Съ прибытіемъ его въ Орду встрѣтились однако различныя препятствія къ безостановочному исполненію порученія, и лишь въ 1732 году присягнули Россіи какъ Абулъ-Хаиръ-ханъ съ своимъ народомъ, такъ и ханъ Средней Орды, Шемяка [1]). Вслѣдъ затѣмъ присягнули Каракалпаки, располагавшіеся вблизи киргизскихъ кочевьевъ по Сыру. Послѣ того Тевкелевъ отправился обратно въ Россію и въ январѣ 1733 года прибылъ въ Уфу. Съ нимъ слѣдовало новое посольство отъ Абулъ-Хаира, подъ начальствомъ сына его Эрали-султана. При посольствѣ находились еще двое старѣйшинъ Большой Орды съ предложеніемъ вѣрноподданства. Ходатайство объ этомъ было повторено потомъ въ 1738 году самимъ ханомъ этой Орды, Юлбарсомъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Такимъ образомъ, безъ малѣйшаго насилія, владычество Россіи раздвинулось далеко на востокъ и югъ. Въ числѣ киргизскихъ земель въ составъ имперіи вошли и оба берега Сыръ-Дарьи, какъ законное наслѣдіе Малой Орды, съ постояннымъ мѣстопребываніемъ хановъ, Туркестаномъ, съ землями, принадлежащими къ нему и городомъ Ташкентомъ, что все образуетъ такъ называемую нынѣ Ташкентскую область. Киргизы, нераздѣльно владѣвшіе этими мѣстами, впервые передали ихъ въ распоряженіе и подъ защиту Россіи, отъ которой разсчитывали имѣть огражденіе и помощь. Именно эта увѣренность и побудила Киргизовъ присягнуть добровольно. Извѣстно, что случилось это вслѣдствіе настояній и увѣщаній Абулъ-Хаиръ-хана, личные виды

---

[1]) *Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей*, часть II, стр. 103—105.

котораго клонились къ распространенію власти далеко за предѣлы наслѣдственныхъ кочевьевъ Малой Орды, далеко на югъ отъ столицы его, Туркестана. Достигнуть своей цѣли онъ думалъ чрезъ покровительство Россіи, и этимъ только объясняется, почему послѣ побѣдоносная возвращенія Туркестана отъ Зюнгаровъ, онъ не остался въ немъ, а поспѣшилъ къ русскимъ границамъ. Различныя обстоятельства воспрепятствовали Абулъ-Хаиру не только исполнить свои честолюбивые замыслы, но и возвратиться въ прежнюю свою столицу. Не удалось это впослѣдствіи, въ сороковыхъ уже годахъ прошлаго столѣтія, и сыну его, Нурали-хану, видѣвшему въ пріобрѣтеніи Туркестана единственное средство къ упроченію власти надъ Киргизами Малой Орды [1]). Между-тѣмъ Зюнгары не оставляли враждебныхъ предпріятій и нападали на оставшихся кочевать по Сыру Киргизовъ Большой Орды. Начавшаяся борьба, въ которой приняли участіе и нѣкоторые роды Средней Орды, продолжалась непрестанно во всѣ почти послѣдовавшіе годы минувшаго столѣтія. Не разъ власть надъ Туркестаномъ и Ташкентомъ переходила попеременно то къ тѣмъ, то къ другимъ изъ воевавшихъ. Киргизы, однако, и при неудачѣ не унывали. Теряя эти города, они умѣли держаться въ окрестностяхъ ихъ, и почти до начала нынѣшняго столѣтія не упускали изъ своей власти городки, лежащіе между ними [2]). Положеніе Туркестана и Ташкента было въ этомъ случаѣ самое плачевное [3]). Киргизы держали ихъ въ постоянной осадѣ. Такой ходъ дѣлъ

---

[1]) Вельяминова-Зернова; *Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Средней Азіей со времени кончины Абулъ-Хаиръ-хана.* (1748—1765 г.), т. I, стр. 25.

[2]) Левшина: *Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ и степей* Ч. II, стр. 80 — 81.

[3]) Ханыкова: «Примѣчанія къ статьѣ — Поѣздка Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ въ 1800 г.» (*Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ.* 1851 г., ч. I, кн. I стр. 54).

на Сырѣ продолжался, пока не началъ усиливаться въ Ташкентѣ, подъ исходъ прошедшаго столѣтія, нѣкто Юнусъ-Ходжа. Мѣрами хитрости, а еще болѣе рѣшимостью, онъ успѣлъ поработить большинство мѣстныхъ Киргизовъ и овладѣлъ даже Туркестаномъ [1]); но не долго, повидимому, правилъ въ этомъ городѣ: послѣ занятія Ташкента Коканомъ, его имя не встрѣчается болѣе въ лѣтописяхъ. Но въ первой четверти настоящаго столѣтія въ Туркестанѣ находимъ еще самостоятельное управленіе, подъ вѣдѣніемъ киргизскаго хана, Тогая. Онъ заключаетъ собою рядъ ордынскихъ хановъ, правившихъ въ тѣхъ мѣстахъ. Между-тѣмъ Коканъ, распространяя свое владычество на счетъ Киргизовъ и взявъ Ташкентъ, весьма естественно устремилъ свои помыслы къ сѣверу, на Туркестанъ, доставлявшій ему естественную границу съ сѣверной стороны [2]), прислоняя его къ широкой полосѣ степи безплодной и затруднительной для переходовъ. Такимъ образомъ «послѣдній потомокъ киргизскихъ хановъ, завоевавшихъ эту страну и владѣвшихъ нѣкогда даже самымъ Ташкентомъ (читаемъ мы въ *Обозрѣніи Коканскаго ханства въ нынѣшнемъ его состояніи*) Тогай-ханъ, не смотря на мужественное сопротивленіе, былъ принужденъ спасаться бѣгствомъ, и послѣ многихъ приключеній нашелъ убѣжище у Миръ-Хайдара, владѣльца Бухары. Онъ былъ застрѣленъ изъ ружья во время смятенія, сопровождавшаго восшествіе на престолъ нынѣшняго хана» [3]).

Овладѣвъ Туркестаномъ, Коканцы пошли далѣе. Одно укрѣпленіе за другимъ возникало по теченію Сыра, и наконецъ, коканское правительство стало здѣсь твердою ногой, построивъ Акъ-Мечеть, за которою, внизъ по рѣкѣ, слѣдо-

---

[1]) «Поѣздка Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ» (*Вѣстникъ Русск. Геогр. Общ.* Ч. I, кн. I, стр. 22).

[2]) Тамъ-же, стр. 194.

[3]) *Записки Русск. Геогр. Общ.* 1849 г., кн. III, стр. 194.

вали незначительныя крѣпостцы, какъ-бы передовые пункты Акъ-Мечетскаго укрѣпленія. Такимъ образомъ Коканъ овладѣлъ всѣмъ среднимъ теченіемъ Сыръ-Дарьи. Въ то-же время другое сосѣднее намъ ханство, Хивинское, заняло низовья лѣваго берега этой рѣки.

Въ началѣ подвластные намъ Киргизы не видѣли себѣ большаго отягощенія отъ водворенія Кокандевъ, ибо, хотя и незаконно, акъ-мечетскіе беки взыскивали съ нихъ сначала одинъ только *зякять*, право взиманія котораго принадлежало, конечно, лишь русскому правительству; но въ послѣднее десятилѣтіе Коканцы перестали довольствоваться этою податью: они не только начали позволять себѣ различныя, въ отношеніи ордынцевъ[1], притѣсненія и усиленные поборы, но вторгаясь внутрь степи, осмѣливались, даже подъ самыми укрѣпленіями нашими, на Раимѣ и Иргизѣ, раззорять въ конецъ и убивать подвластныхъ намъ Киргизовъ, уводя въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей. Такъ, напримѣръ, зимой 1849 года разграблено было на Казалѣ до 1,000 кибитокъ Чумекеевскаго, Дюрткаринскаго, Кирейскаго и Чичкене-Чиклинскаго родовъ; затѣмъ, весной слѣдующаго 1850 года, самъ комендантъ акъ-мечетскій, Якупъ-Бекъ, разграбилъ Чумекеевцевъ въ Кара-Кумахъ и Дюрткаринцевъ на Айгерикѣ, а весною 1852 года, опять на Айгерикѣ, напалъ на Чумекеевцевъ и угналъ было у нихъ до 150,000 барановъ. Подобные поступки не могли, наконецъ, не обратить на себя вниманія нашего правительства. Приняты были мѣры противодѣйствія: въ наказаніе за грабежъ 1849 года былъ взятъ и разрушенъ Кошъ-Курганъ; а въ 1852 году комендантъ Аральскаго укрѣпленія, преслѣдуя съ небольшимъ отрядомъ вдесятеро многочисленнѣйшихъ хищниковъ, успѣлъ нанести имъ значительный уронъ и отбилъ обратно большое число похищеннаго скота. Преслѣдуя виновныхъ оружіемъ, пограничное начальство Оренбургскаго края, сочло не излишнимъ потребовать отъ акъ-мечетскаго коменданта, упомянутаго Якупъ-Бека, а также и отъ правителя ташкентскаго объясненія въ

означенныхъ поступкахъ и удовлетворенія ограбленныхъ Киргизовъ, по ихъ обычаямъ. Но тотъ и другой не только отказали въ послѣднемъ, подъ предлогомъ, что грабежи эти произведены самими Киргизами, а Коканцы участія въ нихъ не принимали, но и самые отвѣты свои изложили въ выраженіяхъ надменныхъ, непозволительныхъ, и къ явной лжи осмѣлились присоединить угрозы. Вслѣдствіе этого были немедленно раззорены коканскія укрѣпленія Кумышъ и Чимъ-Курганы, и наконецъ, когда и послѣ этого Коканцы не дали требуемаго удовлетворенія Киргизамъ и продолжали свои неистовства, уговаривая даже нѣкоторыхъ киргизскихъ султановъ измѣнить Россіи и откочевать въ коканскіе предѣлы, была занята, лѣтомъ 1853 года, Акъ-Мечеть (нынѣ фортъ Перовскій), и разрушена лежавшая выше ея крѣпостца Джулекъ.

Вслѣдъ затѣмъ было отправлено письмо къ Кушъ-беку, управлявшему Ташкентскою областью, въ которомъ, въ числѣ главнѣйшихъ причинъ, побудившихъ взять Акъ-Мечеть, выставлялась и «обязанность русскаго правительства заступаться за подданныхъ нашихъ, сыръ-дарьинскихъ Киргизовъ» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ главный начальникъ края удостовѣрялъ Кушъ-бека, «что далѣе Акъ-Мечети русское правительство не намѣрено заводить крѣпостей своихъ вверхъ по Сыру; но за то и коканское правительство, если хочетъ мира съ могущественною Россіей, должно упразднить всѣ существующія въ настоящее время укрѣпленія свои, отъ Акъ-Мечети до Туркестана».

«Въ силу настоящаго объявленія, сказано было далѣе, обязаны вы уничтожить ближайшее ваше къ Туркестану укрѣпленіе Яны-Курганъ, подобно тому какъ ближайшее къ

---

[1]) Письмо къ Кушъ-беку области Ташкентской. (Дѣло погранични. отдѣл. канцеляріи оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора о свѣдѣніяхъ объ областяхъ Средней Азіи за 1853 г.).

Акъ-Мечети укрѣпленіе Джулекъ разрушено уже по приказанію моему. Если-же разрушенное нами вздумаете возстановлять вновь, или вмѣсто помянутыхъ устраивать на означенномъ пространствѣ другія укрѣпленія, то этимъ самымъ заставите насъ взять ихъ оружіемъ и остаться въ тѣхъ мѣстахъ навсегда, какъ сдѣлано теперь съ Акъ-Мечетью. Порукою въ вѣрности словъ моихъ можетъ служить то, что уже видѣли вы доселѣ относительно силы Русскихъ. Потому совѣтую обдумать сказанное мною внимательно, и предпочитая твердый миръ съ могучимъ и справедливымъ сосѣдомъ упрямству и враждѣ, которыя не могутъ вести ко благу, исполнить справедливыя требованія наши и затѣмъ жить въ дружбѣ и добромъ согласіи, въ залогъ коего, съ своей стороны, всѣхъ взятыхъ мною въ Акъ-Мечети плѣнныхъ я отпустилъ на свободу, хотя они и сопротивлялись Русскимъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ случаѣ если принятіе означенныхъ условій не зависитъ отъ васъ, какъ лица подчиненнаго высшему въ Коканѣ правительству, то прошу васъ о содержаніи настоящаго письма моего довести немедленно до свѣдѣнія самаго хана. Жду отвѣта скораго и положительнаго, чрезъ лицо, званіе котораго соотвѣтствовало-бы важности такого порученія: тогда, можете быть увѣрены, посланный вами чиновникъ принятъ будетъ въ Оренбургѣ съ искреннею пріязнію и приличнымъ почетомъ.»

При этомъ было повторено требованіе о вознагражденіи подвластныхъ намъ Киргизовъ за похищенное у нихъ коканскими шайками.

Ни одно изъ этихъ требованій не было удовлетворено, и ожидаемаго отвѣта получено не было. Напротивъ, Коканцы, съ занятія Акъ-Мечети, стали дѣйствовать противъ Россіи еще враждебнѣе. Неудачное покушеніе зимой 1853 года возвратить Акъ-Мечеть не охладило ихъ. Высылая безпрестанно грабительскія шайки, пограничные туркестанскіе беки имѣли въ виду, кромѣ добычи, еще и то, чтобы конечнымъ раззореніемъ Киргизовъ заставить ихъ перекочевать

къ Туркестану, подъ свою власть, что иногда и удавалось. Въ 1856 году они стали дѣйствовать еще въ видахъ пресѣченія нашей торговли съ Бухарой. Торговля наша съ Среднею Азіею производится, какъ извѣстно, караванами и не можетъ пока производиться иначе, потому что водяныя сообщенія съ Хивой и Бухарой чрезъ Аму и съ Коканомъ чрезъ Сыръ-Дарью, при всѣхъ несомнѣнныхъ къ тому удобствахъ [1], невозможны по политическому состоянію этихъ ханствъ. «Пока берега Аму, замѣчаетъ В. В. Григорьевъ въ своемъ разборѣ сочиненія Небольсина — *Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіей*, будутъ находиться во власти такихъ невѣжественныхъ и вѣроломныхъ правительствъ, каковы бухарское и, еще болѣе, хивинское, всякая попытка къ подобному нововведенію навѣрное останется безуспѣшною» [2]). То-же заключеніе, если еще не въ большей степени, можетъ быть примѣнено и къ Кокану. Поэтому. и при сосредоточеніи средне-азіятской торговли почти исключительно въ рукахъ бухарскихъ торговцевъ, разсчетъ Кокана оказывался довольно вѣрнымъ. Разсѣявшись по восточной окраинѣ песчаной пустыни Кызылъ-Кумъ, кокансія шайки не давали пройти по ней ни одному бухарскому и киргизскому караванамъ, направлявшимся въ Бухару или обратно въ фортъ Перовскій...

Таково было положеніе дѣлъ лѣтъ восемь тому назадъ, когда была составлена эта записка. Съ тѣхъ поръ возникли новыя затрудненія. Необходимость вызвала рѣшительныя дѣйствія, предпринятыя въ послѣднее время и побудившія къ занятію сихъ городовъ, но права на нихъ нашего отечества, какъ видимъ, восходятъ еще къ началу XVII столѣтія.

---

[1]) См. статьи: Макшеева въ V томѣ *Записокъ Геогр. Общ.* и Ивашенцева въ *Морск. Сборникѣ* за 1854 г. № 2.

[2]) Двадцать пятое присужденіе Демидовскихъ наградъ, стр. 122.

РАСПРОСНЫЯ СВѢДѢНІЯ

о Шегри-Себзсѣ и Мервѣ.

Подозрительность Средне-Азіятцевъ такъ велика, что подробное изученіе ихъ странъ на мѣстѣ, почти невозможно. За всякимъ европейцемъ слѣдятъ постоянно, самый обыкновенный вопросъ его стараются перетолковать въ иномъ значеніи и обойти отвѣтомъ. И не одни подобные вопросы представляютъ затрудненіе, но и самая простая наблюдательность и осмотръ мѣстности, обставляются разными стѣснительными условіями. Всѣмъ участвовавшимъ въ послѣдней Хивинской миссіи должно быть памятно, до какой мелочности доходитъ подозрительность Средне-Азіятскихъ правительствъ. Одни торговцы, проникая въ Центральную Азію и по своимъ исключительно торговымъ сношеніямъ, пріобрѣтая довѣріе и заводя знакомства, получаютъ чрезъ то возможность ближе освоиваться съ мѣстными обстоятельствами. Но подобныя поѣздки нашихъ торговцевъ невсегда возможны и немногіе изъ нихъ на столько способны и достаточно любознательны, чтобы собирать свѣдѣнія. Болѣе возможно ознакомиться съ этими странами черезъ тѣхъ Средне-Азіятскихъ купцовъ, которые съ давнихъ поръ ведутъ съ нами торговлю въ Оренбургѣ и внутри Россіи. Все дѣло въ этомъ случаѣ заключается въ постановкѣ вопросовъ, въ выборѣ распрашиваемыхъ лицъ и въ провѣркѣ однихъ свѣдѣній другими.

Такимъ образомъ, добываемыя данныя, получаютъ значительный характеръ достовѣрности и служатъ пополненіемъ всего того, что могло быть собрано или замѣчено при личномъ посѣщеніи страны.

Подобнымъ способомъ, чрезъ посредство разспросовъ, были собраны и сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія.

Шегри-Себзская область, недавно присоединенная къ Бухарскому ханству, лежитъ на юго-востокъ отъ него посреди другихъ Бухарскихъ провинцій: Самарканда, Гисара Гуляба и Карши. Она находится въ мѣстности, прекрасной по климату и по необыкновенной растительности. Отсюда и названіе ея, означающее въ точномъ переводѣ: «Мѣсто зелени».

Для насъ Шегри-Себзсъ заявилъ о своемъ существованіи единственно вслѣдствіе продолжительной, ежегодно возобновлявшейся съ нимъ войны эмира Бухарскаго. Поводомъ были мѣстныя междоусобицы, начавшіяся тамъ съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Ими и воспользовался хитрый и ловкій эмиръ Нассръ-Улла. Не одни впрочемъ, властолюбивые замыслы побуждали къ тому стараго эмира, его влекло еще, какъ говорятъ, и чувство сильной ревности: любимая жена его, приходившаяся сестрой владѣльца Шегри-Себзскаго, бѣжала туда съ любовникомъ и нашла защиту въ своемъ братѣ.... Какъ-бы то ни было, но эмиръ достигъ своего: онъ овладѣлъ Шегри-Себзсомъ. Завоеваніе послѣдовало тому 8 лѣтъ назадъ; война-же продолжалась почти непрерывно втеченіи 16-ти лѣтъ.

При вышесказанной неизвѣстности страны, всякое свѣдѣніе о Шегри-Себзсѣ представляется несомнѣнно интереснымъ; но свѣдѣній этихъ немного. Самое пространство этого владѣнія можетъ опредѣлиться лишь приблизительно поверстнымъ разстояніемъ, насчитываемымъ между селеніями Шегри-

Себзскими и ближайшими Бухарскими. Шегри-Себзъ имѣетъ, кромѣ центральной, еще 3 крѣпости: (Китабъ, Шаматанъ и Урта-Курганъ) и до 30 селеній (Калляршихъ, Пустаханъ, Джаусъ, Якъ-Кабакъ, Дау-Басъ, Чарбахъ, Чаршенбе, Чумбулъ, Тизъ-Авгиндъ, Пенджакиндъ, Яны-Курганъ, Ходжа-Ингана, Баширъ, Тягябъ, Шакаръ-Тиръ, Чукуръ-Кышлакъ, Мумнабадъ, Хазара, Уймавытъ, Чашъ-Тюбя, Думай-Ходжа-Кышлакъ, Ирмагылъ, Хинякъ, Каракузы, Кунградъ, Кучы, Синебагъ, Салагъ-Кышлагъ, Гиленъ, Палядара). Разстояніе Китаба, Шаматана и Урта-Кургана отъ Шегри-Себзса не болѣе 20 верстъ. Въ такомъ-же, почти, разстояніи находятся крѣпости Бухарскія: Ду-Аба, Чыракча и Яккабохъ. До города-же Бухары, по согласнымъ показаніямъ нашихъ плѣнныхъ, вывезенныхъ оттуда послѣднею нашею миссіею, насчитывается отъ Шегри-Себзса до 320 верстъ.

Такимъ образомъ опредѣляемое пространство Шегри-Себзса, по однимъ свѣдѣніямъ, окаймляется, по самой границѣ, съ 3-хъ сторонъ, высокими горами, носящими одинаковое названіе со страною; по другимъ свѣдѣніямъ горы эти, хотя и съ 3-хъ-же сторонъ, но облегаютъ лишь центральную, главную крѣпость, на разстояніи 4 или 5 верстъ. Западная-же сторона, не защищенная горами, представляетъ видъ низменной, болотистой мѣстности. Одна рѣка Аксу, текущая по направленію къ Карши, орошаетъ область.

Климатъ въ Шегри-Себзсѣ умѣренный. Тамъ произрастаютъ красное и тутовое деревья, осокорь, вязъ и тальникъ, а изъ фруктовыхъ: груши, абрикосы, персики, виноградъ, гранаты, грѣцкіе орѣхи, миндаль и пр. Изъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній сѣютъ пшеницу, сарачинское пшено, ячмень, кунжутъ, конопель, табакъ и въ небольшомъ количествѣ хлопокъ. Жатвы бываютъ обильныя, засѣваютъ сначала низменныя мѣста и хлѣбъ поспѣваетъ на нихъ въ началѣ іюня, потомъ собранными зернами засѣваютъ мѣста нагорныя и на нихъ, спустя два мѣсяца, созрѣваетъ и убирается новый хлѣбъ. Сарачинское пшено сѣется разъ въ

годъ на мѣстахъ низменныхъ и орошаемыхъ водою, проведенною изъ канавъ.

Въ горахъ водятся волки, медвѣди, лисицы и куницы. Себзсинцы указываютъ въ тѣхъ-же горахъ на присутствіе желѣзныхъ рудъ, но къ разработкѣ ихъ еще не приступали.

Селясь предпочтительно въ горахъ и по склону ихъ, Себзсинцы, подобно всѣмъ горнымъ жителямъ, отважнѣе и воинственнѣе сопредѣльныхъ имъ обитателей Средней Азіи. Ихъ насчитывается до 70.000 душъ обоего пола. Лицомъ и одеждой они не отличаются отъ Бухарцевъ, но исповѣданію принадлежатъ къ Суннитскому толку и говорятъ по-татарски. Именуя себя Себзсинцами, по имени страны, обитаемой ими, они сверхъ того присвоиваютъ себѣ родовое названіе «Кенегесовъ» и подраздѣляются на 7 поколѣній: Абахлы, Ачамайлы, Кайрассалы, Киргызъ (вѣроятно Киргизскаго происхожденія) Мингъ, Таракли и Чутъ. Между ними, какъ и въ Бухарѣ, живутъ въ значительномъ числѣ евреи, которые пользуются равными съ прочими жителями правами, только обложены податью въ нѣсколько большемъ размѣрѣ. Во всѣхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ области, они занимаютъ отдѣльные кварталы.

Себзсинцы живутъ въ деревянныхъ или глиняныхъ домахъ; но жилища эти отличаются отъ Киргизскихъ переносныхъ кибитокъ тѣмъ только, что они неподвижныя; между-тѣмъ въ нихъ одинаково нѣтъ ни половъ, ни печей; огонь разводится по серединѣ и дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ и служащее вмѣстѣ съ тѣмъ для пропуска свѣта.

При скромной жизни, трудолюбіи и щедрой природѣ, жизнь въ Шегри-Себзсѣ обходится значительно дешевле, чѣмъ въ Бухарѣ и Хивѣ.

Всѣ Средне-Азіятцы единогласно отдаютъ справедливость Себзсинцамъ, что они несравненно трудолюбивѣе ихъ, но упрекаютъ въ невѣжествѣ. Мы знаемъ, что въ Шегри-Себзсѣ всего двѣ школы.

Что касается нравственности, то въ этомъ отношеніи, какъ и въ трудолюбіи, Себзсинцы превосходятъ своихъ сосѣдей. Прелюбодѣяніе преслѣдуется строго; виновныхъ мужей обыкновенно вѣшаютъ, а преступныхъ женъ разстрѣливаютъ. Въ судѣ и расправѣ, палка играетъ особенно видную роль. Обыкновенно за кражу и пьянство наказываютъ палками, а если преступленіе сдѣлано въ 3-й разъ, то отобраніемъ имущества и лишеніемъ жизни; по подозрѣнію въ кражѣ сажаютъ въ тюрьму, но выпускаютъ изъ оной въ день праздниковъ Гайди-Курбана или Гайди-Рамазана. За взятки, тайныя сношенія съ сосѣдними владѣльцами, и вообще за измѣну, вѣшаютъ, а за оскорбленіе чести, зарываютъ по грудь въ землю и забрасываютъ каменьями. Съ несправедливыми судьями поступаютъ какъ со взяточниками и государственными преступниками. Имущество ихъ отбирается при томъ въ казну.

Послѣдній владѣтель Шегри-Себзскій творилъ судъ всегда самъ съ своимъ казіемъ, послѣ солнечнаго восхода. Для такого суда всѣ виновные и истцы стекались въ столицу хана. Тутъ-же, самъ владѣтель наблюдалъ за чеканкою монеты. За неимѣніемъ серебра и золота, чеканилась одна лишь мѣдная монета, съ примѣсью серебра, цѣною въ 16 коп. асс. Другія-же ходячія монеты—Хивинскія и Бухарскія.

Шегри-Себзсъ расположенъ въ лощинѣ, у рѣчки тогоже имени. По величинѣ онъ не уступаетъ Бухарской столицѣ, всѣ постройки въ немъ глинянныя или каменныя. Улицы пыльны и узки; но сады и полныя зелени луговины, придаютъ городу своеобразный характеръ. Городъ обнесенъ тонкой, глинянной стѣной въ ростъ человѣческій. Впрочемъ отъ нападеній непріятеля городъ ограждается не стѣною, построенною скорѣе для вида, а горами, которыя, по показанію нашихъ плѣнныхъ, окружая городъ съ 3-хъ сторонъ, на разстояніи 5-ти верстъ отъ него, такъ высоки, что представляютъ затрудненіе не только для перевозки орудій, но и для движенія пѣхоты. Съ четвертой открытой

стороны, доступъ къ городу затрудняется болотистою низменностью и искусственнымъ наводненіемъ, посредствомъ каналъ, проведенныхъ изъ рѣчки Аксу. Этими физическими условіями мѣстности и объясняется почему Шегри-Себзсъ, впродолженіи столь долгихъ лѣтъ, могъ защищаться съ успѣхомъ противъ постоянныхъ нападеній Бухарскаго эмира. Впрочемъ и сами Себзсинцы оказывались храбрѣе Бухарцевъ. Любовь къ независимости развила въ нихъ ничѣмъ не удержимую отвагу. Къ тому-же, по неимѣнію постояннаго войска, всякій у нихъ воинъ и по первому зову выѣзжаетъ на конѣ въ полномъ вооруженіи.

Разсказываютъ, что когда въ первый разъ эмиръ подошелъ къ Шегри-Себзсу и увидалъ на разсвѣтѣ, въ зрительную трубу, многочисленность и исправность собравшагося Себзсинскаго войска и всадниковъ, стремившихся отовсюду для охраненія границъ, а также обширныя болота, препятствовавшія войскамъ вступить въ Шагаръ, то онъ сказалъ: «счастливы Себзсинцы, сама природа защищаетъ ихъ; иначе-же, мое побѣдоносное войско затоптало-бы этихъ червей.» Въ то-же время — какъ писалъ въ Оренбургъ одинъ изъ его приближенныхъ — занимала его другая мысль; онъ думалъ что: «если-бы, волею Божіею, Себзсинцы покорились мнѣ, то я образовалъ-бы изъ нихъ правильное войско и, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы обладателемъ всѣхъ сосѣднихъ мусульманскихъ земель.»

Покореніе Шегри-Себзса совершилось, но вскорѣ послѣ того умеръ самъ Нассръ-Улла; а со смертью его пали и всѣ его горделивые замыслы. Не стало и того вліянія и страха, которые онъ умѣлъ внушить къ себѣ. Если-же Шегри-Себзсъ и подчиняется теперь Бухарѣ, то не вслѣдствіе боязни и необходимости, какъ было прежде, а по инымъ, конечно, разсчетамъ.

Нельзя не припомнить при этомъ, въ дополненіе ко всему сказанному, что Шегри-Себзсъ не переставалъ пользоваться особою благосклонностію и даже денежными посо-

біями отъ Достъ-Мохаммеда, сохранившаго благодарную память за найденное имъ въ Шегри-Себзсѣ гостепріимство, послѣ извѣстнаго своего бѣгства изъ Бухары.

Мервъ (иначе Маверъ), единственный въ этой части Азіи городъ этого имени, лежитъ на границахъ персидской области Хороссанъ, къ которой и принадлежалъ одно время. Онъ находится въ 300 верстахъ отъ Бухары и на столько-же, если не болѣе, отъ Хивы. Путь изъ Хивы въ Мервъ особенно труденъ. Онъ тянется песками и на переходъ его употребляютъ до 18-ти дней, запасаясь водою изъ Аму-Дарьи, потому что вода въ попутныхъ колодцахъ не довольно обильна. Мѣстное населеніе составляютъ осѣдлые узбеки, почти повсемѣстно распространенные въ Средней Азіи, а главнымъ образомъ Туркмены родовъ Саррыкъ и отчасти Салоръ, въ зависимости коихъ и находится Мервъ въ настоящее время. Въ самомъ городѣ насчитывается не болѣе 2,000 жителей изъ Узбековъ; Туркмены-же окружаютъ его сплошь своими кочевьями, начиная отъ верховьевъ р. Мургаба по направленію къ Серахсу. Въ 1795 году, во время управленія имъ Байрамъ-гали-хана, онъ былъ завоеванъ бухарскимъ ханомъ Шамуратъ-біемъ, причемъ всѣ непокорные жители Мерва были тогда-же переселены въ Бухару и Самаркандъ, гдѣ и живутъ понынѣ, въ особомъ кварталѣ, и они-то выучили бухарцевъ выдѣлывать шелкъ и шелковыя матеріи, чего бухарцы прежде не знали. Когда-же, послѣ смерти Шамуратъ-бія, въ 1800 году, вступилъ въ управленіе ханствомъ сынъ его Мирхойдоръ, то онъ, затрудняясь владѣть Мервомъ на столь дальнемъ разстояніи отъ своей столицы, предпочелъ оставить его и вывелъ содержавшуюся въ городѣ команду изъ 50 человѣкъ. Этимъ воспользовался Хивинскій ханъ Мухаммедъ-Рахимъ и занялъ городъ около

1815 года. Онъ находилъ его особенно выгоднымъ для непріязненныхъ дѣйствій своихъ противъ Персіи и Бухары, для чего и употреблялъ исключительно мервскихъ Туркменъ. Наслѣдники-же его, предпочитая жить въ мирѣ съ сосѣдями, старались искоренить порожденное зло, и имъ помогъ на этотъ разъ бухарскій эмиръ Насcръ-Улла, который нѣсколькими удачными походами противъ Туркменъ заставилъ ихъ трепетать при одномъ своемъ имени. Эмиръ кончилъ еще тѣмъ, что отбилъ Мервъ у Хивинцевъ. Послѣдніе, впрочемъ, овладѣли имъ вскорѣ вновь, но для того чтобъ окончательно уступить его окрестнымъ кочевникамъ, для которыхъ собственно онъ и представляетъ значеніе, служа имъ, на случай необходимости, опорнымъ пунктомъ и давая возможность, подъ охраной его, заниматься хлѣбопашествомъ. Такимъ образомъ, овладѣвъ Мервомъ, тому лѣтъ 20 назадъ, Туркмены удерживаютъ его и до сихъ поръ въ своей власти; при томъ, владѣя отлично оружіемъ и имѣя едва-ли не лучшихъ въ Средней Азіи лошадей, они, одними набѣгами на персидскія селенія и даже на самые персидскіе отряды, пріобрѣли себѣ такую славу, что и бухарцы, и хивинцы предпочитаютъ нынѣ жить съ ними въ мирѣ, въ особенности-же первые, опасаясь за ближайшія къ Мерву бухарскія селенія, лежащія у Чарджуя, а также и за караваны, слѣдующіе изъ Бухары въ Мешгедъ.

1865 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О

Самаркандѣ [1]).

Самаркандъ, какъ извѣстно, слыветъ у азіятцевъ за «земной рай»; для насъ-же особенно важно то, что какъ самый городъ, такъ и окрестности его заселены въ значительной степени переселенцами изъ Мерва, которые хотя и перешли въ суннитскій толкъ, но еще остались въ душѣ шіитами, почему и ненавидятъ бухарцевъ и, весьма вѣроятно, сочувствуютъ происшедшему нынѣ перевороту....

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о Самаркандѣ находятся въ изслѣдованіяхъ нашего извѣстнаго знатока Азіи Н. В. Ханыкова, посѣтившаго Самаркандъ въ 1841 году. По его отзывамъ, городъ окруженъ довольно хорошо укрѣпленною стѣною, съ глубоко выдавшеюся, съ западной стороны, обширною цитаделью, которая замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что внутри ея помѣщается дворецъ бухарскаго владѣльца, съ тѣмъ знаменитымъ синимъ камнемъ, на которомъ, по сохранившемуся преданію, всякій ханъ обязанъ былъ непремѣнно возсѣсть, дабы не оставить болѣе сомнѣнія въ своемъ эмирствѣ. Окружность города, благодаря садамъ, окружающимъ строенія, простирается до 13-ти верстъ; въ

---

[1]) Настоящая замѣтка была составлена для Сѣв. Почты, по случаю занятія Самарканда нашими войсками.

прежнія-же времена пространство, занимаемое городомъ, было еще значительнѣе и доходило почти до береговъ Зяръ-Авшана. Теперь-же встрѣчаются тутъ однѣ развалины, также какъ попадаются остатки садовъ, бывшихъ до того въ соединеніи съ нынѣшними окрестными садами Самарканда. Многія изъ этихъ развалинъ, какъ равно и сохранившіяся еще въ чертѣ города старинныя постройки, по удостовѣренію г. Ханыкова и еще другаго путешественника, г. Лемана, также члена нашей миссіи, бывшей въ Бухарѣ въ 1841 году, носятъ на себѣ слѣды украшеній, частью изъ фарфоровой мозаики, «поразительной красоты и великолѣпія». Жителей въ городѣ насчитывалось въ то время до 25—30,000.

Мѣстная торговля находится въ рукахъ бухарскихъ узбековъ, аравитянъ и персіянъ. Самаркандъ съ городами Бухарою и Карши составляютъ, какъ извѣстно, главные торговые пункты ханства. Не менѣе того, однако, торговля въ Самаркандѣ самая бѣдная и жалкая. Только вывозной хлопокъ служитъ главнымъ подспорьемъ и вообще оживляетъ мѣстную дѣятельность.

Золотоносная, по увѣренію азіятцевъ, рѣка Зяръ-Авшанъ омываетъ эту мѣстность и оплодотворяетъ, посредствомъ канавъ, окрестныя плантаціи и хлѣбные посѣвы. Это-то и есть ея настоящая *золотоносность*, такъ какъ дѣйствительное нахожденіе въ ней золота, по розысканіямъ нашего горнаго офицера Богословскаго, оказалось весьма незначительнымъ. Рѣка эта не судоходна и по ней сплавляютъ только въ городъ Бухару плоты съ лѣсомъ, съ горъ изъ-за Самарканда. Главный хребетъ горъ бухарскаго ханства, Актау, съ его снѣговыми вершинами, сопровождаетъ теченіе рѣки Зяръ-Авшана. Мѣстами отдѣляясь отъ русла рѣки, горы эти спускаютъ къ нему обширные, крутые отроги, ужасные по своимъ расщелинамъ и пропастямъ, доходящимъ, по малой мѣрѣ, до 10,000 фут. глубины. Самая дикая часть этихъ горъ

—восточная; но она за то и самая богатая: тутъ, нѣсколько восточнѣе мѣстечка Сорвады, были найдены богатыя каменноугольныя копи и мѣдныя руды; вообще-же въ горахъ замѣчено много желѣза.

Къ этому остается присовокупить, что Самаркандъ отстоитъ отъ города Бухары въ 240 верстахъ и отъ города Карши, примѣрно, въ 150 верстахъ.

О ВОЕННЫХЪ

силахъ бухарскаго эмира.

(1857—58 гг.).

Устройство регулярныхъ и постоянныхъ войскъ по европейскому образцу начато покойнымъ эмиромъ Нассръ-Уллой еще съ 1830-хъ годовъ настоящаго столѣтія, по совѣту бѣжавшаго изъ англійской службы въ Индіи персіянина Абдуссамата. Прежде всего была заведена пѣхота, одѣтая въ короткое платье, состоящее изъ красной куртки, бѣлыхъ панталонъ и персидской шапки; каждый солдатъ вооруженъ ружьемъ со штыкомъ, саблею и двумя пистолетами. Нововведеніе это произвело ропотъ въ народѣ. Болѣе всѣхъ возставали узбеки, не понимавшіе пользы пѣхоты и предпочитавшіе ей кавалерію. Эмиръ обошелся безъ нихъ, набравъ солдатъ изъ плѣнныхъ персіянъ и русскихъ, съ прибавкою охотниковъ изъ сартовъ (бухарскаго простонародья). Численность пѣхоты была доведена до 2,500 человѣкъ. Солдаты помѣщены за городомъ, въ особой слободѣ, гдѣ имѣютъ семейства и хозяйство; жалованье выдается имъ въ размѣрѣ 3 руб. въ мѣсяцъ на человѣка. Ученіе ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ производилось ежедневно, бѣжавшимъ изъ Персіи, знатнымъ персіяниномъ Шагрухъ-ханомъ.

Артиллерія устроена также по европейскому образцу. Число орудій доходило до 80, разныхъ калибровъ; изъ нихъ

50 находятся въ столицѣ ханства и помѣщаются на дворцовой площади. Артиллеристы получаютъ одинаковое жалованье съ пѣхотинцами, отличаясь отъ послѣднихъ чернымъ цвѣтомъ куртокъ. Офицеры, какъ пѣхотные, такъ и артиллерійскіе, носятъ эполеты. Шагрухъ-ханъ выписалъ изъ Россіи генеральскій мундиръ, со всѣми принадлежностями. Въ свободное отъ службы время солдаты ходятъ въ халатахъ.

Кавалеріи регулярной нѣтъ, но конное войско иррегулярное имѣется постоянно въ готовности. Въ г. Бухарѣ насчитывается его до 13,000 человѣкъ. Кавалеристы живутъ внутри города, въ своихъ домахъ, и въ мирное время занимаются хозяйствомъ, какъ остальные обыватели, не получая отъ казны никакого содержанія. Дѣйствительною службою обязаны они только въ военное время. Тогда отпускается имъ по 2 и по 3 тиллы (отъ 8 до 11 р.) въ мѣсяцъ и, въ случаѣ падежа собственной лошади, выдается взамѣнъ изъ казны. Кавалеристы извѣстны подъ названіемъ голябатырей и хасабадаровъ. Они вооружены длинною пикою, саблею и винтовкою; набираются преимущественно изъ людей, искусныхъ въ стрѣльбѣ и метаніи копій.

Сверхъ того есть особаго рода кавалерія, имѣющая тяжелыя ружья, которыя, во время похода, возятся на верблюдахъ или въ телѣгахъ; ими дѣйствуютъ не иначе, какъ лежа на землѣ.

Въ случаѣ войны набирается еще конное ополченіе. Каждая область высылаетъ свой контингентъ, который именуется по родопроисхожденію: мангытъ, кипчакъ, узбекъ и т. д. Начальники выбираются изъ родичей. Ополченцы эти получаютъ жалованье наравнѣ съ постоянною кавалеріею и также, въ случаѣ падежа собственной лошади, получаютъ казенную. Наконецъ, въ военное-же время, устраивается изъ людей разныхъ сословій особая рабочая команда, родъ саперъ, снабжаемая топорами, мотыгами и лопатами; она употребляется для осадныхъ работъ и возведенія полевыхъ укрѣпленій.

Въ послѣднее время, въ Бухарѣ, основаны литейные и пороховые заводы. Вообще устройство войска на европейскій образецъ и все относящееся до военной части сильно занимало нынѣ умершаго эмира Нассръ-Уллу. Охотникъ до картинъ, онъ имѣлъ во дворцѣ своемъ особую галлерею, наполненную литографированными и раскрашенными портретами европейскихъ, преимущественно русскихъ, генераловъ и офицеровъ, которую посѣщалъ ежедневно. Портреты эти и другія картины, изображающія военныя сцены, вывозились изъ Оренбурга и съ нижегородской ярмарки. Всякій разъ, какъ получалъ эмиръ что-нибудь новое въ этомъ родѣ, онъ звалъ къ себѣ нѣкоего бухарца Габейдуллу, жившаго долго въ Москвѣ, и тотъ объяснялъ ему значеніе и подробности картинъ...

ПОКАЗАНІЯ

русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 1858—59 г. [1]).

1.

Иванъ Марченковъ, 45 лѣтъ отъ роду, казакъ сибирскаго войска № 7-го полка, взятъ въ плѣнъ въ 1839 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, при уроч. Джаркаинѣ, близъ р. Ишима, киргизами мятежника Кенисары Касимова. По прошествіи 1½ мѣсяца по плѣненіи, былъ переданъ Кенисарою въ подарокъ бухарскому эмиру, у котораго жилъ около 1½ года во дворцѣ, исправляя должность гаремнаго водовоза и получая на содержаніе въ годъ три халата, 3 пары бѣлья и 3 пары сапоговъ и въ день по 5 фунтовъ хлѣба. Изъ водовозовъ былъ записанъ въ сарбазы, въ которыхъ и служилъ до времени выѣзда изъ Бухары полковника Бутенева, послѣ чего былъ проданъ одному бухарцу за 37 тиллей. По прошествіи 8 мѣсяцевъ былъ обмѣненъ на плѣннаго персіянина и записанъ вновь въ сарбазы, гдѣ и служилъ до послѣдняго времени. Впродолженіи своей службы въ регу-

[1]) Показанія эти, отобранныя при генеральномъ штабѣ Оренбургскаго корпуса, были переданы мнѣ, для дальнѣйшей разработки, бывшимъ начальникомъ края А. А. Катенинымъ; но я предпочитаю, однако, передать эти свѣдѣнія, какъ они были, безъ всякихъ съ моей стороны измѣненій.

лярныхъ войскахъ ходилъ нѣсколько разъ въ походъ подъ Шехри-Сябзъ и два раза въ Коканъ. Во время этихъ походовъ составъ арміи эмира, по большой части, былъ слѣдующій: 11,000 сарбазовъ, числа кавалеріи хорошенько не знаетъ, но полагаетъ отъ 1—5 т.; орудій-же бывало отъ 15—20. Всѣ эти походы обыкновенно производились лѣтомъ и продолжались отъ 1 до $2^1/_2$ мѣсяцевъ; полевыхъ сраженій никогда не происходило, а всѣ дѣйствія ограничивались одной только осадной войной, причемъ случалось, что непріятельскій гарнизонъ, не выдержавъ огня бухарской артиллеріи, отходилъ отъ какой-либо части крѣпостной ограды, и тогда бухарцы бросались къ стѣнѣ, разрывали ее лопатами и врывались въ городъ, но почти всегда были вытѣсняемы оттуда свѣжими войсками противника. Форма одежды у сарбазовъ слѣдующая: у артиллеристовъ—куртка изъ чернаго сукна, застегиваемая на 5 мѣдныхъ гладкихъ пуговицъ; шаровары кожанныя, желтыя; на головѣ черная, мерлушчатая шапка; сабля русскаго издѣлія, въ желѣзныхъ ножнахъ, на кожаномъ поясѣ; и у пѣхоты—куртка красная, суконная, шаровары-же и шапка такія-же, какъ у артиллеристовъ, ружье съ кремнемъ и со штыкомъ. Во время холода отпускается еще каждому сарбазу по чекменю или чепану. Въ Бухарѣ сарбазы живутъ всѣ въ одномъ мѣстѣ, за угланскими воротами, за городомъ, въ казенныхъ домахъ, въ каждомъ по одному семейству. На содержаніе сарбазовъ въ Бухарѣ въ прежнее время выдавалось на кормъ и дрова каждому по 12 тиллей [1]) въ годъ, кромѣ верхней одежды и сапоговъ, которые отпускались изъ казны; въ послѣдніе-же два года сумма эта зависѣла отъ количества собираемаго съ жителей на содержаніе сарбазовъ хлѣба, который продавался на базарѣ, и вырученныя за него деньги отдавались на руки солдатамъ, что

[1]) Тилля 4 руб. серебромъ.

составляло въ годъ на каждаго не болѣе 6 тиллей, а при неурожаяхъ и менѣе. Содержаніе во время похода, въ прежнее время, производилось такъ, что за войсками возились казенные котлы, въ которыхъ варился рисъ съ масломъ и раздавался сарбазамъ разъ въ сутки, по вечерамъ, сверхъ 3-хъ лепешекъ, дававшихся ежедневно каждому человѣку по утру. Въ походахъ-же послѣдняго времени наряжались силой изъ Бухары булочники, мясники и проч., которые, слѣдуя при арміи, доставляли чинамъ ея всевозможные продукты, на покупку которыхъ каждому сарбазу отпускалась изъ казны на 3 сутокъ одна теньга [1]). Походныя движенія совершаются такимъ образомъ, что артиллерія слѣдуетъ впереди, а за нею пѣхота. При каждомъ орудіи для носки снарядовъ и для заряженія ихъ, полагается прислуги 5 человѣкъ, которые ѣдутъ на упряжныхъ лошадяхъ; кромѣ этой прислуги, на каждой изъ остальныхъ упряжныхъ лошадей орудія, походомъ, ѣдетъ по человѣку, имѣющему назначеніе, кромѣ услуги при орудіи, присматривать также и за своей лошадью. Пѣхота слѣдуетъ въ походѣ на арбахъ, нанимаемыхъ казною; въ каждой арбѣ помѣщается 4 человѣка съ ружьями. Арбы проѣзжаютъ отъ 32 до 48 верстъ въ день. Кавалерія-же или милиціонеры собираются, съ своими беками, прямо къ назначенному для сбора пункту; имъ при подъемѣ дается каждому на сборъ по тиллѣ, въ случаѣ-же, если у кого-нибудь изъ нихъ походомъ падетъ лошадь, то тогда по представленіи хвоста отъ лошади эмиру, хозяину ея, выдается или другая лошадь изъ казны или деньги на покупку оной. Прочее содержаніе кавалерія обязана имѣть собственное. Главное начальство надъ сарбазами ввѣрено Шагрухъ-хану, бѣглому персіянину, когда-то бывшему астрабадскимъ губернаторомъ. Шагрухъ, или Шерукъ-ханъ пользовался прежде большимъ довѣріемъ эмира, но въ послѣднее время былъ въ опалѣ, и у него отобрали

---

[1]) Теньга = $22^1/_2$ коп. серебромъ.

и продали всѣ имѣнія и едва не отрубили ему голову. Помощники Шерукъ-хана называются — миръ-охурами, Они носятъ штабъ-офицерскія или оберъ-офицерскія эполеты, золотыя или серебряныя, привозимыя изъ Россіи. Эполеты даются въ распоряженіе Шерукъ-хана, а онъ потомъ награждаетъ ими подчиненныхъ офицеровъ, по своему усмотрѣнію. Всѣ миръ-охуры носятъ русскіе шарфы, куртки, шелкомъ шитыя, кожаныя шаровары и по 2 или 3 пистолета. Офицеры эти за малыя преступленія наказываютъ сами своихъ подчиненныхъ, а за большія Шерукъ-ханъ отсчитываетъ обыкновенно самъ по 30 палокъ на человѣка; за бѣгство-же — полагается смерть, но не иначе, какъ по приказанію эмира. Почти всѣ сарбазы состоятъ изъ плѣнныхъ персіянъ и небольшая часть изъ русскихъ; бухарцы-же принимаются въ сарбазы только по собственному желанію. Срокъ службы сарбаза-плѣнника зависитъ отъ заплаченной за него цѣны, по заслуженіи которой ему дается отъ эмира билетъ на свободное проживаніе въ ханствѣ.

Обыкновенно лагеремъ войска эмира располагаются верстахъ въ 9 или 10 отъ осажденной крѣпости, откуда и ходятъ каждый день съ утра и до полудня къ крѣпости стрѣлять, послѣ чего, къ вечеру возвращаются въ лагерь. Сарбазы въ лагерѣ располагаются въ холщевыхъ полаткахъ по 10 человѣкъ въ каждой. Лагерь эмира разбивается такимъ образомъ, что въ срединѣ его становится палатка со снарядами, около которой располагаются орудія, артиллеристы и пѣхота, окруженная своими арбами; кругомъ-же всего этого раскидывается милиція. Часовые днемъ становятся только у пороховой палатки; ночью-же пѣхота выставляетъ часовыхъ у своихъ арбъ, а милиція окружаетъ себя конными часовыми, которые становятся другъ отъ друга на разстояніи 3 — 4 шаговъ и вблизи своихъ палатокъ. Часовые эти привязываютъ своихъ лошадей къ копьямъ и обыкновенно спятъ, за исключеніемъ 2—3 человѣкъ, остающихся на сторожѣ.

Совершенно годныхъ для употребленія орудій, на лафетахъ, у эмира считается всего 16-ть, всѣ они мѣдныя, за исключеніемъ 3 чугунныхъ; длиною орудія отъ 3 до 8 аршинъ, но есть и короче; ядра-же, которыми изъ нихъ стрѣляютъ, вѣсомъ отъ 3 фунт. до 1/2 пуда и болѣе; снаряды походомъ возятъ на верблюдахъ и складываютъ въ лагерѣ въ одну общую палатку. Во всѣ походы Марченкова ни разу до рукопашнаго боя не доходило, и всѣ сраженія бухарцевъ съ ихъ противниками кончались одной перестрѣлкой и бѣгствомъ той или другой стороны.

Шехри-Сябзомъ Эмиръ завладѣлъ два года тому назадъ; городъ этотъ обнесенъ тонкой глинистой стѣной нѣсколько выше роста человѣка. Дорога изъ Бухары въ Шехри-Сябзъ идетъ по ровной мѣстности и, только не доѣзжая верстъ на 5 до этого города, начинаются довольно высокія горы, между которыми въ лощинѣ, на ключевой водѣ очень хорошаго вкуса, расположенъ самый городъ. Горы, съ 3 сторонъ его окружающія, такъ высоки, что не только втащить туда орудіе, но даже забраться пѣхотѣ довольно трудно Вода по дорогѣ въ Шехри-Сябзъ получается изъ родниковъ и канавъ — въ большомъ изобиліи; селенія, по пути лежатъ въ 5, 10 и 20 верстахъ одно отъ другаго; травы тоже очень много и преимущественно сѣяной, а въ самомъ городѣ очень много луговой травы. Отъ Бухары до Шехри-Сябза, по ближайшему разстоянію, считаютъ слишкомъ 40 камней (320 верстъ). Городъ величиною съ Бухару, всѣ постройки въ немъ глиняныя или каменныя, улицы пыльны и узки. По дорогѣ въ Шехри-Сябзъ находишь много лѣсу; кромѣ того привозятъ еще довольно много пихтоваго лѣсу изъ горъ. Ходятъ изъ Бухары въ Шехри-Сябзъ или черезъ Самаркандъ, или черезъ Карши, или-же черезъ Джизахъ; другихъ ночлежныхъ пунктовъ плѣнникъ не помнитъ. Шехри-сябзскихъ владѣльцовъ было двое—родные братья, они теперь живутъ при эмирѣ въ Бухарѣ, а въ Шехри-Сябзѣ находится бухарскій бекъ съ небольшою свитою. При бекѣ

оставлено также и бывшее шехри-сябзское войско, только оружіе отъ него все увезено эмиромъ въ Бухару и выдается этому войску лишь при нарядѣ его на войну. Вмѣстѣ съ Шехри-Сябзомъ эмиру достались и принадлежавшія сему владѣнію города: Шаматанъ, Китанъ, Урта-Курганъ, Писта-Ханъ, Джаусъ, Якъ-Ковакъ и Дау-Басъ, которые лежатъ отъ столицы очень близко, такъ что самый дальній изъ нихъ, въ горахъ, Якъ-Ковакъ, находится отъ Шехри-Сябза только въ 20 верстахъ; въ городахъ сихъ поставлены также бухарскіе начальники. Въ Шехри-Сябзѣ эмиръ взялъ 15 орудій, изъ коихъ только 3 мѣдныхъ, а прочія чугунныя и изъ нихъ со станками всего 6-ть.

Дорога изъ Бухары въ Коканъ идетъ чрезъ Самаркандъ по ровной мѣстности, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ горокъ; по дорогѣ часто встрѣчаются селенія, самое большое разстояніе между которыми не превосходитъ 4-хъ камней, воды вездѣ очень много въ канавахъ, травы сѣяной тоже; а весною имѣется и хорошій подножный кормъ. Отъ Самарканда до Уре-Тюпе считается 35 камней. Уре-Тюпе расположенъ на ровномъ мѣстѣ подъ горою, а въ центрѣ города имѣется высокій холмъ, на которомъ построенъ дворецъ тамошняго бека. Въ настоящемъ году пѣхота доѣхала изъ Бухары до Уре-Тюпе въ 15-ть дней, и войска эмира стояли здѣсь только 3 дня, стрѣляли-же всего два раза, послѣ чего коканцы бросили городъ. Взявши Уре-Тюпе, эмиръ пошелъ на Ходжендъ; по дорогѣ встрѣчалось много селеній и воды; въ Ходжендъ пѣхота, на арбахъ прибыла въ 6 дней; простоявъ подъ Ходжендомъ 9-ть дней безъ успѣха, отправились назадъ въ Бухару, куда сарбазы, слѣдуя уже не черезъ Самаркандъ, а мимо Джизаха черезъ городъ Кыждуванъ прибыли въ 14 дней. Ходжендъ величиною не менѣе Бухары и обнесенъ въ послѣднее время съ 3-хъ сторонъ глиняной стѣной, въ коей у подошвы продѣланы отверстія, черезъ которыя производится пальба изъ ору-

дій. Съ 4-й-же стороны Ходжендъ примыкаетъ къ р. Сыру и стѣны не имѣетъ. Въ прежній походъ эмира, Ходжендъ имъ былъ взятъ только потому, что коканцы рѣшились выйти къ нему на встрѣчу, версты за 3 отъ города, гдѣ эмиръ, разогнавъ ихъ пушечнымъ огнемъ, вслѣдъ за ними ворвался въ городъ. Дорога отъ Ходженда до Кокана идетъ по ровной мѣстности, въ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи отъ лѣваго берега р. Сыра; лѣсу здѣсь по Сыру очень мало, но за то много камыша и сѣяной травы, много деревень и много канавъ. Подъ Ходжендомъ ширина Сыра простирается отъ 120 — 150 саж., и на пространствѣ между этимъ городомъ и Коканомъ берега рѣки каменисты, особенно лѣвый, на правомъ-же преобладаетъ глина; мели здѣсь въ рѣкѣ встрѣчаются часто; островковъ-же немного, всего, 2, 3 маленькихъ; лодокъ Марченковъ не видѣлъ ни одной; въ деревняхъ по дорогѣ къ Кокану много саженнаго лѣсу, а самородный привозится въ Коканъ изъ близлежащихъ около него горъ и преимущественно состоитъ изъ пихты. Г. Коканъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ, и при взятіи его эмиромъ въ прежній походъ стѣны вокругъ города не было; послѣ-же покоренія, эмиръ послалъ въ Коканъ, для кладки стѣны, своихъ мастеровыхъ, но взбунтовавшіеся вскорѣ коканцы всѣхъ мастеровыхъ заложили въ воздвигавшуюся стѣну и окончили ее сами.

Въ прежній походъ осаждали Коканъ только 5 дней, а стрѣляли изъ пушекъ всего одинъ разъ, послѣ чего коканцы обратились въ бѣгство, и эмиръ занялъ городъ. Коканскій ханъ, тоже бѣжавшій былъ схваченъ и привезенъ съ своимъ сыномъ въ Коканъ на телѣгѣ, гдѣ этимъ плѣнникамъ въ ихъ собственномъ дворцѣ и отрубили головы. Эмиръ пробылъ тогда въ Коканѣ 2 недѣли и оставилъ тамъ управлять одного изъ своихъ бековъ, который однакоже въ скоромъ времени былъ выгнанъ изъ Кокана тамошними жителями.

Въ бухарскихъ владѣніяхъ на постройки идетъ лѣсъ все саженный, срубаемый чрезъ 10 — 15 лѣтъ послѣ посадки. Порохъ и ядра изготовляются преимущественно въ Самаркандѣ купцами, которые тамъ имѣютъ пороховой заводъ и оттуда уже доставляютъ порохъ прямо къ эмиру. На изготовленіе пороха и ядеръ всѣ матеріалы даетъ эмиръ и платитъ купцамъ собственно за одну только работу; небольшая часть пороху приготовляется и въ Бухарѣ подъ руководствомъ Шерукъ-хана. Для вольной продажи торговцы покупаютъ порохъ не иначе, какъ отъ самого эмира и потомъ продаютъ его на базарахъ отъ 15 — 20 коп. ассигнаціями за фунтъ. Селитра и сѣра привозятся изъ Россіи и добываются также около Карши, уголь-же употребляется для пороха таловый, а для литья пушекъ—изъ урюковыхъ старыхъ безъягодныхъ деревъ. Пушки льются въ Бухарѣ подъ руководствомъ Шерукъ-хана и бѣглаго индѣйца, изъ мѣди и чугуна, привозимыхъ изъ Россіи. Замки для ружей тоже вывозятся изъ Россіи, а стволы дѣлаются въ Бухарѣ въ особомъ домѣ, близъ дворца эмира.

Въ заключеніе Марченковъ подтвердилъ: 1) что въ войнѣ съ Кокановъ и Шехри-Сябзомъ всѣ дѣла до рукопашнаго боя никогда не доходили, а всегда кончались одной перестрѣлкою, причемъ одинъ изъ сражавшихся постоянно обращался въ бѣгство, и 2) что Бухарцы стрѣляютъ изъ орудій дурно, такъ что не смотря на расположеніе орудій въ 100,150 саж. отъ стѣнъ непріятельской крѣпости, снаряды изъ орудій попадаютъ въ самую стѣну рѣдко.

2.

Корнилъ Суворовъ, 45 лѣтъ отъ роду, сибирскаго казачьяго № 3 полка, взятъ въ плѣнъ въ 1840 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при ур. Улутау, киргизами мятежника

Кенисары Касимова. Пробылъ у Кенисары мѣсяцъ, а потомъ отправленъ въ Бухару въ подарокъ эмиру. Продержавши Суворова одинъ день, эмиръ отдалъ его обратно тѣмъ-же киргизамъ, которые и продали его за 18 тиллей одному бухарцу, у котораго онъ прожилъ 6 мѣсяцевъ; потомъ эмиръ взялъ его въ сарбазы, заплативъ хозяину его 26 тиллей; въ сарбазахъ Суворовъ и оставался до настоящаго времени и былъ попеременно: рядовымъ, дегъ-башей и пенджа-башей. Во время своей службы дѣлалъ два похода къ Аму-Дарьѣ, 14 походовъ подъ Шехри-Сябзъ и въ настоящемъ году ходилъ подъ Коканъ. Суворовъ засталъ пѣхоту въ составѣ 1,000 человѣкъ, во время войны съ Шехри-Сябзомъ она была увеличена до 1,200, теперь-же опять состоитъ только изъ 1,000; въ началѣ его прiѣзда артиллеристовъ было 100 человѣкъ; во время войны съ Шехри-Сябзомъ 300, — это число осталось и донынѣ. Число орудiй на лафетахъ, простиравшееся сначало до 16, нынѣ возрасло до 24, въ настоящее время къ нимъ присоединены еще 6 орудiй на лафетахъ, взятыхъ въ Ура-Тюпе, что составитъ всю подвижную артиллерiю эмира въ 30 орудiй. Пѣшiе сарбазы составляютъ баталiонъ, который раздѣляется на 10 сотенъ, по 100 человѣкъ въ каждой. Баталiономъ командуетъ Шерукъ-ханъ, а каждой сотней миръ-охуръ, имѣя помощникомъ караулъ-беги; кромѣ того въ каждой сотнѣ есть 4 старшихъ пенджа-баши (унтеръ-офицеры) и 4 младшихъ и 10 десятниковъ или ефрейторовъ (дегъ-баши). Пѣхота имѣетъ куртки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и мерлушчатую персидскую шапку съ красной выпушкой; солдаты носятъ черезъ плечи—два бѣлыхъ ремня, изъ которыхъ на одномъ привѣшивается сума для 30 патроновъ, а на другомъ штыкъ въ кожаномъ чехлѣ. У артиллеристовъ куртка съ чернымъ стоячимъ воротникомъ и такая-же шапка, какъ у пѣхоты; черезъ плечо носятъ на черномъ ремнѣ суму, въ которой помѣщается 30 пистолетныхъ патроновъ; кромѣ пистолетовъ артиллеристы вооружены старыми русскими ка-

зачьими саблями въ желѣзныхъ ножнахъ, носимыми на бѣлой портупеѣ; миръ-охуры носятъ серебряные штабъ-офицерскіе эполеты съ чешуей, а караулъ-беги—оберъ-офицерскіе, кромѣ того миръ-охуры носятъ русскій шарфъ и на лѣвомъ плечѣ серебряный эксельбантъ. Нижніе чины пѣхоты и артиллеріи носятъ изъ чернаго сукна эполеты, кружекъ которыхъ набивается хлопчатой бумагой и обшивается бахрамой изъ бѣлыхъ нитокъ. Эполетъ пристегивается къ курткѣ пуговицей и пришивается. Вооруженіе миръ-охуровъ пѣхоты состоитъ изъ 2 пистолетовъ, пистоннаго ружья. бухарской сабли и небольшаго топорика съ посеребреной рукояткой, а у караулъ-беги тоже самое, съ тою только разницею, что рукоятка топорика обтягивается краснымъ сукномъ; вооруженіе пенджа-баши сходно съ караулъ-беги. Чины артиллеріи имѣютъ такое-же вооруженіе, какъ и въ пѣхотѣ, только носятъ сабли не бухарскія, а русскія—въ желѣзныхъ ножнахъ.

Пѣхота ранжируется справа на лѣво и располагается въ развернутомъ фронтѣ по старшинству сотенъ, начиная съ 1-й — въ двѣ шеренги. Миръ-охуры становятся на правые фланги своихъ сотенъ; а караулъ-беги на лѣвые. Четыре пенджа-баши становятся сзади 2-й шеренги на одинъ шагъ отъ нея, равняясь съ правофланговымъ человѣкомъ баталіона, а прочіе пенджа-баши такимъ-же образомъ за лѣвымъ флангомъ баталіона. Десятники становятся въ первой шеренгѣ черезъ каждые 5 рядовъ. Въ баталіонѣ сарбазовъ имѣются два знамя: большое и малое, изъ которыхъ при раздѣленіи на полубаталіоны большое идетъ съ 1-мъ полубаталіономъ, а малое со 2-мъ. Большое знамя состоитъ изъ древка, оканчивающагося вверху серебряною шишкою, подъ которою кругомъ древка повѣшенъ черный коровій хвостъ, а подъ хвостомъ четырехъугольный кусокъ красной шолковой матеріи; малое знамя безъ хвоста и флагъ у него въ видѣ косынки. Большое знамя становится на одинъ шагъ впереди право-фланговаго миръ-охура 1-го полубаталіона,

а малое знамя впереди право-флангового миръ-охура 2-го полубаталіона. Подъ каждое знамя назначается по одному человѣку. — Ружейные пріемы въ пѣхотѣ употребляются слѣдующіе: на плечо, на караулъ, подъ курокъ, на руку, на правое плечо, и т. д. Заряженіе на 12 темповъ; пальба сотнями, дивизіонами, а также и вольное заряженіе и пальба. Шаги: тихій и скорый; при скоромъ берутъ ружье вольно; есть также бѣглый шагъ, при которомъ берутъ ружье на руку, — но только одна первая шеренга, а вторая въ это время держитъ ружье у лѣваго плеча, стоймя, отклоняя его нѣсколько въ лѣвую сторону. Построенія въ пѣхотѣ употребляются слѣдующія: справа и слѣва рядами, сотенныя колонны на сотенныхъ дистанціяхъ и густыя сотенныя колонны сотня отъ сотни, на одинъ шагъ. Передъ построеніемъ каре, весь баталіонъ предварительно разсчитываютъ на 8 сотенъ, по 125 человѣкъ въ каждой, самое-же построеніе каре изъ развернутаго фронта производится слѣдующимъ образомъ: передній фасъ составляется изъ 1 и 2 сотенъ, правый фасъ изъ 3 и 4, лѣвый изъ 5 и 6, и задній изъ 7 и 8, для чего 3, 4, 5, 6 сотни предварительно поворачиваются на лѣво кругомъ и заходятъ на свои мѣста плечами, а 6-й и 8-й слѣдуютъ рядами къ своему мѣсту и такимъ образомъ смыкаютъ каре; оба знамя становятся внутри каре. Для построенія каре изъ сотенной колонны на полныхъ дистанціяхъ 3 и 4 сотни заходятъ лѣвымъ плечемъ и составляютъ правый фасъ, а 5-я и 6-я подвигаются впередъ и потомъ заходятъ правымъ плечемъ и составляютъ лѣвый фасъ. Въ каждой сотнѣ находится три барабанщика и два флейтщика, а въ цѣломъ баталіонѣ, сверхъ сего, 4 трубача и 2 турецкихъ барабана. При баталіонныхъ ученіяхъ вся музыка строится вмѣстѣ и турецкіе барабаны бьютъ тогда только, когда играютъ трубачи. Въ развернутомъ фронтѣ музыка становится около право-флангового миръ-охура въ колоннахъ, впереди колоннъ. Застрѣльщики выходятъ впередъ на 12 или 24 ша-

га, и въ цѣпь изъ каждой сотни слѣдуетъ только первый и послѣдній ряды. Изготовляются застрѣльщики по командѣ, а выходятъ по барабану или по трубѣ, отзываются тоже по барабану, а всѣ повороты дѣлаютъ не иначе, какъ по командѣ. Застрѣльщиками командуетъ кто-нибудь изъ миръ-охуровъ, мѣсто котораго во фронтѣ занимаетъ его караулъ-беги. Застрѣльщиковъ учатъ прикрываться мѣстными предметами и стрѣлять лежа. Ученія сарбазамъ въ Бухарѣ производятся только весной; форму сарбазы носятъ только на ученіяхъ и въ походѣ, въ остальное-же время кто что хочетъ и долженъ носить непремѣнно лишь форменную шапку. Смотровъ эмиръ никогда не дѣлаетъ. Во всю службу Суворова, сарбазамъ противъ непріятеля ни разу не привелось ни строить колоннъ, ни разсыпаться, ни употреблять вообще своего строя, а подходили они къ крѣпости сотнями, прикрывая орудія или безъ нихъ, но во всякомъ случаѣ нестройной кучей.

Артиллерія училась прежде при орудіяхъ, которыя также, какъ и порохъ, и всѣ снаряды находились при домѣ Шерукъ-хана, въ сарбазъ-хане (казарма сарбазовъ), но съ годъ тому назадъ эмиръ раззорилъ домъ Шерукъ-хана и перевелъ всѣ орудія, лафеты, снаряды и порохъ въ самый городъ, гдѣ и помѣстилъ артиллерійскія принадлежности близъ своего дворца. Артиллеристы нынѣ обучаются только сабельнымъ пріемамъ и маршировкѣ. На каждое орудіе на ученіе въ прежнее время назначалось 10 человѣкъ, изъ которыхъ № съ банникомъ считался за старшаго и назывался дегъ-баши (десятникъ). Ученіе съ орудіями, запряженными лошадьми, никогда не производится, да и самыя лошади доставляются подъ артиллерію, за нѣсколько только дней до выступленія въ походъ, беками, по раскладкѣ на ихъ счетъ, и потомъ къ нимъ-же опять возвращаются послѣ похода. Артиллерія эмира состоитъ изъ пушекъ, мортиръ и единороговъ. Самая большая пушка заряжается 10 ф. пороху и ½ пудовымъ яд-

ромъ и возится 28 лошадьми; мортиръ имѣется 4, изъ коихъ двѣ большихъ $^1/_2$ пуд. калибра и двѣ малыхъ $^1/_4$ пудовыхъ; единороговъ 3: 10-ти, 15 и 20-фунтоваго калибра. Огонь сообщается заряду посредствомъ скорострѣльной трубки и, при стрѣльбѣ ядрами, ядро всегда кладется голое и отдѣльно отъ пороха, для котораго картузъ приготовляется изъ бязи. Изъ пушекъ самая малая имѣетъ однофунтовый калибръ и возится 4 лошадьми. Всѣ орудія имѣютъ лафеты о 4-хъ колесахъ съ передковыми ящиками, которые во время похода идутъ пустыми, или если въ нихъ и везутся заряды, то холостые — собственно для вѣстовыхъ пушекъ; боевые-же заряды и порохъ идутъ на верблюжьихъ вьюкахъ. По приходѣ на мѣсто каждаго ночлега и по отпряжкѣ лошадей, по сигналу трубы, стрѣляютъ двѣ вѣстовыхъ пушки, по одному разу. Утромъ даются три сигнала: первый, барабанъ для пѣхоты и труба для кавалеріи и артиллеріи, — вставать; второй — ломать палатки и сѣдлать; третій — играть генералъ-маршъ и выступать. Въ артиллеріи имѣется 6 трубачей. Въ орудія запрягаютъ первую пару лошадей въ дышло, и къ этой парѣ пристегиваются на постромкахъ всѣ прочія лошади тоже попарно; на каждой изъ упряжныхъ лошадей садится по артиллеристу, за исключеніемъ дегъ-башей и офицеровъ, которые ѣдутъ верхами на особыхъ лошадяхъ. Передъ походомъ даютъ всякому пенджа-башѣ и рядовому по тиллѣ, для поправленія хозяйства, а въ походѣ отпускается на пропитаніе одна теньга на 3 дня, на каждаго человѣка. Для перевозки пѣхоты на каждыхъ 10 человѣкъ дается $2^1/_2$ арбы, въ коихъ помѣщаются, сверхъ людей и ихъ имущества, и принадлежащіе имъ палатки; артиллеристамъ-же для перевозки имущества и палатокъ полагается одна арба на 10 человѣкъ. Эмиръ или идетъ вмѣстѣ съ сарбазами или назначаетъ имъ какой-нибудь городъ, въ которомъ они должны къ нему присоединиться; кавалерія-же собирается по частямъ съ своими беками къ особо назначенному пункту. Дне-

вокъ войска никогда не дѣлаютъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ назначенъ сборъ кавалеріи, тамъ дается одна дневка. Переѣзды въ арбахъ сарбазы дѣлаютъ отъ 21—48 верстъ въ сутки, останавливаясь на ночлеги близь деревень и городовъ. Не доѣзжая нѣкотораго разстоянія до мѣста ночлега, выѣзжаетъ впередъ особый чиновникъ, называемый мирза-муфтаръ (ранжировщикъ), за которымъ ѣдутъ отъ пѣхоты и артиллеріи пенджа-баши (млад. унтеръ-офицеръ) съ жолнерными значками — для пѣхоты красными, а для артиллеріи черными. Мирза-муфтаръ выбираетъ мѣсто для ночлега, разбиваетъ лагерь, отмѣривая мѣсто для каждой части войскъ шагами и устанавливаетъ жолнеровъ, обозначая входы внутрь каре 4 значками, а мѣста для каждой сотни двумя. Сарбазы располагаются лагеремъ всегда въ каре, передній фасъ коего составляетъ артиллерія, снятая съ передковъ, отодвигаемыхъ за орудія на 4 шага внутрь каре, за передками разбиваются коновязи, за коновязями палатки, за палатками арбы — оглоблями внутрь каре. Прочіе три фаса каре занимаетъ пѣхота, имѣя въ полѣ арбы, поставленныя оглоблями внутрь каре, за арбами лошадей и потомъ палатки. Ружья поставляются въ козлы по десяткамъ, между палатками. Эмиръ располагается всегда внѣ каре, чаще около праваго фланга артиллеріи. Въ каре устраивается два входа: одинъ главный, въ серединѣ артиллеріи, шириною въ 12 шаговъ, а другой въ томъ фасѣ, противъ котораго располагается эмиръ. При главномъ входѣ становится и главный лагерный караулъ, состоящій изъ миръохура съ его пенджа-башами (чины эти дежурятъ поочередно, начиная съ 1 сотни). Изъ этого караула высылаются по очереди два пенджа-баши, для охраненія малаго входа. Каждое утро дежурный миръ-охуръ доноситъ о благополучіи лагеря Шерукъ-хану. Внутри каре и вблизи одного изъ его фасовъ становится огромный шатеръ изъ двойнаго холста, покрытаго лакомъ, въ которомъ складываются ящики съ порохомъ (въ 5 четв. длиною и шириною), ядра-же кладутся

около шатра, въ мѣшкахъ. Для караула сего склада назначаются ежедневно отъ каждой сотни пѣхоты по 10 человѣкъ, изъ которыхъ и ставятся кругомъ склада часовые, на разстояніи 9 шаговъ другъ отъ друга; для общаго-же полеваго карауда лагеря ежедневно высылается отъ каждой сотни пѣхоты по 20 человѣкъ, подъ начальствомъ дегъ-башей, изъ коихъ 10 становятся впереди праваго, а 10 впереди лѣваго фланга своей сотни и въ 10 шагахъ отъ арбъ; часть этихъ караульныхъ стоитъ на часахъ, а прочіе лежатъ. На фасѣ артиллеріи ставится свой караулъ: между каждыми двумя пушками по часовому. Въ серединѣ каре располагается палатка Шерукъ-хана и при ней оба знамя сарбазовъ; вблизи-же этой палатки вѣшается на козлахъ колоколъ, при которомъ ставится особо назначаемый человѣкъ съ карманными часами, который и бьетъ часы. Смѣна часовыхъ производится чрезъ 1½ или 2 часа. Въ каре никто не впускается, даже не исключая посыльныхъ эмира (мехремовъ) безъ доклада объ этомъ дежурнымъ миръ-охуромъ Шерукъ-хану: за несоблюденіе-же сего правила дежурные при маломъ входѣ наказываются 75 розгами. Въ разстояніи 26 саженъ отъ фасовъ каре сарбазовъ, окружая его со всѣхъ сторонъ, располагаются палатки кавалеріи, а на 25 шаговъ впереди своихъ палатокъ кавалерія высылаетъ свой караулъ, состоящій изъ 4 или 6 знаменъ (каждое знамя въ 500 чел. съ бекомъ); этотъ послѣдній караулъ уже окружаетъ и охраняетъ общее расположеніе арміи, здѣсь часовые, или сидя на лошади, или держа ее въ поводу, становятся другъ отъ друга на разстояніи 4 шаговъ и черезъ 4 человѣка въ пятый подаютъ сигналъ, крича: ушаръ (слушай) или берьбулъ или-же гушуяръ-булъ (стой осторожно). Кромѣ этихъ карауловъ, вблизи непріятеля, высылается версты на 1½ отъ лагеря, на какое-нибудь возвышенное мѣсто, такъ называемый отъѣзжій караулъ, состоящій не менѣе какъ изъ 4 знаменъ. Съ ранняго утра до полдня стоятъ одни знамена, а съ полдня и

15*

до утра другіе подъ начальствомъ своихъ беков. Караулы сарбазовъ осматриваются въ полночь рундомъ, въ который назначается дежурный у главныхъ воротъ миръ-охуръ, съ 3-мя сарбазами; сверхъ сего, для осмотра карауловъ ночью, посылаются отъ главнаго караула черезъ каждые два часа два пенджа-баши. Рундъ, подходя къ десяткамъ, выставленнымъ впереди каждой сотни, опрашивается часовыми и отзывается гезма (рундъ), вслѣдствіе чего его останавливаютъ, вызываютъ дегъ-баши, который спрашиваетъ у рунда отзывъ (обыкновенно названіе города), послѣ чего рундъ идетъ далѣе.

Число кавалеріи, выставляемой въ поле собственно въ ханствѣ Бухарѣ, простирается до 40 т. всадниковъ, раздѣляющихся на полки, предводимые беками. Каждый бекъ, по требованію эмира, обязанъ выставлять вполнѣ снаряженный 500-й полкъ, въ которомъ имѣются большой и малый значки разныхъ цвѣтовъ, — каждый съ серебряной вверху шишкой и коровьимъ хвостомъ. Каждому вновь призываемому на службу кавалеристу дается отъ правительства единовременно три тилли на покупку лошади и сѣдла, въ случаѣ-же убыли лошади отъ падежа или въ сраженіи, казна выдаетъ кавалеристу лошадь или деньги на покупку оной. Кромѣ сего, каждый разъ передъ выступленіемъ въ походъ даютъ каждому кавалеристу на содержаніе себя и лошади и на платье одну тиллю; а по прошествіи въ походѣ 30 дней другую и т. д. до конца похода. Въ каждомъ кавалерійскомъ полку имѣются слѣдующіе чины: миръ-охуры—сотенные начальники, караулъ-беги—полусотенные, джаваччи—начальники 25 чел., мирза-баши—унт.-офицеры и дегъ-баши—десятники. Всѣ кавалеристы пользуются казенною землею, и собранный съ нея хлѣбъ идетъ въ ихъ пользу. Жатва съ этихъ полей дѣлится въ полку между каждымъ чиномъ особо, т. е. караулъ-беги дѣлятъ между собой, миръ-охуры тоже и также поступаютъ дегъ-баши. Каждый дегъ-баши, по количеству даваемой ему земли, долженъ получать съ нея:

12 четвертей пшеницы весной, да изъ осенняго сбора 12 четверт. джауры и хлопчатой бумаги или какимъ либо другимъ плодомъ, хотя-бы и дынями. Въ случаѣ, если-бы дегъ-баши или другой чинъ, по неурожаю, получилъ хлѣба менѣе, чѣмъ ему полагается, то правительство на это не обращаетъ уже вниманія и никакого дополнительнаго вспоможенія не дѣлаетъ; обыкновенно всѣ кавалеристы отдаютъ свою землю обработывать свободнымъ землепашцамъ изъ $^1/_4$ или изъ $^1/_2$ сбора, но, большею частію, берутъ съ нихъ, не хлѣбомъ, а деньгами. Званіе бека по большой части бываетъ наслѣдственное; сынъ бека начинаетъ службу съ мирза-баши и обыкновенно всѣ первые чины жалуются ему его отцемъ; въ званіе-же бека онъ возводится эмиромъ и получаетъ въ команду полкъ или послѣ смерти отца, или какой-либо по другой, назначенію эмира. Подчиненные беку кавалеристы отнюдь не считаются его рабами, а пользуются правами вольно-служащихъ.

Въ каждомъ кавалерійскомъ полку состоитъ 150 человѣкъ, съ фитильными ружьями на сошкахъ, которые для стрѣльбы каждый разъ слѣзаютъ съ лошадей; остальные-же люди вооружены только саблями и пиками, причемъ порохъ и свинецъ обязаны имѣть свой. Порохъ выдѣлываютъ, крупный и мелкій, въ Карши, Самаркандѣ и Бухарѣ, частные люди, у которыхъ эмиръ покупаетъ порохъ, смотря по его достоинству, отъ 4 до $6^1/_2$ тиллей за батманъ. На базарахъ продается $1^1/_4$ фунта пороха за 15 коп. сер. Селитру добываютъ изъ озеръ, находящихся около Бухары, уголь употребляется таловый; сѣру-же, а также каменную соль и свинецъ добываютъ въ горахъ, лежащихъ къ востоку отъ Карши. Литьемъ орудій занимается индѣецъ Насыръ-ханъ, проживающій въ Бухарѣ 7 лѣтъ и служившій 14 лѣтъ въ англійскихъ войскахъ въ Индіи. Эмиръ очень боится, чтобы индѣецъ не извелъ его какимъ-нибудь образомъ и давно-бы зарѣзалъ Насыръ-хана, если-бы имѣлъ кого-нибудь другаго для литья орудій. Кромѣ собственныхъ войскъ, эмиру во

время войны высылаются войска отъ вассальныхъ его владѣтелей. Съ годъ тому назадъ ему присылались еще вспомогательные отряды отъ владѣтелей Анху, Майманэ и Акчи (близь Анху), но въ настоящее время эти владѣнія состоятъ подъ властію Герата, и потому въ нынѣшнемъ году къ нему являлись только два вассала: при походѣ изъ Ура-Тюпе въ Ходжендъ прибылъ къ нему съ 500 всадниками независимый владѣтель Маччона (небольшая область изъ 3 до 4 городковъ въ самыхъ вершинахъ Зарьавшана, въ горахъ), а чрезъ двѣ недѣли послѣ него пришелъ съ 10,000 всадниковъ владѣтель Гиссара (изъ числа 10,000, двѣ тысячи имѣли ружья на сошкахъ съ фитилемъ, а остальные были вооружены пиками и саблями). Этотъ послѣдній вассалъ объявилъ эмиру, чтобы онъ не слишкомъ полагался на преданность Маччонскаго владѣтеля, который только лишь сражался противъ бухарскихъ войскъ въ Ура-Тюпе. Слѣдствіемъ такого навѣта было то, что эмиръ прогналъ отъ себя 500 маччонскихъ всадниковъ, отправилъ для управленія въ Маччонъ своего бека, а самаго маччонскаго владѣтеля съ сыномъ привезъ въ Бухару и тамъ зарѣзалъ. Владѣтели Анху и Майманэ выставляли постоянно отъ 500 до 2,000 всадниковъ.

По окончаніи похода, эмиръ даетъ вассаламъ разные подарки, а ихъ войскамъ, всѣмъ чинамъ безъ разбора, жалуетъ по халату. Изъ своихъ-же войскъ даетъ по халату только высшимъ чинамъ, нижнимъ-же чинамъ обыкновенно никакихъ наградъ не раздаетъ.

Въ настоящемъ году эмиръ стоялъ до 9 дней подъ Ура-Тюпе съ арміею въ 50,000 челов., при 15 орудіяхъ, въ 150 сажен. отъ города — на горѣ, внизу которой находится самая крѣпость. Пальбу изъ орудій производили всего только два раза, послѣ чего Коканцы бросили городъ и бѣжали, а жители, недовольные своимъ бекомъ, отворили немедленно ворота эмиру. Теперь Ура-Тюпе и Заминъ уступлены Коканскимъ ханомъ Бухарѣ и тамъ управляютъ бухарскіе беки. Подъ Ходжендомъ бухарцы стояли 15 дней,—ла-

геремъ, въ 2½ верстахъ отъ города, къ которому разъ пять подходили, но безуспѣшно.

Къ Аму-Дарьѣ Суворовъ ходилъ два раза въ 1841 и 42 годахъ, осенью. Въ первый разъ, дойдя до Аму-Дарьи, эмиръ простоялъ тутъ четыре дня, производя въ это время перестрѣлку съ Хивинцами, находившимися на противоположной сторонѣ рѣки — послѣ чего возвратился въ Бухару. Армія въ этотъ походъ была собрана въ составѣ 100,000, и въ нее не только были призваны всѣ войска, но даже купцы и крестьяне, такъ какъ эмиръ чрезвычайно боялся перехода Хивинцевъ на правую сторону рѣки. Причиною такого страха служило то обстоятельство, что весною 1840 г., когда эмиръ находился подъ Коканомъ, хивинскій ханъ Алла-Кулъ, переправясь чрезъ Аму, страшнымъ образомъ опустошилъ многія бухарскія селенія: топталъ людей лошадьми, кучами жегъ младенцевъ и множество мужчинъ и женщинъ увелъ съ собою въ плѣнъ, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще не возвратились изъ хивинскихъ владѣній, гдѣ они поселены въ окрестностяхъ Куня-Ургенча. Въ этотъ-же походъ Алла-Кулъ раззорилъ г. Каракуль и доходилъ до Чоръ-Шамбэ-Раметана, въ 32 верстахъ отъ Бухары (сѣвернѣе Каракуля въ 40 верст. отъ него, на караванной дорогѣ изъ Хивы въ Бухару).

Движеніе арміи эмира черезъ южную окраину песковъ Кызылъ-Кумъ производилось эшелонами, тысячъ въ 10 каждый. Орудій было въ оба похода 12, а въ первый походъ. кромѣ того, было и 32 джезанлія, возившихся на верблюдахъ, съ которыхъ производилась и самая пальба изъ джезанлей. Орудія везлись черезъ пески день и ночь на лямкахъ, и каждое орудіе тащили 200—250 человѣкъ, перемѣнявшихся на каждой верстѣ; пѣхота арбъ не имѣла и шла пѣшкомъ. Во второмъ походѣ было всего 35,000 войска, при чемъ эмиръ простоялъ на Дарьѣ только два дня. Кромѣ этихъ двухъ походовъ эмиръ ходилъ еще весною 1841 г. подъ Хазаръ-Аспъ, но тогда никто изъ русскихъ плѣнныхъ

въ походѣ не участвовалъ и сколько извѣстно изъ разсказовъ самихъ Бухарцевъ, походъ этотъ кончился весьма неудачно. Эмиръ, переправясь чрезъ Аму, ниже Чарджуя, и обложивъ Хазаръ-Аспъ, послалъ свою конницу для раззоренія Хивы, но конница эта была разбита на голову и эмиръ послѣ 10-ти-дневной осады, не взявши крѣпости, пошелъ назадъ за рѣку и притомъ съ такою скоростію, что остатки разбитой его кавалеріи не успѣли даже къ нему присоединиться и были совершенно уничтожены Хивинцами.

Городъ Шехри-Сябзъ расположенъ въ лощинѣ, въ ½ верстѣ отъ рѣки того-же имени, съ трехъ сторонъ и на разстояніи 2½ верстъ окружаютъ городъ высокія горы—и только со стороны Бухары окрестная мѣстность города болѣе доступна. 14 лѣтъ продолжалась война эмира съ Шехри-Сябзомъ и, кромѣ властолюбія бухарскаго владѣльца, причинами къ войны служили еще слѣдующія обстоятельства: 1) еще до войны эмиръ и его сынъ женились на двухъ родныхъ сестрахъ шехри-сябзскихъ владѣтелей, но жена эмира, видя холодность къ себѣ мужа, завела сношенія съ однимъ изъ шехри-сябзскихъ бековъ, проживавшихъ въ Бухарѣ и наконецъ съ нимъ бѣжала въ Шехри-Сябзъ, гдѣ и вышла за него замужъ; и 2) вслѣдъ за этимъ происшествіемъ явился къ эмиру изъ Кабула братъ шехри-сябзскаго владѣльца и просилъ эмира возвратить ему владѣнія его предковъ, обѣщая за это приличныя съ своей стороны вознагражденія. Отсюда произошла война, кончившаяся для эмира покореніемъ Шехри-Сябза, а для прежняго владѣльца тѣмъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Ташкентъ гдѣ и понынѣ находится. Лишившись одной жены изъ шехри-сябзскаго дома, эмиръ женился впослѣдствіи на другой сестрѣ шехри-сябзскихъ владѣтелей, женщинѣ замѣчательной красоты, отнятой имъ у одного изъ шехри-сябзскихъ бековъ, за которымъ она была замужемъ. Не смотря на то, что эмиръ, каждый разъ какъ посѣщаетъ эту женщину, дѣлаетъ ей огромные подарки, жизнь ея всетаки не мо-

жетъ считаться счастливой, ибо, приходя къ ней, эмиръ каждый разъ приводитъ съ собою и одного изъ самыхъ любимыхъ своихъ мальчиковъ, и въ то время, когда жена его своими ласками успѣетъ взволновать въ старикѣ кровь, онъ немедленно обращается къ своему мальчику и въ глазахъ жены удовлетворяетъ свою страсть на своемъ любимцѣ. Все, признаваемое эмиромъ, потомство его состоитъ изъ сына и 2-хъ дочерей, отданныхъ замужъ въ Бухарѣ. Сынъ эмира и наслѣдникъ бухарскаго престола, Музафаръ-ханъ въ настоящее время имѣетъ отъ роду 34 года, женатъ и имѣетъ 3-хъ сыновей, 7, 9 и 12 лѣтъ, которые пріѣзжали нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бухару просить у дѣда разрѣшенія на обрѣзаніе, на что и получили согласіе эмира и 2,000 денегъ на устройство праздника по этому случаю. Принцъ-наслѣдникъ хорошъ собою, похожъ лицомъ на эмира; до 20 лѣтъ онъ жилъ постоянно въ Бухарѣ во дворцѣ отца, а потомъ назначенъ бекомъ въ Керминѣ. Принцъ—очень умный и добрый человѣкъ, но участія въ дѣлахъ государства эмиръ ему не даетъ изъ опасенія, чтобы народъ не перешелъ на сторону принца. Во время войны принцъ командуетъ какимъ-нибудь резервомъ въ Самаркандѣ или Джизахѣ; въ сраженіяхъ никогда не участвовалъ, а если и призывается въ армію эмира, то при лишь окончаніи компаніи, причемъ видится съ сыномъ не болѣе часа. Проѣзжая чрезъ Кермине, эмиръ тамъ никогда не останавливается, избѣгая свиданія съ сыномъ, и принца въ Бухару никогда не призываетъ. Кромѣ Кермине въ вѣдѣніи принца находится и округъ Нурата, въ которомъ кочуютъ Киргизы. Главный городъ этого округа — Нурата лежитъ къ сѣверу отъ Кермине въ 12 камняхъ, населенъ Узбеками и Киргизами, изъ которыхъ составляется для защиты его гарнизонъ въ 500 человѣкъ. Нурата обведенъ стѣной, имѣетъ прекрасную ключевую воду и чрезъ него проходятъ караваны, идущіе изъ Акъ-Мечети въ Бухару. Отъ колодца Юзъ-Кудукъ, лежащаго на караванной дорогѣ изъ Бухары въ Казалу, Нурата от-

стоитъ къ востоку на 15-ть камней. По дорогѣ изъ Кермине въ Нурату и въ 6-ти камняхъ сѣвернѣе сего послѣдняго города лежитъ большое селеніе Мѣхъ, состоящее тоже въ вѣдѣніи принца. Въ окрестностяхъ Нураты и Джизаха кочуетъ очень много Киргизъ, съ которыхъ эмиръ беретъ два раза въ годъ пошлину: каждый разъ по одной скотинѣ съ 40. При дворѣ эмира до сихъ поръ живутъ два сына убитаго имъ кокaнскаго хана: старшій Усень-ханъ 28 лѣтъ и младшій Музафаръ-ханъ 25 лѣтъ, эмиръ проситъ имъ во владѣніе Ходжендъ, но коканскій ханъ постоянно въ этомъ отказываетъ. Бухарцы говорятъ, что они были-бы очень рады, если-бы Русскіе завладѣли Ташкентомъ (тогда-бы имъ легче было завоевать Коканъ), не смотря даже на то, что Ташкентцы постоянно и даже нынѣшній годъ присылали будто-бы просить эмира о принятіи ихъ въ подданство Бухары, говоря: чѣмъ намъ доставаться Русскимъ, мы лучше хотимъ быть въ подданствѣ у единовѣрнаго государя.

Всѣ дороги, по которымъ ходилъ эмиръ, измѣрены шагами его скороходовъ. Измѣреніе это дѣлается такимъ образомъ, что по проходѣ 9,000 шаговъ, составляющихъ ташъ (камень), скороходъ, ведущій лошадь эмира подъ узцы говоритъ: ташъ, и тамъ кладутъ камень, затѣмъ ведетъ подъ узцы лошадь другой скороходъ и дѣлаетъ то-же самое и т. д.

Укрѣпленные пункты въ бухарскомъ ханствѣ, кромѣ Бухары, слѣдующіе: Джизахъ, окруженъ глиняною стѣною и защищается одной всего пушкой; жителей и кочующихъ вблизи Киргизовъ, которые въ случаѣ надобности собираются въ крѣпость для ея защиты, до 5,000. Джизахъ стоитъ въ лощинѣ на ключахъ, проходящихъ черезъ самую крѣпость, въ которой для сохраненія воды сдѣланы пруды. Самаркандъ окруженъ глиняною стѣною, но орудій не имѣетъ Китта-Курганъ окруженъ въ свою очередь стѣною, но орудій также нѣтъ. Заминъ окруженъ стѣною, имѣетъ 3 орудія 2-хъ и 3-хъ фунт. калибра,

6 крѣпостныхъ ружей и 500 человѣкъ бухарскаго гарнизона. Зіяддинъ, Янги-курганъ (между Зіяддиномъ и Кермине), Кермине, Миттанъ (въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Китты-Кургана), Карши и Усть-Ты (по дорогѣ изъ Хивы въ Бухару) окружены стѣнами, но орудій не имѣютъ. Карки, по дорогѣ изъ бухары въ Балхъ, на правомъ берегу Аму, окруженъ стѣною и имѣетъ одно орудіе 5 фунт. калибра. Здѣсь находятся лодки, состоящія въ вѣдѣніи каркинскаго бека, на которыхъ производится переправа черезъ Аму. Ура-Тюпе окруженъ стѣною, имѣетъ 3,000 человѣкъ бухарскаго гарнизона и 4 орудія: два большихъ и два маленькихъ и 12 крѣпостныхъ ружей. Чарджуй построенъ въ 2-хъ верстахъ отъ лѣваго берега Аму, снабжается водою изъ этой рѣки посредствомъ канавъ, расположенъ на низменномъ мѣстѣ и имѣетъ гарнизону 2,500 человѣкъ и одно чугунное орудіе 3-хъ фунтов. калибра.

По дорогѣ въ Коканъ на нѣкоторые припасы существовали слѣдующія цѣны: 10 сноповъ сѣяной травы продавались отъ 10 до 20 копѣекъ ассигн., батманъ ячменя—4 теньги, каменной соли 5 фунтовъ 4 коп. ассигн. Въ Бухарѣже, по большей части, продаются припасы: батманъ сарачинскихъ крупъ 28—31 теньга, батманъ джугары 8 тенегъ, 20 фунтовъ баранины—$2^1/_2$ теньги и говядины 5 фунт. 20 коп. ассигн.

Довѣренныхъ людей у эмира очень мало, въ настоящее время съ нимъ постоянно бесѣдуетъ въ Бухарѣ и во время походовъ любимецъ его Токсаба-мурза-тайгунъ, не занимающій никакой особой должности, но и его однажды эмиръ выгонялъ отъ себя палками. Сарбазами до Шерукъ-хана управлялъ бухарецъ Улу-бекъ-токсаба, а ранѣе сего послѣдняго персіянинъ изъ Тавриза Наибъ-Абдусамадханъ; Наибъ этотъ, оскорбленный эмиромъ, хотѣлъ-было передаться шехрисябзскимъ владѣльцамъ, но эмиръ успѣлъ перехватить переписку Наиба и тотчасъ-же его зарѣзалъ.

3.

Иванъ Ненилинъ, 60 лѣтъ отъ роду, казакъ сибирскаго войска № 4-го полка, взятъ въ плѣнъ въ 1840 году, при уроч. Улу-Тау, вмѣстѣ съ Суворовымъ, Киргизами мятежника Кенисары Касимова. Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца по плѣненіи былъ препровожденъ въ подарокъ къ бухарскому эмиру; но когда эмиръ узналъ, что посланникъ его, поѣхавшій съ Бутеневымъ, не былъ принятъ въ Россіи, то, разсердясь на русскихъ, продалъ Ненилина своему адъютанту (Пансатъ-баши) за 22 червонца, у котораго Ненилинъ и находился 7 мѣсяцевъ, живя въ помѣстьи своего господина въ 8 верстахъ отъ Бухары при р. Джугунѣ, впадающей въ Зарьавшанъ — въ деревнѣ Ичке-Тамъ. Черезъ 7 мѣсяцевъ, когда, командовавшій сарбазами, Наибъ (Шерукъ-хана тогда еще не было) просилъ эмира о пополненіи сарбазовъ русскими плѣнными, былъ перемѣщенъ въ сарбазы и Ненилинъ. Онъ ходилъ 12-ть разъ подъ Шехри-Сябзъ, нынѣшній годъ подъ Ходжендъ и два раза къ р. Аму-Дарьѣ—противъ Хивинцевъ, вмѣстѣ съ Суворовымъ. Для литья орудій у эмира живетъ Кабулецъ Насыръ-ханъ, котораго всѣ признаютъ за англичанина,—но онъ въ этомъ не сознается. Насыръ-ханъ въ Бухарѣ уже лѣтъ 7, льетъ орудія отлично, гораздо лучше Шерукъ-хана и пользуется расположеніемъ эмира, по необходимости въ такомъ человѣкѣ. Шехри-сябзскій владѣлецъ въ настоящее время живетъ въ Бухарѣ — имущество его сохранено, и въ добавокъ на содержаніе его даются всѣ сборы съ г. Каракула. О путяхъ, по которымъ ходилъ Ненилинъ въ походахъ, по слабой памяти, сообщить ничего не можетъ. О сарбазахъ и объ устройствѣ ихъ и артиллеріи показалъ то-же самое, что Суворовъ, съ слѣдующимъ добавленіемъ: карауловъ во дворцѣ эмира сарбазы не содержатъ, а только къ пороховому складу близь дворца ежедневно наряжается 4 ряд., 1 ефр., 1 унт.-оф. и 1 оф. Зданіе, гдѣ

хранятся снаряды и порохъ, 2-хъ-этажное, окружено дворомъ а порохъ хранится въ самомъ зданіи въ глиняныхъ кувшинахъ, закрытыхъ плитами. Разрывные снаряды лежатъ пустыми и начиняются передъ выступленіемъ въ походъ; начинкой завѣдуетъ одинъ изъ артиллерійскихъ миръ-охуровъ, Матусембекъ, родомъ персіянинъ. За годъ передъ симъ, перехвативъ письма Шерукъ-хана въ Персію, въ которыхъ ханъ писалъ, что пользуется огромнымъ вліяніемъ въ Бухарѣ и что всѣ военныя силы эмира находятся въ его рукахъ, — Эмиръ обобралъ всѣ имѣнія у Шерукъ - хана, засадилъ его въ темницу въ собственномъ дворцѣ — гдѣ ханъ высидѣлъ 6 мѣсяцевъ, и только передъ походомъ въ нынѣшнемъ году въ Коканъ получилъ свободу. Во время похода въ Коканъ, Непилинъ слышалъ, что тамъ находится 7 человѣкъ англичанъ, которые учатъ коканскія войска стрѣльбѣ, и дѣйствительно стрѣльба ихъ въ нынѣшнемъ году была очень хороша, такъ что коканцы изъ Ходженда подбили у эмира двѣ пушки. Въ то самое время, когда Коканцы осаждали фортъ Перовскій, эмиръ тоже сталъ собирать войско и готовиться къ походу; но когда получилъ извѣстіе, что Коканцы страшно разбиты, тотчасъ-же распустилъ свою армію, сказавъ: «Русскіе нынѣ стали очень проворны и сильны», — и впослѣдствіи, не смотря на неоднократныя предложенія коканскаго хана и въ особенности хана хивинскаго, идти общими силами на Сыръ, постоянно отъ этого отказывался, говоря: «идите и дѣлайте сами, что хотите; меня-же Русскіе нетрогаютъ, и я не хочу съ ними тягаться.» Цѣны на дрова въ Бухарѣ существуютъ слѣдующія: верблюжій вьюкъ саксаульника 5—9 тенегъ, а ослиный — $1^1/_2$; бревно отъ 10 до 12 аршинъ длиною и въ отрубѣ 4 вершка — червонецъ.

4.

Василій Пшеничниковъ, 63 лѣтъ отъ роду, родился въ пермской губерніи, камышловскаго уѣзда, государственный крестьянинъ, служилъ въ линейномъ оренбургскомъ баталіонѣ, расположенномъ въ г. Троицкѣ, въ 4-й ротѣ, взятъ въ плѣнъ лѣтъ 40 тому назадъ, близь г. Троицка, на рыбной ловлѣ, Киргизами, которые увели его за р. Тоболъ. Тамъ плѣнный находился впродолженіи 6 мѣсяцевъ, потомъ былъ отвезенъ въ г. Бухару и проданъ одному купцу за 30 червонцевъ и лошадь. У купца жилъ 17-ть лѣтъ въ работникахъ, занимаясь земледѣліемъ; съ учрежденіемъ-же сарбазовъ взятъ въ войско, съ уплатой хозяину 20 черв.; въ сарбазахъ находился 22 года и потомъ до отправленія въ Россію 2 года былъ въ отставкѣ. Сарбазовъ при учрежденіи было 500 человѣкъ, составленныхъ изъ Персіянъ и 30 Русскихъ. При взятіи Кокана у эмира было войска до 40,000 человѣкъ и 12 орудій. Походъ этотъ совершался весною; и въ Ходжендѣ тогда забрали 4 пушки, городъ ограбили и, простоявъ два дня, пошли въ Коканъ. Коканскимъ ханомъ былъ тогда Магометъ-Али-ханъ. По взятіи Кокана, городъ и окружающія его селенія отданы были на разграбленіе бухарской конницѣ, а дворецъ хана сарбазамъ, которые тутъ захватили 16 сундуковъ съ разными платьями и 30 женъ, а казну эмиръ взялъ себѣ. Ханъ бѣжалъ въ Магерланъ, но былъ тамъ схваченъ и потомъ привезенъ въ телѣгѣ въ Коканъ, гдѣ его и зарѣзали. Изъ сыновей хана, одного эмиръ зарѣзалъ въ Джизахѣ на обратномъ пути, а двоихъ съ матерью взялъ въ Бухару. Въ Коканѣ эмиръ пробылъ 14 дней. Коканъ величиною съ Бухару, построенъ на глинистомъ грунтѣ, улицы широки, вода ключевая, зданія такія-же какъ въ Бухарѣ, т. е. по большей части изъ глины и сырца. На слѣдующую весну эмиръ послалъ въ Коканъ 300 маст., которые въ тотъ-же годъ были заложены въ

стѣну Кокандами,—бухарскій начальникъ убитъ и съ нимъ до 100 человѣкъ. Въ Ходжендѣ 2 стѣны на разстояніи одна отъ другой саж. 15-ть; впереди-же стѣнъ располагаются стрѣльцы за небольшимъ брустверомъ въ ростъ человѣка. Пушки стрѣляютъ черезъ амбразуры, продѣланныя въ подошвѣ стѣны. О походѣ въ Хазаръ-Аспъ плѣнный ничего положительнаго сказать не можетъ по той причинѣ, что эмиръ, разсердясь, что посланный съ Бутеневымъ бухарскій посланникъ не былъ принятъ въ Россіи, распродалъ всѣхъ русскихъ, находившихся въ сарбазахъ въ то самое время, когда совершали походъ въ Хазаръ-Аспъ. О дорогахъ въ Балхъ и въ верховья Аму — никто не знаетъ, потому что тамъ никто не былъ и ходить съ караванами туда никому ни позволялось. Хорошая земля около канавъ и на высокихъ мѣстахъ подъ Бухарой продается — танапъ 15 черв., а солончаки 2 и 3 черв. Лѣсъ самородный въ родѣ ели—(по-бухарски арча) вывозится изъ горъ, лежащихъ за Самаркандомъ и сплавляется по Зарь-авшапу въ с. Курбунъ, въ одномъ ташѣ отъ Бухары, куда потомъ перевозится уже на арбахъ. Арча кладется въ основаніе домовъ и бревно саж. 2 длиною и $1^1/_2$ четв. толщиною въ отрубѣ стоитъ три теньги. Жители прибрежной мѣстности отъ Кермине до Самарканда по обоимъ берегамъ Зарьавшана, называемой Менкомъ, гонятъ въ Курбунъ осиновый и таловый лѣсъ, осиновыя бревна, идущія на балки, длиною $2^1/_2$ саж., толщиною внизу 6 вершковъ—продаются по 5 тенегъ. Большой верблюжій вьюкъ крупнаго саксаулу стоитъ 6 тенегъ; мелкаго кустарника (по-бухарски яушонъ и говрыкъ) верблюжій вьюкъ продается перваго 2 теньги, а втораго 3 и $3^1/_2$.

5.

Павелъ Ярковъ, 36 лѣтъ отъ роду, государственный крестьянинъ оренбургской губерніи челябинскаго, уѣзда, дер. Качагаровой. Взятъ въ плѣнъ мятежными Киргизами Кенисары Касимова въ 1844 году, во время рыболовства на р. Тоболѣ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ однодеревенцемъ. У Кенисары плѣнные жили мѣсяца 3, потомъ Ярковъ отправленъ въ подарокъ къ бухарскому эмиру, а товарищъ его къ хивинскому хану; по приводѣ къ эмиру тотчасъ-же посланъ въ сарбазъ-хане, гдѣ и находился до настоящаго времени. Не смотря на то, что Ярковъ былъ простой мужикъ, его прямо поставили въ ряды сарбазовъ и учили наравнѣ съ старослуживыми, такъ какъ вообще отъ сарбазовъ особой отчетливости во фронтовомъ образованіи не требуется, и кто какъ умѣетъ, такъ и служитъ, да притомъ-же другіе русскіе плѣнные заранѣе переводили ему всѣ команды и объясняли, что слѣдовало по нимъ исполнять, вслѣдствіе чего, и безъ одиночнаго ученія, Ярковъ дошелъ до одинаковаго военнаго образованія съ прочими сарбазами. Ярковъ ходилъ въ походъ подъ Шехри-Сябзъ и нынѣшній годъ подъ Коканъ Во всѣ походы рукопашнаго боя ни разу не было; воинственнаго духу въ сарбазахъ никакого нѣтъ, при опасности прячутся въ ямы и при удачномъ выстрѣлѣ противника разбѣгаются. Разъ подъ Шехри-Сябзомъ эмиръ приказалъ устроить лѣстницы для штурма, но ихъ не употребляли, а сдѣлали больше для страха непріятеля.

6.

Ѳедоръ Федотовъ, 50 лѣтъ, изъ польскихъ военноплѣнныхъ, служилъ въ линейномъ оренбургскомъ баталіонѣ № 6-го, расположенномъ въ крѣпости Озерной, взятъ въ плѣнъ около станицы Маріинской, во время осмотра кордоннаго сѣна въ 1837 году. Черезъ 9 мѣсяцевъ и послѣ перевозки изъ аула въ аулъ отвезенъ въ Бухару, гдѣ и

проданъ за 20 тиллей эмиру, который тотчасъ-же отослалъ его въ сарбазъ-хане; послѣ-же непринятія въ Россіи Бухарскаго посла, отправленнаго съ Бутеневымъ, проданъ одному Бухарцу въ Бухарѣ за 36 четв., у котораго и жилъ 9 мѣсяцевъ, а потомъ опять за ту-же цѣну купленъ въ сарбазы. Ходилъ въ походъ 5 разъ—въ Коканъ, да въ Шехри-Сябзъ ходилъ разъ до 20 и три раза къ Аму-Дарьѣ.

Городъ Коканъ очень обильно снабженъ водою; въ каждомъ домѣ въ срединѣ пола вырыта яма, обдѣланная кирпичами и закрываемая камнемъ. Эту яму постоянно наполняетъ прекрасная проточная вода, проведенная по всѣмъ, безъ исключенія, жилымъ строеніямъ въ городѣ. По всей дорогѣ отъ Бухары до Кокана хлѣбопашество развито вездѣ очень сильно, только отъ Замина по дорогѣ къ Бухарѣ, таша на 2, лежитъ голая непаханная степь. Лошадей подъ артиллерію собираютъ отъ бековъ за 2 недѣли до выступленія въ походъ. Лошади нисколько не пріѣзжены и по большей части изъ породы аргамаковъ. Цѣнность поставляемыхъ аргамаковъ простирается отъ 4 до 20 черв. за каждаго. Цѣнность туркменскихъ лошадей, назначаемыхъ въ походъ, простирается отъ 20—30 до 50 черв., а карабаиры стоютъ иногда и гораздо выше этой цѣны. Войско кокандскаго хана составляетъ конница, силою до 40,000. При взятіи г. Кокана тамъ нашли до 100 мѣдныхъ пушекъ, изъ нихъ 8 на лафетахъ и 50 мѣдныхъ замбуреков, не имѣющихъ лафетовъ. Замбуреки, при стрѣльбѣ, нѣсколько зарываются въ землю и такимъ образомъ устанавливаются. Длиною замбуреки 1¼ арш., къ дулу широкія и возятся на верблюдахъ; при пальбѣ ихъ сильно откидываетъ, вслѣдствіе чего Коканцы, приложивъ фитиль, тотчасъ-же бѣгутъ со страхомъ отъ замбурека. Въ Коканѣ эмиръ взялъ небольшую пушку, слитую изъ серебра и чугуна полосками, такимъ образомъ, что одна полоска была въ ней чугунная, другая серебрянная. Пушка эта вѣсила около 8 пудовъ и эмиръ, привезя ее въ Бухару, разбилъ и вытопилъ серебро.

Сарбазы у Коканцевъ также имѣются, состоя изъ пѣхоты и артиллеріи, числомъ до 1000 человѣкъ. Сарбазы преимущественно составлены изъ бѣглыхъ русскихъ Татаръ, но попадаются въ нихъ и бѣглые Русскіе, изъ коихъ особеннымъ значеніемъ пользуется юзъ-баши артиллеристовъ Николай Аршиновъ — морякъ, бѣжавшій изъ Астрахани въ Хиву, потомъ въ Бухару, а оттуда въ Коканъ.

ПОКАЗАНІЯ АВГАНЦЕВЪ И ТУРКМЕНЪ,

сопровождавшихъ въ 1840 г. англійскихъ путешественниковъ Аббота и Шекспира изъ Герата въ Хиву и оттуда на Каспійское море [1]).

---

1. Показанія Авганца Саметь-хана Мухаметьханова.

30-го Мая 1840 года.

Зовутъ меня Саметь-ханъ, Мухаметьхановъ сынъ, 38 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, Авганецъ изъ роду Сагы-Зеи, родился въ городѣ Кандагарѣ, жилъ 12 лѣтъ въ Кабулѣ, а въ Гератѣ впродолженіи 24 лѣтъ, до сего времени. Назадъ тому шесть мѣсяцевъ отправились мы, всего 7 человѣкъ, кромѣ Трухменца, который присоединился къ намъ около стараго Ургенча, по приказанію шаха Камрана, съ англичаниномъ Абботомъ, который нынѣ задержанъ вмѣстѣ съ нами, неизвѣстно мнѣ зачѣмъ. Содержаніе въ дорогѣ мы получали отъ Аббота, по мѣрѣ надобности, на 8 человѣкъ по 5 буджаглей [2]) на 2 и

---

[1]) Показанія эти подтверждаютъ, между прочимъ, что не выкупилъ Шекспиръ, какъ писалъ, нашихъ плѣнныхъ, вывезенныхъ имъ въ Россію, а въ объясненіяхъ съ ханомъ и вліятельными лицами удостовѣрялъ только, что если ханъ отпуститъ плѣнныхъ, то и Русское правительство поступитъ также въ отношеніе Хивинскихъ плѣнныхъ.

[2]) Голландскій червонецъ.

16*

на 3 дня. Изъ Герата въ Хиву пріѣхали мы въ 28 дней, черезъ города Елатанъ и Мевръ (Мервъ), подвластные хану хивинскому. Лошадь мнѣ подарилъ шахъ Камранъ, я-же далъ свою ходжи Мухамеду Рахманову, а прочимъ товарищамъ были даны лошади отъ англичанина Тата, начальника англичанъ въ Гератѣ. Не доѣзжая до Хивы за версту, насъ встрѣтили пять хивинскихъ всадниковъ, изъ коихъ нѣкоторые были вооружены копьями, другіе саблями и даже топорами, и отвели всѣхъ насъ въ какой-то небольшой казенный сарай. Въ одной половинѣ помѣстили Аббота, а въ другой насъ. Сначала дней 5 никого къ намъ не допускали, но потомъ черезъ Трухменцевъ, которые носили траву для нашихъ лошадей, мы могли покупать пищу для насъ и все, что хотѣли, имѣли свободный выходъ на рынокъ и ходили по городу. Аббота первые 5 или 6 дней тоже не выпускали, но потомъ онъ очень часто прогуливался по саду, бывшему близъ сарая, одинъ, безъ всякаго присмотра. По улицамъ онъ никогда не ходилъ, кромѣ того, когда его требовалъ ханъ; тогда хивинскіе ссаулы сажали его на лошадь и провожали его до ханскаго двора, а мы двое всегда ходили за ними пѣшкомъ. Три человѣка были при насъ для прислуги а двое стояли у дверей на часахъ, вооруженные одинъ ножемъ, а другой топоромъ. Въ Хивѣ прожили мы около 45 дней. Абботъ былъ у хана хивинскаго два раза, но я и товарищъ мой, мирза Абдулсаматъ Мегеметьаліевъ, хотя и ходили съ нимъ, но оставались у дверей ханскихъ, и потому я не слыхалъ, о чемъ онъ говорилъ съ ханомъ. Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Хивы, ханъ не дарилъ ничѣмъ ни насъ, ни Аббота и не отпустилъ денегъ на путевое продовольствіе, но во время пребыванія нашего въ Хивѣ иногда присылалъ намъ мяса и плаву. Изъ Хивы до Мангышлака доѣхали мы въ 39 дней и отъ Мангышлака до урочища Сусанъ-Ата, отстоящаго, въ прямомъ направленіи, на одинъ день ѣзды отъ (бывшаго) Ново-Александровскаго укрѣпленія, въ 8 дней; и тамъ, во время вечерней молитвы, напали на насъ

Киргизы, неизвѣстнаго мнѣ рода, подъ предводительствомъ Сююнкары, въ числѣ 50 человѣкъ. Мнѣ разсѣкли топоромъ голову, всѣхъ прочихъ переранили, а Абботу отрубили одинъ палецъ, другой-же висѣлъ только на кожицѣ, но послѣ въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи отрѣзалъ, достовѣрно не знаю, самъ-ли Абботъ или кто другой, а я отъ этого отказался. Киргизы взяли у насъ лучшее платье, деньги, бывшія у каждаго изъ насъ по 20 — 30 буджаглей, у меня 38 бухарскихъ тиллей, ружье, данное мнѣ Абботомъ, два халата: суконный и бумажный и двѣ рубахи съ портами; но у Аббота, не знаю, сколько именно было взято денегъ и какія вещи, а думаю, что было похищено очень много. Съ урочища Сусанъ-Ата Киргизы повели было насъ обратно къ Хивѣ и для этого представили хивинскому юзбашію, Мурадъ-Алію, кочевавшему на 2 дня ѣзды отъ Сусанъ-ата; но Мурадъ-Алій предоставилъ на волю Аббота: ѣхать-ли впередъ или воротиться, и потому мы отправились по направленію къ Ново-Александровскому укрѣпленію и пріѣхали туда на 5 день. Изъ Хивы до Ташъ-Гауза ѣхали мы на 4 телѣгахъ о двухъ колесахъ, но въ Ташъ-Гаузѣ наняли 11 верблюдовъ съ платой до Мангышлака по 2¼ тиллы, и еще одного верблюда въ старомъ Ургенчѣ, который принадлежалъ Трухменцу Хидыру Курпину, задержанному вмѣстѣ съ нами, и котораго мы взяли болѣе для показанія дороги, обѣщаясь отпустить изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія. Въ Мангышлакѣ прежніе 12 верблюдовъ остались, а наняли тамъ у Киргизовъ снова 3 верблюдовъ, но одинъ изъ нихъ, по худобѣ, шелъ безъ вьюка. Изъ Ташъ-Гауза до Мангышлака ѣхали съ нами около 15 конныхъ Трухменцевъ, не знаю для чего, но кажется ихъ аулы находятся около Мангышлака, гдѣ они и отстали отъ насъ.

Гератомъ нынѣ владѣетъ шахъ Камранъ, а прежній владѣтель Кабула, Достъ-Магомедъ-ханъ, бѣжалъ въ Бальхъ и теперь, какъ слышно, живетъ въ Бухарѣ.

Отъ Киргизовъ мы слышали, что насъ, будто-бы, велѣлъ ограбить хивинскій ханъ, но впрочемъ достовѣрно о томъ не знаю. Кромѣ этого ничего важнаго съ нами не случалось и ни о какихъ слухахъ ничего не знаю.

Въ дополненіе къ показанію, отобранному отъ Авганца Саметь-хана Мухаметьханова, 30-го мая, онъ прибавилъ:

Сколько именно Киргизы у кого отняли денегъ, я вѣрно не знаю, но слышалъ, что у товарищей моихъ прежде было у кого 10, у кого 30 буджаглей. Абботъ подарилъ мнѣ ружье двухствольное, работы европейской, которое теперь находится у коменданта Ново-Александровскаго укрѣпленія, подполковника Лихошерстова. На пути изъ Герата въ Хиву проѣзжали мы черезъ города Елатанъ и Мавръ (Мервъ), первымъ управляетъ, отъ имени хивинскаго хана, юзбашій Мадаминъ, а послѣднимъ не знаю кто. Больше никакихъ населенныхъ мѣстъ не было. По выѣздѣ изъ Герата, впродолженіи шести дней ѣзды вода была прѣсная, хорошая, а затѣмъ четыре дня—горькая, нездоровая и потомъ на 11-й день переѣхали черезъ рѣку Мавручахъ. Городъ Елатанъ построенъ при каналѣ, проведеннымъ изъ сей рѣки. Черезъ день мы пріѣхали изъ Елатана въ Мавръ, отъ Мавра на два дня ѣзды, воды нѣтъ — ни колодезной, ни рѣчной, а далѣе до Хивы есть колодцы на каждыхъ 20, 25 или 30 фарсангахъ. Караванъ въ день обыкновенно проходитъ на хорошихъ верблюдахъ 12 и 15 фарсанговъ, а мы, ѣдучи день и ночь, проѣзжали 18 и 20 фарсанговъ. Отъ Герата до Мавра и 2 ночлега далѣе за Мавромъ, лѣсу мало, а оттуда до Хивы довольно много. Изъ Герата выѣхали, по истеченіи рамазана, 17-го числа мѣсяца Шавата. У хана съ Абботомъ былъ я два раза, но былъ-ли Абботъ еще, я не знаю, потому что ѣздилъ въ Ургенчъ, для починки сабель, жилъ тамъ три дня, и быть

можетъ, что Абботъ былъ у хана безъ меня. Абботъ, какъ мнѣ извѣстно, никакихъ подарковъ Алла-Кулъ-хану не привозилъ и отъ него ничего не получалъ. У меня Киргизы отняли сверхъ всего прочаго, лошадь, но не возвратили.

Въ Хивѣ англичанъ, кромѣ Аббота, не было и теперь нѣтъ, но въ Бухарѣ, какъ слышно, есть одинъ, по имени Истадиръ, пріѣхавшій туда изъ Герата. Въ Гератѣ нынѣ живутъ 6 человѣкъ англичанъ: Упатъ, Шекспиръ, Лудинъ и Сандаль, а прочихъ двухъ не знаю. Войска англійскаго при нихъ нѣтъ. Приверженцевъ Достъ-Мухамедъ-ханъ, кажется, въ Авганистанѣ не имѣетъ. Изъ братьевъ его я знаю четырехъ: 1-й Кугандиль-ханъ владѣлъ Кандагаромъ и 2-й Мирдиль-ханъ тоже жилъ въ Кандагарѣ, 3-й Джаббаръ-ханъ жилъ въ Кубалѣ вмѣстѣ съ Достъ-Мухаммедомъ, а имя четвертаго забылъ.

---

2. Показаніе Авганца Мирзы Абдусамата Мегеметъаліева

30 Мая 1840 года.

Зовутъ меня Мирза Абдусаматъ, Мегеметъаліевъ сынъ, 50 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, Авганецъ, родился въ Гератѣ. Назадъ тому болѣе 6 мѣсяцевъ отправился по приказанію шаха Камрана, съ англичаниномъ Абботомъ, для отправленія при немъ письменныхъ дѣлъ, но, куда мы должны были ѣхать, никто не говорилъ. Изъ Герата въ Хиву пріѣхали въ 28 дней. Изъ Хивы до Мангышлака ѣхали 38 дней, изъ Мангышлака до урочища Сусанъ-Ата кажется 7 или 8 дней, а съ Сусанъ-Ата киргизы везли насъ обратно къ Хивѣ 18 или 20 дней, но потомъ, когда отпустили, доѣхали до Ново-Александровскаго укрѣпленія въ 5 или 6 дней. Въ Гератѣ я ни-

какихъ бумагъ не писалъ, но только одинъ разъ сдѣлалъ надпись на бумагѣ, писанной самимъ Абботомъ на имя Тата. Другую писалъ я изъ Мангышлака къ хивинскому хану о томъ, что трухменецъ Асанъ-Батырь довезъ насъ до Мангышлака въ 38, а не въ 16 дней, какъ обѣщалъ, что въ Мангышлакѣ для переправы не было судовъ, и мы перенесли много трудностей въ пути. Бумагу эту отдали трухменцу Асанъ-Батырю для доставленія хану и третью, коею увѣдомляли, что насъ разграбили киргизы. На одной сторонѣ было написано мною по-персидски, а на другой самимъ Абботомъ по-англійски къ англичанину Тату. Письмо это взялъ Абботъ, но отправилъ-ли его, я не знаю. По пріѣздѣ въ Хиву, Абботъ былъ у хана, но, сколько именно разъ, не знаю, а только мнѣ извѣстно, что не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ. Всякій разъ я ходилъ съ нимъ къ хану, но оставался у дверей, и потому не знаю, о чемъ говорилъ онъ съ ханомъ, а разъ входилъ для перевода словъ и слышалъ, что ханъ распрашивалъ Аббота объ Англіи, Лондонѣ и Индіи, и просилъ у Аббота лекарства для уха, но Абботъ отказалъ изъ боязни, что ханъ, въ случаѣ недѣйствительности лекарства, подвергнетъ его отвѣтственности; а о Россіи ничего не говорили.

Ханъ Алла-Кулъ не знаетъ по-персидски, а Абботъ по-татарски, и потому одинъ разъ, для перевода словъ, призывали меня, но въ прочее время переводчикомъ между Абботомъ и ханомъ былъ хивинецъ Магометъ Каримъ, который знаетъ оба языка. Киргизы при урочищѣ Сусанъ-Ата отняли у меня: саблю, ножъ, 2 рубахи съ портами, кушакъ, 1 кадифе, [1]) очки, печать, 10 бухарскихъ тиллей, сѣдло съ приборомъ, 6 книгъ и чернильницу; но возвратили саблю и 2 книги. Одинъ изъ трухменцевъ, бывшихъ съ нами, Асанъ-Батырь говорилъ, что взяли въ плѣнъ русскаго, по

---

[1]) Родъ халата, который надѣваютъ послѣ бани, купанія и проч.

имени Кара-Дильмачъ (киргизы такъ называли корнета Аитова) и везутъ въ Хиву, а на одномъ ночлегѣ близъ стараго Ургенча сказали, что въ ту ночь провезли Кара-Дильмача.

У насъ мирзами называютъ тѣхъ, кто знаетъ грамотѣ и занимается письмоводствомъ, счетоводствомъ и вообще состоитъ на службѣ по письменной части, но это не наслѣдственное достоинство.

Въ Хивѣ, кромѣ Аббота, англичанъ не было и теперь нѣтъ, но въ Бухарѣ, какъ слышно, есть одинъ, по имени Истадиръ, пріѣхавшій туда изъ Герата, но болѣе ни о комъ не слыхалъ. Въ Гератѣ англичане живутъ въ дружбѣ съ шахомъ Камраномъ и оказываютъ ему пособія въ деньгахъ и во всемъ, въ чемъ онъ имѣетъ нужду. Главный начальникъ англичанъ въ Гератѣ Татъ; кромѣ его есть еще казначей, по имени мнѣ неизвѣстный, потомъ англичанинъ Шекспиръ, который наблюдаетъ за порядкомъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. У каждаго изъ нихъ по пяти и болѣе человѣкъ прислуги, но войска англійскаго и пушекъ нѣтъ. Въ управленіе народомъ англичане не вступаются, но иногда ходатайствуютъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ людяхъ. Въ Кабулѣ, говорятъ, что есть англійское войско, но сколько именно, не знаю. Приверженцевъ у Достъ-Магометъ-хана много, изъ знатныхъ фамилій, но всѣ они лишены мѣстъ и большею частью имѣнія. У Достъ-Магометъ-хана, говорятъ, есть семь братьевъ; 1-й Кугандиль-ханъ владѣлъ Кандагаромъ, но, назадъ тому болѣе года, бѣжалъ въ Тегеранъ къ шаху, сыну Аббаса Мирзы; 2-й Мирдиль-ханъ тоже, кажется, въ Тегеранѣ, но вѣрнаго о немъ ничего сказать не могу, а прочіе мало извѣстны, и потому я о нихъ не слыхалъ.

На пространствѣ отъ Герата до Хивы большаго недостатка въ водѣ мы не встрѣчали, потому что есть колодцы на каждыхъ 20 или 25 фарсангахъ. Караванъ въ день обыкновенно проходитъ около 8 фарс., а мы, имѣя хорошихъ

лошадей, проѣзжали 10 и 12 фарс. Каждый фарсангъ имѣетъ 12,000 шаговъ. Лѣсу между Хивою и Мавромъ довольно много. Изъ дикорастущаго, болѣе всего, тагъ, гязь и кустарникъ харъ (терновникъ). Города Елатанъ и Мавръ подвластны хану хивинскому, и первымъ отъ его имени управляетъ юзбаши Мадаминь.

Дополнительное показаніе Авганца Мирзы Абдусамата-Меметьаліева.

30 іюня 1840 года.

Передъ отъѣздомъ изъ Хивы капитанъ Абботъ просилъ Мехтера, чтобъ онъ ему далъ надежнаго провожатаго до мангышлакской пристани. Мехтеръ вытребовалъ Трухменца Асанъ-Батыря изъ рода Чаудуръ, который живетъ въ какомъ-то селеніи, отстоящемъ отъ Хивы па два дня пути, по дорогѣ къ Мангышлаку, и велѣлъ ему ѣхать съ нами. Отъ роду Асану лѣтъ за 50, росту онъ средняго й тученъ собою. Онъ имѣетъ сына лѣтъ 30, который уже съ годъ какъ живетъ около Мангышлака, для того, чтобы наблюдать, не появятся-ли тамъ россійскія войска изъ Астрахани черезъ море и чтобъ, въ случаѣ появленія ихъ, тотчасъ дать знать въ Хиву. Онъ участвовалъ въ сожженіи, минувшею зимою, судовъ, обмерзшихъ льдомъ около Ново-Александровскаго укрѣпленія.

Отъ Герата до Хивы имущество наше было везено на наемныхъ верблюдахъ, сами-же мы ѣхали на собственныхъ лошадяхъ. Верблюдовъ, по пріѣздѣ въ Хиву, мы отпустили, но лошади остались при насъ и содержались при томъ строеніи, въ которомъ мы жили сами. На продовольствіе лошадей Алла-Кулъ присылалъ иногда по нѣскольку сѣна, но, большею частью, мы содержали ихъ, покупая фуражъ на

собственныя наши деньги. Изъ Хивы мы поѣхали на тѣхъже лошадяхъ, а имущество наше везли на верблюдахъ.

По выѣздѣ отъ Асанъ-Батыря около Куня-Ургенча, Абботъ нанялъ еще одного верблюда у Трухменца Кыдыра Курпипа, который и самъ поѣхалъ съ нами верхомъ на собственной своей лошади, и теперь находится съ нами здѣсь. Въ окрестностяхъ Куня-Ургенча находятся соляныя озера, которыя были осмотрѣны Абботомъ.

Асанъ-Батырь увѣрялъ насъ, дорогою, что мы найдемъ у Мангышлака готовыя россійскія суда для переѣзда въ Астрахань; когда-же мы, пріѣхавъ туда, ихъ не нашли, онъ просилъ у Аббота денегъ и обѣщался нанять лодку трухменскую, и дать намъ провожатыхъ, но Абботъ отъ этого рѣшительно отказался, сказавъ, что денегъ у него нѣтъ и, что онъ провожатымъ его не вѣритъ. Онъ рѣшился поѣхать въ Ново-Александровское укрѣпленіе, и, нанявъ верблюдовъ, мы пустились въ путь, но Асанъ-Батырь остался на мѣстѣ, не желая ѣхать съ нами.

Черезъ день, по отъѣздѣ нашемъ отъ Мангышлака, напали на насъ какіе-то неизвѣстные намъ люди, ограбили, избили и нѣкоторыхъ изъ насъ поранили. Происшествіе это случилось недалеко отъ мѣста кочеванія киргизовъ Черкесъ Батыря и Арымъ-Бая, которые, услыхавъ шумъ и крикъ, пріѣхали къ намъ и остановили разбойниковъ. Они насъ призрѣли, держали у себя дней съ 18-ть, и втеченіи этого времени, отобрали у грабителей часть отнятыхъ у насъ вещей и денегъ. Потомъ повезли насъ къ находившемуся отъ кочевья ихъ въ разстояніи одного дня пути трухменцу Мурадъ-Алію, который съ 20 или 30 товарищами, трухменцами-же, собиралъ подать съ киргизовъ. Онъ встрѣтилъ насъ самъ и объявилъ намъ, что, для спасенія насъ, пошлетъ въ Хиву, но Абботъ ему сказалъ, что онъ туда ни подъ какимъ видомъ не поѣдетъ. Продержавъ насъ 3 дня, онъ наконецъ согласился отпустить насъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Въ это время пріѣхали къ Му-

радъ-Алію, Асанъ-Батырь и сынъ его, котораго мы здѣсь видѣли въ первый разъ.

Когда напали на насъ разбойники, у насъ было 10 лошадей, изъ которыхъ одна принадлежала трухменцу Кыдыру Кирпину, находящемуся здѣсь съ нами. Семь лошадей намъ возвратили, въ томъ числѣ и Кыдырову, а три лошади остались у грабителей. Возвращенныя 7 лошадей остались въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи.

По ограбленіи насъ, пріѣзжалъ къ намъ одинъ Авганецъ, именемъ Сали-Мухамедъ-Мулла-Хасановъ, который послѣ нашего выѣзда изъ Герата, былъ посланъ, чтобы узнать, гдѣ мы находимся и что съ нами сдѣлалось. Абботъ отправилъ его обратно съ извѣстіемъ о постигшемъ насъ несчастіи.

Въ Хивѣ нашли мы въ плѣну Авганца Амиръ-бека, служившаго прежде у англичанина Тата въ Гератѣ. Онъ былъ посланъ отъ Тата съ бумагами въ Мешгедъ, но дорогою напали на него трухменцы, взяли его въ плѣнъ, повели въ Хиву и продали. Его тамъ перепродавали нѣсколько разъ, но мы его застали въ рабствѣ у Мехтера. Однажды онъ бѣгалъ, но его поймали и отрѣзали у него уши. Амиръ-бекъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ Авганцевъ, которые держатся шіитскаго толка, магометанской вѣры, впрочемъ въ Хивѣ держатъ въ плѣну и сунитовъ; я самъ видѣлъ человѣкъ до 50 Авганцевъ этой секты. На базарѣ я видѣлъ, какъ продаютъ земляковъ моихъ, уроженцевъ гератскихъ такъ-же сунитовъ. Когда я къ нимъ подходилъ для подаянія милостыни деньгами или пищею, меня бранили и отгоняли.

Абботъ выкупилъ Амиръ-бека и отправилъ его въ Гератъ съ письмами, которыя передъ выѣздомъ изъ Хивы были у него отобраны и большею частью удержаны. Объ этомъ разсказалъ намъ Сали - Мухамедъ - Мулла - Хасановъ, который встрѣтился съ Амиръ-бекомъ между Гератомъ и Хивою.

Хивинцы очень недовѣрчивы, почему чужеземцы въ Хивѣ подвергаются всегда крайней опасности. Мы нашли тамъ од-

ного достаточнаго индѣйца, у котораго Абботъ, по недостатку въ деньгахъ, хотѣлъ занять 100 червонцевъ съ тѣмъ, чтобы возвратить въ Гератѣ 125. Индѣецъ былъ на то согласенъ, но не рѣшился дать денегъ, боясь возбудить подозрѣніе. Послѣ того Абботъ обратился къ мехтеру, который на тѣхъ-же условіяхъ досталъ ему потребную сумму отъ какого-то купца.

Въ 1838 году, какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, были убиты въ Хивѣ 6 человѣкъ чужеземцевъ, изъ которыхъ трое были мусульмане, а прочіе англичане. Ихъ сочли за лазутчиковъ и, прежде лишенія жизни, пытали ихъ, домогаясь признанія, кто они и зачѣмъ пріѣхали.

Передъ отправленіемъ изъ Хивы я нанялъ одного выкупившагося на волю персіянина. Со втораго ночлега онъ убѣжалъ, оставивъ все свое имущество, говоря что слышалъ, будто насъ всѣхъ велѣно убить.

Абботъ совѣтовалъ Мехтеру отдать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, но Мехтеръ сказалъ: «Мы отослали уже 170 человѣкъ, но русскіе не освобождаютъ ни одного изъ нашихъ и сверхъ того задерживаютъ нашихъ посланцевъ. Теперь русскихъ осталось уже очень немного, а если найдутся, то мы ихъ отдадимъ».

Во время пребыванія нашего въ Хивѣ, приготовляли лафеты къ пушкамъ и припасали къ нимъ лошадей. Страха особеннаго въ хивинцахъ замѣтно не было, и они надѣялись отразить готовившееся нападеніе русскихъ.

Англичане въ Гератѣ всѣ одѣваются по-европейски, но бороды не брѣютъ. Абботъ въ Хивѣ ходилъ къ хану въ мундирѣ, съ бѣлою чалмою на головѣ, но вмѣсто шпаги былъ у него кабульской работы поясъ, который пропалъ при нашемъ ограбленіи.

За позволеніе жить въ Гератѣ англичане платятъ владѣльцу по 10,000 рупій въ мѣсяцъ. Татъ обязался заплатить ему 14 лакъ рупій, съ тѣмъ, чтобы онъ удержалъ часть для себя, часть отдалъ визирю своему, а остальныя употре-

былъ на пособіе народу, пришедшему отъ войны съ персіянами въ крайнюю бѣдность. Деньги эти, если не всѣ, то покрайней-мѣрѣ часть, уже выплачены и издерживаются по назначенію. Войско получаетъ жалованье, а бѣднымъ поселянамъ даютъ по небольшому количеству въ долгъ съ тѣмъ, чтобы они черезъ 3 или 4 года заплатили. Люди визиря сбираютъ подати, но англичане совѣтуютъ не требовать ничего теперь, для того, чтобы народъ могъ поправиться.

Одинъ изъ англичанъ поправляетъ укрѣпленія Герата на счетъ англійскаго правительства, платя работникамъ ежедневно, по условію, деньги. Другой завелъ больницу, въ которой лечитъ безвозмездно больныхъ на свой счетъ. Еще одинъ изъ нихъ, именно Шекспиръ, измѣряетъ землю и повѣряетъ разстоянія между селеніями и урочищами.

Вообще англичане устраиваютъ въ Гератѣ порядокъ, спокойствіе и безопасность. Многіе достаточные люди, выѣхавшіе въ Мешгедъ, черезъ письма спрашиваютъ никого другаго, какъ Тата, ручается-ли онъ за безопасность ихъ и неприкосновенность имущества въ случаѣ возвращенія.

---

3. Показаніе Туркменина Кыдыра Кирпина.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Кыдыръ Кирпинъ сынъ, 49 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, рожденъ въ Ташъ-Гаузѣ, Трухменецъ, изъ рода Чаудуръ. Назадъ тому около 4 мѣсяцевъ въ Старомъ Ургенчѣ отдалъ я верблюда для провоза тяжестей, принадлежащихъ англичанину Абботу, за $2^1/_4$ тилли и обѣщался указать дорогу до Мангышлака. Прочіе верблюды были наняты у другихъ Трухменцевъ. Всѣ они дошли до Мангышлака, а мой верблюдъ палъ, и потому я, не имѣя средства возвратиться, по просьбѣ Аббота, согласился

проводить его до Ново-Александровскаго укрѣпленія. Не доѣзжая до укрѣпленія на одинъ день ѣзды, напали на насъ Киргизы, Адаевскаго рода, подъ предводительствомъ Суюнкары и ограбили у англичанина Аббота и бывшихъ съ нимъ авганцевъ много денегъ и вещей, но меня не тронули. Авганцы, вѣроятно съ позволенія Аббота говорили, что ѣдутъ къ русскому императору, но зачѣмъ, они никому не говорили. Киргизы сказывали мнѣ, что ограбили англичанина по приказанію хивинскаго хана. Когда получили извѣстіе въ Хивѣ, что противъ Хивинцевъ выступили русскія войска, то Кушбеги, какъ говорили нѣкоторые, выступилъ противъ Русскихъ съ 20,000, — 30,000 войска и 2 пушками, но не встрѣтивъ Русскихъ воротился съ большимъ урономъ людей, верблюдовъ и лошадей, такъ что почти все войско пришло пѣшкомъ. Въ дорогѣ на мѣстечкѣ Айбугиръ слышалъ я, что въ Хиву провезли какого-то русскаго Кара-Дильмачя (Аитова).

Авганцы, задержанные вмѣстѣ со мною, отъ Хивы до Мангышлака, ѣхали черезъ слѣдующія мѣста: городъ Казаватъ, Шавадъ, Ташъ-Гаузъ, Клычъ-Ніязъ, Старый Ургенчъ гдѣ и я присоединился къ нимъ, потомъ урочище Айбугиръ, колодцы: Табынъ, Ильтджа, Каракынъ, Сай-Кудукъ, Башъ-Углы, Сингакъ, Сумса, Уръ, Беки, Аджи-Башъ, Аджъ-Урякъ, Канга, Чуйли и Кядикъ, на морскомъ берегу. Отъ Айбугира до колодца Табына 2 дня ѣзды: воды нѣтъ, а травы, называемой юманъ и буюргунъ, довольно много. Отъ колодца Табына до колодца Ильтджа пять дней ѣзды, воды нѣтъ, кромѣ дождевой, которая стоитъ 10 и даже 15 дней. Отъ Ильтджа до Караакына 4 дня ѣзды, воды нѣтъ, юману и буюргуну много, но саксаулъ попадается рѣдко. Отъ Караакына до Сай-Кудука 4 перехода, юману и буюргуну много, а саксаула нѣтъ и далѣе не растетъ. До Башъ-Углы 3 перехода, до Спигака тоже три, а до Сумса 2 перехода. Отъ Сумса до колодцевъ Уръ и Беки по 3 денныхъ перехода, и до Аджи-Баша два дня ѣзды. Отъ Аджи-Баша до Аджъ-Уряка 1 переѣздъ, а до Канги 2, трава есть. До Чуйли 2 дня ѣзды, а до Кядика однодне-

вный переходъ. На Чинкъ поднялись при Айбугирѣ, а спустились при колодкѣ Караакынѣ. Отъ Стараго Ургенча до Мангышлака, по причинѣ холода и брановъ, ѣхали 26 дней, но въ хорошое время на верблюдахъ доѣзжаютъ въ 20 дней, а на лошадяхъ и въ 10 дней. Отъ Мангышлака до Сусанъ-Ата ѣхали 7 дней; здѣсь разграбили насъ киргизы и держали у себя 20 дней, но когда отпустили, пріѣхали въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ 3 дня.

---

4 Показаніе Авганца Али-Мухамеда Мухаммедъ-Шерифова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Али-Мухаммедъ, Мухаммедъ-Шерифовъ сынъ, 34 лѣтъ, вѣры магометанской, шіитскаго толка, Авганецъ, изъ рода Бурдураны-Юсуфъ-Зеи, находился 12 лѣтъ, въ плѣну у Хивинцевъ и откупился въ мѣсяцѣ Мухаррамѣ, прошлаго года за 52 червонца. Въ плѣнъ взятъ Аймаками изъ горъ близъ Герата, гдѣ находился на службѣ и проданъ Турхменцу, живущему на Таджанѣ, по имени Сафа-Ходже за 42 тилли, а имъ перепроданъ въ хиву Абдуллѣбеку, брату нынѣшняго хивинскаго кушбегія Ата-Мурадъбека, у котораго и жилъ все время нахожденія въ плѣну. Изъ Герата выѣхали мы въ мѣсяцѣ Шаватѣ (въ концѣ января), назадъ тому 7 мѣсяцевъ. Еще до пріѣзда нашего въ Хиву слышалъ я, что русскіе въ нынѣшнемъ году усилили войска, находящіяся въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи до 100,000 человѣкъ, и что хотятъ идти въ Хиву. По этому кушбегій собралъ изъ киргизовъ, туркменцевъ, каракалпаковъ, узбековъ и ямутовъ, всего около 10,000 человѣкъ войска и отправился противъ русскихъ, но войско Кушбегія понесло ужасный уронъ въ людяхъ, верблюдахъ и лошадяхъ отъ необыкновенныхъ холодовъ и возвратилось безъ успѣха, спустя десять или болѣе дней, послѣ нашего прибытія въ

Хиву. Во время пребыванія нашего въ Хивѣ замѣтно было, что занимаются исправленіемъ пушекъ. Изъ нихъ годныхъ къ дѣйствію, на колесахъ, видѣлъ я 8 пушекъ, а около 20 были ни къ чему негодны: у нѣкоторыхъ вышиблены края, у другихъ казенная часть, но разорваны-ли онѣ порохомъ или разбиты, по неосторожности, я утвердительно сказать не могу. Во время нахожденія моего въ плѣну въ Хивѣ, я зналъ многихъ русскихъ; у хозяина моего Абдуллы-бека были: Василій, Павелъ, Демьянъ, Андрей, Иванъ и Сидоръ, послѣдніе два умерли, а Павелъ откупился. Киргизы на мѣстечкѣ Сусанъ-Ата отняли у меня: ножъ, рубаху съ портами, нагрудникъ, насѣченный серебромъ, и халатъ, но послѣдній возвратили. Саблю, копье и лошадь отобрали въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи. Въ самой Хивѣ мнѣ нѣкоторые благопріязненные Хивинцы говорили, что Англичанина Аббота ханъ велѣлъ убить; объ этомъ я говорилъ Абботу, и онъ разсмѣявшись, сказалъ, что теперь уже дѣлать нечего, а надобно ѣхать въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Абботъ у хана былъ три раза, но, привозилъ-ли подарки хану, я не знаю.

---

5. Показанія Авганца Хаджи-Мухаммеда Муллы-Рахманова.

31 мая 1840 года.

Зовутъ меня Хаджи-Мухаммедъ, сынъ муллы Рахмана, вѣры магометанской, суннитскаго толка, родился въ Гератѣ, отъ роду имѣю 21 годъ, Авганецъ, изъ рода Сагы-Зеи. Изъ Герата выѣхали по окончаніи мѣсяца Рамазана, кажется 15 или 16 Шавата (въ концѣ января), по приказанію Камрана, для сопровожденія Англичанина Аббота. Для чего Абботъ ѣздилъ въ Хиву и съ какою цѣлію пріѣхалъ сюда, я не знаю. Абботъ, какъ я знаю, былъ у хана два раза, но о чемъ

говорилъ съ нимъ, ни отъ кого узнать не могъ. Во время бытности нашей въ Хивѣ былъ слухъ, что ханъ Алла-Кулъ намѣренъ поступить съ нами дурно, но, что именно хотѣлъ сдѣлать, убить или посадить въ тюрьму, не слыхалъ. Основываясь на этомъ, Абботъ поспѣшилъ выѣхать изъ Хивы въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Киргизы при Сусанъ-Ата у меня отняли: чуху [1]), рубаху съ портами, чалму, ичиги и лошадь, данную мнѣ Саметь-ханомъ, но денегъ у меня не было. Отняли-ли Киргизы деньги у Аббота и сколько, я не знаю, и также мнѣ неизвѣстно, откуда онъ взялъ деньги, которыя теперь у себя имѣетъ. О подаркахъ Аббота хану хивинскому, я ничего не слыхалъ и не знаю. Въ Хивѣ былъ слухъ, что Алла-Кулъ высылалъ противъ Русскихъ 8,000 войска, но что оно возвратилось безъ всякаго успѣха и отъ чрезмѣрнаго холода потерпѣло большой уронъ.

---

6. Показаніе Авганца Махмуда Исмайлова.

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Махмудъ, сынъ муллы Исмаила, 20 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ Зіяратъ-Гязѣ, Авганецъ изъ рода Асанъ-Зеи. Изъ Герата мы выѣхали, какъ я помню, 15 Шавата (въ концѣ января), перваго мѣсяца послѣ Рамазана, по приказанію шаха Камрана, для сопровожденія Англичанина Аббота, который не знаю, куда и съ какою цѣлію отправился, и зачѣмъ сюда пріѣхалъ. Изъ Герата до Хивы ѣхали мы чрезъ Пеинды, Елатанъ и Мавръ. Первое небольшое селеніе, а послѣдніе, хорошіе города. Отъ Киргизовъ я слышалъ, что до 100,000

---

[1]) Халатъ особеннаго покроя.

человѣкъ русскаго войска выступило противъ Хивы, но о хивинскомъ войскѣ ничего не слышалъ.

Показаніе Авганца Якупа Юсуфова

30 мая 1840 года.

Зовутъ меня Якупъ Юсуфовъ сынъ, 45 лѣтъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ Гератѣ. Изъ Герата отправился съ Англичаниномъ Абботомъ, по приказанію шаха Камрана, неизвѣстно мнѣ съ какою цѣлію. Изъ Герата до Хивы ѣхали мы чрезъ Бабаджи, Кушкъ, Елатанъ и Мавръ—довольно большіе города, въ коихъ еженедѣльно бываютъ торговые съѣзды; прочія-же, встрѣчавшіяся по дорогѣ мѣста—незначительныя селенія. На всемъ пространствѣ отъ Гераты до Хивы недостатка въ водѣ и топливѣ не встрѣчали, и безводныхъ пространствъ не было болѣе, какъ на два дня ѣзды. Въ Хивѣ я былъ долго боленъ, и потому ничего о Хивѣ и о пріемѣ ханомъ Алла-Куломъ Аббота, сказать не могу.

Упомянутые Авганцы, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ Абботомъ, по разнорѣчію показаній ихъ о томъ, сколько разъ былъ Абботъ у хана Алла-Кулла, были сведены на очную ставку и показали:

30 мая 1840 года.

1-й Саметъ-ханъ Мухамметъ-хановъ говоритъ, что былъ у хана съ Абботомъ два раза, но утвердительно сказать не можетъ, потому, что на три дня ѣздилъ въ Ургенчъ. 2-й Мирза Абдусаметъ Мегеметъ-Аліевъ хорошо не помнитъ, но

говоритъ, что не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ, а всѣ прочія утверждаютъ, что три раза. О подаркахъ Аббота хану, такъ и отъ хана Абботу, никто ничего не знаетъ. Въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи у нихъ отобрали: шесть лошадей, четыре сабли, одно ружье, одинъ топоръ, семь ножей и кинжалъ и копье.

---

7. Показаніе Авганца Низамеджика Нурмегеметева.

24 іюня 1840 года.

Зовутъ меня Низамеддинъ Нурмегеметевъ сынъ, вѣры магометанской, сунитскаго толка, родился въ селеніи Ширѣ, на полдня ѣзды отъ города Газни, Авганецъ, изъ рода Ибрагимъ-Зеи. Я не помню, сколько лѣтъ жилъ въ Ширѣ и потомъ въ Нанѣ, а оттуда перешелъ въ Кандагаръ и былъ постельникомъ четыре года у начальника Кандагара, Рандилъ-хана Паиндыханова, а потомъ два года у Мегеметь-Садыка Кугандиль-ханова, племянника Досъ-Мегеметь-хана, а другія шесть лѣтъ у разныхъ лицъ, живущихъ въ Кандагарѣ, и между прочимъ, вторично у Мегеметъ-Садыка Кугандиль-ханова. Въ прошломъ году, по приходѣ англійскихъ войскъ въ Кандагаръ, я вмѣстѣ съ Кугандиль-ханомъ, Рамдиль-ханомъ, Мильди-ханомъ и Миръ-Афзаль-ханомъ, сыномъ Пурдиль-хана, которые отправились въ Тегеранъ къ шаху, доѣхалъ до города Кушкъ-Нухудъ, а тутъ отсталъ отъ нихъ и, возвратившись въ Кандагаръ, вступилъ въ службу къ Англичанину Абботу, съ платою мнѣ по десяти рупій въ мѣсяцъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Гератъ. Изъ Герата, не знаю по чьему приказанію и съ какою цѣлію, онъ поѣхалъ въ Хиву, но дорогой говорилъ мнѣ, что онъ посланъ отъ своего государя къ россійскому императору. Изъ Герата выѣхали въ мѣсяцѣ Шаватѣ (въ январѣ) и, пріѣхавъ въ Хиву, прожили тамъ

сорокъ дней, но впрочемъ вѣрно не знаю, потому что все время пребыванія нашего въ Хивѣ былъ боленъ, и по этой причинѣ, не могу сказать навѣрное, сколько разъ Абботъ былъ у хана Аллакула и ни отъ кого не слыхалъ, о чемъ онъ говорилъ съ ханомъ.

Въ Хивѣ кромѣ Аббота, Англичанъ не было и теперь нѣтъ, а въ Бухарѣ есть-ли, я не знаю. Въ Гератѣ есть десять или двѣнадцать человѣкъ Англичанъ, именъ ихъ я не знаю, кромѣ Тата, главнаго ихъ начальника; всѣ они чиновники, имѣютъ прислугу, но войска англійскаго и пушекъ нѣтъ. Сколько войска въ Кандагарѣ, я не знаю, потому что, по входѣ его въ Кандагаръ, я немедленно выѣхалъ изъ него. Кандагаромъ владѣетъ шахъ чрезъ посредство Англичанъ; что дѣлается въ Кабулѣ и сколько тамъ Англичанъ, я вѣрно не знаю, но только слышалъ, что и туда отправлено англійское войско. Досъ-Мегеметь-ханъ бѣжалъ изъ Кабула, но неизвѣстно мнѣ, гдѣ находится. У Досъ-Мегеметь-хана шесть братьевъ: 1-й Фети-ханъ былъ визиремъ при шахѣ Камранѣ, владѣтелѣ Герата, но, по повелѣнію его, лишенъ зрѣнія и, не знаю, сколько лѣтъ назадъ тому, умеръ, 2-й Мирдиль-ханъ, 3-й Пурдиль-ханъ, 4-й Кугандиль-ханъ, 5-й Рандиль-ханъ и 6-й Мирдиль-ханъ: изъ нихъ Шурдиль-ханъ и Пурдиль-ханъ умерли, а Кугандиль-ханъ, Кандиль-ханъ и Мирдиль-ханъ уѣхали въ Тегеранъ. Больше ни о чемъ не слыхалъ.

Показаніе Авганца, прибывшаго въ августѣ 1840 г. вмѣстѣ съ Шекспиромъ и хивинскимъ посланникомъ, сопровождавшимъ отпущенныхъ изъ Хивы нашихъ плѣнныхъ,—Худай-Берды Касимъ-али-бекова.

29 сентября 1840 года.

Зовутъ меня Худай-Берды, Касимъ-али-бековъ сынъ, отъ роду имѣю тридцать шесть лѣтъ, вѣры магометанской, су-

нитскаго толка, уроженецъ гератскій, читать по-персидски могу, но писать не умѣю. На восемнадцатомъ году вступилъ я въ службу къ Фетхали-хану, секретарю шаха Камрана и, прослуживши у него три года, по смерти его, служилъ у Ата-Меметь-хана, который тоже вскорѣ померъ, а послѣ него остались три сына, которые теперь въ Гератѣ сердарями (начальники войскъ), прочее время служилъ у старшаго сына Ата-Меметь-хана, Динъ-Меметь-хана и средняго сына Гулямъ-хана. Во время нашествія Персіянъ на Гератъ, я уходилъ въ городъ Меймунъ близь Шабиргана, и потомъ, возвратившись въ Гератъ, назадъ тому около года, вступилъ въ службу къ Англичанину Шекспиру. Не знаю, для чего Шекспиръ ѣздилъ въ Хиву, но только слышалъ, что онъ требовалъ выдачу русскихъ плѣнныхъ и поручился хану Алла-Кулу, что если онъ выдастъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, то и купцовъ его непремѣнно отпустятъ изъ Россіи. Въ Хивѣ мы жили пятьдесятъ дней. Шекспиръ очень часто бывалъ у хана, но о чемъ говорилъ съ нимъ, я не слыхалъ ни отъ кого. Во время пребыванія въ Хивѣ, мы ежедневно получали отъ хана сорочинское пшено, масло и мясо, а для лошадей сѣно и овесъ. Ханъ при отпускѣ плѣнниковъ изъ Хивы, далъ каждому человѣку по батману муки и на разные расходы: какъ-то на наемъ верблюдовъ и на прочее, отпустилъ Шекспиру на 2,000 голландскихъ червонцевъ. Въ Ташъ-Гаузѣ и въ Куне-Ургенчѣ для плѣнниковъ нанято было 208 верблюдовъ. Дабы плѣнники не могли растеряться и отстать, Шекспиръ раздѣлилъ ихъ на отдѣленія по тридцати человѣкъ, и каждый староста отдѣленія обязанъ былъ ежедневно пересчитывать и доносить о ихъ числѣ и здоровьи Шекспиру. Въ подарокъ Алла-Кулъ хану я знаю достовѣрно, что Шекспиръ привелъ изъ Герата гнѣдаго жеребца арабской породы, но о цѣнѣ не слыхалъ, а только Шекспиръ его хвалилъ. Другихъ подарковъ никакихъ не видѣлъ. Объ Абботѣ я ничего не слыхалъ. Во время отправленія Аббота въ Хиву, я находился въ войскѣ,

посланномъ для усмиренія взбунтовавшихся горцевъ, Аймаковъ изъ племени Таймуни. Въ этомъ войскѣ, состоявшемъ изъ 2,000 человѣкъ Авганцевъ, находились: главный начальникъ Англичанъ въ Гератѣ Татъ, Шекспиръ и Сандаль. Въ Гератѣ, какъ я слышалъ, остались только Татъ и Натъ, а Сандаль уѣхалъ въ Кандагаръ. Англійскихъ солдатъ въ Гератѣ нѣтъ, но Татъ и другіе имѣютъ около 100 человѣкъ прислуги изъ индійцевъ и авганцевъ, которыхъ они у себя содержатъ на жалованьи. Въ Гератѣ Англичане построили больницу, принимаютъ всѣхъ больныхъ и содержатъ ихъ на своемъ иждивеніи.

Укрѣпленіе Герата уже съ годъ продолжаютъ поправлять наемщиками изъ разныхъ народовъ, съ платою каждому работнику по двухъ-абаснику въ день. Работа кончится не ранѣе трехъ лѣтъ. Ровъ глубиною прежде былъ 10 аршинъ; а теперь дѣлаютъ его въ 20 аршинъ; въ ширину-же около 30 аршинъ. Валъ шириною около 50 шаговъ и имѣетъ множество каменныхъ башенъ. Возмущеніе Аймаковъ кончилось тѣмъ, что они, услыхавъ о приближеніи войска, выслали отъ себя парламентеровъ изъ знатныхъ фамилій, которые подарили Тату десять лошадей и говорили, что они выѣхали на встрѣчу, положившись только на слова Тата, а визирю они не повѣрили-бы: визирь хотѣлъ задержать ихъ, но Татъ не согласился; они-же съ своей стороны обѣщались на будущее время не возмущаться. Въ Кабулѣ, въ Кандагарѣ и въ Баміянѣ, какъ въ провинціяхъ, покоренныхъ Англичанами, говорятъ есть англійскіе солдаты и артиллерія, но сколько именно, не слыхалъ. О Досъ-Меметь ханѣ, говорятъ, что онъ живетъ въ Бухарѣ съ семействомъ, но достовѣрно не знаю и не слыхалъ, какого о немъ мнѣнія бывшіе его подданные.

Изъ Герата до Хивы, мы ѣхали въ числѣ 35 человѣкъ, а изъ Хивы въ числѣ 20 человѣкъ.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛЪ

переводчика Армянина Турпаева, посланнаго въ 1834 г. изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія въ Хиву [1]).

(Переводъ съ армянскаго).

25 іюля.

25-го іюля, съ вожатымъ Киргизомъ Баймухаметъ Маннымъ и рабочимъ Киргизомъ-же Шиндау Балтасовымъ отправился изъ Ново-Александровска.

26 іюля.

26-го числа, по закатѣ солнца, доѣхали до Эчки-Кыгыргана, мѣста расположенія аула вожака Баймухамета, общс съ 30 кибитками Адаевцевъ. На пути къ Эчки-Кыгыргану находятся два прѣсные колодца: первый, называемый Чен-

---

[1]) Сверхъ довольно любопытныхъ подробностей, заключающихся въ журналѣ, замѣчательно, что подобный посланецъ, не облеченный особеннымъ значеніемъ, благодаря только личному характеру и предъявленію, что ѣдетъ по порученію русскаго коменданта, совершилъ путь безпрепятственно, не подвергаясь никакимъ обидамъ, ни со стороны встрѣчныхъ кочевниковъ, ни самихъ хивинцевъ и ихъ правленія.

гола, въ 25-ти верстахъ отъ Ново-Александровска, а другой Басаръ въ 40 верстахъ. Оба колодца, по словамъ Киргизовъ, имѣютъ глубины по 17-ти маховыхъ саженъ. При колодцахъ сидятъ адаевскіе аулы, при каждомъ по 10-ти кибитокъ. Въ Эчки-Кыгырганѣ четыре колодца, одинаковой мѣры съ предъидущими, съ весьма обильною водою. Отъ Ново-Александровска до Эчки-Кыгыргана, примѣрно, 45 верстъ. На вопросъ Киргизовъ куда мы ѣдемъ, отвѣчали, что велѣно отправиться въ Хиву; далѣе Киргизы спрашивали о причинѣ и надобности поѣздки: я отвѣчалъ, что ѣду къ управляющему дѣлами хивинской торговли беги-Ніязу-диванъ-бегію, для приглашенія хивинскихъ купцовъ въ Ново-Александровскъ съ товарами, а также для извѣщенія о томъ-же кочующихъ по тракту Киргизовъ и Туркменъ. Киргизы объявили, что старшина ихъ Мая, по призыву хивинскаго хана, уѣхалъ въ Хиву и что за нимъ пріѣзжалъ нарочный Киргизецъ табынскаго рода Ніязъ. Я спрашивалъ, почему Ніязъ не пріѣзжалъ въ Ново-Александровскъ и почему они не дали намъ о томъ знать? Киргизы отвѣчали, что онъ былъ присланъ тайно, узнать, не имѣютъ-ли они сообщенія съ Русскими, не дѣлаютъ-ли имъ вспоможенія, а по сему изъ боязни не рѣшились извѣстить о немъ. Ніязъ ночью подъѣзжалъ близко къ крѣпости, видѣлъ стоящія въ ней кибитки, говорилъ Киргизамъ о негодованіи хана за даваемыхъ Русскимъ верблюдовъ, и на слѣдующій день съ старшиною Маей отправился въ Хиву. Киргизы совѣтовали мнѣ дождаться Маи и тогда уже ѣхать въ Хиву. Я отвѣчалъ, что мнѣ нельзя нарушить приказанія, и какъ поѣздка моя не имѣетъ для нихъ ничего предосудительнаго, то просилъ не удерживать. Они отзывались съ похвалою о начальникѣ укрѣпленія, благодарили за хорошую расплату съ вожаками верблюдовъ, расположеніе къ ихъ старшинамъ и подарки. Ханъ объ этомъ слышалъ, сердится, и Киргизы боятся худыхъ послѣдствій. Мнѣ дали пять лошадей, принесли извиненіе за продержку

двухъ дней и просили не доводить объ этомъ до свѣдѣнія начальника укрѣпленія. На прощаніи старался я ихъ успокоить, увѣрялъ, что ханъ сердиться не будетъ и просилъ, чтобы они по примѣру прежнихъ сношеній съ Русскими, ходили въ Ново-Александровскъ, гдѣ строится укрѣпленіе для общей пользы Хивинцевъ, Туркменъ и Киргизовъ.

28 іюля.

28-го въ полдень, съ прежними моими вожатыми, выѣхалъ я изъ Эчки-Кыгыргана; въ 7 часовъ вечера достигли до пяти колодцевъ, при урочищѣ Бешчингравѣ; здѣсь расположено 20 адаевскихъ кибитокъ, при коихъ скота 18,000 головъ разнаго рода; колодцы глубже тремя саженями Эчке-Кыгырганскихъ, при которыхъ, какъ и при первыхъ, лежатъ каменныя колоды для водопоя. Всѣ эти 20 кибитокъ съ большимъ избыткомъ удовлетворяются водою изъ 5-ти колодцевъ. Киргизы спрашивали, куда мы ѣдемъ? я отвѣчалъ: въ Хиву. Они радовались водворенію Русскихъ и сближенію торговли, сказывали, что слышали о начальникѣ крѣпости, котораго называютъ Карелъ (г. Карелинъ), знаютъ, что онъ даетъ подарки Киргизамъ, и спрашивали, дастъ-ли и имъ? Я отвѣчалъ: ведите на работу верблюдовъ, за которыхъ дадутъ хорошую плату, а старшинѣ подарятъ. Чрезъ три часа выѣхали мы изъ Бешчинграва и, отъѣхавъ примѣрно 15 верстъ, въ степи ночевали.

29 іюля.

29-го рано отправились, и въ 10-мъ часу утра доѣхали до Джангизъ Кудука (одного колодца), воды въ немъ немного и на вкусъ солона, тутъ расположены четыре адаевскія кибитки. Напоивъ въ колодцѣ лошадей, мы, по совѣту Баймамбета, не останавливаясь, поѣхали до прѣснаго колодца Артагали, къ которому прибыли въ полдень. При семъ колодцѣ сидятъ 20 адаевскихъ кибитокъ, 2000 головъ

скота, который по очереди поятъ съ утра до полуночи. Колодезь имѣетъ глубины 23 сажени. Вода по значительномъ уменьшеніи становится нѣсколько соленою, когда-же набѣгаетъ, то снова дѣлается прѣсною. Тутъ приняли насъ отлично: поставили шатеръ изъ краснаго, толстаго сукна и спрашивали Баймамбета, кто я? Вожакъ сказалъ, что астраханскій Эрмели-ногай. Меня называли мулла эльчи (посланникъ); говорили, что дѣды и отцы ихъ не видали въ здѣшнемъ краѣ Русскихъ и потому не знаютъ, будетъ-ли имъ то полезно или нѣтъ? Я увѣрялъ, что всѣ рода киргизскіе находятся подъ покровительствомъ Россіи, слѣдственно нельзя думать, чтобы одно поколѣніе было исключено изъ сего правила, что крѣпость выстроена для торга съ Хивинцами, Туркменами и Киргизами, и что въ ней для порядка находится начальникъ, который не допуститъ никого до обиды. Киргизы этому весьма радовались, жаловались на притѣсненія хивинскаго хана, по приказанію, котораго, за три года передъ тѣмъ, были они ограблены при чемъ до 400 человѣкъ Киргизовъ перерѣзаны, и сорокъ женщинъ увлечены въ неволю. Сверхъ того обременяютъ ихъ налогами при вывозѣ хлѣба и товаровъ, и берутъ съ каждаго верблюда по пяти и болѣе рублей; хвалили русское правительство и желали единственно зависѣть отъ него. Черезъ два часа отправились въ путь; въ сумерки доѣхали до колодца Акъ-Курухъ, имѣющаго воду прѣсную и 12 саженъ глубины; кибитокъ не было. Напоивъ лошадей и отдохнувъ, отправились далѣе; проѣхавъ 30 верстъ, на дорогѣ ночевали.

30 іюля.

30 іюля въ 10-мъ часу прибыли къ колодцу Джангысъ-Чинграу; качество воды и глубина тѣ-же, что и въ Акъ-Курухѣ; кибитокъ не было. Отсюда въ сумерки достигли трехъ колодцевъ Кошъ-Ата, глубиною по 20 саженъ; вода прѣсная; при каждомъ каменныя колоды; въ правой сторонѣ

отъ колодцевъ стоитъ каменное, небольшое кладбище; кибитокъ нѣтъ. По словамъ вожатыхъ, въ этихъ колодцахъ можно поить до трехъ тысячъ скота. Тутъ пробыли мы четыре часа, и вожакъ сказывалъ, что теперь колодцевъ не будетъ до Табынъ-су; другіе въ сторонѣ, въ 15 верстахъ отъ дороги. Всю ночь слѣдуя, передъ разсвѣтомъ, на дорогѣ отдохнули.

31 іюля.

31-го іюля въ полдень доѣхали до колодца Табынъ-су, имѣющаго глубины 15-ть саженъ, и воду прѣсную; ауловъ нѣтъ. Тутъ встрѣтили мы десять адаевскихъ Киргизовъ, слѣдовавшихъ съ 20-ю верблюдами, навьюченными хлѣбомъ и товарами. Киргизы объявили, что возвращаются изъ земли Каракалпаковъ, куда ѣздили для торговли. Въ свою очередь спрашивали они насъ: куда ѣдемъ? мы отвѣчали, что посланы въ Хиву начальникомъ русской крѣпости. Адаевцы сказали, что слѣдовать туда невозможно, потому что водою покрыло всѣ дороги: мы возразили, что пока своимъ глазами не увидимъ, воротиться не смѣемъ. Разставаясь, вожакъ ихъ сказалъ, что съ Айбугыра должно намъ поворотить вправо на туркменскую дорогу. Простившись съ Киргизами, проѣхали три колодца, также Табынъ-су, называемые и расположенные не вдалекѣ одинъ отъ другаго. Отдыхали на дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой растетъ большой саксауловый лѣсъ, начавшійся съ перваго колодца Табынъ-су. Вожакъ объявилъ, что въ лѣсахъ этихъ, при большой дорогѣ, скрываются разбойники, которые проѣзжающихъ грабятъ, почему, при солнечномъ закатѣ, своротили вправо и ѣхали до разсвѣта стороною.

1-го августа.

На разсвѣтѣ, 1-го августа, выѣхали на большую дорогу, отдохнули, и въ полдень доѣхали до Айбугыра. Въ

этомъ мѣстѣ обрывъ Усть-Урта весьма крутъ; отъ подошвы, къ Хивѣ, начинаются низменныя мѣста и протекаетъ рѣка Айбугиръ-Дарья, нѣкогда, по словамъ вожаковъ, принимавшая въ себя Аму-Дарью. Нынѣшнимъ лѣтомъ, при сильномъ разливѣ сей послѣдней, потопило всѣ низменныя мѣста на большое пространство, причемъ залило и прямую хивинскую дорогу. Вода дошла до самаго обвала Усть-Урта, съ вершины котораго до разлива теперь не болѣе 60-ти саженъ. Чтобы напоить лошадей, мы спустились узкою одноконною дорогой. Ежегодно Каракалпаки приходятъ зимовать въ здѣшніе камыши и саксауловые лѣса; но теперь всѣ эти мѣста подъ водою. Во 2-мъ часу поворотили мы вправо на кладбище Ибрагимъ-ата, до котораго около 50-ти верстъ; въ полночь доѣхали до этого мѣста. Здѣсь оканчивался разливъ, и мы ночевали.

2-го августа.

2-го августа спустились съ высоты Усть-Урта въ хивинскія владѣнія, на низменную песчаную почву Ѣхали дорогою, и въ 1-мъ часу достигли до туркменскихъ ауловъ, въ числѣ ста кибитокъ, которыя были расположены на узкихъ каналахъ, проведенныхъ изъ вышесказанныхъ разливовъ. Туркмены занимаются посѣвомъ хлѣба и огородныхъ овощей. Они приняли насъ хорошо, зарѣзали барана и спрашивали откуда и куда мы ѣдемъ. Я отвѣчалъ также, какъ и Киргизамъ, при колодцѣ Артагали 29-го іюля. Туркмены весьма радовались заведенію при Кызылъ-Ташѣ русской крѣпости, говоря, что о томъ уже слышали. Ханъ, по появленіи Русскихъ, сдѣлался къ нимъ, Туркменамъ, отмѣнно добръ: дѣлаетъ подарки, жалуетъ въ юзъ-баши и болѣе не притѣсняетъ. Думая, что я ѣду съ требованіями, просили, чтобы ни въ чемъ не уступалъ, ибо ханъ теперь боится, сдѣлался уступчивъ и имъ будетъ лучше. Навѣдывались, нѣтъ-ли въ крѣпости ихъ однородцевъ. Я отвѣчалъ, что

нѣтъ, но что по окончательномъ устройствѣ укрѣпленія, безъ сомнѣнія, пріѣзжать станутъ. Туркмены ласково выспрашивали меня, убѣждая сказать правду, и, потрепавъ рукою по спинѣ, примолвили: не бойся ничего, мы рады Русскимъ! скажи зачѣмъ ѣдешь въ Хиву. Я отвѣчалъ, что посланъ извѣстить по тракту Киргизовъ, Туркменъ и Хивинцевъ объ устраиваемой торговой крѣпости, чтобы, буде кому угодно, пріѣзжали съ товарами, на что Туркмены возразили, что ханъ не только Хивинцамъ, но и Киргизамъ запретилъ туда ѣздить. Я спросилъ о причинѣ, они отвѣчали, что это для того, чтобы Киргизы, не задолго передъ тѣмъ Хивинцами обиженные, не перешли на русскую сторону. Я увѣрялъ, что Русскіе, по волѣ начальства, строятъ укрѣпленіе для свободнаго и удобнѣйшаго торга со всѣми Азіятцами; что Киргизы вымѣниваютъ нужное и возвращаются по кочевкамъ, и что Русскіе нужды въ нихъ не имѣютъ. Пробывъ два часа въ первыхъ туркменскихъ аулахъ, отправились мы въ дальнѣйшій путь. Въ сумерки доѣхали до урочища Куня-Ургенчъ, мѣста, на которомъ стояла древняя столица хивинскаго ханства. Здѣсь видны развалины каменнаго дворца и еще нѣсколько уцѣлѣла круглая каменная башня, имѣющая 20 саженъ высоты, внутри коей до самаго верху идетъ витая лѣстница. Объ этой башнѣ сказываютъ, будто строилъ ее какой-то святой, который, по окончаніи работы, получилъ крылья и улетѣлъ. Вблизи отъ мѣста находятся каменныя большія могилы. При Кюнь, или Куня-Ургенчѣ сидитъ 20 кибитокъ Ногаевъ; вода держится въ небольшихъ каналахъ, проведенныхъ изъ Айбугыра; занимаются посѣвомъ хлѣбовъ и овощей. Двое изъ Ногайцевъ, подошедъ, спрашивали, что мы за люди и куда ѣдемъ? имъ отвѣчали какъ и прочимъ; за симъ спросили они, нѣтъ-ли въ Россіи манифеста? Я, не зная хорошенько, сказалъ, однакоже, что есть. Вожакъ просилъ растолковать, что такое манифестъ? я отвѣчалъ, что это милостивое прощеніе прежнихъ проступковъ. Въ Кюнь-Ургенчѣ соединяются всѣ дороги, изъ коихъ одна большая

ведетъ въ Хиву, а потому, во всякое время года, находятся тутъ, четыре довѣренныхъ хивинскихъ смотрителя которые всѣхъ, слѣдующихъ въ Хиву, переписываютъ. Проѣзжающіе платятъ пошлину и получаютъ пропускные виды на обратный проѣздъ непремѣнно черезъ Кюнь - Ургенчъ. Здѣсь мы ночевали. Ночью услышали крикъ, и на вопросъ о причинѣ, сказали мнѣ, что кабаны травятъ овощи и что караульные ихъ гонятъ. Изъ Кюнь - Ургенча поѣхали мы большою дорогою и въ 9-мъ часу прибыли къ каналу Чаркрауку, проведенному изъ Айбугира. Каналъ шириною пять, а глубиною слишкомъ полторы сажени. На немъ нашли мы большую лодку съ четырьмя Хивинцами для переправы; каждый проѣзжающій платитъ по 25 копѣекъ съ лошади, которыхъ помѣщается на лодкѣ по 10-ти. Каналъ глубокъ только при водоразлитіи Айбугира; въ самые сухіе годы воды въ немъ нѣтъ или бываетъ очень мало, такъ что броды повсемѣстны. По переправѣ черезъ каналъ, я хотѣлъ заплатить перевозчикамъ, но Хивинцы отказались, говоря, что съ посланцевъ денегъ не берутъ. Отъ Чаркраука слѣдовали до Ташъ-Гауза, встрѣчая по обѣимъ сторонамъ дороги, многіе каналы и частые Туркменскіе аулы, которыхъ отъ Кюнь-Ургенча до Ташъ-Гауза насчиталъ я до 2,000 кибитокъ; при каждомъ почти селеніи стоитъ, во всей готовности, по одной лошади изъ аргамаковъ. Вожатые сказывали, что Туркмены владѣютъ жалованною отъ хана землею, которая раздѣлена на малые участки, по числу душъ мужскаго пола каждаго семейства, полагая примѣрно по 30 саженъ на каждую; участокъ земли обозначается насыпью въ аршинъ вышиною. Туркмены сѣютъ хлѣбъ и овощи.

3-го августа.

Во 2-мъ часу ночи доѣхали до Ташъ-Гауза, перваго города, населенаго Туркменами. Здѣсь вожакъ мой узналъ, что отецъ его Мая возвратился изъ Хивы и находится въ

домѣ юзъ-баши Кошмамбета. Отыскавъ Маю, слышали мы отъ него, что, по прибытіи въ Хиву, явился онъ въ пріемный домъ къ служащему при ханѣ вельможѣ метеру (мехтеръ), гдѣ находился беги-Ніязъ, диванъ-бегій (управляющій торговлей). На поклонъ старика, Метеръ сказалъ ему сердито: ты теперь сталъ Русскій; а беги-Ніязъ поздравлялъ его съ принятіемъ русской вѣры. Мая спросилъ, почему называютъ его Русскимъ? вельможи отвѣчали, что считаютъ его такимъ потому, что даетъ Русскимъ помощь верблюдами и заставляетъ Киргизовъ на нихъ работать. Мая возразилъ: дѣйствительно бѣдные Киргизы даютъ верблюдовъ, но за то Русскіе хорошо имъ платятъ. Потомъ провели его къ хану, который также упрекалъ старика въ связи съ Русскими и требовалъ отчета. Мая представилъ, что Русскіе, по прибытіи, освѣдомились о старшинѣ; Киргизы показали на него; послѣ чего пригласили его въ лагерь. Не видя ни обидъ, ни притѣсненій, не смѣлъ онъ отказаться. По прибытіи въ крѣпость, начальникъ объявилъ ему, что, по волѣ государя императора, основывается городъ и пристань для торговли съ Хивинцами, Туркменами и Киргизами, просилъ жить мирно и честно, и буде хотятъ, ѣздить на мѣну въ укрѣпленіе; затѣмъ отдаривъ, отпустилъ. Ханъ тоже отпустилъ Маю, приказавъ ему дожидаться въ Хивѣ рѣшенія. Двѣнадцать дней у хана были совѣты и въ послѣдній призвали Маю. Ханъ приказывалъ Адаевцамъ соединиться съ Табынцами и сдѣлать на русскую крѣпость нападеніе. Мая отказывался, говоря, что Адаевцы трусливы. Ханъ называлъ храбрыми Табынцевъ, на что старикъ сказалъ: когда пойдутъ они, то и мы принуждены будемъ за ними слѣдовать. Тутъ началъ выхвалять храбрость своего рода тотъ Табынскій шпіонъ Ніязъ, который подъѣзжалъ къ русской крѣпости. Ханъ далъ Маѣ повелѣніе, по прибытіи въ аулъ, откочевать къ Мангышлаку, и отпустивъ, приказалъ дожидаться въ городѣ Ташъ-Гаузѣ трехъ человѣкъ: Хивинца юзъ-башу Амамбая, долженствовавшаго ѣхать до аула Маи, съ кото-

рымъ велѣно откочевать ему отъ русской крѣпости: Табынскаго рода, старшину Джамбуру Асау-Баракова, которому ханъ подарилъ 30 червонцевъ (отецъ его Асау-Баракъ, почетнѣйшій старшина своего рода, бывшій прежде аманатомъ въ Хивѣ) и Ніяза (шпіона), который живетъ въ Хивѣ и находится въ должности сборщика податей. Мая дожидался ихъ уже третій день.

4 августа.

4-го августа, оставя на квартирѣ трехъ лошадей при работникѣ Шиндау-Балтасовѣ, выѣхали изъ Ташъ-Гауза въ городъ Шабатъ (Шаватъ). По обѣимъ сторонамъ дороги расположены хивинскіе глиняные дома, саженяхъ въ 50-ти одинъ отъ другаго. При закатѣ солнца доѣхали до города Шабата, въ который не въѣзжая, ночевали въ одномъ хивинскомъ домѣ, знакомомъ вожаку Баймухамету. Насъ приняли хорошо, и сдѣлали обыкновенный вопросъ, куда ѣдемъ и для чего дѣлается крѣпость? я отвѣчалъ тоже, что говорилъ прочимъ. Они одобрили предпріятіе, разсуждая: купцы наши ѣздятъ въ Оренбургъ и Астрахань, обидъ не видятъ, а потому надѣемся, что и тутъ будетъ хорошо. Впрочемъ не скрыли опасеній и негодованія хана на то, что крѣпость строится безъ его позволенія. Я говорилъ, что мѣсто не представляетъ никакихъ особенныхъ выгодъ или удобствъ; тамъ нѣтъ ни рѣкъ, ни плодородной земли; единственное желаніе Россіи основать прочную и обоюдно-выгодную торговлю. Хивинцы съ этимъ согласились.

5 августа.

На другой день выѣхали изъ Шабата и видѣли на дорогѣ такіе-же дома, какъ и на пути до этого города. Въ полдень, не доѣзжая до Хивы 5-ть верстъ, остановились въ небольшомъ предмѣстіи и въѣхали на дворъ къ управляющему хивинскою торговлей беги-Ніязу диванъ-бегію. Тот-

часъ доложили ему, что я присланъ изъ новой русской крѣпости; насъ приняли въ особенной комнатѣ, и угощали чаемъ, виноградомъ, яблоками, дынями и арбузами. Черезъ короткое время позвали къ беги-Ніязу, ввели въ пріемную комнату, посреди которой сдѣлано было возвышенное мѣсто; на немъ сидѣлъ беги-Ніязъ, а за нимъ стояли до десяти человѣкъ Хивинцевъ. Взошедши, я, по Хивинскому обыкновенію, поклонился, и мы, взявшись за руки, спрашивали другъ друга о здоровьѣ. Беги-Ніязъ посадилъ насъ близь себя на возвышенномъ мѣстѣ. Первымъ вопросомъ его было: кѣмъ я посланъ? я отвѣчалъ: его высокоблагородіемъ начальникомъ торговой крѣпости и пристани Григоріемъ Силовичемъ Карелинымъ, извѣстить купцовъ, что устроена, при урочищѣ Кызылъ-Ташѣ, новая, торговая, Ново-Александровская пристань, куда могутъ приходить они свободно, получая черезъ то великія выгоды и совершая, вмѣсто одного оборота въ годъ черезъ Астрахань, четыре и даже шесть. Торговые люди будутъ какъ сами, такъ и ихъ имущество въ совершенной безопасности; и какъ вы приближенный вельможа и первое лицо по торговымъ дѣламъ при ханѣ, то господиномъ Карелинымъ поручено мнѣ просить васъ лично позволить купцамъ ѣздить съ товарами въ русскую крѣпость, дабы такимъ образомъ усилить торговлю и дружескія сношенія и если вы этого желаете, то неугодно-ли послать къ начальнику довѣреннаго человѣка. Беги-Ніязъ, одобряя мою рѣчь, отвѣчалъ: высокостепенный ханъ гнѣвается, что крѣпость дѣлается безъ его позволенія, говоря, что видно Русскіе не почитаютъ его ханомъ и государство его независимымъ. Я представилъ, что, ничего не зная по сему предмету, въ объясненіе входить не могу и не смѣю, но при отправленіи, слышалъ отъ начальника, что польза отъ сближенія торговли съ Русскими слишкомъ велика и очевидна для Хивинцевъ, Туркменъ и Киргизъ, для того, чтобы находили они въ этомъ что-либо предосудительное, и что напротивъ должны радоваться такому со-

сѣдству. Беги-Ніязъ спросилъ, не имѣю-ли я какой бумаги? Я показалъ ему, данный мнѣ господиномъ Карелинымъ на Русскомъ языкѣ, открытый листъ для свободнаго проѣзда до Хивы, причемъ сказалъ, что имѣю отъ начальника приглашеніе на татарскомъ языкѣ, къ купцамъ того каравана, который поѣхалъ въ Астрахань, о пріѣздѣ въ Ново-Александровскъ съ товарами. Беги-Ніязъ взялъ обѣ мои бумаги и положилъ въ шапку; потомъ, обратясь къ вожаку, спрашивалъ во много-ли дней прибыли мы въ Хиву? и когда Баймухаметъ сказалъ въ 7 дней, то беги-Ніязъ вскрикнулъ, погладилъ себя по бородѣ и сказалъ: скоро, хорошо! и въ ту-же минуту приказалъ Хивинцу Ишназару отвести меня въ прежнюю комнату и угощать какъ можно лучше, а самъ съ вожакомъ Баймамбетомъ выѣхалъ изъ дому. Чрезъ три или четыре часа Баймамбетъ, пришедши ко мнѣ, говорилъ, что съ беги-Ніязомъ ѣздилъ въ Хиву къ хану, по выходѣ отъ котораго сказывалъ ему беги-Ніязъ, что высокостепенный ханъ приказалъ воротить Маю, и на него, Баймамбета, очень сердится. Тутъ мы ночевали.

6-го августа.

На другой день, приставленный ко мнѣ Хивинецъ Ишназаръ сказался зятемъ беги-Ніяза и объявилъ, что ему приказано быть при мнѣ для развлеченія. Я просилъ его съѣздить вмѣстѣ на хивинскій базаръ; но онъ старался отклонить меня отъ того, представляя, что тамъ ничего нѣтъ занимательнаго. Постигая причину отказа, я сказалъ, что у насъ въ Россіи всѣ пріѣзжающіе ходятъ по базарамъ свободно; Ишназаръ возразилъ, что онъ бывалъ въ Оренбургѣ и Астрахани, и что Россію никакъ нельзя сравнить съ Хивою. Ханъ всегда посланниковъ, до самаго окончанія дѣла, держитъ въ заперти въ одномъ мѣстѣ Ишназаръ вывѣдывалъ у насъ съ Баймухаметомъ, нѣтъ-ли въ крѣпости кого изъ магометанъ или астраханскихъ купцовъ. Я

отвѣчалъ, что изъ Астраханцевъ только одинъ я, а изъ магометанъ сынъ Караулъ-ходжи, служащій переводчикомъ; я-же приглашенъ начальникомъ для посылокъ, потому, что знаю татарскій языкъ и веду небольшую торговлю.

7 августа.

7-го августа пришелъ ко мнѣ знакомый Хивинецъ Алдашъ, торговавшій въ Астрахани; я сообщилъ о цѣли своей поѣздки, и Алдашъ объявилъ, что для нихъ предпріятіе весьма полезно, но, повидимому, ханъ не расположенъ допускать ихъ до Русскихъ.

8 августа.

8-го августа въ полдень Баймухаметъ поѣхалъ въ Хиву навѣдаться, не прибылъ-ли его отецъ и черезъ три часа возвратился съ нимъ и однимъ Туркмениномъ, Казою называемымъ, у котораго Киргизы Адаевскаго рода похитили 60 верблюдовъ. Мая успѣлъ мнѣ сказать только, что Баймухамета велѣно остановить; о большемъ-же будетъ говорить на дорогѣ. Черезъ полчаса беги-Ніязъ позвалъ меня, Маю, Баймухамета и Туркмена Казу; посидѣвъ немного, вручилъ мнѣ письмо и приказалъ ѣхать съ Маей, причемъ объявилъ, что Баймухаметъ долженъ остаться; поручилъ кланяться господину Карелину и доставить ему письмо. Я спросилъ, не имѣетъ-ли еще чего приказать? Больше ничего, отвѣчалъ диванъ-беги, что нужно, въ письмѣ писано. Я изъявилъ желаніе ѣхать съ Баймухаметомъ, но беги-Ніязъ отозвался, что за нимъ есть дѣло; но что черезъ 20 дней его отпустятъ. Мы откланялись и вышли. На дворѣ имѣлъ я случай потихоньку спросить Баймухамета о причинѣ задержанія. Онъ успѣлъ только сказать, что ханъ чрезмѣрно сердится за скорый пріѣздъ въ Хиву. При разставаніи, по просьбѣ его, далъ я ему изъ отпущенныхъ мнѣ начальни-

комъ денегъ, одинъ полуимперіалъ и отправился съ Маей въ обратный путь.

9 августа.

9-го августа прибыли въ городъ Ташъ-Гаузъ, гдѣ оставались наши лошади при товарищѣ Балтасинѣ. Дорогою Мая разсказывалъ мнѣ, что его воротили, по поводу жалобы помянутаго Туркмена Казы на покражу Адаевцами 60 верблюдовъ; ханъ сказалъ: до прибытія Русскихъ, Адаевцы не дѣлали воровства, а теперь, какъ видно, въ надеждѣ на нихъ, становятся дерзкими. Затѣмъ приказалъ ему остальную часть пени за убійство въ четвертомъ году Туркменъ, тысячу хивинскихъ червонцевъ немедленно заплатить, 60 верблюдовъ возвратить, откочевать съ своими однородцами къ Мангышлаку, не имѣть съ Русскими никакого сообщенія и меня проводить въ крѣпость съ другимъ Киргизомъ; по исполненіи-же всего этого, прибыть въ Хиву, гдѣ ханъ обѣщался возвратить ему прежнее довѣріе и милость.

10 и 11 августа.

10 и 11 августа, пробыли мы въ Ташъ-Гаузѣ въ ожиданіи 3-хъ спутниковъ, въ сопровожденіи которыхъ повелѣлъ мнѣ ханъ ѣхать обратно. Здѣсь сообщилъ мнѣ Мая, что Туркменинъ мулла Муратъ желаетъ со мною говорить. Мы видѣлись; онъ просилъ передать начальнику крѣпости, господину Карелину, поклонъ и объявилъ слѣдующее: лѣтъ за 30 передъ симъ одноземцы его, Туркмены: Иралибекъ, Турга, Оденефисъ и Ходжа-Берди, стѣсненные грабежами и нападеніями Киргизовъ, отправились въ Россію и ходатайствовали у государя императора о дозволеніи водвориться въ ея предѣлахъ. Государь, снисходя на ихъ всѣнижайшую просьбу, явилъ имъ благодѣяніе, всѣмилостивѣйше дозволивъ переселиться въ астраханскія степи. Тогда множество

ауловъ съ имуществомъ перебралось въ Россію. Туркмены, памятуя таковую милость бѣлаго царя, дерзаютъ на новую просьбу: за два года передъ симъ, по велѣнію хана, принуждены они были переселиться въ теперешнія мѣста, на которыхъ отъ малаго числа данной земли и разныхъ притѣсненій, Туркмены пришли въ крайнюю бѣдность. Въ прошломъ году многіе изъ нихъ умерли отъ голода: Хивинцы-же вмѣсто вспоможенія брали съ нихъ по 7 рублей за пудъ муки. Желая, какъ единаго блага, возвращенія на Мангышлакскій кряжъ, убѣдительно просятъ начальника новой крѣпости войти въ ихъ положеніе и довести до высочайшаго свѣдѣнія о бѣдствіяхъ, ими терпимыхъ. Когда-же послѣдуетъ всемилостивѣйшій отзывъ, то для лучшаго удостовѣренія просилъ прислать къ нему, муллѣ Мурату, одного изъ астраханскихъ Туркменъ съ бумагою; тогда онъ со всѣми Туркменами навсегда оставитъ предѣлы ханства. Если-же Русскіе станутъ селиться на Мангышлакѣ, то по полученіи о томъ основательнаго извѣстія, всѣ Туркмены въ одну ночь туда откочуютъ. Наконецъ прибавилъ, что, имѣя ежегодныя сношенія съ астраханскими Туркменами, онъ знаетъ, сколь ведутъ они жизнь, покойную въ сравненіи съ которою ихъ бытъ подъ игомъ Хивы истинная каторга. Подъ непосредственнымъ начальствомъ муллы Мурата состоитъ 200 туркменскихъ кибитокъ; способностями снискалъ онъ вліяніе надъ всѣми одиородцами, знаетъ ихъ намѣренія и весьма ими уважается. Я увѣрялъ его, что все переданное имъ сохраню въ тайнѣ и доложу своему начальнику; разказывалъ о привольной жизни водворенныхъ въ Россіи Туркменъ и наконецъ просилъ совѣтовать своимъ соотчичамъ ѣздить къ намъ для торговли; ему-же предлагалъ послать къ господину Карелину довѣреннаго человѣка. Онъ отвѣчалъ, что посылать человѣка и писать бумагу теперь опасается, не зная, какъ Русскими примется подобное дѣло и какъ скоро получитъ онъ отзывъ; между-тѣмъ можетъ дѣло огласиться, и онъ погибнетъ. Прибывшій въ Ташъ-

Гаузъ, одинъ изъ трехъ ожидаемыхъ спутниковъ Мап. Хивинецъ юзъ-баши Амамбай объявилъ, что старшина Джамбура скоропостижно умеръ, а Ніязъ (шпіонъ) боленъ. Мы отправились тогда вмѣстѣ съ киргизскимъ караваномъ, слѣдующимъ изъ Хивы. Туркменецъ Казы, претендующій по дѣлу 60 верблюдовъ, отправился въ свой аулъ, а вмѣсто себя послалъ до аула Мап двухъ Туркменъ, именъ которыхъ не знаю. На пути изъ Ташъ-Гауза почевали въ туркменскомъ аулѣ, въ числѣ 100 кибитокъ. Мая объявилъ, что здѣсь желаетъ со мною видѣться одинъ туркменскій старшина Абдальскаго рода, называемый, сколько могу припомнить, Кайбъ-ходжа. Не совсѣмъ довѣряя, выпытывалъ я у старика, нѣтъ-ли тутъ какого подлога, но Мая удостовѣрилъ меня, что намѣренія Туркменъ чисты. Утромъ видѣлся я съ старшиною, который сначала освѣдомился о здровьи живущихъ въ Астрахани Туркменъ Акмамбета-бека, бывшаго въ первой экспедиціи съ господиномъ Карелинымъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, въ 1832 году, и Челдыра-Муллы. Я, зная сихъ Туркменъ, сказалъ, что они здоровы. Далѣе вступилъ онъ со мною въ пространный разговоръ, во всѣхъ отношеніяхъ сходный съ тѣмъ, какой имѣлъ я съ Муратомъ-муллою (въ Ташъ-Гаузѣ), горько жалуясь на бѣдственное положеніе одпородцевъ. Я успокоилъ его, давъ обѣщаніе обо всемъ донести начальнику, господину Карелину. Въ оба пути гдѣ только имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ Туркменами, я могъ удостовѣриться, что всѣ они искренно рады Русскому въ здѣшнемъ краю водворенію, питаясь надеждою на лучшую будущность. Въ семъ-же завѣрялъ меня и спутникъ мой Мая. Простясь съ Кайбъ-ходжей, отправились мы въ дальнѣйшій путь; при переѣздѣ черезъ Чаркраукъ подарилъ я перевозчикамъ три рубля, за что они были очень благодарны. Не доѣзжая до Кюнь-Ургенча, почевали на дорогѣ въ туркменскомъ аулѣ у юзъ-баши Хошъ-Мамбета, имѣющаго въ своемъ завѣдываніи до 200 кибитокъ. Хозяина не застали, но въ тотъ-же часъ за нимъ послали; въ ожиданіи его, легъ я у кибитки.

Хошъ-Мамбетъ пріѣхалъ, вошелъ въ кибитку, поздоровался съ Маей и спрашивалъ о новостяхъ и разговорахъ съ ханомъ. Тотъ отвѣчалъ, какъ было. Я притворился спящимъ и слушалъ ихъ разговоръ. Хошъ-Мамбетъ продолжалъ, что спустя два дня по прибытіи Маи въ Хиву, ханъ присылалъ гонца возвѣстить Туркменамъ, чтобы аламанъ ихъ (войско) черезъ пять дней былъ готовъ къ выступленію; но Туркмены съ неудовольствіемъ отзывались худобою лошадей. Мая возразилъ, что хотя объ этомъ ничего въ Хивѣ не слыхалъ, но замѣтилъ, что ханъ замышлялъ что-то противъ Русскихъ или Киргизовъ. Хошъ-Мамбетъ подтвердилъ догадку Маи, присовокупивъ, что теперь ханъ оставилъ это намѣреніе; потомъ спросилъ обо мнѣ и получивъ въ отвѣтъ, что я, посланный отъ Русскаго начальника, принесъ овощей и хлѣба. Меня разбудили. Хошъ-Мамбетъ дружески поздоровался со мною и извинялся, что мы не застали его дома; сказалъ, что за счастіе почитаетъ видѣть у себя посланца изъ отдаленной русской страны; просилъ отдохнуть, сильно суетился и, желая потѣшить меня, позвалъ музыканта и перваго пѣсенника, подъ конецъ зарѣзалъ барана и собралъ Туркменъ. Тутъ явился музыкантъ съ огромной балалайкой и началъ играть, воспѣвая сначала, по обычаю Туркменъ, подвиги древнихъ богатырей, а потомъ восхваляя русскаго императора и хивинскаго хана, и радуясь, что черезъ согласіе между ними будетъ свободная торговля на общее благо и въ утѣшеніе народа. Пиръ кончился на разсвѣтѣ. Я подарилъ пѣвцу полное одѣяніе. Хошъ-Мамбетъ извинялся, что не имѣлъ средствъ угостить лучше. Я сердечно благодарилъ его и всѣхъ туркменскихъ стариковъ, за радушный пріемъ, оказанный мнѣ повсюду ихъ однородцами.

14 августа.

14 августа доѣхали до Кюнь-Ургенча, гдѣ видѣлись съ пятнадцатью Хивинцами, возвращавшимися изъ Астрахани;

изъ нихъ одинъ купецъ, по имени Норлыбай, былъ мнѣ знакомъ. Съ Хивинцами слѣдовало шестеро Киргизовъ, знакомыхъ моему спутнику.

От 15 до 24 августа.

Отъ Кюнь-Ургенча слѣдовали мы весьма тихо, переходя самыя малыя разстоянія съ частыми дневками до колодцевъ — Кошъ-Ата, куда прибыли 24 августа. На пути отъ Ибрагимъ-Ата къ Айбугиру, у спуска къ водѣ, догналъ насъ шпіонъ Ніязъ съ однородцемъ Бектасомъ. При трехъ колодцахъ Кошъ-Ата нашли мы до 20 кибитокъ Киргизовъ табынскаго рода. Я провелъ ночь у колодцевъ, а Мая съ Ніязомъ и хивинскій юзъ-баши Амамбай въ табынскомъ аулѣ.

25 августа.

25 августа Амамбай и Ніязъ остались. Я приглашалъ перваго въ крѣпость, увѣряя, что онъ будетъ хорошо принятъ, но Амамбай уклонился отъ этого, говоря, что онъ знаетъ Русскихъ и не сомнѣвается въ полной безопасности, но боится прогнѣвить хана. Онъ разказалъ, что за 14 лѣтъ передъ симъ, по порученію хана, ѣздилъ собирать оброкъ съ Киргизовъ, но былъ ими задержанъ и доставленъ къ бывшему хану Арунгазію, который препроводилъ его въ Оренбургъ. Тамъ хотя и содержали подъ карауломъ, но продовольствовали его хорошо и впослѣдствіи, найдя невиннымъ, отправили въ Астрахань, а оттуда въ Тифлисъ. Не имѣя возможности попасть изъ сего города въ Хиву, обращенъ онъ былъ въ Астрахань. Генералъ Ермоловъ, начальствовавшій въ Грузіи, далъ ему 50 червонцевъ на путевые расходы, снабдивъ кромѣ того одеждою и всѣмъ нужнымъ. Оттуда возвратился онъ съ купцами на родину. Ханъ зная, что онъ долго жилъ въ Россіи и въ дѣлахъ опытенъ, призвавъ его, спрашивалъ: съ какимъ намѣреніемъ, по мнѣнію

его, Русскіе построили городъ? Амамбай отзывался, что цѣли угадать не можетъ и ничего о томъ не слышалъ, ибо въ Россіи не какъ въ хивинскомъ ханствѣ, дѣла содержатся въ тайнѣ и вѣдаетъ ихъ единственно то лицо, которому поручено исполненіе. Ханъ предложилъ ему ѣхать открытымъ образомъ въ укрѣпленіе, но онъ отказался, представляя, что, по старости, ему трудно будетъ дожидаться отвѣта изъ Россіи. Но съ какимъ именно порученіемъ хотѣлъ послать его ханъ, того Амабай не открылъ. Вмѣсто поѣздки въ укрѣпленіе, приказалъ ему ханъ отправиться съ Маей, чтобы былъ свидѣтелемъ при откочеваніи его съ ордою, сборѣ 1,000 хивинскихъ червонцевъ (16.000 руб.) и возвращеніи Туркменамъ 60 верблюдовъ. На прощаніи Амамбай говорилъ, что ежели-бы начальнику понадобилось писать въ Хиву, то присылалъ-бы бумаги къ нему, въ аулъ Киргиза Бутакары, расположеннаго близь Мангышлака; въ заключеніе поручилъ мнѣ просить у начальника о присылкѣ ему чаю, сахару и фунта леденцу. Продолжая путь съ двумя повѣренными отъ Казы и Маей, выспрашивалъ я у сего послѣдняго,—не было-ли какого замѣчательнаго разговора на ночлегѣ у Табынцевъ? Старикъ отвѣчалъ что на переданное Ніязомъ, ханское повелѣніе откочевать дальше, Табынцы съ ропотомъ отказались, говоря: гдѣ намъ еще кочевать? На пути къ колодцу Артагали ночевали.

26 августа.

26 августа Туркмены узнали, что одинъ адаевскій Киргизъ собираетъ угнанныхъ 60 верблюдовъ, почему туда и отправились. Тогда-же извѣстился я, что въ Ново-Александровское укрѣпленіе пріѣзжалъ г. оренбургскій военный губернаторъ и за одного выбѣжавшаго къ намъ магометанскаго плѣнника пожаловалъ въ вознагражденіе хозяину 500 рублей. Киргизы сказывали, что его превосходительство убѣждалъ ихъ жить мирно, приказалъ возвратить Туркме-

сѣдству. Беги-Ніязъ спросилъ, не имѣю-ли я какой бумаги? Я показалъ ему, данный мнѣ господиномъ Карелинымъ на Русскомъ языкѣ, открытый листъ для свободнаго проѣзда до Хивы, причемъ сказалъ, что имѣю отъ начальника приглашеніе на татарскомъ языкѣ, къ купцамъ того каравана, который поѣхалъ въ Астрахань, о пріѣздѣ въ Ново-Александровскъ съ товарами. Беги-Ніязъ взялъ обѣ мои бумаги и положилъ въ шапку; потомъ, обратясь къ вожаку, спрашивалъ во много-ли дней прибыли мы въ Хиву? и когда Баймухаметъ сказалъ въ 7 дней, то беги-Ніязъ вскрикнулъ, погладилъ себя по бородѣ и сказалъ: скоро, хорошо! и въ ту-же минуту приказалъ Хивинцу Ишназару отвести меня въ прежнюю комнату и угощать какъ можно лучше, а самъ съ вожакомъ Баймамбетомъ выѣхалъ изъ дому. Чрезъ три или четыре часа Баймамбетъ, пришедши ко мнѣ, говорилъ, что съ беги-Ніязомъ ѣздилъ въ Хиву къ хану, по выходѣ отъ котораго сказывалъ ему беги-Ніязъ, что высокостепенный ханъ приказалъ воротить Маю, и на него, Баймамбета, очень сердится. Тутъ мы ночевали.

6-го августа.

На другой день, приставленный ко мнѣ Хивинецъ Ишназаръ сказался зятемъ беги-Ніяза и объявилъ, что ему приказано быть при мнѣ для развлеченія. Я просилъ его съѣздить вмѣстѣ на хивинскій базаръ; но онъ старался отклонить меня отъ того, представляя, что тамъ ничего нѣтъ занимательнаго. Постигая причину отказа, я сказалъ, что у насъ въ Россіи всѣ пріѣзжающіе ходятъ по базарамъ свободно; Ишназаръ возразилъ, что онъ бывалъ въ Оренбургѣ и Астрахани, и что Россію никакъ нельзя сравнить съ Хивою. Ханъ всегда посланниковъ, до самаго окончанія дѣла, держитъ въ заперти въ одномъ мѣстѣ Ишназаръ вывѣдывалъ у насъ съ Баймухаметомъ, нѣтъ-ли въ крѣпости кого изъ магометанъ или астраханскихъ купцовъ. Я

что можетъ статься Русскіе будутъ по торговымъ отношеніямъ ѣздить въ Хиву, и тогда положеніе ихъ улучшится. Далѣе говорить намъ помѣшалъ одинъ Хивинецъ, и плѣнникъ скрылся.

Отъ Хивы до города Шабата 15-ть верстъ, въ немъ находится до 200 небольшихъ глиняныхъ домовъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка; бываетъ базаръ. Городъ обнесенъ глиняннымъ валомъ, который частію обрушился.

Отъ Шабата до города Шабара около 30-ти верстъ. Оба города во всемъ между собою сходны.

Отъ Шабара до Ташъ-Гауза 15-ть верстъ. Въ семъ послѣднемъ городѣ 300 глиняныхъ домовъ, равно безобразно расположенныхъ. Стѣнъ нѣтъ. Въ немъ живутъ Туркмены. Въ день моего пріѣзда въ Ташъ-Гаузъ былъ базаръ, и я ходилъ по оному: видѣлъ продажу халатовъ, бязи, выбойки, кумача, шелковыхъ хивинскихъ матерій, лѣса, скота и хлѣба. Купцы всѣ изъ Хивинцевъ. Пройдя далѣе, увидѣлъ, повѣшеннаго за кражу 4-хъ халатовъ, человѣка. Ташъ-Гаузъ окруженъ превосходными садами. Я былъ въ одномъ изъ нихъ и видѣлъ до 1,000 разныхъ фруктовыхъ деревьевъ.

Аму-Дарья или просто хивинская Дарья протекаетъ на югъ въ 15-ти верстахъ отъ самой Хивы и изобилуетъ всякаго рода рыбою. Изъ нея проведено 5 главныхъ каналовъ. Одинъ таковой каналъ пересѣкаетъ дорогу подъ городомъ Шабатомъ, а другіе находятся въ разныхъ недальнихъ разстояніяхъ отъ дороги и городовъ. Каждый до 2-хъ саженъ ширины и 1½ сажени глубины. Изъ этихъ главныхъ каналовъ проведено множество малыхъ для удобнѣйшаго орошенія пашень и садовъ.

Отъ Кюнь-Ургенча до Айбугира по обѣимъ сторонамъ дороги, на значительномъ пространствѣ тянутся саксауловые лѣса, въ которыхъ держатся большія стада кабановъ и годъ отъ году увеличиваются; есть также лисицы и другіе звѣри. Отъ Айбугыра до Эчки-Кыгыргана идетъ большая

отличная дорога совершенно ровная, по которой вовсе нѣтъ овраговъ, ни возвышеній. Есть только впадины, въ которыхъ весною и осенью, отъ дождей и снѣговъ, держится много воды. Травы, исключая юлшина (кормовой полыни) не имѣется. Отъ Айбугыра до Эчки-Кыгыргана встрѣчаются саксауловые лѣса только при Табынъ-Су, на протяженіи 60-ти верстъ по дорогѣ.

Каракалпаки — смирный народъ, находящійся въ крайне жалкомъ положеніи отъ утѣсненій Хивинцевъ; недавно еще казнилъ ханъ четырехъ ихъ старшинъ, приказавъ перерѣзать имъ горло. Каракалпаки очень рады приближенію Русскихъ и намѣрены, въ случаѣ войны, откочевать къ Россіи.

На второй день моего пріѣзда въ Хиву — прибыло туда десять человѣкъ Персіанъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго всѣ почитали за Русскаго. Слухъ носился, что Персіяне пріѣхали изъ города Мешеда просить о размѣнѣ плѣнныхъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ дѣла Московскаго Сенатскаго Архива, объ отправленіи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Капитана Князя Бековича-Черкаскаго на Каспійское море и въ Хиву, въ 1714—1717 гг. [1]

Въ указѣ императора Петра I, данномъ, 17-го мая 1714 года, на Березовыхъ островахъ, предъявленномъ княземъ Бековичемъ-Черкаскимъ казанскому губернатору 13-го августа того-же года, сказано, что князь Черкаскій посылается въ Астрахань, и оттуда далѣе на Каспійское море, для «нѣкотораго нужнѣйшаго дѣла,»—почему повелѣвалось дать въ его распоряженіе отрядъ изъ 1,500 чел. и деньгами 5000 руб. на расходы.

Отрядъ этотъ простирался въ дѣйствительности до 1,760 чел. и въ составъ его поступило: 1,000 чел. изъ Астрахани (драгунъ и пѣхотныхъ солдатъ); 100 яицкихъ (уральскихъ) казаковъ, бывавшихъ въ Хивѣ, а остальные драгуны и пѣхотные солдаты были взяты изъ такъ называвшихся низо-

[1]) Дѣло это служило, безъ сомнѣнія, однимъ изъ основныхъ матеріаловъ при составленіи г. Поповымъ обозрѣнія сношеній Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ; но не менѣе того, оно не вошло въ число сообщенныхъ имъ документовъ.

выхъ городовъ: Самары, Саратова, Дмитровска, Царицына и Казани. При отрядѣ находилось 8 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ орудій, при коихъ было прислуги: 14 чел. артиллеристовъ и 17 стрѣлковъ.

Отрядъ былъ снабженъ также и инженернымъ инструментомъ, а именно было дано ему: 600 лопатокъ и 300 кирокъ.

Для поднятія отряда, съ продовольствіемъ и тяжестями, было отдано въ распоряженіе кн. Черкаскаго: 20 брегантинъ, 64 струга, 37 лодокъ, 1 буса и отъ флота 2 шхуны съ 8-ю орудіями, (4 мѣдныхъ и 4 чугунныхъ), всего 124 судна.

28-го октября 1714 года князь Черкаскій отправился въ море изъ Астрахани, куда возвратился 3-го декабря того-же года, не имѣвъ возможности продолжать плаванія, по случаю появленія льда на пространствѣ между устьями рр. Волги и Урала, причемъ три судна съ провіантомъ затерло въ устьѣ сей послѣдней рѣки, а два — въ устьѣ р. Терека.

25-го апрѣля 1715 года князь Черкаскій вновь отправился въ Каспійское море, откуда возвратился въ Астрахань 9-го октября, а 5-го ноября того-же года поѣхалъ съ донесеніемъ къ императору въ г. Ригу.

Изъ дѣла не видно: что совершилъ князь Черкаскій въ 1715 году и сколько возвратилось съ нимъ въ Астрахань людей и судовъ, только упоминается: 1) что онъ былъ въ Тюкъ-Караганѣ и 2) что, по возвращеніи изъ похода въ 1715 году, сдано лишь 7 мѣдныхъ орудій, а остальныя показаны въ расходѣ, безъ означенія, гдѣ и на что именно были употреблены.

Независимо отъ означеннаго указа, предъявленнаго казанскому губернатору княземъ Черкаскимъ, былъ данъ еще, въ маѣ-же мѣсяцѣ 1714 года, указъ правительствующему сенату. Въ этомъ послѣднемъ указѣ упоминается, во первыхъ, объ отправленіи князя Черкаскаго на Каспійское

море для отысканія устья Аму-Дарьи, а во вторыхъ, о пріисканіи средствъ къ склоненію кавказскихъ народовъ на нашу сторону, согласно съ письмомъ князя Черкаскаго по сему предмету.

Въ письмѣ этомъ, выставляя независимое положеніе племенъ, обитающихъ по Кубани и Тереку, и воинственный ихъ характеръ, а также намѣреніе Турецкаго султана привлечь ихъ на свою сторону, — князь Черкаскій предполагаетъ предупредить въ этомъ дѣлѣ Турецкое правительство. Въ случаѣ успѣха предвидитъ большое вліяніе на Персію,— уничтоженіе происковъ Турціи и обезпеченіе собственныхъ границъ.

Изъ дѣла не видно: какія были приняты мѣры вслѣдствіе такого письма князя Черкаскаго о привлеченіи кавказскихъ горскихъ племенъ на нашу сторону.

По личномъ объясненіи императора съ княземъ Черкаскимъ, данъ былъ 14-го февраля 1716 года въ г. Либавѣ правительствующему сенату указъ объ отправленіи князя Черкаскаго на Каспійское море и далѣе посломъ къ хивинскому хану; «къ хану-же бухарскому и монголу индѣйскому велѣно было послать купца.»

Въ то-же время государь императоръ изволилъ собственноручно начертать инструкцію князю Черкаскому. Сущность этой столь извѣстной инструкціи заключается: 1) въ устройствѣ крѣпости на 1,000 чел. на Каспійскомъ морѣ, при прежнемъ устьѣ Аму-Дарьи; 2) въ изслѣдованіи прежняго русла этой рѣки; 3) въ устройствѣ крѣпости у плотины, обратившей воды Аму-Дарьи въ Аральское море; 4) въ склоненіи хивинскаго хана къ подданству; 5) въ назначеніи къ нему отряда русской гвардіи, если-бы онъ того пожелалъ; 6) въ розысканіи золота у г. Иркети; 7) въ отправленіи по Аму-Дарьѣ въ Бухару и далѣе въ Индію посла; 8) въ склоненіи бухарскаго хана на сторону Россіи; и затѣмъ 9, 10, 11 и 12-й пункты заключаютъ въ себѣ распоряженія, впослѣдствіи нѣсколько

измѣнившіяся относительно состава отряда и вообще снаряженія экспедиціи.

Вслѣдствіе распоряженія сената, а также по особымъ требованіямъ князя Черкаскаго, было дано въ его распоряженіе:

Три полка, каждый въ 1200 чел. . . .	3600	чел.
Драгунъ.	659	
Яицкихъ казаковъ.	1500	
Гребенскихъ казаковъ	500	
Артиллеристовъ.	43	
Инженеровъ	4	
Итого	6240	чел.

Сверхъ того разныхъ лицъ, какъ-то: нѣсколько дворянъ Астраханской губерніи, купцовъ, вожатыхъ, переводчиковъ и проч. около . . . . 110 чел.

Всего 6350 человѣкъ,

не считая офицеровъ и нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства.

Этотъ общій итогъ выведенъ на основаніи свѣдѣнія, доставленнаго княземъ Черкаскимъ астраханскому оберъ-коменданту, по случаю требованія провіанта на наличное число людей.

При отрядахъ находились 6 мѣдныхъ и 9 чугунныхъ орудій.

Инженернаго инструмента отпущено: 1638 лопатъ, 1500 заступовъ, 650 кирокъ и 500 топоровъ.

Каждому солдату велѣно было дать: по одной шубѣ, рыбы по 1/2 пуду и вина и уксусу по ведру. Казакамъ и драгунамъ вьючныхъ лошадей, на каждыхъ двухъ человѣкъ по одной, и кромѣ того, было куплено 200 верблюдовъ.

Для перевозки отряда къ берегамъ Каспійскаго моря, велѣно было дать всѣ готовыя суда, имѣвшіяся на лицо въ Астрахани, Казани и вообще въ низовыхъ городахъ рѣки

Волги, а также построить новыя, согласно съ требованіемъ Черкаскаго, которому однакожъ вмѣнено было въ обязанность ограничиться самою необходимою постройкою новыхъ судовъ, дабы не вводить казну въ излишнія издержки и не замедлить отправленіемъ экспедиціи; для чего онъ и долженъ былъ обращать готовыя суда два или три раза, для перевозки войскъ и продовольствія.

Изъ доставленной выписки астраханскимъ оберъ-комендантомъ видно, что было приготовлено для экспедиціи 1716 и 1717 годовъ — 147 судовъ разной величины и названій; но въ сей выпискѣ не упомянуто: включены-ли въ это число суда, находившіяся въ распоряженіи князя Черкаскаго въ 1715 году, или сказанное число показываетъ только суда, вновь приготовленныя для экспедиціи, вслѣдствіе указа 1716 года.

Для экспедиціи 1716 и 1717 годовъ истрачено 183,157 руб., а съ издержками 1714 и 1715 годовъ — всѣ расходы простираются до 218.095 руб.

Изъ донесенія астраханскаго оберъ-коменданта видно, что князь Черкаскій отправился въ третій разъ на Каспійское море, 20-го сентября 1716 года; но о построеніи крѣпостей на восточномъ берегу этого моря, о времени его возвращенія въ Астрахань, о выступленіи въ Хиву и о печальной развязкѣ экспедиціи — никакихъ оффиціальныхъ донесеній въ найденномъ дѣлѣ не находится. Только одни показанія спасшихся лицъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о совершонныхъ предпріятіяхъ въ 1716 и 1717 годахъ. Показанія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

Выступивъ 20-го сентября 1716 года изъ Астрахани [1]), князь Черкаскій прибылъ 9-го октября въ Тюкъ-Караганъ,

---

[1]) Въ дѣлѣ не упоминается, на сколькихъ судахъ и какія именно были войска; только видно изъ дальнѣйшихъ показаній, что уральскіе и гребенскіе казаки не участвовали въ этой поѣздкѣ.

гдѣ высадилъ войска на песчаную косу, не имѣвшую ни удобной земли, ни свѣжей воды, ни лѣсу. Не смотря на эти невыгоды, онъ заложилъ тамъ крѣпость, названную впослѣдствіи крѣпостю св. Петра, въ которой оставилъ полковника Хрущова полкъ.

Изъ Тюкъ-Карагана князь Черкаскій отправилъ флота поручика Кожина въ Астрабадъ, куда онъ долженъ былъ отвезти флота-же подпоручика Давыдова, назначеннаго посломъ къ бухарскому хану. Почти въ то-же время князь Черкаскій послалъ Туркменца ходжу Нефеса, бывшаго впослѣдствіи вожатымъ при отрядѣ, и съ нимъ двухъ Астраханцевъ дворянина Званскаго и Николая Өедорова, для осмотра прежняго русла Аму-Дарьи и плотины, обратившей воды этой рѣки въ Аральское море.

Сдѣлавъ эти распоряженія, князь Черкаскій отправился 23-го октября, съ оставшимися при немъ войсками къ Краснымъ водамъ, куда прибылъ 3-го Ноября и заложилъ крѣпость, построеніе которой поручилъ полковнику Фандербидену съ двумя полками.

На Красныхъ водахъ возвратились къ князю Черкаскому: поручикъ Кожинъ, донесшій ему, что подпоручика Давыдова не впустили въ Астрабадъ, по случаю бывшаго тогда бунта въ Персіи; что касается до ходжи Нефеса съ посланными при немъ Астраханцами, то сіи послѣдніе объявили, что ходжа Нефесъ, по прибытіи на урочище, находящееся въ двухъ верстахъ отъ Аму-Дарьи, привелъ ихъ на земляной валъ вышиною въ $1^1/_2$ аршина, шириною въ 3 сажени и длиною верстъ въ пять, устроенный Хивинцами для обращенія будто-бы водъ Аму-Дарьи въ Аральское море Проѣхавъ по этому валу и еще степью верстъ около 20, они прибыли къ прежнему руслу Аму-Дарьи, по которому ѣхали три дни до другаго урочища. На обоихъ берегахъ того русла они видѣли развалины прежнихъ жилищъ и слѣды проведенныхъ къ нимъ канавъ. Отъ урочища Ата-Ибрагима, опасаясь по-

гони Хивинцевъ, ходжа-Нефесъ не повелъ ихъ по руслу до моря, но поѣхалъ прямо на Красныя воды.

Желая имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи этого русла, князь Черкаскій приказалъ астраханскому дворянину Тарасовскому осмотрѣть съ Туркменами означенное русло отъ Каспійскаго моря до урочища Ата-Ибраима, но Туркмены отказались указать дорогу.

Въ заключеніе Астраханецъ Николай Өедоровъ присовокупилъ, что при возвращеніи своемъ изъ плѣна въ Астрахань, лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ видѣлъ прежнее русло Аму-Дарьи, которое въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ переѣзжалъ, — было шириною саженъ съ 50.

Отъ Красныхъ водъ князь Черкаскій отправился 17-го декабря сухимъ путемъ, черезъ Тюкъ-Караганъ, въ Астрахань, куда прибылъ 20-го февраля 1717 года. Конвой его состоялъ изъ 100 человѣкъ солдатъ и 60 человѣкъ Туркменъ.

По возвращеніи въ Астрахань, онъ приступилъ къ окончательнымъ распоряженіямъ къ походу и получилъ въ то-же время свѣдѣніе отъ посланныхъ имъ въ Хиву Астраханцевъ — Ивана Воронина и Алексѣя Святаго — о непріязненныхъ намѣреніяхъ хивинскаго хана Ширгазы, который, и по увѣдомленію калмыцкаго хана Аюки, приказалъ своимъ подвластнымъ быть въ готовности къ походу.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1717 года князь Черкаскій отправилъ изъ Астрахани сухимъ путемъ въ Гурьевъ городокъ 1500 уральскихъ и 1500 гребенскихъ казаковъ, при коихъ находились и лошади драгуновъ. Отрядъ этотъ прибылъ, по назначенію, черезъ 12 дней, а черезъ 7 дней присоединился къ казакамъ и князь Черкаскій съ 500 драгунъ, пріѣхавъ изъ Астрахани моремъ.

Тотчасъ, по прибытіи въ Гурьевъ, князь Черкаскій погнался за партіею Каракалпаковъ, отбившихъ у нашихъ казаковъ табунъ лошадей и захватившихъ до 60 человѣкъ въ плѣнъ. Погоня эта увѣнчалась успѣхомъ: табунъ и плѣн-

ные были отбиты и кромѣ того взято у непріятеля нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ.

Послѣ сего войска, собранныя у Гурьева-городка, провели четыре недѣли въ приготовленіяхъ къ походу, а около 20-го іюня выступили въ степь [1]). Подробный составъ отряда, при коемъ находилось 7 орудій, неизвѣстенъ: но числительность онаго простиралась до 3000 человѣкъ.

О колесномъ обозѣ не упомянуто; лошадей-же, по приблизительному исчисленію, было около 6000.

Главнымъ вожатымъ былъ калмыкъ Манглапъ-Кагикъ, данный Аюкой-ханомъ, и при немъ 10 человѣкъ его единоземцевъ [2]).

Путь слѣдованія отряда обозначенъ слѣдующимъ образомъ:

Отъ Гурьева-городка шли малою новою дорогою до рѣки Эмбы, оставивъ большую дорогу въ лѣвой сторонѣ на одинъ переходъ. Измѣненіе это сдѣлано собственно въ томъ вниманіи, что по новому направленію находилось болѣе воды и корма для лошадей. По переправѣ черезъ рѣку Эмбу, шли вверхъ по ней до урочища Богачаша, а потомъ по большой караванной дорогѣ до озеръ, образуемыхъ рѣкою Аму-Дарьей, верстахъ въ 250 отъ Хивы.

Всего отрядъ находился въ движеніи около 8 недѣль и, прибывъ 15-го августа къ озерамъ, обнесъ въ тотъ-же день лагерь валомъ со рвомъ.

Отдѣлившіеся отъ отряда 30 человѣкъ казаковъ для ловли рыбы были немедленно схвачены Хивинцами.

---

[1]) Съ княземъ Черкаскимъ отправился въ походъ и хивинскій посланникъ, купецъ Ширимъ Узбековъ, пріѣзжавшій въ Астрахань въ 1716 году, для продажи ханскихъ товаровъ.

[2]) Кромѣ того при отрядѣ находилось 70 юртовскихъ татаръ; при самомъ-же князѣ Черкаскомъ состояли: два его брата съ 20 узденями, князь Замановъ, астраханскій дворянинъ Керейтовъ, еще 20 астраханскихъ дворянъ и 13 астраханскихъ купцовъ.

Во время слѣдованія отряда по степи произошли между прочимъ слѣдующія обстоятельства:

1) У колодца Чирдана, на половинѣ пути, вожатый Манглай-Кагикъ, съ двумя одноземцами, тайно ушелъ изъ отряда. Впослѣдствіи открылось, что онъ съ 4 человѣками отправился окольными дорогами въ Хиву, для предупрежденія хана о слѣдованіи Русскихъ, а остальные 6 человѣкъ возвратились къ Аюкѣ-хану.

2) Съ привала у колодца Яргызу, отстоявшаго въ 300 верстахъ отъ колодца Чирдана, князь Черкаскій отправилъ дворянина Керейтова, съ 100 человѣками казаковъ, въ Хиву для извѣщенія хана, что онъ идетъ посломъ отъ россійскаго императора.

3) У колодца Яргызу было оставлено до 1000 человѣкъ казаковъ съ усталыми лошадьми, а на половинѣ дороги бросили много провіанта, взятаго на полгода, по случаю падежа значительнаго числа вьючныхъ лошадей.

4) Во время пребыванія отряда на урочищѣ Акуль-рѣкѣ, [1]) гдѣ выжидали присоединенія оставленныхъ у Яргызу казаковъ, — за коими были посланы верблюды, — прибыли къ князю Черкаскому: два посланныхъ отъ хивинскаго хана и одинъ отъ Керейтова. Посланные привезли ему отъ имени хана: лошадь, бархатный кафтанъ и другіе подарки. Вѣроятно не желая выказать малочисленность отряда, князь Черкаскій принялъ посланныхъ отъ хана, по присоединеніи казаковъ, оставленныхъ на Яргызу.

Изъ показаній видно, что Керейтову былъ сдѣланъ ханомъ благосклонный пріемъ; но когда прибылъ въ Хиву вожатый Манглай-Кагикъ, то Керейтова и находившихся при

---

[1]) Судя по числу переходовъ, сдѣланныхъ отъ этого урочища до озеръ, образуемыхъ Аму-Дарьей, должно полагать, что оно находится верстахъ въ 120 отъ Аму-Дарьи.

немъ людей тотчасъ-же посадили подъ арестъ, причемъ ханъ сталъ набирать войско.

О численности противупоставленныхъ силъ отряду Черкаскаго показанія весьма разнствуютъ; однако можно предполагать, что Ширгазы-ханъ имѣлъ въ сборѣ до 15,000 человѣкъ, но безъ артиллеріи.

Съ этимъ войскомъ ханъ атаковалъ отрядъ князя Черкаскаго, 16-го августа, но вынужденный послѣ трехдневнаго боя отступить отъ лагеря безъ всякаго успѣха, прислалъ для переговоровъ двухъ приближенныхъ лицъ, Кулумбая и Назыръ-ходжу, съ увѣреніемъ, что войска атаковали Русскихъ безъ его приказанія, и что если князь Черкаскій пришелъ посломъ, а не съ непріязненною цѣлію, то онъ проситъ его явиться къ нему въ лагерь. Въ знакъ-же искренности обѣщанія, что отряду не будетъ сдѣлано никакого вреда, присланные цѣловали коранъ въ присутствіи всѣхъ.

Колумбай и Назыръ-ходжа были назначены для переговоровъ, по указанію самаго князя Черкаскаго, который объявилъ хану черезъ астраханскихъ юртовскихъ Татаръ, Измаила-Мурзу и Куза-Була, что онъ только съ ними вступитъ въ переговоры. Ширгазы изъявилъ на это согласіе, и въ удостовѣреніе того, что Хивинцы напали на лагерь Русскихъ безъ его приказанія, наказалъ двухъ изъ нихъ, въ присутствіи нашихъ посланныхъ, приказавъ продернуть одному черезъ ноздри, а другому — черезъ ухо тонкія веревки и водить ихъ на показъ передъ лагеремъ.

Довѣрясь вѣроломнымъ обѣщаніямъ Хивинцевъ, князь Черкаскій, вмѣстѣ съ княземъ Замановымъ, отправился, подъ прикрытіемъ 700 человѣкъ драгунъ и казаковъ къ хану Ширгазы, поручивъ начальство надъ оставшимися войсками маіору Франкебергу.

Лишь только князь Черкаскій прибылъ въ непріятельскій лагерь, гдѣ ему былъ приготовленъ шатеръ, разстояніемъ въ 250 саженяхъ отъ ханскаго, какъ Хивинцы расположились такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ болѣе

соединиться съ войсками, оставшимися подъ начальствомъ маіора Франкеберга.

Ширгазы, не принявъ князя Черкаскаго, сдѣлалъ переходъ въ 10 верстъ, по направленію къ Хивѣ, и только на другой день пригласилъ его къ себѣ, вмѣстѣ съ княземъ Замановымъ. Свиданіе ихъ продолжалось нѣсколько часовъ, впродолженіи которыхъ были представлены хану грамота и подарки. Подарки эти въ тотъ-же день были возвращены ханомъ, который велѣлъ сказать, что въ грамотѣ всѣ вещи показаны цѣлыми, а поднесенныя ему разорваны на куски, каждый въ пять аршинъ. Князь Черкаскій сильно сѣтовалъ за подобный безпорядокъ на князя Заманова, завѣдывавшаго подарками; на что сей послѣдній отвѣчалъ, что онъ допустилъ такую экономію, дабы имѣть средства къ возвращенію на Уралъ [1]).

Слѣдующіе два дня послѣ свиданія князя Черкаскаго съ Ширгазы, хивинское войско находилось въ движеніи, по направленію къ Хивѣ и остановилось у рѣчки Порсу Сунгулъ.

Князь Черкаскій, съ своимъ прикрытіемъ, слѣдовалъ среди Хивинцевъ. Хотя маіоръ Франкебергъ расположился отъ непріятельскаго лагеря только въ двухъ верстахъ, но Хивинцы строго наблюдали, чтобы ввѣренный ему отрядъ никоимъ образомъ не соединился съ прикрытіемъ князя Черкаскаго.

На другой день, по прибытіи на р. Порсу-Сунгулъ, хивинскій ханъ объявилъ чрезъ своихъ приближенныхъ, что такъ какъ онъ своего отряда въ одномъ мѣстѣ продовольствовать не можетъ, то предлагаетъ раздѣлить его на

[1]) Изложенное здѣсь о подаркахъ основано на показаніяхъ нѣсколькихъ лицъ. Уральскій-же казакъ, Татаринъ Уразметъ Ахметьевъ, находившійся въ числѣ 700 чел., взятыхъ княземъ Черкаскимъ при отправленіи въ хивинскій лагерь, показываетъ, что хивинскій ханъ возвратилъ только подарки, поднесенные ему отъ имени князя Черкаскаго, подарки-же, представленные отъ государя, принялъ.

пять частей, которыя и поставить по квартирамъ въ пяти городахъ.

Князь Черкаскій довѣрился этому вѣроломному предложенію и, удержавъ при себѣ 200 чел., остальныхъ, находившихся при немъ драгунъ и казаковъ, раздѣлилъ на 4 части. Въ то-же время онъ послалъ приказаніе черезъ дворянина Званскаго и маіору Франкебергу о раздѣленіи ввѣреннаго ему отряда на 5 частей. Не довѣряя словамъ Званскаго, маіоръ Франкебергъ отправился самъ къ князю Черкаскому, чтобы лично удостовѣриться въ дѣйствительности приказанія. Къ сожалѣнію князь Черкаскій подтвердилъ слова Званскаго и раздѣленіе отряда на части было сигналомъ къ его истребленію. Части, составлявшія отрядъ маіора Франкеберга, были уничтожены спустя нѣсколько часовъ по ихъ раздѣленіи, когда ихъ едва только успѣли отвести на нѣсколько верстъ отъ лагернаго мѣста, по разнымъ направленіямъ. Части-же, составлявшія прикрытіе князя Черкаскаго, были уничтожены на другой день. На каждаго изъ Русскихъ нападало не менѣе трехъ Хивинцевъ, которые защищавшихся рубили, а не оказывавшихъ сопротивленія вязали.

Едва князь Черкаскій былъ лишенъ защитниковъ, ханъ Ширгазы тотчасъ-же приказалъ казнить: сперва дворянина Экономова, а накопецъ и самаго князя Черкаскаго, упрекавшаго хана въ вѣроломствѣ. Первымъ двумъ отрубили просто головы, а князя Черкаскаго раздѣли прежде до нага, а потомъ отрубили голову, причемъ распороли и животъ. Отрубленныя у этихъ трехъ жертвъ головы были отосланы въ Хиву, и повѣшаны у Аидарскихъ воротъ на висѣлицѣ.

Въ числѣ лицъ, съ коихъ сняты были показанія, только двое было Русскихъ, а остальные—Татары. Изъ показаній сихъ послѣднихъ видно:

1) что братья князя Черкаскаго были отпущены хивинскимъ ханомъ невредимыми.

2) что почти всѣ магометане, находившіеся при отрядѣ

и обреченные уже на казнь, были прощены по ходатайству старшаго духовнаго лица въ Хивѣ; и

3) что спасшіеся Татары встрѣчали въ Хивѣ и на дорогѣ только однихъ молодыхъ солдатъ, коихъ вели связанными. Это послѣднее обстоятельство даетъ поводъ заключить, что всѣ офицеры и дворяне, а также старые солдаты, оказавшіе сопротивленіе, погибли подъ ударами Хивинцевъ.

По полученіи извѣстія о гибели отряда князя Черкаскаго, велѣно было крѣпость Св. Петра, т. е. построенную въ Тюкъ-Караганѣ, удерживать до послѣдней крайности. Въ этой крѣпости находилось 11 пушекъ: 3 мѣдныя, 8 чугунныхъ, а гарнизонъ ея, въ концѣ ноября 1717 года, состоялъ изъ 597 чел. Для полученія воды рыли черезъ каждые три дня новые колодцы, а старые засыпали, потому что вода въ нихъ дѣлалась негодною къ употребленію.

Что касается до Красноводской крѣпости, то извѣстно только одно, что хивинскій ханъ, не довольствуясь истребленіемъ отряда князя Черкаскаго, подстрекалъ Туркменъ атаковать эту крѣпость. Ограничившись сначала въ августѣ мѣсяцѣ нападеніемъ на команду, высланную за дровами,— причемъ были взяты въ плѣнъ 20 чел.—, Туркмены впослѣдствіи, въ сентябрѣ, подступили къ самой крѣпости съ моря и съ сухаго пути, и ворвались въ нее. Хотя они были оттуда вытѣснены, однако на мѣстномъ военномъ совѣтѣ было рѣшено оставить крѣпость, изъ которой гарнизонъ, (численность его неизвѣстна), и отправился 3-го октября 1717 года на 13-ти судахъ подъ начальствомъ полковника Фандербидена. По выходѣ въ море, эскадра эта претерпѣла сильную бурю, разогнавшую всѣ суда, изъ коихъ одна буса погибла, но люди бо́льшею частію спасены. Изъ этихъ судовъ: три бусы съ 400 чел. зимовали въ низовой; нѣсколько офицеровъ и солдатъ, находившихся на двухъ бусахъ, разбитыхъ у устья р. Куры, зимовали на урочищѣ Бермакъ; полковника Фандербидена, съ 5-ю судами, отбросило

въ Баку, и наконецъ около Гилянь разбило одну шняву и одну бусу.

Астраханскій оберъ-комендантъ, бывъ увѣдомленъ о гибельномъ положеніи гарнизона, оставившаго Красноводскую крѣпость, сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи ему продовольствія и судовъ къ переѣзду въ Астрахань. Сколько-же изъ этихъ несчастныхъ возвратилось въ отечество, о томъ въ дѣлѣ свѣдѣнія не находится.

Независимо отъ предметовъ, относящихся собственно до экспедиціи князя Черкаскаго, въ найденномъ дѣлѣ заключаются также слѣдующія свѣдѣнія:

1) Показаніе, снятое съ нѣкоего Андрея Семенова, находившагося при купцѣ Малинковѣ, который ѣздилъ, въ концѣ XVII столѣтія въ Персію и Индію съ разными товарами, снабженный отъ посольскаго приказа грамотами и подарками къ шаху персидскому и моголу индійскому. Показаніе это не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что Малинковъ, употребивъ на поѣздку пять лѣтъ, умеръ на обратномъ пути въ Шемахѣ а всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о Персіи и Индіи пропали.

Путь его слѣдованія былъ слѣдующій: изъ Астрахани моремъ къ Низовой пристани; оттуда сухимъ путемъ чрезъ Шемаху въ Испагань и Бендеръ-Абасъ; изъ этого послѣдняго водою въ Бендеръ-Суротъ, а оттуда въ Бурайпуръ, гдѣ расположено было въ лагерѣ около 60,000 чел. подъ предводительствомъ могола индійскаго. Изъ Бурайпура Малинковъ отправился въ Агру, (Акъ-Паработъ тожъ), а оттуда въ Шаму-Набомъ или Дили. Изъ этого города онъ ѣздилъ въ деревню Хуржи. Закупивъ тамъ разные товары, возратился опять въ Агру, откуда чрезъ Бендеръ-Суратъ отправился тѣмъ-же путемъ въ Шемаху, гдѣ умеръ.

Моголъ индійскій, имѣвшій, по словамъ Андрея Семенова, около 100 лѣтъ, взамѣнъ привезенныхъ ему подарковъ, послалъ съ Малинковымъ небольшаго слона. Былъ-ли доставленъ этотъ слонъ въ Россію, изъ дѣла не видно.

Купецъ Малинковъ нѣсколько разъ былъ приглашаемъ для объясненія съ шахомъ персидскимъ и моголомъ индійскимъ.

2) Распоряженіе объ отправленіи подполковника Волынскаго, назначеннаго посломъ въ Персію, изъ Астрахани къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря безъ задержанія, не взирая на большую потребность судовъ для экспедиціи князя Черкаскаго.

3) Указъ Петра I отъ 10-го мая 1716 года о ласковомъ пріемѣ бухарскаго посла, удержаніи его до возращенія государя изъ-за границы и сообщеніи князю Черкаскому цѣли, съ которою онъ присланъ, и

4) Донесеніе, въ концѣ 1717 года, правительствующему сенату казанскаго губернатора о намѣреніи кубанскаго хана Баты-Гирея идти на грабежъ къ Саратову и Астрахани вмѣстѣ съ Кубанцами и жителями Терека. Казанскій губернаторъ предупреждалъ, что если полученное имъ свѣдѣніе о намѣреніи Баты-Гирея окажется справедливымъ, то онъ не отвѣчаетъ за охраненіе ввѣреннаго ему края, въ которомъ, за откомандированіемъ полковъ для экспедиціи князя Черкаскаго, осталось мало войскъ, въ особенности-же въ Астрахани, гдѣ малочисленный гарнизонъ безсмѣнно содержалъ караулы. Изъ дѣла не видно, какія были сдѣланы распоряженія вслѣдствіе такого донесенія.

О КАРАВАННОЙ ДОРОГѢ

изъ Мангышлака въ Хиву.

И. Ѳ. Бларамбергъ, въ своемъ топографическомъ и статистическомъ описаніи восточнаго берега Каспійскаго моря [1]), говоритъ, между прочимъ, о четырехъ караванныхъ дорогахъ отъ восточнаго и сѣверно-восточнаго береговъ Каспія въ Хиву: — 1) Мангышлакской, 2) Сары-Камышъ-Іольской (отъ Балханскаго залива) 3) Дегели-Іольской (съ полуострова Дарджи) и 4) Орта-Куй-Іольской (отъ южнаго берега Хивинскаго залива). Послѣднимъ тремъ изъ нихъ помѣщены довольно подробные дорожники; о первой-же Мангышлакской — сказано только, что караваны употребляютъ на слѣдованіе ею 29 дней, что дорога эта безлѣсна, и что черезъ одинъ или два перехода встрѣчаются по ней колодцы съ болѣе или менѣе прѣсною водою. Между-тѣмъ дорога эта имѣетъ въ настоящее время несравненно большее значеніе передъ другими поименованными: ею собственно производятся торговыя сношенія наши съ среднею Азіею черезъ Астрахань, тогда какъ остальные пути имѣютъ пока только личное значеніе для прибрежныхъ Туркменъ, отправляющихся по онымъ въ Хиву, для закупа разныхъ потребностей.

Вотъ тѣ свѣдѣнія о Мангышлакской дорогѣ, которыя я имѣлъ случай получить въ пребываніе мое на Мангышлакскомъ полуостровѣ, лѣтомъ, 1859 г.

---

[1]) Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. IV.

1) Отъ Мангышлака до Канга около двухъ дней пути. Водою запасаются въ Мангышлакѣ. Почва земли каменистая. Вправо и влѣво горы средней величины (Канга-Баба), въ горахъ есть лѣсъ и пастбища.

2) Отъ Канга до Баки-Худука 4 дня пути. Воду берутъ на часть дороги въ Канга и затѣмъ достаютъ ее изъ колодцевъ, вырываемыхъ по всему пути, на глубинѣ не болѣе 3 саженъ; вода въ нихъ вездѣ хорошихъ качествъ. Почва твердая и холмистая. Травы вообще хорошіе. На всемъ протяженіи растетъ кустарникъ.

3) Отъ Баки-Худука до Буръ-Худука день пути. Дорога ровная и песчаная. Колодцы роются на 5 саженяхъ глубины. Травы хорошія. Съ этого перехода начинается саксауловый кустарникъ, замѣняющій дрова.

4) Отъ Буръ-Худука до Сенгека или до Бишъ-Оглу день пути. Дорога ровная и песчаная. Колодцы роются на глубинѣ 2 или 3 саж. Вода прекрасная. Травы тоже. Саксаулу много.

5) Отъ Сенгека или отъ Бишъ-Оглу до Сай - Худука 2 дня пути. Водою запасаются въ Бишъ-Оглу; большіе караваны берутъ ее сверхъ того изъ колодцевъ по сторонамъ дороги. Почва ровная известковая и мѣстами каменистая. Травы хорошія. Саксаулу достаточно.

6) Отъ Сай-Худука до Каракынъ, или все тоже, до Кара-Худука три дня пути. Водою запасаются въ Сай - Худукѣ. Колодцевъ по дорогѣ нѣтъ. Почва каменистая. По обѣимъ сторонамъ дороги голыя, каменистыя, довольно высокія горы, называемыя Караакынъ, видимыя еще изъ Бишъ-Оглу Травы дурныхъ качествъ и въ небольшомъ количествѣ. Саксаулу вовсе нѣтъ. Вмѣсто дровъ употребляютъ кустарникъ іокшанъ и кизякъ. Вода Худука или колодца Каракынскаго соленаго вкуса и вредна людямъ, но животныя ее пьютъ охотно. Поэтому караваны запасаются достаточнымъ для людей количествомъ воды въ Сай-Худукѣ.

По выходѣ изъ Каракына идетъ подъемъ на Кыръ-Дагъ, гору высокую и крутую:

7) Отъ Кыръ-Дага до Эль-Таджа 4 дня пути. Колодцы по сторонамъ дороги, на всемъ переходѣ не ближе какъ верстахъ въ 5, 7 и 10 въ сторону, и нѣкоторые на 20 саж. глубины, но вода хорошая. Почва земли твердая. Мѣстность отсюда вплоть до хивинскихъ границъ идетъ совершенно ровная. Травы хорошихъ качествъ; саксаулу много.

8) Отъ Эль-Таджа до Табынь-Худука 4 дня пути. Водою запасаются для людей въ Эль-Таджѣ. Колодцевъ ни на дорогѣ, ни по сторонамъ нѣтъ. Верблюды и лошади идутъ безъ воды до Табынь-Худука. Почва земли твердая и мѣстами каменистая. Травы и саксаулъ находятся по всей дорогѣ. Никто не кочуетъ здѣсь ни зимою, ни лѣтомъ.

9) Отъ Табынь-Худука до Айбугыра 4 дня пути. Водою запасаются въ Табынь-Худукѣ. Колодцевъ также нѣтъ ни на дорогѣ, ни по сторонамъ. Почва твердая и совершенно ровная, травы и саксаулъ растутъ вдоль всей дороги. Никто и здѣсь не кочуетъ ни зимою, ни лѣтомъ.

Отъ Айбугыра караванная дорога идетъ хивинскими владѣніями, сначала кочевьями Туркменъ, потомъ Каракалпаковъ и наконецъ черезъ различные хивинскіе города. Отъ Айбугыра путь караванный хорошъ повсюду.

10) Отъ Айбугыра до г. Стараго-Ургенча 3 дня пути.

11) Отъ Стараго-Ургенча до Ташъ-Гауза два дня.

12) Отъ Ташъ-Гауза до Хивы на Шаватъ и Казаватъ 3 дня пути.

Означенные пункты: Бакп-Худукъ, Буръ-Худукъ, Сингекъ и Бишъ-Оглу, Сай-Худукъ, Каракынъ, Эль-Таджъ и Табынь-Худукъ—обозначаютъ большіе колодцы, у которыхъ, по изобилію воды, караваны останавливаются. Изъ нихъ

особенно привольны Сенгекъ и Бишъ-Оглу, почему караваны отдыхаютъ тутъ обыкновенно дня по два.

Переходы разсчитаны съ отдыхами.

Дожди по описанному пути согласно показаніямъ возчиковъ, бываютъ нерѣдко, въ особенности-же на переходахъ до Буръ-Худука и до Бишъ-Оглу, такъ что дождевая вода замѣняетъ иногда колодезную.

НѢСКОЛЬКО ДОРОЖНИКОВЪ

черезъ наши киргизскія степи въ среднюю Азію и между Бухарой, Кокаромъ, Шехри-Сябзомъ, Чарджуемъ, Ташкентомъ и пр.

ОТЪ ОРЕНБУРГА ДО БЫВШАГО ЭМБЕНСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ.

	Число верстъ.	
Отъ Оренбурга по Бердяно-Куралинской линіи до озера Караваннаго.		
Форпостъ Половинный или Рудниковскій. . . . . (р. Бердянка)	20	Вода въ р. Бердянкѣ во время лѣта бываетъ солоноватая.
Форпостъ Ханскій . . . . . (р. Бердянка)	28	На этомъ переходѣ встрѣчаются 2 форпоста: Бердянскій и Красноярскій; первый отъ Половиннаго въ 9-ти, а послѣдній въ 18-ти верстахъ.
Озеро Караванное (въ долинѣ р. Илека)	42	Въ 7-ми верстахъ отъ Ханскаго встрѣчается форпостъ Озерной. Переходъ чрезъ водораздѣлъ рр. Куралы-Бердянки и переправа чрезъ р. Итъ-Чашканъ.
Отъ озера—Караваннаго до бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія.		
Озеро въ долинѣ р. Илека . .	35	На этомъ переходѣ четыре переправы чрезъ рр Акбулакъ, Чигиръ-Чинъ, Якши Карабутакъ и около ночлега черезъ р безымянную.
Озеро въ долинѣ р. Илека . . (на правой сторонѣ).	33	Переправа чрезъ 3 рѣчки: Ямань-Карабутакъ, Сабзы-Карабутакъ и Куралы.
Р. Илекъ на лѣвой сторонѣ при устьѣ р. Тангра-Бергеня . . .	30	Переправа чрезъ р. Аще-Сай, а при самомъ ночлегѣ чрезъ Илекъ.
Р. Илекъ (на лѣвой сторонѣ противъ горы Акъ-Тюби)	40	На этомъ переходѣ переправа черезъ рр. Курайли, оврагъ того же названія, Ямань-Курайли и устья Джаничке и Сазды.

	Число верстъ.	
		Съ правой стороны въ этомъ мѣстѣ въ р Илекъ впадаетъ р. Якши-Каргала, обильная своими лугами и доставляющая хорошія зимовыя мѣста для Киргизъ изъ средней части Орды.
Р. Илекъ (урочище Бишъ-Тамакъ)	26	Мѣсто весьма удобное для дневки. Урочище Бишъ-Тамакъ носитъ названіе отъ соединенія пяти рѣчекъ: Тамбы, Исенъ-Батарь, Таванталь, Чіили и Сенбая, а по изобилію своему въ травахъ и удобству зимовокъ извѣстно почти всей Малой Ордѣ.
Р. Исенбай	34	На этомъ переходѣ встрѣчаются четыре рѣчки: Батпакты, Стокъ-Су, Талбы и Янгизъ-Агагъ.
Р. Тикъ-Темиръ (урочище Бурма)	30	Переходъ чрезъ водораздѣлъ рр. Илека и Тикъ-Темира.
Р. Тикъ-Темиръ	30	На переходѣ встрѣчается р. Чійли.
Устье рѣчки Кульдененъ-Темира (на лѣвой сторонѣ)	32	На этомъ переходѣ переправы: черезъ р. Тулганай, на которой былъ осмотрѣнъ пунктъ для укрѣпленія полковникомъ Бларамбергомъ въ 1846 году, и при самомъ ночлегѣ чрезъ р. Кульдененъ-Темиръ.
Озеро Тагалы и Куйгунъ-куль (на плоской возвышенности между рѣкъ Темира и Эмбы)	22	
Р Умба (около могилъ Бетьходжа	27	Въ 1846 году бывшимъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Обручевымъ, предполагалось вы-

	Число верстъ.	
		строить на этомъ мѣстѣ укрѣпленіе. Обозрѣніе пункта было возложено на полковника Бларамберга.
Бывшее укр. Эмбенское (р. Аты-Джаксы.)	23	Переправа чрезъ р. Эмбу.
Всѣхъ переходовъ 15, а верстъ . . .	452	Укрѣпленіе Эмбенское было возведено въ 1839 году полковникомъ Жемчужниковымъ.

ОТЪ БЫВШАГО ЭМБЕНСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ, ЗАПАДНЫМЪ БЕРЕГОМЪ [1]) АРАЛЬСКАГО МОРЯ, ДО Г. ХИВЫ.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Отъ бывшаго укр. Эмбенскаго до р Аты-Джаксы . . . . . (на правой сторонѣ при устьѣ Коклекты).	22	Переправа въ бродъ черезъ рѣчку Аты-Джаксы въ двухъ мѣстахъ послѣднее у самаго ночлега. Кормъ плохой.
Родникъ Джанды (на правой сторонѣ)	31	Корму очень мало.
Родн. у горы Намазъ Тау . .	23	
Родн. пройдя гору Караче Тау.	36	
Род. Чеганъ (на правомъ берегу противъ горы Ходжа-Бергенъ)	28	Кормъ порядочный; р. Чеганъ течетъ плесами.
Р. Чеганъ	26	
Родн. Ачутасты (на Усть Уртѣ)	26	При выступленіи съ ночлега переправа чрезъ р Чеганъ; далѣе подъемъ на Усть-Уртъ, удобный для телѣгъ.
Копани Соръ-Кудукъ (Куль-Кудукъ)	40	Воды достаточно, корму мало.
Уроч. Тюбя-Кудукъ	39	Воды въ прѣсныхъ коп. достаточно, кормъ порядочный.
Пески Исенъ-Чагыль	15	

[1]) О пути вдоль восточнаго берега имѣются слѣдующія свѣдѣнія:
От Косъ-Арала до устья Кувана—2 дня ѣзды Воды на протяженіи пути нѣтъ.
» » до залива Учь-Уткуль—1 день ѣзды. Вода горькая.
» » » » Кунай тоже
» » » » Бусай тоже } Вода въ копаняхъ.
» » » колодцевъ Биктау тоже
» » » залива Акъ-Сага—1 день, при скорой ѣздѣ.
Отсюда до г. Кипчака 6 дней ходу.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Уроч. Каска-Джуль (на берегу Аральскаго моря)	36	Копани внизу подъ Усть-Уртомъ, спускъ къ нимъ удобенъ. Переходъ этотъ необходимо сдѣлать съ приваломъ на половинѣ разстоянія, и для этого, если можно запастись водою на ур. Каска-Джуль.
Роди. Акты-Кенды-Ауліе . .	38	Спускъ съ Усть-Урта къ род. Акты-Кенды не очень затруднителенъ. Корму почти нѣтъ.
Родн. Акъ-Булакъ	33	Здѣсь два удобные спуска къ роднику, корму нѣтъ.
Развалины Давлетъ Гирея . .	42	Спускъ къ водѣ довольно крутъ; на самомъ берегу подъ Усть-Уртомъ мѣстами имѣется кормъ. Топлива по всему Усть Урту довольно.
Родникъ-Каска	50	Спускъ къ роднику удобенъ. Корму очень мало. На половинѣ разстоянія необходимо сдѣлать привалъ.
Уроч. Аджибай Аксуатъ . . .	40	Спускъ къ заливу Ар. моря удобенъ, вода въ немъ прѣсная. Корму нѣтъ.
Уроч. Кара-Гумбетъ	34	Здѣсь удобный спускъ съ Усть-Урта. Вода въ озерѣ Ай-Бугирскомъ прѣсная, корму мало.
Ночлегъ на берегу озера Ай-Бугирскаго	31	Корму нѣтъ.
Тоже	28	Тоже.
Тоже	28	Тоже.
Ночлегъ на берегу залива Акъ-Чеганакъ	24	

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Ночлегъ на берегу озера Ай-Бугирскаго	28	На 26 верстъ удобный спускъ Ай-Бугиръ.
Бывшее укр. Кызъ-Кала . . .	38	Вода проводится изъ канавъ, соединяющихъ укр. съ озер. Ай-Бугирскимъ. Корму. нѣтъ.
Городъ Куня-Ургенчъ	28	
Ханскій домъ Чербакъ . . .	38	Въ 4 верстахъ отъ г. Куня-Ургенча переправа въ бродъ чрезъ протокъ Саркраукъ.
Городъ Ильалы (Джеланды). .	30	
Городъ Ташаусъ	28	
Городъ Амбаръ	19	
Городъ Шахъ-Абатъ	14	
Городъ Хива	29	
Всѣхъ переходовъ 30, а верстъ . . .	1395	

ОТЪ БУХАРЫ ДО КОКАНА, ЧАРДЖУЯ, ШЕХРИ-СЯБЗА, ГИССАРА, ДЖИЗАХА И ТАШКЕНТА.

Къ показанію плѣннаго Суворова.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе Сары-Пуль	18	На рѣкѣ Зарьавшанѣ. дорога ровная.
— Арабъ-Хане	45	
— Джуасъ-Хане . . .	35	
— Зеяддинъ	40	
Городокъ Катта-Курганъ . . .	32	
Селеніе Дабедъ	28	
Урочище Сасыкъ-Булакъ . . .	32	Вода здѣсь изъ ключей, мѣсто гористое и здѣсь кочуютъ Киргизы.
Городокъ Янги-Курганъ (Сайбы)	32	
Городокъ Джизахъ	32	Вода изъ ключей.
— Пишагаръ	36	Вода изъ ключей.
Коканскій городъ Заминъ . .	24	Вода изъ ключей.
Раззоренный Караванъ-Сарай Саватъ.	32	Вода изъ ключей.
Крѣпость Ура-Тюпе	40	
Итого верстъ . .	426	
Переходовъ .	13	

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе Читтарыкъ	36	Вода изъ ключей.
Селеніе Акъ-Су	32	На рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Сыръ.
Рѣка Сыръ	24	
Караулка Тангы, въ ущельи между горами и р. Сыромъ	24	Весь переходъ идетъ по р. Сыру.
Г. Ходжендъ.	20	Переправа въ бродъ черезъ небольшую рѣчку.
Итого верстъ . .	136	
Переходовъ .	5	
Селеніе Каракъ-Чикумъ . . .	32	Не въ далекѣ отъ р. Сыра.
Городъ Мегремъ	28	На небольшой рѣкѣ.
Городокъ Коны-Бодомъ	36	Вода изъ ручья.
— Бишъ-Арыкъ . . .	28	Тоже.
Г. Коканъ.	20	
Итого верстъ . .	144	
Переходовъ .	5	
А всего верстъ . . .	706	
Переходовъ .	23	
Отъ Бухары до Чарджуя.		
Селеніе Шаръ-Исламъ . . .	24	Дорога ровная, вода изъ Зарьавшанской канавы.
Городокъ Каракуль	32	На рукавѣ Зарьавшана.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Колодецъ въ пескахъ Кызылъ-Кумъ	36	
Селеніе Дангизъ на окраинѣ песковъ	28	Вода изъ канавы, проведенной изъ Аму.
Р. Аму противъ Чарджуя . .	32	
Итого верстъ . .	152	
Переходовъ .	6	
Отъ Бухары до Шехри-Сябза.		
Уроч. Читтарыкъ близь селенія. Зераватъ-Маалля	16	Дорога ровная, — вода изъ Зарьавшанской канавы; на переходѣ встрѣчаются черезъ канавы три мостика и одинъ въ Читтарыкѣ.
Сарай-Караулъ	24	Дорога идетъ по пескамъ и черезъ небольшія кремнистыя горы; вода изъ 5-ти колодцевъ—горькая.
Городокъ Ходжа-Муоракъ . .	48	Дорога ровная, городокъ стоитъ на канавѣ, проведенной изъ той рѣки, которая идетъ черезъ Карши и Шехри-Сябзъ.
Селеніе Косонъ	24	Дорога ровная, селеніе стоитъ на вершинѣ той канавы, которая идетъ черезъ Ходжа Муоракъ.
Городъ Карши	32	На Ш.-Сябзской рѣкѣ, имѣющей здѣсь до 25 саж. ширины — вода хорошая.
Гора Кара-Купуръ	8	Вода проведена изъ Ш.-Сябзской рѣки.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Урочище Кара-Тепа	40	Здѣсь кочуютъ Киргизы, вода изъ канавы, проведенной изъ Ш.-Сябзской рѣки.
Городокъ Чиракчи	32	По дорогѣ встрѣчаются небольшіе овраги; городъ стоитъ на правой сторонѣ Ш.-Сябзской рѣки.
Г. Шехри-Сябзъ	24	На половинѣ перехода переправа въ бродъ черезъ Ш.-Сябзскую рѣку, по грудь лошади.
Итого верстъ . .	248	
Переходовъ .	9	
От Шехри-Сябза до Гиссара.		
Ялъ-Кобакъ городокъ	24	Дорога ровная, — вода изъ горной рѣки.
Городокъ Гузаръ	32	На ключахъ, — дорога ровная.
Узбекское селеніе Дейнау . .	40	Дорога ровная, на ключѣ, вытекающемъ изъ горъ Юрчи.
Башъ-Гиссаръ (предмѣстіе Гиссара)	40	Дорога ровная.
Итого верстъ . .	136	
Переходовъ .	4	

Здѣсь до Гиссара показана дорога кружная; если-же слѣдовать съ одними конными и верблюжьими вьюками, безъ повозокъ, то къ Гиссару слѣдуютъ по горной дорогѣ черезъ снѣговыя горы въ три дня: сначала по долинѣ Улачъ на городокъ того-же имени, лежащій въ снѣговыхъ горахъ, на разстояніи 40 верстъ. Отсюда перевалъ черезъ снѣговыя горы и потомъ спускъ къ Гиссарской рѣкѣ, къ г. Гиссару—32 версты.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Отъ Джизаха до Ташкента.		
1-й колодезъ Джизахъ-Сарай .	35	Здѣсь выстроенъ сарай, колодезь находится въ лощинѣ и, кромѣ своей воды, получаетъ воду отъ тающаго снѣга и дождей.
2-й колодезъ Олескеръ-Диванъ-Беги-Сардова	28	
3-й колодецъ Сангинъ-Сардова .	30	
4-й переходъ къ переправѣ черезъ р. Сыръ на высотѣ Ташкента	28	
Отъ рѣки-же Сыра до Ташкента считается два дня караваннаго ходу. По всему этому пути можно ѣздить и на арбахъ.		

ОТЪ БУХАРЫ ВЪ КОКАНЪ И ШЕХРИ-СЯБЗЪ.

Къ показанію плѣннаго Пшеничникова.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Городокъ Кунъ-Мачаръ. . . .	20	На канавѣ изъ Зарьавшана, имѣетъ много лавокъ; продается много сѣянной травы.
Селеніе Бустонъ	24	Вода та-же; бываетъ базаръ.
— Хомъ-Чербакъ . . .	20	Вода та-же; имѣетъ лавки; дорога до этого селенія ровная, но въ дождь очень грязная.
Чулъ-Мавикъ-Большой каменный сарай для каравановъ, имѣетъ лавочки или комнаты . . .	20	Вода изъ канавы, проведенной изъ Зарьавшана.
Сарай въ окрестностяхъ Керешне и въ 2-хъ верстахъ отъ сего города	25	Вода та-же.
Еще близь одной деревни въ .	30	Вода та-же.
Селеніе Таусъ	25	Вода та-же; имѣетъ лавки, дорога до Тауса гориста, но подъемы и спуски не высоки и не круты.
Базаръ.	30	Вода изъ ключа, впадающаго въ Зарьавшанъ. На базарѣ этомъ постоянныхъ жителей нѣтъ, а разъ въ недѣлю собираются сюда для торговли окрестные жители.
Городъ Катты-Курганъ, величиною въ половину Бухары . . .	35	На канавѣ изъ Зарьавшана.
На берегу Зарьавшана . . .	33	Здѣсь бываетъ разъ въ недѣлю базаръ, есть лавки, но жителей нѣтъ, на базарѣ продаютъ много сѣянной травы.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе Аббисіяхъ	37	На ключѣ того-же имени, вода очень хорошая; есть лавки и производится постоянная торговля.
Въ 1/2 верстѣ за Самаркандомъ .	40	Вода изъ Зарьавшана, дорога ровная.
Переправа на правую сторону Зарьавшана, въ бродъ по колѣно, а иногда и по грудь лошади.		
Г. Джизахъ	16	Дорога гористая, идетъ по ущелью вдоль берега ручья, текущаго черезъ Джизахъ; грунтъ дороги каменистый
Крѣпость Заминъ	40	Вода изъ ключа, дорога ровная; есть подножный кормъ, но мало.
Небольшая крѣпость Іомъ . .	20	На ключѣ дорога ровная.
Селеніе Саватъ	25	Вода изъ ключа, дорога ровная.
Кр. Ура-Тюпе	30	На ключѣ, дорога ровная.
Итого верстъ . .	460	
Переходовъ .	17	
От Ходжента:		
Городокъ Мягремъ	30	Вода изъ ключа, подножнаго корму много.
— Каракъ-Чикумъ . .	30	Вода изъ ключа, подножнаго корму много.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Городокъ Коны-Бодонъ, въ горахъ	28	Мѣста вездѣ ровныя Ширина Сыра доходитъ здѣсь до 150 сажень. Фарватеръ идетъ подъ правымъ берегомъ, у лѣваго-же очень мелко. Лѣсу нигдѣ нѣтъ по рѣкѣ, берега мѣстами песчаны.
Селеніе Бишъ-Арыкъ	28	Вода изъ ключей, дорога ровная, травы много.
Г. Кокан	6	
Итого верстъ . .	122	
Переходовъ .	5	
Отъ Бухары въ Шехри-Сябзъ.		
Небольшое селеніе Куракъ . .	20	Вода изъ канавы, идущей изъ Зарьявшана, трава сѣянная привозится изъ окрестныхъ деревень; дорога глинистая, но ровная.
Караулъ-Сарай	24	Подножнаго корму нѣтъ; дорога каменистая, встрѣчается на переходѣ высокая гора, на ночлегѣ есть три колодца, но вода въ нихъ соленая.
Кошъ-Сардова-Сарай	28	Дорога ровная, въ двухъ мѣстахъ есть пески, трава сѣянная — изъ окрестныхъ деревень; на ночлегѣ колодцы съ каменными сводами; въ колодцы стекаетъ снѣговая вода, которая въ жаркое время высыхаетъ.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Городокъ Ходжа-Муоракъ . .	32	Травы нѣтъ, дорога ровная, вода изъ Каршинской рѣки, на дорогѣ встрѣчаются 2 колодца и вырытый прудъ.
Селеніе Кипъ . . . . . :	32	Встрѣчается немного песковъ, дорога ровная, вода изъ Каршинской рѣки.
Г. Карши	24	Дорога ровная, подножнаго корму нѣтъ.
Уроч. Чимкатъ	30	Вода изъ 2 колодцевъ, пахнетъ тиною.
Уроч Кара-Тепя	30	4 колодца и вырытый прудъ; вода пахнетъ тиною и горька. Дорога ровная.
Городокъ Чиракчи	24	Дорога гориста и камениста, спуски круты; орудія спускаются на людяхъ; вода изъ Шехри Сябзской рѣки; рѣка эта запирается въ Шехри-Сябзѣ плотиной
Пистаханъ, разворенный городокъ	36	На Шехри-Сябзской рѣкѣ, дорога ровная
Городокъ Кавнашикъ	28	Дорога ровная. Вода изъ Шехри-Сябзской рѣки
Уроч. Кайнаръ	32	Дорога ровная, вода проведена изъ Шехри-Сябзской рѣки.
Городокъ Дува	28	На р. Дувѣ, впадающей въ Шехри-Сябзскую рѣку. Дорога гориста. (Дува отъ Самарканда семь ташей.)
Селеніе Ходжа-Канатты . . .	16	Вода изъ ключа и есть подножный кормъ; дорога ровная.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Ночлегъ у 2 горъ на р. Каймакъ-Тепя	24	Дорога ровная и переправа черезъ р. Каймакъ-Тепя въ бродъ, по грудь лошади. Впрочемъ рѣка эта по временамъ пересыхаетъ.
Муйноводъ	28	Дорога ровная, вода изъ ключей.
Шехри-Сябзъ	4	
Итого верстъ . .	440	
Переходовъ .	17	

ОТЪ БУХАРЫ ВЪ КОКАНЪ, ШЕХРИ-СЯБЗЪ И КЪ АМУ-ДАРЬѢ.

Къ показанію плѣннаго Федотова.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе Сары-Пуль	18	На Зарьявшанѣ, дорога ровная.
— Хишты	32	На канавѣ Рудъ, проведенной изъ Зарьявшана, — трава сѣянная (по-бухарски юнчка).
Не доходя селенія Арабъ-Хане .	48	На р. Карасу (вершина р. у Джизаха у Арабъ Хане, ее совсѣмъ разбираютъ по полямъ), вода хорошая; на переходѣ встрѣчаются небольшіе пески и одна гора, не высокая, но каменистая.
Селеніе Мазаръ-Хане	40	На р. Карасу. — дорога ровная.
— Джаусъ-Хане	48	На р Карасу, — дорога ровная.
— Карабальскъ	48	На ключѣ, впадающемъ въ Карасу—дорога ровная. Отъ Хишты и до Карабальска встрѣчается очень хорошій подножный кормъ.
Крѣпостца Яны-Курганъ . . .	48	На рѣчкѣ, образующейся изъ ручьевъ и текущей потомъ черезъ Джизахъ, дорога немного гориста и есть крутые спуски и подъемы, но орудія слѣдуютъ постоянно на на лошадяхъ.
Городъ и крѣпость Джизахъ .	24	Дорога постепенно подымается на высокія горы, подойдя - же къ Джизаху круто спускается къ этому городу; грунтъ дороги каменистый Горы идутъ по направленію къ Куратѣ, отстоящей отъ Джизаха въ 12 шагахъ. Вправо отъ Джи-

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
		заха (идя въ него изъ Бухары) ташей на 7, находится раззоренная эмиромъ кр. Пилогаръ, въ окрестностяхъ которой есть прекрасные кормы и развито хлѣбопашество.
Черезъ Заминъ въ кр. Іомъ	56	На ключѣ, дорога ровная. Въ Заминѣ проходишь ключь въ бродъ.
Городокъ Саватъ	24	На ключѣ, дорога ровная.
Крѣпость Ура-Тюбе	24	Вода изъ горной рѣчки, проходящей черезъ самую крѣпость. Подъ самой Ура-Тюбе встрѣчаются высокія горы, подъемы и спуски очень круты, такъ что необходимо тормозить орудія. Отъ Карабаныка и до Ура-Тюбе попадается на ночлегахъ прекрасный подножный кормъ, сохраняющійся до глубокой осени
Итого верстъ	410	
Переходовъ	11	
Ключь Акъ-Су	56	Дорога ровная и подножный кормъ есть вездѣ.
Крѣпость Янди-Курганъ	16	На рѣкѣ, вода совершенно бѣлая, молочная, но хорошаго вкуса; дорога ровная.
Городъ Ходжендъ	32	Дорога ровная. Не доходя 8 верстъ до города, надо проходить ущельемъ между горами и р. Сыромъ, шириною сажень въ 15. Городъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ.

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Крѣпость Карачимкумъ . .	40	Дорога ровная и идетъ по берегу Сыра.
— Махремъ-Курганъ. .	24	Вода изъ ключей, впадающихъ въ Сыръ; дорога ровная, идетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ р. Сыра
Крѣпостца Коны-Бодонъ . . .	32	На рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Сыръ. Дорога ровная и вездѣ по дорогѣ отъ самаго Ходженда есть прекрасный подножный кормъ.
Ночлегъ въ 32-хъ верстахъ отъ Коны-Бодона	32	Дорога песчаная съ гальками. Вода изъ Сыра, отстающаго отъ ночлега на 2 версты.
Г. Коканъ	32	Дорога ровная.
Итого верстъ . .	264	
Переходовъ .	8	
А всего верстъ . . .	674	
Переходовъ . .	19	

НАЗВАНІЕ НОЧЛЕГОВЪ.	Число верстъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
Селеніе, передъ входомъ въ пески	16	
Ночлегъ у озера по выходѣ изъ песковъ.	24	Шли песками, подпрягая подъ каждую пушку въ помощь лошадямъ по 100 человѣкъ. Въ озерѣ вода горькая, получали воду изъ канавы р. Аму.
Аму-Дарья	24	Расположились на рукавѣ Аму, ниже Черджуя, версты на четыре, рукавъ глубиною по поясъ человѣка и шириною 12—15 саж. Трава здѣсь сѣянная (по бухарски юрунка), жнутъ ее 2 и 3 раза въ годъ, а сѣютъ въ 5 лѣтъ одинъ разъ.
Итого верстъ . .	120	
Переходовъ .	5	
По разсказамъ Кабульцевъ, приходящихъ въ Бухару съ караванами, пространство отъ Карши до Аму-Дарьи они проходятъ въ 4 дня, отъ рѣки до Балха въ 2 дня и отъ Балха до перваго Кабульскаго города Ташъ-Кургана въ 4 дня.		

СВѢДѢНІЯ

о мѣстахъ расположенія Киргизскихъ родовъ Оренбургскаго края.

№	НАЗВАНІЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
	Западной части. области.	
1	Табынскій родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣкамъ, Чингирлау, Улентѣ, Чидертѣ, Калдыгайтѣ, Булдуртѣ, Хобдѣ, Кынлу, Ишъ-Кырылгану, Туманчу, Уилу, Якишбаю, Анкатѣ и на урочищахъ Канъ-киль, Томанъ-тамъ, Зимою противъ Илецкаго городка, форпостовъ: Затоннаго, Сухорѣчинскаго, Озерскаго, Ново-Илецкаго, Студеновскаго, Кожехаровскаго, Линевскаго, Бураннаго, Иртецкаго, Редутскаго, и при нѣкоторыхъ другихъ еще мѣстахъ Уральской линіи; также по рѣкамъ: Калдыгайтѣ, Чингирлау, Булдуртѣ, Хобдѣ и на вершинахъ р. Илека; наконецъ на урочищахъ Бувозлы, Созлы, Тамды, Кара-Тюбя и при озерѣ Тляулакуль.
2	Кирдеринскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Анкатѣ, Чидертѣ, Барбасъ-Тау и около озеръ Чалкаръ-Куль Уйректе-Куль. Зимою при Уральской линіи противъ форпостовъ; Рубежнаго, Абищенскаго, Кожехаровскаго, Гниловскаго, Кошъ-Уральскаго, Кругло-Озерскаго, Чегановскаго и противъ города Уральска.
3	Тиминскій родъ	Лѣтомъ по рѣкамъ Анкатѣ, Чидертѣ, Борбасъ-Тау, Улентѣ. Зимою при Уральской линіи противъ форпостовъ: Январцевскаго, Кирсановскаго, Кинделинскаго, Иртецскаго, Бородинскаго, Студенскаго и противъ Ранневскихъ хуторовъ.
4	Алачинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Калдыгайтѣ, Булдуртѣ, Яхшибаю, Киндектѣ, Карагачъ, Чибынтѣ, Кинджагаръ и Сагызъ-саю. Зимою при урочищахъ Байгутты, Суналы, Ярекамышъ, Янгасъ-Огачъ, на рѣкѣ Яхшибай и озерахъ Исентемиръ-куль и Битпакъ-куль и противъ Калмыковской крѣпости.

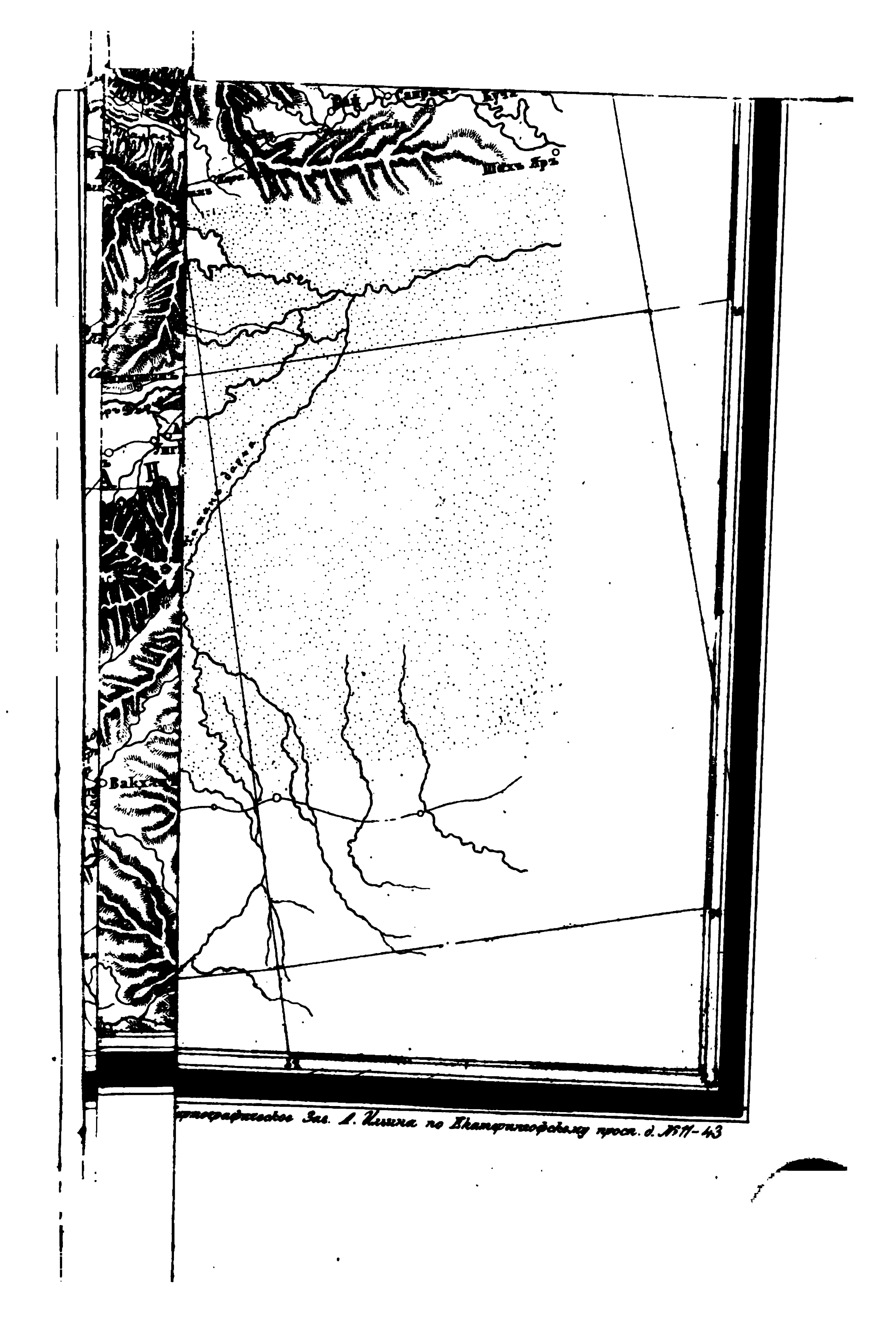
№	НАЗВАНІЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
5	Часть Танмова отдѣленія Чиклинскаго рода.	Лѣтомъ по рѣкамъ Яхшибаю, Калдыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою на озерѣ Сунали-куль.
6	Байба-Ктинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Калдыгайтѣ, Булдуртѣ, Улентѣ, Чидертѣ, Жиминтѣ, Кызыль-Агачу и Анкаты. Зимою на озерахъ Сональнкуль, Тузлы-куль и Сасыкъ-куль, также въ камышахъ, при устьѣ р. Уленты и при Уральской линіи противъ форпостовъ Абищенскаго и Горячинскаго.
7	Таминскій родъ	Лѣтомъ по рѣкамъ Булдуртѣ, Улентѣ и Анкаты. Зимою при Уральской линіи, начиная отъ Каршинскаго форпоста до Тополинской крѣпости; нѣкоторые-же изъ нихъ снимаютъ зимовки у другихъ Киргизовъ, съ платою, смотря по мѣстности.
8	Кызылкуртовъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Якшибаю, Джиканлы и на озерахъ Кось-куль. Зимою при Уральской линіи, противъ крѣпости Кулагинской и форпоста Гребенщиковскаго.
9	Маскарскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Якшибаю и Джиканлы и около озера Джите-куль. Зимою въ камышахъ Кара-Кулевскихъ.
10	Исыковъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Уилу, Кынлу, Калды-Гайтѣ, Булдуртѣ, на Джитекуль, Якшибаѣ и Ярмѣ. Зимою по рѣкамъ Уилу, Каракулю, Сагизу и Эмбѣ, по смежнымъ берегамъ и островамъ Каспійскаго моря, по пескамъ Тайсуганъ.
11	Черкесовъ родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Калдыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою, по берегамъ Каспійскаго моря, у Гурьева-городка.
12	Исентемировъ родъ.	Лѣтомъ на вершинѣ Уила, по рѣчкамъ Яхшибаю, Калдыгайтѣ и Булдуртѣ. Зимою въ камышахъ Карабау и Сарыкуль.

№	НАЗВАНІЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
13	Берчевъ родъ.	Лѣтомъ всѣ Киргизы Берчева рода проводятъ лѣто, начиная отъ устья р. Урала и направляя свои кочевки вверхъ по Уралу, доходятъ до Калмыковской крѣпости, а отсюда съ устья рѣки Якшибая до вершины оной по разнымъ притокамъ, по направленію къ Уилу, Каракулю и Карабау. Частью кочуютъ еще въ окрестностяхъ песковъ Атанакъ Кульмакъ. Зимою-же сосредоточиваются преимущественно при Уральской линіи противъ крѣпости Баксайской, форпостовъ: Яманхалинскаго, Кандауровскаго, Зеленскаго, Кармановскаго и при крѣпости Тополинской. Зимуютъ также на урочищахъ Карабавѣ и Каракулѣ.
14	Тазовъ родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣчкамъ Сагызу, Уилу и Якшибаю. Зимою при Уральской линіи, противъ Гурьева-городка, а нѣкоторые на урочищѣ Чанки и по берегу моря.
15	Китинскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Эмбѣ, Сагызу, Уилу, и на вершинахъ Хобды. Зимою по берегу моря, нѣкоторые въ пескахъ Тайсуйганъ.
16	Чиклинскаго рода Уджрайское отдѣленіе.	Лѣтомъ на вершинахъ рѣкъ Уила и Сагыза. Зимою по рѣкѣ Уилу, въ пескахъ Баркинъ-Кумѣ и по берегу моря.
17	Чумичли-Табынскій родъ.	Лѣтомъ, при рѣкахъ Эмбѣ и Сагызу, по Усть-Урту и въ пескахъ Самъ. Зимою за Усть-Уртомъ на мѣстѣ, называемомъ Учь-Авданъ, близь Хивинскихъ владѣній.
18	Адаевскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Эмбѣ, Сагызу, въ пескахъ Самъ на Усть-Уртѣ, и въ особенныхъ случаяхъ въ пескахъ Тайсуганъ. Зимою при морѣ на Бузачи, Караганѣ, Тюпъ-Актавѣ, Корошавѣ и на Карабау.

№	НАЗВАНІЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
	Средней части области.	
1	Чиклинскій родъ.	Лѣтомъ, по урочищамъ Большомъ и Маломъ Барсукахъ, на урочищѣ Кукъ-Аралъ, около Аральскаго моря, и на вершинахъ Эмбы. Зимою на урочищахъ Кукъ-Аралъ Кукъ-Тарнакъ и Куланды-Тюпъ. Отдѣленія-же этого рода, Чуреневское и Назаровское, кочуютъ лѣтомъ по притокамъ Большой и Малой Хобды по Читъ-Буртѣ, по урочищамъ Бишъ-Тамакѣ и Исенбаю. Зимою по Эмбѣ отъ урочища Кумярганъ-Домошлы-Исберъ.
2	Дюрткаринскій родъ.	Лѣтомъ и зимою по рѣкамъ Иргизу и Сыръ Дарьѣ, часть по берегамъ Аральскаго моря и въ Каракумахъ.
3	Чумекѣевскій родъ.	Лѣтомъ, по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ, Куванъ-Дарьѣ и Иргизу и на урочищахъ Тургаю и Каракуму. Зимою по рѣкамъ: Сыръ, Куванъ и Яна-Дарьямъ и въ пескахъ Кызылъ.
4	Табынскій родъ	Лѣтомъ, по рѣкамъ Илеку, Большой, Средней и Малой Хобдѣ, Кызылу, Убалы-Буртѣ, Вердянкѣ и Куралѣ. Зимою по рѣкамъ Илеку, Уралу и Хобдѣ.
5	Таминскій родъ.	Лѣтомъ и зимою кочуютъ смежно съ Табынцами.
6	Джагалбайлинскій родъ.	Лѣтомъ кочуетъ по рѣкамъ Тогузаку, Кызылъ-Чилику, Кара-Танлѣ, Камышлѣ, Тадкара-Аятъ, Дамдуру Бугутау Тагилы-Бутаку, Акъ-джару, Куяну, Ургану, Кутъ-Буяку, Кумаку, Тоболу, Кызылъ-Кайну, Мамутѣ, Уйсулъ-Карѣ, Ибейтѣ, Куагачу, Тираклѣ, Кусъ-Истыку, Каргалѣ и Чуртанлѣ. Зимою при рѣкахъ Имнейкѣ, Гумбейкѣ, Курасану, Сарымсаклу, Ярлу, Орм,

№	НАЗВАНІЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
	Восточной части области.	Буртѣ Арчаялы-Аятъ. Также противъ станицъ: Янгельской Сыртинской, Увельской, Кизильской, Орловской, Таналыцкой, Тереклинской, Кулпацкой, Губерлинской, Банной, Хабарной, Ильинской и Николаевской.
1	Аргынскій родъ.	Лѣтомъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ обоихъ Тургаевъ и притомъ вообще по всѣмъ тѣмъ рѣчкамъ, озерамъ и мѣстечкамъ; которыя лежатъ между рѣками, Тургаемъ и Тоболомъ, равно по всѣмъ таковымъ-же, впадающимъ въ рѣку Убаганъ съ лѣвой ея стороны. Зимою по рѣкамъ Тургаю и Убагану, на озерахъ Сары-копы, Карсакъ-башѣ, Каракулѣ, Сыисынѣ, Эбелею, Казанъ-Басы по займищамъ Суярганъ, Алкау, Каракулѣ и Якшибаю на урочищѣ Казанъ-башѣ; въ пескахъ Тосунѣ и при Аманъ-Карагайскомъ борѣ.
2	Тюмень-Китинскій родъ.	Лѣтомъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ обоихъ Тургаевъ и притомъ вообще по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ, озерамъ и мѣстечкамъ, которыя лежатъ между рѣками Тургаемъ, Тоболомъ; также по всѣмъ таковымъ-же, прилегающимъ къ рѣчкѣ Убагану съ лѣвой ея стороны. Зимою по рѣкамъ Убагану, Теректѣ и по Тургаямъ; при озерахъ Сексенбай, Копѣ, Ярманъ, Кары-Тубекъ, Каракамышъ, Соры-копы, Куюкъ, Чумеклы, Татембекѣ, Ускекопѣ, Большомъ Алакулѣ, Карыкамышѣ, Каракамышѣ, Балганѣ, Тюмебаѣ, Каурузумъ-Карагаѣ и Кармуюнѣ.
3	Кипчакскій родъ.	Лѣтомъ, по правую сторону рѣки Тобола, смежно съ Аргынцами. Также по озерамъ, лежащимъ между рѣками Тоболомъ, Чуртанды, Джилкуваромъ, Аятамъ и Тагузакамъ, равнымъ образомъ между старою и новою линіями, затѣмъ по рѣ-

№	НАЗВАНІЕ РОДОВЪ.	ЛѢТНІЯ И ЗИМНІЯ КОЧЕВЬЯ.
		камъ Сыръ-Дарьѣ. Джиланчикѣ и по Тургаямъ и около горы Каратау. Зимою по рѣкамъ Тоболу, Чуртанды, Джилкувару, Тогузакамъ, Кумсайгану, Сыръ-Дарьѣ и Джиланчику; при крѣпостяхъ Устьуйской, Петропавловской, при станицахъ Варваринской, до укрѣпленія Наслѣдника и въ окрестностяхъ Джулека до самаго Туркестана.
4	Кирейскій родъ	Лѣтомъ по рѣкамъ Тоболу, Убагану, смежно съ Аргынцами и Кипчаками. Зимою по рѣкамъ Тоболу и Убагану, отъ Устьуйской крѣпости до отряда Прорывнаго и до таковаго-же Озернаго и отъ послѣдняго до Алабужскаго, а также по озерамъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ нижней части рѣки Убагана, примѣрно въ 40 верстахъ отъ линіи.
5	Япаскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ, Тургаю, Тоболу и Аяту и между старою и новою линіями. Зимою по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, на камышахъ и займищахъ Кувана, между Акъ-мечетью (фортъ Перовскій) и могилой Куркута и на пескахъ Кара-Кумъ, смежно съ Кипчаками, а также между новою и старою линіями.
6	Алтынскій родъ.	Лѣтомъ по рѣкамъ Сыръ-Дарьѣ и Большому Тургаю, Тоболу, Улькояку, Каракой-Мамыту и по озерамъ Ургачу, Чанкѣ, Кандактѣ съ окрестностями. Зимою-же располагаются совмѣстно съ Япасцами по Сыръ-Дарьѣ, Кувану и на пескахъ Каракумскихъ, но преимущественно нѣсколько западнѣе, почти смежно съ упомянутыми выше Чумекѣевцами, принадлежащими къ Средней части.


Шехъ Яръ
ртографическое Зав. А. Ильина по Екатерингофскому просп. д. №11-43

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
WIDENER
MAY 0 1 1996
WIDENER
MAY 0 4 1996
CANCELLED
WIDENER
CANCELLED
WIDENER
SEP 1 0 2000
BOOK DUE
WIDENER
CANCELLED
HARVARD COLLEGE
CONSERVED
10-1998
LIBRARY